А. РАНОВИЧ

ЭЛЛИНИЗМ
И ЕГО ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ

Абрам Борисович Ранович

Эллинизм и его историческая роль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49868402
Эллинизм и его историческая роль:
ISBN 978-5-907189-81-2

Аннотация

Данная монография – не учебник, не справочник и не «история эллинизма». Задача автора была иная – исследовать закономерности истории эллинизма, определить место и значение в истории античного рабовладельческого общества, включить в общий закономерный процесс исторического развития народов древности. В этом смысле монография – труд философского и исторического характера, в которой много внимания уделено специальным вопросам, темам проблемного характера. Фактическая история эллинизма дана довольно систематически, и читатель сумеет получить ясное представление о последовательном ходе политической, экономической и культурной истории эллинизма.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

От автора 4
Глава I 7
Глава II 59
Глава III 131
Глава IV 189
Глава V 286
Глава VI 399
Глава VII 496
Заключение 587
Приложения 601
Список сокращений 601

А. Б. Ранович
Эллинизм и его историческая роль

От автора

Написанная мною монография «Эллинизм и его историческая роль» будет, надо полагать, обсуждена, товарищи дадут мне ценные и полезные указания, подвергнут строгой критике мои основные положения и конкретно-исторические выводы и тем самым помогут мне при подготовке рукописи к печати внести улучшения и поправки, устранить ошибки и недочеты.

Для облегчения труда критиков и рецензентов я хотел бы сделать лишь одно предварительное замечание. Моя монография – не учебник, не курс истории, не справочник и не «история эллинизма». Я не ставил себе задачи дать систематическое, полное изложение политической, экономической и культурной истории эллинизма. Моя задача была иная – исследовать закономерности истории эллинизма, определить место и значение эллинизма в истории античного рабовладельческого общества, включить эллинизм в общий закономерный процесс исторического развития народов древно-

сти. В этом смысле моя монография – труд столько же философского, сколько исторического характера. Я поэтому и не стремился к равномерности и полноте изложения; я уделил много внимания некоторым специальным вопросам, темам проблемного характера и ограничивался иной раз лишь суммарным изложением политической истории, не требующей специального теоретического исследования.

Понятно, моя монография основана на конкретном исследовании ведущих стран эллинистического мира; она, мне кажется, весьма далека от схематизма Белоха, Ростовцева, Кэрста и др. Хотя «аппарат» у меня довольно скупой (я ссылаюсь на источники только там, где я их прямо цитирую), но использовал я для своей работы очень большое количество источников, во всяком случае все доступные главные источники. Я поэтому позволяю себе надеяться, что мои выводы в основном правильны и что моя работа хоть немного, но все же двигает науку вперед – в этом смысл и цель всякого научного исследования. Именно с этой точки зрения я ожидаю от товарищей критики и помощи. А что касается подробного изложения событий и описания исторических явлений, скажем, правления Птолемея XIII или описания Фаросского маяка, читатель найдет это в соответствующих общих работах по истории эллинизма. Совершенно очевидно, что в работу объемом 20–22 листа нельзя включить весь материал истории эллинизма, и не в этом состояла моя задача, не в этом значение и смысл моей работы. Я посвятил всего несколь-

ко страниц истории Родоса или александрийской литературе; но я надеюсь, что вся работа в целом поможет специалисту, изучающему историю Родоса или эллинистической литературы, осмыслить правильно эту историю.

Фактическая история эллинизма у меня дана довольно систематически, и читатель сумеет получить довольно ясное представление о последовательном ходе политической, экономической и культурной истории эллинизма. Все же я допускаю, что некоторые дополнения, какие подскажут товарищи, были бы целесообразны с точки зрения большей ясности картины.

В частности, я подготовил главу о Пергаме и о Боспорском царстве, но не успел по болезни ее написать…

Основное мое пожелание – критиковать мою работу не с точки того, чего в ней нет, а с точки зрения того, что в ней есть, что она может дать нашей науке, нашему народу.

А. Ранович

Глава I
Основные проблемы истории эллинизма

История эллинизма мало привлекала историков, и до середины XIX в. она совершенно не была разработана. После великих достижений культуры Афинской рабовладельческой демократии V в., создавшей изумительные, до сих пор пленяющие нас произведения искусства, выдвинувшей гениальных философов, выдающихся государственных деятелей, непревзойденных мастеров художественного слова, вся последующая история Греции представлялась бледной, малосодержательной, не стоящей внимания. От обаятельной классической Греции историки предпочитали перейти к республиканскому Риму, в преданиях которого находили поучительные образцы гражданской доблести и военного искусства, и лишь бегло касались истории эллинизма. Только Александр Македонский, великий завоеватель, поразивший воображение не только современников, но и последующих поколений, занимал в истории античности подобающее место. Но при изучении истории Александра ограничивались констатированием факта, что после его смерти воздвигнутое им грандиозное сооружение рассыпалось.

К тому же недостаточность источников и трудность их

истолкования и согласования, чрезвычайная сложность политической истории эллинизма отпугивали исследователей, считавших слишком неблагодарной задачу распутывания клубка источников ради выяснения мало интересного периода истории, периода упадка и иссякания творческих сил греческого народа. У Нибура даже вырвалось пожелание: «чтобы земля разверзлась и поглотила всех македонцев».

Между тем эллинизм – целая эпоха в истории древности. Он обнимает три столетия – от 336 г. (год воцарения Александра) до 30 г. до н. э. (год завоевания Римом последнего крупного эллинистического государства – Египта). Он охватывает почти весь тогдашний цивилизованный мир, от Сицилии до Индии, от Нубии до Боспора и Скифии; его влияние проникло до Италии и Испании на западе, до Китая на востоке. Можно сказать, что история эллинизма – это всемирная история того времени. В нем зародились идеи – научные, философские, этические, религиозные, которые веками владели миром. Произошли значительные сдвиги в экономике, в политических формах, в общественном сознании, в культуре. Независимо от той или иной исторической оценки происшедших изменений их нельзя, очевидно, игнорировать историку, стремящемуся осмыслить исторический процесс. Интерес к эллинизму в конце концов должен был возникнуть.

Впервые сто лет назад Дройзен ввел в науку самые термины «эллинизм», «эллинистический». С тех пор эта интерес-

ная эпоха изучается все серьезнее и глубже. Этому способствует непрестанный рост числа источников благодаря археологическим открытиям.

Буржуазная историография, однако, до последнего времени не только не создала единой стройной системы истории эллинизма, не только не установила единства взглядов на сущность эллинизма и его историческую роль, но даже не достигла единомыслия в определении географических и хронологических границ его. Дройзен довел изложение (главным образом политической, даже только военно-политической) истории эллинизма до 222 г. до н. э. Белох в третьем томе «Истории Греции» считает границей эллинизма 217 г. до н. э., когда римляне впервые вступили на территорию Балканского полуострова (в Иллирии), начав, таким образом, римский период древней истории. Чаще всего концом эллинизма считают 146 или 31 г.

По отдельным эллинистическим странам и по отдельным проблемам истории эллинизма написаны за последние десятилетия обширные серьезные исследования, но об эллинизме в целом серьезных трудов не появилось. Исключение составляет, пожалуй, представляющая несомненный интерес книга Тарна «The Hellenistic civilization», вышедшая впервые в 1927 г.[1] В 1941 г. вышел большой труд М. Ростовцева «The social and economic history of the hellenistic world», знаменующий, несомненно, определенный этап в разработке соци-

[1] Русский перевод С. А. Ляскoвского вышел в 1949 г. – *Ред.*

ально-экономической истории эллинизма в буржуазной историографии. Но и в этой книге, независимо от порочного модернизаторского подхода к явлениям социальной и экономической истории, политическая история обрисована лишь общими штрихами, а эллинистическая культура и вовсе не затрагивается.

В небольшой книжке об эллинистической религии, вышедшей в 1937 г., В. Шубарт пишет: «Понятие "эллинизм" в отличие от "эллинства", благодаря как научной работе, так и открытиям за сто лет, стало настолько отчетливым, что при рассмотрении его по существу требуется всего лишь несколько слов, чтобы уверенно наметить основные линии»[2].

Слова эти звучат насмешкой. В действительности до сих пор буржуазные историки не только не пришли к общему мнению в определении сущности эллинизма, но и не нашли пути, по которому можно придти к удовлетворительному пониманию этой сущности.

«Что такое эллинизм? – спрашивает Тарн. – Для одних это – новая культура, сложившаяся из греческих и восточных элементов; для других – проникновение, распространение греческой культуры на Восток; для иных он – продолжение чистой линии древнегреческой цивилизации, для других – та же цивилизация, видоизмененная в новых условиях». Во всех этих определениях, по мнению Тарна, содержится истина, но не вся истина. Однако все эти определения трак-

[2] *W. Schubart.* Die religiöse Haltung des frühen Hellenismus, стр. 3–4.

туют эллинизм лишь как явление культуры, что при современном состоянии нашего знания этой эпохи явно недостаточно, не говоря уже о том, что эта культура сама требует объяснения в материальных условиях жизни. Сам Тарн ограничивается формальным определением: «Эллинизм – условное обозначение цивилизации трех столетий, в течение которых греческая культура воссияла вдали от родины». Правда, вслед за этим Тарн, устанавливая две стадии эллинизма, дает им более содержательную характеристику. Первая стадия – творческая, созидающая новое в философии, науке, литературе, в политике и государственных формах, с независимым греко-македонским миром, несущим свою цивилизацию на Восток; вторая стадия характеризуется иссяканием творчества, духовной и материальной реакцией Востока на Запад, греко-македонцы оказываются зажатыми между этим воздействием Востока и Римом. Окончательное суждение о сущности эллинизма Тарн оставляет на усмотрение читателя.

А между тем в ходе изложения Тарн делает немало интересных наблюдений. В частности, надо отметить то значение, какое Тарн придает рабству. Коренным отличием эллинизма от капиталистического мира он считает то, что эллинистический мир был «лишен машин и полон рабов» (стр. 2). «Чтобы видеть эллинистическое общество, каким оно было в действительности, не следует ни на миг упускать из виду его рабовладельческую подоплеку» (the slave background,

стр. 6). Но из этого тезиса Тарн не делает надлежащих выводов и не развивает его.

Другие историки ищут корни эллинизма и причины его упадка в особых свойствах греческого интеллекта, в господстве тех или иных идей. В этом отношении типична небольшая, вышедшая в 1925 г. работа Эд. Мейера «Die Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien» (1925). Упадок эллинизма с конца III в. Эд. Мейер объясняет «внутренним распадом греческого духа», разлагающим действием восточных монархий и восточных религий, ослаблением культуры в результате ее вульгаризации, упадком творческого духа (стр. 60). Психологическое, даже мистическое начало в качестве объяснения исторической эпохи свидетельствует лишь о «внутреннем распаде» и «упадке творческого духа» самого Эд. Мейера, но никак не может удовлетворить даже буржуазного ученого, стремящегося выйти за границы чистого описания, притом субъективного.

Публикации эпиграфических и папирологических источников, дающих обильный, хотя и не всегда достаточный материал, касающийся социально-экономических отношений в период эллинизма, вызвали появление ряда специальных работ, посвященных экономическим проблемам эллинизма в отдельных странах в отдельные периоды. Таковы ценные работы М. М. Хвостова: «История восточной торговли греко-римского Египта», «Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте» и другие исследо-

вания.

Завершением этих работ в буржуазной историографии является упомянутый трехтомный труд М. Ростовцева о социально-экономической истории эллинистического мира, вышедший в 1941 г.

Ростовцев расходится с большинством буржуазных историков в оценке эллинизма как явления лишь культурно-исторического. Напротив, именно в области культуры эллинизм не принес, по мнению Ростовцева, ничего принципиально нового. В другой своей книге «The social and economic history of the Roman Empire» он подчеркивает, что эллинистическая культура – не греко-восточная, а греческая со слабой примесью восточных элементов. Восток сохранил свою культуру; эллинизм был лишь внешним налетом на ней, да и то заметен только в городах. Эллинистическая культура – раздел в истории греческой культуры[3].

В «Социально-экономической истории эллинистического мира» Ростовцев рассматривает «эллинистический мир» не только как некое культурное единство, а как единство политическое и экономическое.

Хотя на протяжении всего своего труда Ростовцев дает

---

[3] Особенно решительно формулирует эту точку зрения Шубарт, хотя в противоположность М. Ростовцеву, считает эллинизм явлением только культурным, причем «эллинский дух» творил на восточной основе, не сливаясь с ней. Эллинизм, по Шубарту, означает выход эллинских сил на широкую арену. Эллинизм – это развертывание эллинства, его превращение в мировое явление, он – спонтанное завершение (gewollte Vollendung) эллинского духа.

подробные сведения, касающиеся экономической жизни и социальных отношений различных эллинистических государств на всех этапах эллинизма, он не сумел обнаружить и показать какие-либо закономерности, найти основную линию развития эллинистической экономики. И не потому, что Ростовцев не чувствует потребности в этом. В своей книге он пытается выделить основные, ведущие «факторы», осмыслить исторический процесс, показать экономическую базу эллинизма. Но эта задача ему не под силу вследствие буржуазной ограниченности его творческих установок. Как и все буржуазные историки, Ростовцев не видит основного, – что развитие обществ определяется развитием производственных отношений; он не приемлет учения о социально-экономических формациях; отсюда – неумение ввести отдельные явления в систему, усмотреть за разнообразными и противоречивыми факторами связующее их единство и, наоборот, обнаружить специфичность и разновидность в сходных по видимости явлениях.

Непонимание существа социально-экономических формаций неизбежно ведет к модернизации древней истории, к смешению принципиально различных экономических категорий, к перенесению в античность отношений феодального и особенно буржуазного общества. Тарн перечисляет ряд черт эллинизма, сближающих его с буржуазной современностью: существование различных государств с единой культурой; колебание цен и заработной платы; забастовки и ре-

волюции; рост идей гуманности и братства и одновременно – жестокая борьба; эмансипация женщин и падение рождаемости; вопросы свободы и представительства; эмиграция и пролетариат; точные науки и рядом – суеверие; огромная литература по всем отраслям знания, но нет уже великих людей прошлого; распространение образования, и в результате – масса полуобразованных людей. Правда, Тарн отмечает, что сходство – не тожество, что египетские и современные забастовки, коммунизм и стоическая κοινωνία – разные вещи. Но это тривиальное замечание не устраняет основного ошибочного представления об отсутствии принципиальной грани между античностью и современностью. Все же Тарн, как мы видели, считает необходимым никогда не упускать из виду существования рабства при изучении эллинизма. Ростовцев же не делает различия между свободным и рабским трудом. Для характеристики социальных отношений в период эллинизма он применяет термины «буржуазия», «пролетариат», «феодалы», «крепостные», не задумываясь над спецификой сходных лишь по видимости явлений, над решающими особенностями общественных отношений в античности.

Отрицание социально-экономических формаций – основной порок буржуазной историографии. Тщательность исследования при эмпирическом рассмотрении деталей сменяется полной беспомощностью, когда дело доходит до широких исторических обобщений; здесь детали заслоняют це-

лое, которое оказывается бесцветным, лишенным исторического своеобразия; история превращается в сумму отдельных событий, не связанных какими-либо историческими закономерностями. Это все равно, как если бы сводить сложные машины различной конструкции к сумме колес, рычагов и т. д.

Эмпиризм буржуазных ученых отнюдь не свидетельствует только о неумении понять исторический процесс в целом; за ним скрывается буржуазная классовая установка – признание вечности и неизменности социальных категорий капиталистического общества и тем самым вечности самого этого общества.

Буржуазная концепция истории мстит за себя тем, что не дает возможности правильно осмыслить историю. Собрав, систематизировав и исследовав громадный материал источников, Ростовцев все же не мог в объяснении роста и упадка эллинистических государств и эллинистической экономики пойти дальше психологических мотивов, так же как он, даже по собственному признанию, оказался бессильным объяснить падение Римской империи.

Чисто эмпирический подход к истории лишает историка критерия для оценки интересующих его явлений. Можно ли говорить об упадке в последние два столетия эллинизма? Это зависит от точки зрения, отвечает Тарн: если, например, ценить углубление религиозного чувства, мы наблюдаем в конце эллинизма рост; при противоречивости реальной дей-

ствительности трудно сказать, что типично для эллинизма II в. – рынок рабов на Делосе или манумиссии в Дельфах, бесплодие перипатетиков или творчество стоиков. И Тарн предоставляет окончательное суждение опять-таки читателю. А Ростовцев в специальной статье, посвященной упадку античного мира[4], высказывает сомнение, было ли падение Римской империи. Это зависит от «точки зрения»; произошло распадение империи, но оно компенсируется консолидацией церкви; выродилась античная культура, но создалась культура христианская и т. д.

Апелляция к «различным точкам зрения» в сущности означает отсутствие собственной; вернее, здесь обнаруживается диктуемое классовыми мотивами нежелание видеть закономерности исторического процесса, чтобы успокоиться на вере в неизменность судеб человечества на всем протяжении истории, на иллюзиях классового мира, на незыблемой основе «вечных истин» буржуазной морали.

Изучить эллинизм как историческую эпоху и понять его во всем его своеобразии нельзя без учета того основного факта, что эллинизм – этап в истории античного рабовладельческого общества, что он, следовательно, не представляет какого-то неисповедимого сцепления случайностей, а был исторически необходимым результатом всего предшествующего развития античной Греции с ее специфическими закономерностями рабовладельческого строя жизни. Конечно,

[4] «The decay of the ancient world», – Economic history review, II, 2, 1930.

многое эллинизм сохранил от классического периода. Эллинизм же в целом представлял хотя общественный переворот, но не революцию, так как оставил в неприкосновенности основную структуру общества, и изучать его следует в связи с историей рабовладельческого общества в целом.

В первую очередь, естественно, необходимо подвергнуть анализу те изменения во всех областях экономики, политики и идеологии, которые характерны для этого периода, и найти материальное объяснение происшедших изменений. И вот здесь сказывается бесплодность усилий буржуазных историков, не знающих или не признающих основных закономерностей социально-экономических формаций. Так, Bevan в своем труде «The House of the Seleucids» (v. I, L., 1902, стр. 11) пытается найти корни эллинизма в предшествующей истории Греции: греческая цивилизация «была создана городом-государством в силу некоторых качеств, которыми обладали объединения этого типа, но которыми не обладали восточные деспотии – сравнительная ограниченность территории, внутренняя свобода и привычка к свободному обмену мыслей. Но к IV в. до н. э. стало очевидным, что эти именно качества влекут за собой тяжелые пороки. Ожесточенные партийные раздоры в этих свободных городах часто становились необычайно длительными и приводили к страшным жестокостям. Почти всюду энергия народа растрачивалась в непрерывных распрях. Несовершенства маленьких государств становились все более явными, а между

тем сама ограниченность их территории казалась необходимой для свободы. Греки теперь стали также страдать от своей отсталости в области религии». Оказывается, что кризис классической Греции, коренным образом изменивший физиономию общества, вызван привычкой к публичным прениям, свободой мнений и несовершенством религии. Такое наивное «объяснение» целой исторической эпохи вызвано не только идеалистическим мировоззрением автора, но и отсутствием серьезного критерия для оценки исторических явлений, вследствие чего автор не отличает существенного от случайного, причины от следствия.

Причины возникновения и упадка эллинизма надо искать в основных противоречиях рабовладельческого строя древней Греции. Греческие города-государства развивались неравномерно. Наряду с крупными городами, как Афины, Коринф, Мегары, с развитым ремеслом и торговлей, существовали отсталые районы, еще не ликвидировавшие пережитков родового строя, с примитивными формами хозяйства, со слабыми зачатками городской жизни. Обособленность городов-государств способствовала длительному сохранению бок о бок рабовладельческих общин разного типа. Форма аппроприации личности непосредственного производителя также была различна. Илоты в Спарте, пенесты в Фессалии характеризуют неразвитые типы рабовладельческого общества в соответствии с общей отсталостью экономики и общественного строя в этих областях. Наивысшего расцвета

античная рабовладельческая формация достигла в Афинах, где поэтому отчетливее выступают основные исторические закономерности и основные противоречия рабовладельческого общества. В хозяйственном отношении мы здесь наблюдали максимальную в античности степень преодоления натурального хозяйства; здесь достигнута и наивысшая для античности политическая форма рабовладельческой демократии. Эксплуатация рабского труда здесь представлена в наиболее чистом виде.

В V в. Афины достигли вершины своей экономической и политической мощи, дали миру величайшие достижения в области культуры. Но с этой вершины начинается неуклонное падение, наступает кризис.

Это не случайное явление. Только коммунистическое общество, где уничтожены общественные антагонизмы, имеет беспредельные перспективы развития. В классово-эксплуататорском обществе внутренние классовые противоречия делают развитие возможным лишь в ограниченных пределах. Внутри известных границ возможны величайшие достижения, расцвет культуры, рост производительных сил. Но наступает момент, когда эти границы становятся тесными, и тогда либо их прорывает социальная революция, либо общество должно развалиться.

В рабовладельческом обществе пределы развития ограничены существованием рабства. Рабский труд служит препятствием для роста производительности труда, для развития

общественного разделения труда. Говоря о производстве, основанном на рабстве, Маркс в «Капитале» отмечает: «…экономический принцип такого способа производства – применять только наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, которые как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее подвергаются порче»[5]. «…правило рабовладельческого хозяйства тех стран, в которые ввозятся рабы, таково: самая действительная экономия заключается в том, чтобы выжать из человеческого скота (human cattle) возможно большую массу труда в возможно меньший промежуток времени»[6]. Технический прогресс в античности поэтому был совершенно ничтожен.

Рабский труд не стимулировал технической мысли не только потому, что при неограниченных возможностях добывания рабов и подневольном характере их труда расширение производства достигалось главным образом увеличением числа занятых в производстве рабов. Само отношение к труду как к рабскому занятию, презрение к труду было серьезным препятствием росту производительных сил. Правда, труд земледельца не считался зазорным; ведь основу древних полисов составлял коллектив землевладельцев. В идиллиях и буколиках идеализировали труд земледельца, а анекдот о Цинциннате, шествующем за плугом, и сейчас преподносится в буржуазной школе как достойный образец.

---

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 217, прим. 17.

[6] Там же, стр. 293.

Но концентрация земельной собственности в руках немногих, появление значительных земельных владений, обрабатываемых рабами, сделали и труд земледельца мало почетным занятием; греческое ἀγροῖκος, как и латинское rusticus, означает крестьянина и вместе с тем грубого, невежественного мужлана. При таком отношении к труду как к рабскому занятию не только ремесло, но и сельскохозяйственный труд сохраняли рутинную технику. Только военное дело и искусство обнаруживают технический прогресс.

Великие греческие мыслители и ученые не ставили себе задачи совершенствовать орудия труда, изобретать новые, овладевать новыми видами энергии. Рабский труд делал это не только ненужным, лишним, но и не заслуживающим внимания ученого. Поэтому, производство, хотя и достигало в отдельных отраслях высокого мастерства (производство керамики, ткани, вина), в общем сохраняло традиционные приемы. «Современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производственного процесса как окончательную. Поэтому ее технический базис революционен, между тем как у всех прежних способов производства базис был по существу консервативен»[7].

Указанные особенности рабовладельческого способа производства неизбежно должны были привести в древней Греции к торговому кризису. В основном производство в древ-

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 533–534.

ности носит натуральный характер, и бытие людей как товаропроизводителей играет подчиненную роль. Но в некоторых греческих городах-государствах, например в Афинах или Коринфе, товарность хозяйства была высока, и торговля была жизненно необходимым условием экономического благополучия. В частности, Аттика нуждалась в привозном хлебе, а для ввоза хлеба надо было вывозить товары, чтобы иметь деньги. Но при рабовладельческом способе производства возможно только экстенсивное расширение рынка, и уже в силу этого оно не может быть беспредельным. Кроме того, несложное производство легко осваивается потребителями товаров, что приводит к вытеснению привозных товаров местными. Археологические исследования последнего времени выясняют все более значительную роль местного производства в Северном Причерноморье, одном из важнейших рынков сбыта греческих товаров.

Относительное и абсолютное сужение рынков приводит к ожесточенной конкуренции между греческими городами по мере того, как они втягиваются в торговый оборот; таким образом, падение торговли осложняется острыми противоречиями и военными столкновениями между греческими городами-государствами. Экономическая автаркия полиса превращается с течением времени в стеснительные оковы, в источник тревог, волнений, разорения, обнищания.

В процессе развития рабовладельческого общества изменяются также отношения собственности. Развитие рабства,

денежных отношений, обмена разлагает традиционные отношения, которые мыслились (по крайней мере в идеале) как равенство членов рабовладельческого класса; господство этого класса в целом и было воплощено в афинской демократии. Но «там, где уже имеется налицо отделение членов общины, как частных собственников, от самих себя, как городской общины и как людей, распоряжающихся территорией города, там появляются также и такие условия, в силу которых отдельный человек может лишиться своей собственности, т. е. может лишиться того двоякого отношения, которое делает его равноправным гражданином, членом коллектива и собственником»[8]. Классовая борьба между богатыми и бедными, борьба внутри рабовладельческого класса становится, таким образом, исторически неизбежной, усложняя классовую борьбу между рабовладельцами и рабами. Социальные утопии Платона были выражением стремления рабовладельческого класса преодолеть хотя бы в мечтах борьбу классов.

Ограниченность рамок, в которых развивается рабовладельческое общество, не допускает – внутри этих рамок – воспроизводства беспредельно. «Воспроизводство является в то же самое время по необходимости производством заново старой формы и разрушением ее»[9]. «В самом акте воспро-

[8] К. М а р к с. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, 1940, № 1, стр. 24.

[9] Там же, стр. 23.

изводства меняются не только объективные условия, так что, например, деревня становится городом, дебри – очищенным от леса полем и т. д., но производители сами меняются, вырабатывая в себе новые качества, развивая самих себя благодаря производству, переделывают себя, создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый язык»[10]. «Определенная ступень развития производительных сил трудящихся субъектов (которой соответствуют определенные отношения их между собой и к природе) – вот в чем, в конечном счете, причина разложения как коллектива, в который они организованы, так и основанной на нем собственности. До известной точки – воспроизводство. Затем переходит в разложение»[11]. Разложение способа производства, таким образом, неизбежный продукт диалектического развития рабовладельческой социально-экономической формации, а вследствие узости, ограниченности и связанности ее экономической базы это разложение сказывается довольно быстро.

В Греции кризис наступил уже в конце V в. до н. э., после Пелопоннесской войны. С особенной отчетливостью проявляется кризис политический. Самодовлеющий полис, вполне удовлетворявший интересам рабовладельцев при относительно ограниченном производстве, стал тесен с ростом производства, с расширением обмена и денежных отношений, с

[10] Там же.

[11] Там же, стр. 24.

увеличением товарности хозяйства. Углубление противоречий внутри рабовладельческого класса, усиление классовой борьбы, принявшей открытые формы (бегство 20 000 рабов в Декелею на сторону спартанцев в Пелопоннесскую войну) привели к тому, что полис перестал давать своим гражданам устойчивость против гнетущих общественных сил, уверенность в себе, в своих силах. Жизнерадостность и гармоничность, чарующие вас в классическом греческом искусстве, были выражением той прочности существования, которую гарантировал гражданину полис, хотя только в своих ограниченных пределах. В IV в. полис экономически и политически не соответствовал больше тем условиям, которые вызвали его к жизни и давали ему устойчивость и силу.

Обеднение граждан, многие из которых уже не в состоянии были сами снаряжать себя в поход, привело к тому, что народное ополчение все больше и чаще заменяется наемным войском. В Аттике уже в начале IV в. Ификрат выступает как вождь наемников и соответственно этому реорганизует военную тактику. Создание наемного войска из солдат-профессионалов отрывало гражданина от его полиса, а в руках полководца оно могло служить орудием, направляемым и против собственного народа. Служба в войске из обязанности и привилегии гражданина превращается в профессию, и гражданство соответственно лишается реальной силы и политического значения в полисе.

Политический кризис полиса был осознан раньше всего.

Это отразилось вначале лишь в философских идеях и в публицистике, рассчитанной на узкий круг верхов рабовладельческого класса. Уже софист Горгий в своем выступлении в Олимпии призывал греков к единомыслию (ὁμόνοια), к единению против общего врага – персов.

Аристотель, считающий полис нормальной и правильной формой государственной организации, отмечает, однако, в «Политике» (IV, 6), что «эллинство могло бы править миром, если бы добилось единого государственного устройства». А Исократ в своем сочинении, обращенном к Филиппу Македонскому, уже прямо призывает его стать арбитром по всем греческим делам.

У Зенона-стоика идея единства – и не только греков, но и всего человечества – приняла характер социальной утопии. По словам Плутарха, «достойная удивления полития основоположника школы стоиков сводится к тому пункту, чтобы мы жили не по полисам и по демам, различаясь каждый своими особыми законами (δικαίοις), но чтобы мы считали всех людей демотами и гражданами, чтобы был один образ и строй (κόσμος) жизни, подобно тому, как стадо пользуется по общему закону общим пастбищем» (de fort. Alex. I, 6).

Больше всего стремление выйти за пределы полиса выразилось в новом представлении об эллинской культуре. В «Панегирике», написанном в 380 г., Исократ пишет (гл. 50): «благодаря эллинской культуре имя “эллин” означает уже не происхождение, а духовный склад (διάνοια); эллинами те-

перь называют уже не людей, связанных кровным родством, а приобщившихся к нашему просвещению». Впоследствии Александру и его преемникам стали приписывать сознательную программу объединения Востока и Запада для создания единой мировой культуры. По Диодору, Александр практиковал «синойкизмы городов и переводы людей из Азии в Европу и, наоборот, из Европы в Азию, чтобы брачными союзами и общением привести оба величайших материка к общему единомыслию и родственной дружбе» (XVIII, 4, 4). По Плутарху (de fort. Alex. I, 6), Александр «не последовал совету Аристотеля – обращаться с эллинами, как вождь (ἡγεμονικῶς), а с варварами, как деспот, о первых пещись, как о друзьях и близких, а этих использовать, как животных или растения… Но считая, что он явился по божьей воле (θεόθεν) устроителем и примирителем (ἁρμονιστὴς καὶ διαλλακτής) для всех, он, кого не мог соединить путем убеждения, тех принуждал силой оружия, сводил в одно, как в кратéре дружбы, людей отовсюду, смешал быт и нравы, браки и образы жизни, и предписал всем считать отечеством вселенную, акрополем и крепостью – лагерь, родными – хороших людей, чужими – дурных, различать людей не по одежде…, а видеть эллинство в добродетели, варварство – в пороке».

Вряд ли действительно Александр отчетливо сформулировал те задачи, какие ему приписывает Плутарх, но объективные результаты завоеваний Александра были именно та-

ковы. Вообще вопрос о том, в какой мере Александр творил историю сознательно, не может быть решен окончательно. В своей первой работе «История Александра Великого» И. Дройзен заявляет: «Имя Александр означает конец одной мировой эпохи и начало новой». Примерно то же говорит У. Вилькен: «Все дальнейшее течение истории политической, хозяйственной и культурной жизни последующих времен нельзя понять, если отвлечься от дела жизни Александра»[12]. С этим можно согласиться, если понимать под «делом жизни Александра» объективные последствия его деятельности, включенной в рамки условий того времени, которое выдвинуло и создало Александра. Но Вилькен, как и другие поклонники Александра, склонен приписать эллинизм личному гению Александра и его исторической прозорливости, а для такого утверждения нет данных. Гораздо ближе к истине другая точка зрения, представленная в частности у Ф. Г. Мищенко в его чрезвычайно содержательном введении к переводу Полибия «Федеративная Эллада». «Успехи эллинизма в македонский период, – пишет Ф. Мищенко, – вовсе не входили в планы Александра, Селевкидов, Птолемеев, Антигонидов; об этом лучше всего свидетельствует обращение их с собственной Элладой, откуда возможно было ждать еще серьезного противодействии. Могущественные владыки, поддаваясь обаянию эллинской образованности, старались украсить свои столицы и дворцы про-

[12] U. W i l c k e n . Alexander der Grosse, Lpz., 1931, стр. 246.

изведениями эллинского ума, применяли к новым городам испытанные уже формы правления, но никому из них и на мысль не приходило организовать производительные силы этой самой нации для независимого, достойного существования» (стр. XXXVIII–XXXIX).

Самые завоевания Александра были подготовлены в предшествующее время. Идея реванша была политической формой, в которой выразилось вызванное кризисом стремление к единству. Война с Персией была решена в 337 г. на заседании Коринфского конгресса[13], и уже в 336 г. Парменион и Аттал переправились в Азию. Нет смысла строить догадки о том, как пошли бы дела, если бы Филипп не был убит в 336 г. и сам руководил военными операциями, или если бы не Александр, а Пердикка или Антипатр оказались во главе войска. Важно то, что задача завоевания Востока была поставлена в порядок дня и разрешена Александром. Другой на его месте, за исключением, быть может, Филиппа, разрешил бы ее не так быстро и успешно, и конкретные результаты были бы иные. Но Александр сумел проявить свои способности только потому, что материальные условия жизни поставили перед ним грандиозную задачу.

Рабовладельческое общество в Греции IV в. дошло до предела своего возможного развития и вступило в полосу

[13] Анализ текстов (особенно эпиграфических), относящихся к заседаниям Коринфского союза, см. в книге U. W i l c k e n «Philipp II von Makedonien und die panhellenistische Idee», B., 1929.

экономического и политического кризиса, который не мог более быть разрешен в существующих формах общества. Революционный выход из положения в то время был закрыт; рабы не были классом для себя, способным свергнуть рабовладельческий строй общества и перестроить его на новых началах. Выходом для рабовладельцев могло быть только создание, путем завоевания, более обширного экономического единства, дающего возможность воспроизвести старый процесс развития на более высокой ступени. Основные классовые противоречия при этом не устраняются; рабовладельческий класс получает лишь кратковременную передышку, и новый кризис неизбежен. «Там, где рабство является господствующей формой производства, там труд становится рабской деятельностью, т. е. чем-то бесчестящим свободных людей. Благодаря этому закрывается выход из подобного способа производства, в то время как, с другой стороны, требуется устранение его, ибо для развития производства рабство является помехой. Всякое покоящееся на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия. Разрешение его дается в большинстве случаев насильственным покорением гибнущего общества другими, более сильными (Греция была покорена Македонией, а позже Римом). До тех пор, пока эти последние, в свою очередь, покоятся на рабском труде, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на высшей ступени, пока, наконец, (Рим) не был покорен народом, введ-

шим вместо рабства новый способ производства»[14].

Завоевание Александром Востока было в интересах не только Греции и Македонии, но и господствующего класса наиболее развитых областей Востока. Здесь, правда, рабство не играло такой роли, как в Греции; сохранение общины приводило к застойности общества, движение совершалось медленно, противоречия нарастали вялыми темпами. Но и здесь в крупных торговых центрах с высокоразвитым рабовладельческим хозяйством ощущалась потребность в расширении экономической базы. Этим, вероятно, надо объяснить сравнительно легкое покорение Вавилона Киром, почти не встретившим сопротивления. Хотя держава Александра была тоже «случайным конгломератом» народов, не спаянных, а лишь искусственно связанных силой завоевания, как государство Ахеменидов, все же покорение Персии Александром означало для нее переход на более высокую ступень развития. Поэтому торговые города Востока и в первую очередь богатые слои населения быстро эллинизировались и были опорой завоевателей.

Из аморгосской надписи (279 г.) мы узнаем, что одним из организаторов островитян, собравшихся на Самосе, чтобы провести учрежденное Птолемеем II празднество в честь Птолемея Сотера, был сидонский царь Филокл. Недавно открытые в Уруке клинописные таблички рисуют примкнув-

---

[14] Ф. Энгельс. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 450.

шего к новой власти вавилонянина Унубаллита. Как нам хорошо известно, в Иудее так называемые «эллинисты», сторонники сближения с эллинской культурой, представляли собой иерусалимскую знать, вплоть до первосвященников. Конечно, на основании таких отдельных фактов рискованно делать обобщения о социальной опоре Александра и его преемников на Востоке. Но эти факты симптоматичны.

Связи между Востоком и Западом были и до Александра. Финикийцы проникли далеко на Запад, а в Греции имели свои торговые фактории. Навкратис была форпостом греческой цивилизации в Египте. Малоазиатские приморские города находились в тесных экономических связях с материковой Грецией и островами. Но торговцы в чужих странах оставались чужаками, их правовое положение было непрочным, их операции не могли достигнуть большого размаха. В глубь Азии эллинское влияние не проникало. В Сирии не было ни одной греческой колонии. Включение Востока в систему эллинских монархий открыло широкий простор для торговли не только греков на Востоке, но и Востока в Греции.

Что касается Греции, то она прежде всего потеряла политическую независимость.

Те греческие политические деятели, которые пропагандировали идею панэллинского союза под гегемонией Македонии (Исократ, Эсхин), вряд ли обманывались насчет последствий этого «союза». Но классовый интерес побуждал жертвовать политической независимостью в надежде найти под

эгидой монархии защиту против трудящихся. На Коринфском конгрессе 338 г. было принято решение, по которому союзному совету поручается иметь наблюдение, «чтобы в союзных государствах не происходило изгнаний или казней вопреки существующим законам, конфискаций, отмены долгов, раздела имуществ и освобождения рабов с целью переворота». Во имя этого классового интереса рабовладельцы согласны были отдать свою свободу.

Но они обманулись в расчетах. Классовые противоречия в Греции в период эллинизма не сгладились, а обострились. Лозунги γῆς ἀναδασμός и χρεῶν ἀποκοπή не сходили с порядка дня, движения рабов приняли массовый характер. Острая классовая борьба развертывалась и в отсталых ранее областях Греции – в Спарте, Этолии, Беотии – ив эллинистических государствах Востока. В Египте эллинизация осложнила классовую борьбу этническими и религиозными противоречиями, которые и сами приняли классовый характер, поскольку господствующий класс составляли греко-македонцы и эллинизированные египтяне. В Иудее борьба между эллинизированной аристократией и народными массами, несомненно, ускорила взрыв народного движения Маккавеев, приведшего в конце концов к освобождению Иудеи из-под власти Селевкидов.

Следует при этом иметь в виду, что не только монархия Александра была «случайными малосвязанным конгломератом», но и образовавшиеся на территории державы Алек-

сандра меньшие монархии не обладали внутренней прочностью. Границы Царства Птолемеев и особенно Селевкидов были неустойчивы, часто менялись. Наряду с силами, втягивавшими восточные страны в орбиту эллинизма, действовали и центробежные силы. Переход из одной коалиции в другую, борьба за политическую независимость, образование новых государств – такими событиями наполнена история царства Селевкидов. А между тем народы и государства, стремившиеся освободиться от власти Сирии, были в то же время носителями эллинистической культуры и ее поборниками. Интересно замечание Эд. Мейера[15], что отпадение Бактрии в середине III в. в сущности имело своим назначением концентрацию усилий эллинизма против варваров. Во всяком случае позднее, в 206 г., в переговорах с Антиохом III бактрийский царь Евтидем указывал, что свободная и сильная Бактрия нужна также самой Сирии как оплот против угрожающих и Сирии и Бактрии «огромных полчищ кочевников»; и Антиох признал это положение правильным (Polyb., XI, 34).

Эллинизм сыграл в социальном отношении прогрессивную роль в том смысле, что благодаря смешению эллинов между собой и отчасти с восточными народами в значительной степени была подорвана этническая разрозненность, покоившаяся еще на неизжитых естественно-родовых и племенных связях.

---

[15] Ed. M e y e r. Назв. соч., стр. 48 сл.

Особенно отчетливо это выразилось в создании общегреческого языка – κοινή. Единственный греческий папирус, дошедший до нас от времени Александра, написан в основном на ионийском диалекте с отдельными доризмами и аттицизмами. В III в. многочисленные известные нам греческие папирусы написаны на κοινή. Конечно, классический язык Софокла, Эврипида, Платона, Фукидида, Ксенофонта не вышел из употребления; он оставался образцовым литературным языком, и «аттицисты» в течение многих веков, вплоть до византийского времени, культивировали язык классиков и тщательно ему подражали. Но живым языком был язык κοινή; на нем к эллинистической культуре приобщались народы Востока; на этом же языке восточные народы делали свои вклады в эллинистическую культуру.

Многие старые и новые восточные города стали греческими центрами – Александрия, Пергам, Антиохия, Селевкия, Тир и др. Эллинство не ограничивается больше Элладой, а в самой Элладе происходит перемещение политических, экономических и культурных центров. Афины уступают место Коринфу, вместо Афинского и Пелопоннесского союзов создаются союзы: Этолийский и Ахейский, втянувшие в сферу активной политической жизни самые отсталые области Эллады. Происходящий, таким образом, процесс нивелирования, с одной стороны, выявлял еще неиспользованные производительные силы, вводил интенсивную городскую жизнь там, где она раньше едва замечалась, и тем способствовал

некоторому подъему экономики Греции в первый период эллинизма. С другой стороны, он был необходимым условием для того, чтобы подготовить переход к более прогрессивной общественно-экономической формации.

Однако успехи эллинизма в этом направлении, особенно на Востоке, были не так грандиозны, как это представляется с первого взгляда. Множество греков и македонцев устремилось на Восток; но и вместе с эллинизированными представителями высших классов местного населения они составляли меньшинство. В Египте на семь с лишком миллионов населения к концу эпохи эллинизма приходилось всего около одного миллиона «эллинов» – главным образом за счет города Александрии. В царстве Селевкидов эллины составляли совсем незначительную прослойку – почти исключительно в городах. Александр и его преемники создали много новых городов или реорганизовали по образцу полисов старые. По подсчету Чериковера[16], на основании имеющихся реальных данных, Александром, Антигоном, Лисимахом, Селевком I и Антиохом I, Антиохом IV, Атталидами и Птолемеями основано в общей сложности 176 городов (из них 23 сомнительных). Это, конечно, большое число. Проникая в самые удаленные уголки эллинистического мира, эти полисы разлагали старинные формы общественного строя, несли в них не только иную, более высокую культуру, но и иные хозяйственные отношения; товарность начинает появляться

[16] T s c h e r i k o w e r. Die hellenistischen Städtegründungen, 1936.

там, где раньше натуральное хозяйство господствовало безраздельно. И все же на необъятной территории эллинистических государств Востока эти города были небольшими базисами, обширные области оставались незатронутыми новым порядком вещей.

Социально-экономические достижения эллинизма бросаются в глаза прежде всего в области торговли. Расширение внутренней торговли и рост внешнеторговых связей несомненны. Об этом свидетельствует прежде всего бурный рост таких городов, как Александрия, Селевкия на Тигре, Антиохия, развитие морского дела и судостроения. Около 100 г. мореход Гиппал открывает муссоны: это не только содействовало укреплению торговых связей с Индией, но и является результатом этих связей. Греческие и восточные товары проникают в глубь Азиатского материка. Недавние раскопки обнаружили сирийские ткани в Монголии. О том, в какой мере втягивались в торговый оборот отсталые области, можно судить по количеству греческих терминов, проникших в языки семитских народов Передней Азии. Много слов, обозначающих не только продукты ремесла, но и животных, растения, рыб, могло быть заимствовано из греческого языка только потому, что обозначаемые ими предметы поступили в торговый оборот и местные разнообразные названия рыб, растений и т. п. были включены в единую греческую товарную номенклатуру.

Другим косвенным показателем роста торговли служат

монеты, их символы, легенды, стандарт и ареал распространения. В капиталистическом обществе функция денег как средства обращения приобретает все большую роль, а их функция как средства накопления становится ничтожной. В древности, особенно на Востоке, мы имеем обратное положение: деньги служат главным образом средством накопления. Превращение сокровищ Дария в звонкую монету, унификация монеты в отдельных эллинистических государствах, конкуренция между аттическим и финикийским стандартами, все это говорит о росте денежного обращения. Конечно, и в виде монеты деньги служили и для образования сокровищ. По свидетельству Аппиана, Птолемей Филадельф оставил в своей казне 740 000 талантов; даже если эта цифра сильно преувеличена, она все же очень солидна.

Рост денежных отношений и товарности хозяйства приводил к углублению классовых противоречий, к обогащению богатых и разорению бедных. Скрытые формы эксплуатации обнажались, что содействовало более открытому проявлению классовых противоречий. Старые этнические и религиозные деления уступают место явно выраженным классовым и сами принимают классовую окраску.

Образование новых полисов с приписанной к ним сельской территорией разлагало старый общинный уклад, подрывало веками установившиеся формы зависимости. На Востоке появляются латифундии с работающими на них рабами. Растет применение рабского труда в городах. У нас нет

статистических данных, но если во II в., по исчислению Галена, в Эфесе было 40 000 рабов, то позволительно думать, что и в эллинистический период их было много. Рост купеческого капитала и развитие рабства приводят к тому, что и на Востоке возникает «рабовладельческая система, направленная на производство прибавочной стоимости»[17].

Стремлением к расширению торговли приходится объяснять и войны между эллинистическими государствами. Сирия, Палестина и Финикия, к которым Египет стремился еще во времена Тутмоса III, в условиях эллинистического хозяйства были жизненно необходимы как для Египта, так и для царства Селевкидов; это привело к длительным войнам между соперничавшими державами. Борьба за господство над Эгейским морем была причиной многих войн, так же как борьба за торговые пути на Восток. Преемники Александра в сущности продолжали его политику, а на Западе попытки создать большую греческую державу предпринимают Агафокл и Пирр. Рим также втягивается в орбиту эллинистической экономической политики. В 268 г. римский сенат вводит новую денежную единицу – серебряный денарий, почти равноценный греческой драхме.

Достижения эллинизма в экономической жизни обнаруживаются при рассмотрении эллинистического мира в целом. Но не следует ожидать этих достижений в каждом из эллинистических государств в отдельности. Именно единство

[17] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. 1, стр. 360.

эллинистического мира означает, что старые деления утратили силу, и старые экономические центры теряли свое значение, если они не оказывались случайно в благоприятном положении по отношению к эллинистическому миру в целом. Афины были центром для Аттики, но не для эллинистических стран вместе взятых. Даже для Греции они перестали быть центром, уступив место Коринфу. Зато Родос пережил период расцвета. Его морское превосходство выразилось между прочим в том, что его морской кодекс стал международным, и еще рескрипт императора Антонина разъяснял: «Я владыка мира, но на море господствует закон; вопрос надо разрешить по родосскому морскому закону» (Dig. XIV, 2, 9).

Материковая Греция не извлекла пользы из нового объединения, и за исключением небольшой передышки она неуклонно падала; даже центры науки переместились в Александрию и Пергам, хотя Афины продолжали по традиции считаться философским центром – скорее по привычке, чем по праву.

Эллинизм означал повторение развития античного рабовладельческого общества на более высокой ступени. Но возникший в результате кризиса греческого (и восточного) рабовладельческого общества, эллинизм не разрешил и не мог разрешить ни одного социального противоречия. Он мог вызвать лишь некоторый подъем, главным образом в восточных областях, но результаты его не были и не могли быть ни

продолжительными, ни прочными. А для того, чтобы привести к смене рабовладельческого общества более прогрессивной общественно-экономической формацией, эллинизм не создал достаточных условий и потому в свою очередь пришел к кризису, который разрешился римским завоеванием и повторением процесса на более высокой ступени. Римское завоевание было неизбежным результатом кризиса эллинистической экономики, выступающего уже в конце III в. и ставшего угрожающим во II в.

Основной порок рабовладельческой экономики – консерватизм технической базы – не мог быть преодолен, поскольку общество продолжало оставаться рабовладельческим. Воспроизводство было возможно опять-таки в ограниченных пределах, не вглубь, а вширь.

Созданное в эллинистическую эпоху единство было не настолько органическим и прочным, чтобы преодолеть партикуляризм, оторвать окончательно индивида от ограниченного коллектива, с которым его связывали веками установившиеся навыки.

Эллинизм установил иные формы государства вместо восточной деспотии и эллинского полиса. Но эллинистические монархии на Востоке, Македонская коалиция, Ахейский и Этолийский союзы на Балканах не ликвидировали греческого полиса с его узкими интересами. Самый процесс эллинизации Востока проводился путем организации полисов. Конечно, то не были независимые города-государства, а лишь

пользовавшиеся большей или меньшей автономией города; но существование их связывало граждан еще со старыми учреждениями полиса, поддерживало местный патриотизм, принимавший порой, вследствие отсутствия подлинной общественной жизни, уродливые формы; а в новых городах и греко-македонских колониях новые греческие поселенцы долго сохраняли отношения с родиной, создавали землячества, культовые объединения и т. п. За исключением Египта, где македонцы застали централизованный бюрократический аппарат, на Востоке центральная власть не могла руководить повседневной жизнью городов. Из одного зенонов-ского папируса мы узнаем, что в небольшом городе Калинде (на юго-западе Малой Азии), входившем в состав царства Птолемеев, существовали должности стратега и эконома, руководивших от лица центрального правительства военным и хозяйственным управлениями. Но в той же Калинде действует местное самоуправление, возглавляемое пританом и секретарем; как видно из содержания папируса, стратег и эконом вынуждены считаться с древней конституцией полиса (PCZ, 591).

С другой стороны, и восточная деспотия не была ликвидирована. По справедливому замечанию Жуге[18], Александр вовсе не хотел эллинизировать всех варваров, а оставил в неприкосновенности старые государственные институты в

[18] P. J o u g u e t. L'impérialisme Macédonien et l'hellénisation de l'Orient, P., 1926, стр. 104.

ряде областей своей державы, где он сам хотел быть восточным деспотом. Преемники Александра продолжали действовать подобным же образом. Для египетских крестьян Птолемеи были теми же фараонами, и сирийские λαοί вряд ли заметили ощутительную разницу между персидским и селевкидским владыкой.

Процесс уравнивания, уничтожения старых племенных, этнических, полисных перегородок также был только намечен в период эллинизма, но не был на этой ступени доведен до конца, не сделал решающих успехов. Даже в области культуры, где эллинизм означал коренной поворот, дело не было доведено до конца; не были поглощены восточные культуры, не была забыта эллинская культура классического периода. Отмечено, в частности, интересное явление: на поздних папирусах сохранились многочисленные отрывки из произведений классической греческой литературы, но совершенно не встречается произведений литературы эллинистическо-римской – Полибия, Посидония, Страбона, Диодора, Плутарха, Лукиана, Климента, Оригена, Плотина.

Таким образом, эллинизм можно расценивать как прогрессивный этап в истории античности, но с существенной оговоркой. В его начальный период были созданы новые формы экономической, политической и духовной жизни, содействовавшие переходу рабовладельческого общества на такую стадию, когда становится возможным решительный переход к более высокой социально-экономической форма-

ции. Но изменения, совершившиеся во всех областях жизни в эллинистический период, были недостаточно глубоки, причины, приведшие к кризису эллинских государств, не были преодолены, и эллинизм сам пришел, и довольно быстро, к такому же кризису. Выходом оказалось римское завоевание и переход на новую, еще более высокую ступень. Завоевание Востока Римом не было, следовательно, выполнением какой-то провиденциальной миссии; оно не было и проявлением какого-то особого присущего римлянам «духа». Римская экспансия на Восток была выражением, наиболее грубым и беспощадным, общей закономерности рабовладельческого общества, где расширенное воспроизводство возможно только путем экспансии вовне. А причин успеха римлян на Востоке надо искать в первую очередь не в римской военной доблести, дипломатической ловкости, воинской выучке, а в том, что эллинистический мир быстро исчерпал себя и его включение в состав новой мировой державы стало исторической необходимостью.

Конечно, эллинистические государства оказывали сопротивление Риму. Но провал (не только военный, но и политический) Митридата VI показывает, что поражение Востока было неизбежно. Если это не сознавалось, быть может, современниками отчетливо, то смутно ощущалось, и недаром в начала II в. в Греции и на Востоке возникают проримские настроения, проримские политические течения и малые города и государства ищут «покровительства» Рима.

Эллинистический мир был поглощен Римом, за исключением его восточной периферии, которая нашла силы отстоять свою независимость и, усвоив многое из эллинистической культуры, строить свою дальнейшую социально-экономическую жизнь самостоятельно. Но подчинившись Риму и слившись с ним в одно целое в политическом и экономическом отношении, эллинизм сохранил основные элементы своей культуры и даже развил их дальше.

Изменения в экономике и социальных отношениях эллинистического мира – не только Греции, но и Востока – привели к столь существенным изменениям в области духовной культуры, что многие историки, как мы видели, до сих пор продолжают видеть в эллинизме лишь этап в истории культуры.

Прежде всего связи с эллинской культурой были на Востоке и до Александра. Галикарнасский династ Мавзол оставил нам прекрасный вещественный памятник этих связей. Сидонские цари отражали в своих мраморных саркофагах влияние греческого искусства. Гермий, династ Атарны в Малой Азии, отдал город Асс в распоряжение философов-платоников Эраста и Кориска, и сам Аристотель после смерти Платона поработал в этом философском городе три года. Но лишь в период эллинизма наблюдается широкое распространение и внедрение эллинской культуры во всех странах Востока, входивших в сферу политического и экономического влияния эллинистических держав, – внедрение настолько

прочное, что оно оставило неизгладимые следы. С греческим языком можно было пройти всю ойкумену. Греческое искусство, литература, философия стали достоянием миллионов людей, и даже в период упадка эллинизм оказался в силах привить свою культуру Риму.

Но сама греческая культура изменилась. Говоря об эллинской культуре классического периода, К. Маркс пишет: «И почему детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень? Бывают невоспитанные дети и старчески умные дети. Многие из древних народов принадлежат к этой категории. Нормальными детьми были греки. Обаяние, которым обладает для нас их искусство, не стоит в противоречии с той неразвитой общественной ступенью, на которой оно выросло. Наоборот, оно является ее результатом и неразрывно связано с тем, что незрелые общественные отношения, при которых оно возникло, и только и могло возникнуть, никогда не могут повториться снова»[19].

Это нормальное детство кончилось вместе с свободой эллинских полисов. Наступила пора суровой, нездоровой зрелости с признаками преждевременной старости. Эта пора имела не только свои достижения, но и свои пороки, слабости, болезни.

Эллинистическая культура продолжала традиции класси-

[19] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. XII, ч. 1, стр. 204.

ческого периода, поскольку она сохранила греческий язык и все наследия эллинства, и у некоторых историков создается даже, как мы видели, впечатление, будто она и по существу не представляет чеголибо принципиально нового, что она даже – наивысшее, наиболее совершенное выражение эллинства. В действительности же мы имеем здесь совершенно новое историческое явление, невозможное в классический период эллинства.

Так же как политические и экономические центры, переместились и центры культуры. Не Афины, а Александрия, Пергам, Антиохия, Берит, Сиракузы и др. создавали философские, литературные, юридические научные школы, и деятели культуры часто – выходцы с Востока. Зенон из Кития (на Кипре), Хрисипп из Сол, Посидоний из Апамеи, Филодем из Гадары, наш соотечественник Бион Борисфенит («Днепровский») и многие эллинизировавшиеся люди Востока играют выдающуюся роль в создании новой культуры. Это – не только результат распространения эллинистической культуры на Восток, но и показатель влияния Востока на Грецию.

От взаимодействия культур Греции и Востока выиграл прежде всего Восток. Восточная деспотия, господствовавшая над бесправно угнетаемыми массами трудящихся, создавала атмосферу духовного гнета во всех сферах умственной жизни. Литература была почти исключительно религиозной, а сама религия – грозной, суровой, требовавшей без-

ропотной покорности воле богов и могущественных жрецов. Даже искусство подавляло грандиозностью дворцов, храмов и статуй, чудовищными образами богов и демонов. Эллинистическая культура содействовала освобождению личности, хотя бы в верхах общества, от тяготевшего над ней духовного гнета.

В эллинистический период появляется проникнутая философскими идеями эллинизма книга «Экклесиаст», эротическая поэма «Песнь песней», хотя и включившая древние элементы народной свадебной лирики, но оформленная как единое поэтическое творение именно в это время. Под влиянием греческой философии в ее вульгаризованной форме устанавливается окончательно иудейский монотеизм, в свою очередь оказавший влияние на другие эллинистические религии.

Греческая драма, игры, празднества, греческое искусство внесли элемент жизнерадостности в мрачную идеологию Востока: светлые образы греческой пластики и архитектуры смягчили суровые черты восточного искусства. Человеческая личность, ее думы, настроения, интересы, запросы получают какое-то право на существование. В некоторых отношениях этот процесс напоминает эпоху Возрождения.

Оплодотворенная достижениями эллинистической культуры духовная жизнь народов Востока, не подпавших под иго Рима и пошедших по самостоятельному пути развития, продолжалась в тиши и дала впоследствии изумительный

взлет в арабской культуре средневековья.

Восток немало дал и эллинизму. Самый факт близкого общения с народами Востока не только расширил горизонт перед взорами эллинов и раздвинул границы ойкумены; он показал им своеобразную культуру, в некоторых отношениях более высокую и во всяком случае более древнюю. Идея ὁμόνοια («единомыслия»), выросшая на почве самой Греции в связи с кризисом полиса, получила на Востоке реальное подкрепление. Здесь издавна существовали мировые державы, и база для политических надстроек не была здесь столь узкой, как в полисах Эллады.

На Востоке греки застали высоко развитые науки – астрономию, математику, медицину, иные приемы и объекты сельскохозяйственной техники, развитые средства транспорта и связи. Литература Востока, своеобразная и непонятная, стала доступна грекам благодаря тому, что греческий язык стал языком образованных людей Востока. Иудеи не только переводят библию на греческий язык, но и пишут на этом языке новые книги, даже религиозно-философскую диатрибу в духе стоиков – так называемую – IV книгу Маккавеев, которую сам автор характеризует как λόγος φιλοσοφώτατος. В списке произведений Теофраста значится Ἀκίχαρος – несомненно восточный роман об Акихаре, текст которого найден, в частности, среди арамейских папирусов в Элефантине.

Новые религиозные настроения, возникшие у греков в но-

вых условиях, нашли в религиях Востока для своего выражения готовые формы культа, готовые образы универсальных богов, мистерии и ритуальные тексты, разработанную астрологию и магию. В процессе слияния культур Греция была не только дающей стороной, но и берущей.

Как в экономической и политической области, эллинизм и в сфере интеллектуальной жизни не довел до конца тех начал, которые наметились после завоеваний Александра. С одной стороны, греческая культура была достаточно устойчивой не только для того, чтобы противостоять культуре Востока, но и для того, чтобы сохраниться под властью Рима и стать основой византийской культуры. С другой стороны, и страны Востока – Сирия, Палестина, Аравия, Парфия, Армения, даже Египет – не были поглощены эллинизмом, сохранили свои самобытные черты, свои языки, религии, исторические предания. Манефон пишет на греческом языке, но историю своего, египетского, народа. В Парфии и даже в Индии чеканится монета греческого типа, даже с греческой легендой; но эти страны отстаивают свою политическую независимость и усваивают наследие эллинизма, чтобы создать и развивать свою культуру.

Успехи эллинизма в области культуры были неравномерны, и их историческое значение не одинаково для разных стран эллинизма в разное время. Для Востока это был несомненный подъем. Другое дело – Греция. Здесь тоже эллинизм означал более высокий тип развития культуры, но по-

литический и экономический упадок привел к тому, что эта культура выросла во многих отношениях хилой, болезненной. Несомненный упадок переживает философия. Грандиозные системы мировоззрения и произведения их творцов даже забываются; в I в. до н. э. Андроник должен был вновь приступить к систематизации и изданию сочинений Аристотеля. Падение полисов и их автаркии означало, что отныне гражданин, находивший ранее прочную опору в полисе, предоставлен на волю судьбы. В расширившейся ойкумене отдельный человек чувствует себя беспомощным, и философия отражает эти настроения, обращаясь от общефилософских проблем к внутреннему миру человека, к этическим проблемам, к религиозным запросам. Особенно ясно этот новый характер философии выражен в наиболее популярной и типичной для эллинизма школе стоиков. Характерно для эллинистической философии, что она выдвигает в качестве конечной цели стремлений человека не положительный идеал εὐδαιμονία (счастье), а отрицательный ἀλυπία, ἀοχλησία, ἀταραξία, ἀπάθεια (безмятежность, беззаботность, бесстрастие и т. п.).

Школа перипатетиков и вовсе перестала заниматься философией, отдавшись всецело филологии и биографическому жанру. Сенека имел право сказать, имея в виду перипатетиков, что «то, что было раньше философией, стало теперь филологией». Другие философы предаются беспринципному скепсису, хотя и сильному и плодотворному в области

критики и отрицания, но не созидавшему ничего положительного.

Только материалистическая философия, всегда имеющая опору в живой реальности, переживала период расцвета. Но и школа Эпикура превратилась в замкнутую общину, ушедшую от активного участия в общественной жизни.

Философия в эллинистическую эпоху оторвалась от своей естественно-научной базы. Это обеднило философию, но это самое обстоятельство обогатило науку. Отделение науки от философии и ее специализация диктовались возросшими потребностями познания мира и овладения силами природы. Науки достигли высокого уровня, о чем говорят такие имена, как Архимед, Эвклид, Эратосфен, Полибий, Аристарх Самосский, Гиппарх, Аристарх Самофракийский, не говоря уже о ближайших учениках Аристотеля, в первую очередь – о Теофрасте. Наука перестала быть уделом узкого круга избранных. Александрийский музей с его богатейшими библиотеками в Серанеуме и Брухейоне имели целью относительно широкое распространение знания, а не были рассчитаны на интересы владельца-царя, как библиотека Ашшурбанипала.

Необходимо, однако, отметить, что в области техники – за исключением военного дела и строительства – эллинистическая наука заметных успехов не делала; в рабовладельческом обществе мысль ученого не направлялась в эту сторону.

В греческой литературе надо констатировать явный упа-

док. Со сцены вместе со старыми богами уходят и большие проблемы, волновавшие великих трагиков V в. Аристофанова политическая комедия уступает место комедии бытовой, рисующей мелкие интересы и думы среднего человека. Лирика вырождается в искусственное выражение мелких страстей, приправленное риторикой и налетом учености. Процветают буколика, эпиграмма, жанровые сценки и картинки. Эллинизм не дал ни одного крупного писателя, которого можно было бы даже с натяжкой поставить в один ряд с Алкеем, Анакреонтом, Софоклом, Эврипидом, Аристофаном.

Резкий перелом совершился в религии. С падением полисов падали и боги их. «Национально ограниченные боги разделяли судьбу их народов». Можно думать, что здесь П. Вендланд[20] цитирует Ф. Энгельса: «Боги каждого отдельного народа были национальными богами, власть которых не переходила за границы охраняемой ими национальной области… Все эти боги жили лишь до тех пор, пока существовали создавшие их народности, и падали вместе с ними»[21].

Но не только боги пришли в упадок. Изменилось и отношение к богам. Прежняя религиозность, носившая скорее формальный характер и связанная с политическими учреждениями и политическими воззрениями, в изменившихся

---

[20] P. W e n d l a n d . Die hellenistisch-römische Kultur und ihre Beziehung zum Judentum und Christentum, 1912, стр. 52.

[21] Ф. Э н г ел ь с. Людвиг Фейербах. К. М ар кс и Ф. Э нг ел ь с. Соч., т. XIV, стр. 674.

условиях сама изменилась существенным образом. Предоставленный самому себе индивид стремится к более тесному общению с божеством, от которого он ждет уже не благоденствия отечества, победы оружия родного полиса, а личного спасения. Старые боги и их культ не удовлетворяют больше эллина, религиозные потребности которого возросли и изменились. Поэтому эллинизм – период религиозных поисков.

В эпоху эллинизма отчетливо выражается тенденция к монотеизму. Старым богам пытаются придать характер универсальных богов; создаются отвлеченные божества, новые боги. Восточные боги с универсальными функциями проникают в греческую религию. Боги получают новые, главным образом общественные атрибуты и новые эпитеты, связывающие их не со стихиями природы, а с их отношением к человеку – «спаситель» (Σωτήρ), «благодетель» (Εὐεργέτης) и т. п. Культ принимает все больше характер мистерий; при этом используются опять-таки восточные культы богов-спасителей.

Но все эти новые явления в эллинистической религии не получили законченного развития. Для создания единой религии эллинистический мир не обладал достаточным экономическим и политическим единством. Старые боги потеряли кредит, но не сошли со сцены, уживаясь с новыми богами и новыми веяниями. Старые культы еще продолжали играть некоторую политическую роль. В обстановке непрерывных внутренних войн древние святилища могли еще предо-

ставлять право убежища и неприкосновенность, не всегда соблюдавшиеся воюющими, но дававшие все же некоторую гарантию безопасности. Так же как эллинистические монархии использовали привычную форму полиса для проведения своего влияния на Востоке, они использовали и древних эллинских богов, строили им храмы, организовывали в их честь игры и тем самым старались прославить свое величие и даже божественность.

Эллинизм не имел достаточной базы для создания мировой религии. Но он создал предпосылки для нее, и христианство при своем возникновении, уже в условиях Римской империи, имело налицо в готовом виде почти все основные элементы мировой религии.

«Греческая мифология составляла не только арсенал греческого искусства, но и его почву»[22]. Падение древних богов, превращение мифологии из предмета наивной веры в объект научного исследования и рационалистического толкования должно было отразиться и на искусстве. Изображения богов занимают большое место в греческом искусстве и в эллинистический период, но боги для скульптора лишь повод для разрешения чисто художественной проблемы, он творит не антропоморфного бога с божественными атрибутами, а скорее божественно прекрасного человека с человеческими чувствами и переживаниями. Портрет, жанровые группы и

[22] К. Маркс. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. I, стр. 203.

статуэтки занимают все больше места в творчестве художников.

Строительство храмов почти прекратилось, зато растет градостроительство, гражданская архитектура. Монументальность, грандиозность восточного искусства, сочетавшись с гармоничностью, изяществом и внутренней правдивостью классического греческого искусства, создали мировое эллинистическое искусство, продолжавшееся затем в Римской империи.

Во всех областях культуры эллинизм означает поворот всемирно-исторического значения. Многое было только намечено, эллинистическая экономика не создала условий для окончательной переработки классического наследия, для создания на его основе нового цельного мировоззрения, целостной гармоничной культуры. Противоречия рабовладельческого общества после краткого периода подъема сказались очень быстро и привели к тому, что развитие шло лихорадочными темпами с кратковременными взлетами и длительными периодами упадка; в некоторых областях – философии, литературе – упадок стал хроническим. Но в целом эллинистическая культура – это новая стадия в культурной истории человечества, повлиявшая на весь дальнейший ход ее.

Понять сущность эллинизма, его подъем и падение можно только из анализа движения античной рабовладельческой социально-экономической формации. Становится ясной и

историческая роль его как одного из этапов, на которых подтачивалась социально-экономическая ограниченность рабовладельческого общества, создавались, хотя в недостаточной степени, предпосылки для более прогрессивной общественно-экономической формации. Созданная на этой базе эллинистическая культура была принципиально новой, поскольку она, хотя в неполной мере, прорвала рамки прежней ограниченности. Но эллинистическая культура не должна заслонять тех материальных основ, на которых она возникла. Напротив, именно в аспекте общественных отношений становится ясной ее сущность и ее историческая роль.

Глава II
Александр Македонский

Новый этап античного рабовладельческого общества был подготовлен всей предшествующей историей Эллады и Востока. Подчинив себе почти всю Элладу, Филипп II Македонский заложил начало некоторого политического единства, которого не знал раньше греческий мир. Коринфский союз под гегемонией Филиппа не объединил Греции в одно государство, но означал начало конца автаркии греческих полисов; более или менее обширные федерации, лиги становятся затем господствующей формой в государственном устройстве Греции. Идея единства всех эллинов приобрела популярность в массах, а экономические причины настойчиво выдвигали необходимость такого единства.

С другой стороны, экономический упадок Греции заставлял греков поступать в наемные войска на Востоке, где они знакомились и сближались с народами иной культуры и сами заносили к ним элементы культуры эллинской.

Персидская держава в середине IV в. также клонилась к упадку. При преемниках Дария и Ксеркса обнаружилась рыхлость Персидского царства, в котором не только не создалось единства экономики, но и политическое единство оказалось шатким. Слишком различны были общественные

условия жизни народов, объединенных силой завоевания в случайный конгломерат; слишком различны были их политические и культурные традиции. Трудно было сплотить в одно целое Египет и Вавилон, греческие города Малой Азии и варварские племена глубинных горных районов и окраин Персидского царства.

Сатрапы все больше эмансипировались от центральной власти и становились полунезависимыми царьками. Египет отложился от царства Ахеменидов еще в 404 г., а при Артаксерксе II с 372 г. начинается ряд восстаний сатрапов, которые, казалось, поставили Персидскую державу на край гибели. Артаксеркс III Ох, сменивший в 358 г. на престоле своего отца Артаксеркса Мнемона, сумел, используя распри и соперничества между сатрапами, подавить основные очаги восстания и даже снова покорил Египет, в течение шестидесяти лет пользовавшийся независимостью. Дворцовый переворот, совершенный визирем, евнухом Багоасом, закончившийся гибелью семьи Артаксеркса, привел к воцарению младшего отпрыска рода – Дария III Кодомана (338 г.). Единство царства внешне восстановилось; но восстания, хотя и подавленные, показали его слабость и неустойчивость. Греки, участвовавшие в качестве союзников или наемников в военных операциях Артаксеркса II и Артаксеркса III, имели возможность реально оценить военную силу Персии, вскрыть ее слабость, убедиться в военном превосходстве греческой фаланги. Вожди отрядов греческих наем-

ников отваживались (и не без успеха) вести самостоятельную политику и выкраивать себе из Персидского царства собственные маленькие независимые владения. В Гераклее Понтийской Клеарх, образованный и дельный предводитель отряда наемников, взяв сторону демократии в ее борьбе против олигархии, сверг и перебил олигархов, конфисковал их имущество, освободил их рабов и объявил себя тираном. Он сумел сохранить власть в Гераклее и для своих потомков, и эта тирания пережила не только персидскую власть, но и Александра Македонского. Интересно, что Клеарх был проводником и покровителем эллинской культуры, в частности философии, и любителем греческой литературы, первым основателем греческой библиотеки. Выше уже упоминалось о менее удачливом Гермии, тиране Атарны, предоставившем г. Асс в распоряжение философов. Сохранилось адресованное ему письмо Платона (ep. VI; подлинность его оспаривается). Не только греческие тираны, но и местная карийская династия в лице ее виднейшего представителя Мавзола превратили Галикарнас в средоточие греческого искусства.

Участие греческих наемников в восточных войсках усиливало экономические связи между Востоком и Грецией, что, в частности, выразилось во взаимном проникновении монетных систем Персии и Греции[23].

Таким образом, многие элементы возникающего нового,

---

[23] G. G l o tz , P. Ro u s s e l , R. C oh en. Alexandre et l'hellénisation du monde antique, p. I, P., 1945, стр. 30.

эллинистического общества были уже налицо, когда на мировую арену выступил Александр Македонский, деятельность которого оказала влияние на все области политической, экономической и духовной жизни того времени и с которого принято обычно считать начало эллинизма.

Об Александре Македонском написана громадная литература; его деяния, его личность, его судьба уже в древности привлекали живейший интерес историков и философов. В литературе о нем много несомненно субъективного. Древние авторы задавали себе естественный вопрос – объясняются ли необычайные по размаху военные успехи и завоевания Александра удачей или его военным гением. Плутарх, написавший по хорошим источникам биографию Александра, посвятил этому вопросу специальную работу в двух частях – «De fortuna Alexandri Magni», где рисуется возвышенный моральный облик героя. Были и хулители, извлекавшие из жизнеописания Александра моралистические выводы другого рода; они обвиняли Александра в том, что, покорив чуть ли не весь мир, он стал предаваться роскоши и изнеженности и этим погубил себя и дело своей жизни.

И в новое время такие ученые, как Дройзен, Эд. Мейер, Вилькен и многие другие, не скрывают восторженного чувства, вызываемого у них деятельностью этого полководца и государственного деятеля. Раде[24] написал свою книгу об Александре в патетическом тоне, в котором звучит почти

[24] R a d e t. Alexandre le Grand, P., 1931.

мистическое преклонение перед героем. У нас С. И. Ковалев в своей специальной монографии пишет: «Дальнейшее историческое развитие пошло по тем путям, которые наметились при Александре. Римская мировая держава, Новоперсидская монархия Сассанидов и государства арабов частично или целиком сложились из обломков монархии Александра и продолжали развивать основы, заложенные во время великого похода македонян и греков на Восток»[25].

В литературе есть и другая тенденция – умалить значение личности Александра. Так, Ю. Белох[26] полагает, что Александр не мог быть великим стратегом и полководцем в таком молодом возрасте (21–25 лет), что его сумасбродные планы часто вели к ненужным и вредным предприятиям, что своими успехами он обязан войску, которое было организовано Филиппом, командирам и советникам, которых унаследовал от отца, наконец – развалу Персидского царства. «Александр пожал там, где посеял его отец». Но и Белох воздает должное Александру, сумевшему разумно использовать наследие отца.

Особенно привлекала и привлекает внимание деятельность Александра как полководца; его походы и данные им крупные сражения продолжают тщательно изучаться с точки зрения военного искусства. Знаменательно, что возникший еще в древности роман «Александр» в течение многих ве-

---

[25] С. И. К о в а л е в. Александр Македонский, Л., 1937, стр. 111–112.

[26] J. B e l o c h. Griechische Geschichte, IV, I2, 1925, стр. 63.

ков пользовался большой популярностью у многих народов, в частности в русской литературе.

История походов Александра и всей его деятельности подробно разработана в исторической литературе. Здесь достаточно будет дать лишь в самых общих чертах очерк истории кратковременного правления Александра и осветить стороны многообразной его деятельности, характеризующие исторический смысл событий, центром которых был Александр.

Александр, сын Филиппа II Македонского, родился в гекатомбейоне (по македонскому календарю – конец июля) 356 г. до н. э. в Пелле. Древнее предание гласит, что он родился в ту ночь, когда Герострат сжег храм Артемиды Эфесской – одно из «семи чудес света»; рождение Александра должно было, по легенде, возместить эту утрату. Мать его Олимпиада, дочь молосского царя, была, по описанию источников, женщиной властной, с демоническими страстями, в литературе – прообраз Клеопатры и Агриппины. Первым воспитателем Александра, и воспитателем суровым, был родственник Олимпиады Леонид. С 343 г. воспитателем Александра стал Аристотель, который тогда еще не был прославленным философом и ученым, но уже пользовался известностью. Три года – с 343 до 340 – Аристотель провел со своим учеником вдали от двора в небольшом городке Миезе. Многое из того, что рассказывалось об этом длительном общении величайших людей того времени, принадлежит, несомненно, легендам. Аристотель, безусловно, сумел привить

своему питомцу любовь к греческой культуре и понимание ее, интерес к науке. Ахилл и Геракл стали для Александра идеальными образцами, которым он стремился следовать.

Вернувшись в 340 г. ко двору отца, юный Александр стал уже принимать участие в политической жизни. В семнадцать лет он замещал отсутствовавшего Филиппа, руководил экспедицией против фракийцев и основал город Александрополь. Он командовал отрядом кавалерии в битве при Херонее и ездил в Афины в качестве представителя македонского царя.

В 337 г. Филипп отдалил от себя Олимпиаду и обручился с Клеопатрой. В связи с этим произошел разрыв между ним и Александром. Александру пришлось удалиться в Иллирию, его ближайшие друзья, в том числе Птолемей Лаг и Неарх, были высланы из Македонии. Вскоре, однако, Александр помирился с отцом. Когда в следующем году Филипп был убит, на Олимпиаду пало подозрение в соучастии, хотя прямых данных для этого нет.

В Македонии престолонаследие в виде перехода власти от отца к сыну не было установлено; здесь была возможна конкуренция между различными претендентами. Но крупнейшие полководцы Антипатр и Парменион, сохранившие верность дому Филиппа, обеспечили престол Александру. Чтобы утвердиться на троне, Александр перебил своих возможных соперников, в том числе своего брата Карана; Олимпиада расправилась с Клеопатрой и ее дочерью от Филиппа.

Известие о смерти Филиппа вызвало возбуждение в Греции, оживились надежды на освобождение из-под власти Македонии, снова появился на сцене Демосфен. Александр проявил характерную для него быстроту действий и решительность. Обойдя Темпейскую долину, он неожиданно появился в Фессалии, где его признали, как раньше Филиппа, главой Фессалийской лиги. Затем Александр поспешил в Фивы, где его внезапное появление подавило зародыши восстания. Растерявшиеся Афины выслали навстречу Александру делегацию с выражением покорности. Собрался синедрион Коринфской лиги, избравший Александра на место Филиппа предводителем в предстоящей войне против Персии.

Укрепив таким образом свои позиции в Греции, Александр весной 335 г., чтобы обеспечить свой тыл перед походом в Азию, выступил на север, переправился через Балканы и благодаря умелой и решительной тактике разбил трибаллов, угрожавших Дунайской границе. Мало того, чтобы обезвредить живших за Дунаем гетов, он на рыбачьих лодках переправился с 5500 воинов через Дунай и обратил в бегство гетов, ошеломленных его неожиданным появлением. Укрепив северную границу царства, Александр повернул в Иллирию, где, было, началось восстание. Несмотря на тяжелое положение, в котором очутилось здесь войско Александра, он нанес противникам поражение, в результате которого Иллирия перестала быть угрозой для Македонии.

Тем временем в Греции, в связи с уходом Александра в далекий поход и слухами о его гибели, снова поднялось освободительное движение. Вернувшиеся в Фивы демократы, изгнанные ранее Филиппом, осадили македонский гарнизон в Кадмее. Этолия, Элида, Аркадия готовились идти на помощь Фивам, Афины помогли им вооружением, Спарта собиралась выступить. Здесь опять быстрота действий и решительность Александра спасли положение. Из Иллирии он в невероятный для того времени срок (меньше чем в две недели), прежде чем восставшие успели объединить свои силы, появился у ворот Фив. Город был взят штурмом. По инспирированному Александром решению части совета Коринфской лиги, Александр произвел жестокую расправу с Фивами. Город был срыт до основания (пощажены только храмы и дом Пиндара), уцелевшее при штурме города население было продано в рабство. Устрашающий пример Фив заставил греков смириться. Афины отправили к Александру делегацию с поздравлениями, Этолия покорилась, Элида вернула к власти македонских ставленников. Александр милостиво согласился не требовать выдачи Демосфена и других вождей антимакедонской оппозиции. Только Харидем ушел в изгнание. Греция была умиротворена. Теперь можно было приступить к осуществлению задачи, поставленной еще Филиппом, – к походу против Персии.

В военных действиях 335 г. Александру не сопутствовали полководцы Филиппа, всеми операциями он руководил сам,

и здесь проявились его черты как полководца, немало способствовавшие его успехам в дальнейшем: быстрота, решительность, мужество, находчивость, умение устрашать врагов и примирять их с собой. Все эти качества давали Александру уверенность, необходимую для того, чтобы предпринять поход против великой Персидской державы, располагая малыми средствами – людскими и материальными.

По сообщению Плутарха (de fort. Alex. I, 3, p. 327, D–E), Александр предпринял поход в Азию, «имея в своем распоряжении 30 000 человек пехоты и 4000 конницы. Такое число указывает Аристобул. Царь Птолемей считает 30 000 пехоты, 5000 конницы, Анаксимен – 43 000 пехоты и 5500 конницы. А «блестящие» ресурсы, подготовленные ему фортуной, составляли 70 талантов, как говорит Аристобул; если верить Дуриду, у него было провианта только на тридцать дней. Наиболее близкими к истине надо признать цифры, указанные Птолемеем, так как он был не только участником походов Александра, но и его ближайшим соратником, и его сведения вполне заслуживают доверия. Ядро войска составляли македонские отряды. Это прежде всего македонская знать – гетэры («друзья», «товарищи» царя), всего около 1500 человек кавалерии; далее – фаланга педзетэров, мобильная, крепко сплоченная и дисциплинированная, 6000 человек, и 3000 более легко вооруженных гипаспистов, из коих одна часть («агема») составляла пешую гвардию царя. В коннице, кроме того, было около 1500 фессалийцев, ко-

торых Александр привлек как признанный вождь фессалийского объединения, и некоторое число воинов из фракийских племен.

Что касается Коринфского союза, то он был представлен в войске Александра всего семью тысячами человек, не игравшими к тому же активной роли в военных действиях в Азии. Это тем более странно, что в пехоте Александра служили греческие наемники. Очевидно, выступая в поход как στρατηγὸς αὐτοκράτωρ Коринфской лиги под лозунгом мести персам за разорение Греции и поругание ее святынь во время греко-персидских войн и во имя освобождения греческих городов Азии от гнета варваров-персов, Александр все же видел свою миссию не столько в осуществлении панэллинских идей, сколько в том прежде всего, чтобы создать большое Македонское царство, расширить свои владения; а по мере того как он одерживал все новые победы, идея мировой державы оттеснила и Македонию на второй план.

Для переправы в Азию и для завоевания Малоазиатского побережья Александру нужен был флот. Но и здесь он не использовал всех возможностей, какие ему могла бы предоставить Эллада. Флот из 170 кораблей, о котором сообщает Арриан (I, 11, 6), не только уступал персидскому флоту, но был гораздо меньше афинского флота. Между тем от афинян он потребовал только двадцать кораблей, и в литературе высказывалось мнение, что эллины, в частности афиняне, в войске и во флоте Александра были скорее заложниками,

чем союзниками. Все же флот Александра был в основном греческим. В своем послании к Хиосу в 332 г. (Syll.^{3} 283) Александр между прочим требует, чтобы хиосцы снарядили двадцать триер «и чтобы они плавали, пока остальной эллинский флот будет плавать с нами».

Хорошо была поставлена в войске Александра техническая служба. Войско было снабжено самыми совершенными по тому времени осадными метательными машинами, сооружением которых ведал крупнейший специалист Диад. Хорошо были организованы также счетная часть, снабжение войска, служба связи. Интересно, что при Александре состояли не только военачальники, но и ученые и философы – племянник Аристотеля Каллисфен, философ-материалист Анаксарх, Пиррон, ставший основоположником школы скептиков-пирронистов. Эвмен из Кардии ведал канцелярией и редактировал «эфемериды», журнал, отмечавший текущие события. Наряду с официальным историографом Каллисфеном работал как историк Аристобул. Географы и представители других точных наук, сопровождавшие экспедиции Александра, собирали и изучали богатый материал, открывавшийся взору ученых в малоизвестных и неизвестных ранее странах, и тем расширили научный кругозор греков. В частности, научная география стала возможной только после походов Александра.

Что касается непосредственных помощников Александра, то были испытанные еще при Филиппе опытные и

преданные полководцы. Первое место среди них занимал ближайший помощник Александра Парменион. Один из сыновей Пармениона, Филота, командовал гетэрами, другой, Никанор, – гипаспистами. Многие из его окружения продолжали и после смерти Александра играть крупную роль в истории – Пердикка, Антипатр и др., некоторые из них стали впоследствии царями – Антигон, Лисимах, Селевк, Птолемей.

Именно превосходство в вооружении, организации и дисциплинированности войска давало основания не только Александру, но и Филиппу и его полководцам рассчитывать на победу над войском Дария, численно превосходившим греко-македонское войско в несколько десятков раз. Правда, экспедиция, направленная в Малую Азию еще Филиппом под командованием Пармениона и Аттала, после ряда успехов вынуждена была вернуться в Македонию, и предводитель греческих наемников Дария – родосец Мемнон полностью овладел положением (только два опорных пункта на берегу Геллеспонта остались в руках македонцев). По всей вероятности, однако, Александр и его полководцы были осведомлены о состоянии персидского войска, отсталого по своему вооружению, действовавшего вразброд, не имевшего крепкого руководства; как с серьезной силой надо было считаться только с греческими наемниками, численность которых была невелика. Александр мог также рассчитывать на содействие и во всяком случае дружественный нейтралитет

греческих городов, поскольку война начиналась под лозунгом эллинского единства и освобождения греческих городов. Благоприятным симптомом было то, что персы проявили бездеятельность перед лицом надвигающейся опасности, которую они недооценивали. Обладая несомненным превосходством на море, они ничего не предприняли, чтобы помешать переправе Александра в Азию. Во всяком случае поход в Азию означал большое дерзание, но и планы Александра были, надо полагать, в то время достаточно скромны и не шли дальше овладения Малой Азией. Весной 334 г. Александр, оставив Антипатра в качество правителя Македонии и блюстителя ее интересов в Греции, на 160 кораблях переправился без помехи через Геллеспонт. Персы выслали против него отряд своей отличной кавалерии и греческих наемников Мемнона. Мемнон предложил сатрапам Азии отступить, опустошив оставляемые области, заманить Александра в глубь страны и затем перейти в контрнаступление. Но сатрапы отвергли этот план, не желая, в частности, разорять свои сатрапии, и готовились дать бой Александру.

Посетив после переправы Илион и продемонстрировав свою преданность эллинским героическим преданиям, Александр двинул войско к впадающей в Мраморное море речке Граник. Персы занимали противоположный берег с крутыми, местами отвесными склонами. Вопреки совету военачальников, Александр без передышки переправился через Граник, несмотря на то, что неприятель занимал более

выгодную позицию на высоком берегу, и вступил в бой с персидской кавалерией. Сражение едва не стоило жизни Александру, которого спас от смерти Клит. Благодаря стремительному натиску тяжелой конницы Александра легкая кавалерия персов была опрокинута и обращена в бегство, потеряв убитыми многих высших военачальников, в том числе лидийского сатрапа, зятя царя Спитридата. После этого македонская фаланга обрушилась на греческих наемников, стоявших в бездействии позади персидской кавалерии, и почти полностью их уничтожила; 2000 греков были взяты в плен. Мемнону удалось спастись. Потери македонцев убитыми составили всего 115 человек, из них 25 гетэров.

Победа при Гранике открыла Александру свободный путь по всему побережью, так как персы не подготовили другого войска, чтобы задержать продвижение Александра. Города Малой Азии стали сдаваться Александру. Он вступил в Сарды – важнейший опорный пункт персов, назначил Асандра сатрапом Лидии и даровал городам Лидии свободу и «право пользоваться старыми лидийскими законами» (Arr. I, 17, 4).

Продвигаясь дальше вдоль побережья, Александр и его полководцы заняли, не встречая сопротивления, один за другим крупнейшие города, в том числе Эфес. Милет оказал сопротивление, но был взят штурмом, и часть греческих наемников перешла на сторону победителей. Персидский флот не сумел явиться вовремя и оказать помощь своим наемникам в Милете. В Карии ожесточенное сопротивление оказал

Галикарнас, но после осады был взят.

После этого Александр прошел на юг до скалистого Климакса в Ликии, затем повернул в глубь Фригии и остановился на зиму в древней столице Гордии, где, по преданию, разрубив запутанный гордиев узел (на колеснице легендарного царя Гордия), утвердил за собой предсказанное пророчеством владычество над Азией. В завоеванных и занятых городах Александр восстанавливал демократию и объявлял греческие города свободными и автономными.

Тем временем Мемнон, спасшийся от разгрома при Гранике, получил от Дария широкие полномочия для борьбы с Александром. Мемнон решил перенести войну на территорию Греции. Он захватил Хиос, города на Лесбосе, но во время осады внезапно умер. Арриан (II, 1, 3) расценивает смерть Мемнона как величайшую потерю для Дария, а Диодор считает (XVII, 29, 4), что с его смертью дело Дария погибло. Сменивший Мемнона Фарнабаз взял Митилену и Тенедос, но расчеты на восстание в Греции не оправдались; к тому же Дарий отозвал греческих наемников. После этого военачальнику Александра Гегелоху не стоило большого труда вновь освободить острова, подавить олигархов и тиранов и восстановить демократию. Александр, выступив из Гордия, дошел до Анкиры. Соседняя Пафлагония изъявила покорность. Оттуда он прошел через Каппадокию и при попустительстве персов, благодаря своей обычной быстроте действий, совершил смелый переход через Киликийские во-

рота в горах Тавра.

После остановки в Тарсе, где он заболел, Александр пошел навстречу Дарию, собравшему большое войско и расположившемуся у местечка Сохи, на удобной позиции, где он мог использовать свое численное превосходство. Думая, однако, что Александр уклоняется от генерального сражения, Дарий покинул свою удачную позицию и продвинулся в Иссу. Положение Александра было рискованным, так как Дарий оказался у него в тылу. В случае поражения Александр оказался бы отрезанным. Но он решительно повернул против неприятеля, первый бросился во главе своей конницы на левый фланг противника и рассеял его. Дарий немедленно бежал с поля битвы. Греческие наемники Дария и правый фланг его войска сражались мужественно и даже потеснили левый фланг под командованием Пармениона; но угроза с фланга заставила наемников отступить, а при известии о бегстве Дария отступление стало всеобщим. Так с небольшими потерями Александр выиграл одну из величайших по своим последствиям битв в мировой истории (осень 333 г.).

Победителю достался роскошный шатер бежавшего царя; оказалось, что в поспешном бегстве Дарий забыл о сопровождавшей его семье; мать, жена и две дочери Дария оказались пленницами македонского царя.

Можно было бы ожидать, что опьяненный успехом Александр немедленно двинется в глубь Персидского царства. Ведь на этот раз он, имея меньше войск, чем при Гранике

(часть его армии была выделена в качестве гарнизонов в завоеванных городах и на отдельные местные операции), одержал победу над всем войском царя. Но у Александра, по-видимому, в результате победы созрел план покорения всего Персидского царства, чтобы создать на его месте свое мировое государство; а для этого надо было закрепить свои завоевания и обеспечить себе тем самым прочный тыл. Малая Азия была не вся завоевана, но и те области, куда не вступили войска Александра, были отрезаны от Персии и оказались во власти Александра. Надо было организовать управление Малой Азией.

Уже с самого начала начинают вырисовываться новые черты в монархии Александра, отличающие ее не только от персидской деспотии, но и от типа эллинских государств. Александр сохранил деление страны на сатрапии, заменяя, конечно, персидских сатрапов своими людьми, да и то не везде: в Каппадокии остался прежний правитель, бывший в сущности самостоятельным царьком, а не слугой Дария; в Гераклее Понтийской остается у власти династия тирана Клеарха; в Карии Александр вручает управление жене галикарнасского династа Аде. Но в то время как персидские сатрапы сосредоточили в своих руках гражданскую и военную власть, сами взимали подати с населения, чеканили свою монету, Александр предоставил своим сатрапам военную власть, притом ограниченную предначертаниями царя, но не дал им функций хозяйственных и финансовых. Эпиме-

леты в округах получали от населения подати и другие доходы и вносили их непосредственно в царскую казну. Главным казначеем (ἐπὶ χρημάτων) для всей Малой Азии до Тавра был назначен Филоксен. Чеканка монеты была централизована. Таким путем были заложены элементы централизации государственного аппарата, единства управления, экономической связи между сатрапиями, переставшими быть полунезависимыми княжествами.

Для суждения о характере возникавшего уже в начале завоевательных походов Александра нового типа государственного строя большое значение имеет исследование политики Александра по отношению к греческим городам Малой Азии.

Источники единодушно сообщают, что Александр, завоевывая Азию, освобождал эллинские города. Арриан рассказывает (I, 17, 4), что Александр «предоставил сардийцам и прочим лидийцам пользоваться старыми лидийскими законами и сделал их свободными» (ἐλευθέρους εἶναι ἀφῆκεν). Из Эфеса Александр «отправил Алкимаха, сына Агафокла, с немалой силой на эолийские города и те из ионийских городов, которые еще оставались под властью варваров, и приказал ему всюду низвергать олигархии и устанавливать демократию, вернуть каждому городу его собственные законы и освободить от податей, какие они платили варварам» (I, 18, 12). О том же сообщает и Диодор (XVII, 24, 1). Идея освобождения греческих городов из-под власти персов бы-

ла популярна со времени греко-персидских войн, а панэллинизм, пропагандируемый особенно Исократом, стал лозунгом внешней и внутренней политики Филиппа; под этим лозунгом Филипп легализовал свое добытое силой оружия положение ἡγεμών'а Коринфской лиги и для предстоящего похода в Азию. Направив Аталла и Пармениона в Азию, Филипп поручил им «освободить эллинские города» (Diod. XVI, 91, 2). Освобождение эллинских городов способствовало тому, что война становилась популярной, при тех малых военных силах, денежных и материальных средствах, какими располагал Александр в начале своих азиатских походов, ему было совершенно необходимо обеспечить свой тыл, заручившись симпатиями и реальной поддержкой освобожденных греческих (и не греческих) городов. Восстановление демократии в завоеванных греческих городах также диктовалось в первую очередь не демократическими убеждениями, а военными соображениями – тираны, цари и олигархи держали сторону персов. Что и на первых шагах своей деятельности Александр не был принципиальным врагом тиранов и олигархов, мы имеем и прямое свидетельство в надписи из Эреса о суде над тираном Агониппом (OGIS 8): ему между прочим вменяется в вину, что он явился к Александру и оклеветал перед ним граждан. Но независимо от военных соображений Александр должен был считаться с тем, что поход в Азию был предпринят от имени Коринфской лиги для освобождения эллинов (Diod. XVII, 24, 1); после Гра-

ника он отправил добычу в Афины в дар богине Афине от имени «Александра, сына Филиппа, и эллинов, кроме лакедемонян» (Arr. I, 16, 6; Plut., Alex. 16).

В последнее время, однако, политика Александра по отношению к греческим городам подвергнута сомнению. В 1934 г. Э. Бикерман выступил с опровержением «пущенной Дройзеном бездоказательной (?!) мысли», будто Александр вернул свободу греческим городам в Азии[27]. В. Эренберг, посвятивший этой теме специальную монографию[28], считает, что Бикерман сделал важное открытие, и сам развивает и уточняет положения Бикермана.

Концепция Бикермана – образец буржуазного формализма, оперирующего отвлеченно-юридическими категориями. Она основана на чисто формальном подходе к исследуемой теме. Он выдвигает вначале два «простых постулата»: 1) Александр вел войну против Персии; 2) Александр принимал законы войны своего времени. Отсюда он делает вывод, что все действия Александра определяются его ролью завоевателя.

«Простые» постулаты Бикермана, однако, отнюдь не так просты, как ему кажется. Александр воевал с персами; но он воевал в конкретных исторических условиях, выдвигавших перед завоевателем специальные задачи, субъективные

---

[27] E. B i c k e r m a n n. Alexandre le Grand et les villes d'Asie, REG 47 (1934), стр. 346.

[28] V. E h r e n b e r g. Alexander and the Greeks, Oxf., 1941.

и объективные, настолько сложные, что из одного факта ведения войны никак нельзя вывести всех последствий войны и всех политических мероприятий, неразрывно связанных с этой войной. Да и сама война была (и это основное) результатом сложного исторического процесса, приведшего к кризису эллинских государств и крушению Персидской державы.

Что касается второго постулата Бикермана, он просто верен. Как бы мы ни расценивали личность самого Александра, не подлежит сомнению, что завоевания Александра означали такой переворот во взаимоотношениях между победителями и побежденными, какого мир до того не знал. Современники Александра, античные историки и философы, лучше поняли сущность и характер политики Александра. Именно в действиях Александра как завоевателя Плутарх усматривает основание причислить его к философам (de fort. Alex., p. 432 F).

Еще более формально подходит Бикерман к вопросу об отношении Александра к Персии и Элладе. По его мнению, Александр применял здесь ius talionis: персы в свое время ограбили Грецию – Александр грабил Персию; персы жгли греческие города – Александр сжег Персеполь; персы заняли территорию Эллады – Александр захватил территорию Персии. Но персы не захватили и не удержали ни одного города в Элладе – Александр не счел нужным отдать Элладе какой-нибудь из завоеванных им городов. Именно поэтому, ру-

ководствуясь ius talionis, Александр не включил освобожденных от персидского владычества азиатских городов в состав Коринфской лиги.

Это рассуждение Бикермана свидетельствует лишь о том, к каким неверным выводам может привести формально-юридический подход к историческим событиям[29].

Что означала свобода, которую провозглашал Александр? В это понятие различные историки вкладывают различное содержание, но и в древности оно имело в разных исторических условиях разное значение: ἐλευθερία означала между прочим свободу от долгов, и в деловых документах так обозначается имущество, свободное от долговых обязательств. В этом смысле применяет этот термин Антигон в письме к Теосу (RC 3); у него получается даже как бы каламбур; он говорит о своих заботах о финансовом благополучии города: … συντάσσομαι ταῦτα θεωροῦντες, ὅπως ὧν ὀφείλουσιν αἱ πόλεις ἐλεύθεραι γένωνται, νομίζοντες γὰρ ὑμᾶς τό γε ἐφ' ἡμῖν εἶναι τἆλλα ἐλευθέρους καὶ αὐτονόμους κτλ. («мы это устанавливаем для того, чтобы города стали свободны-

[29] Исходя из таких же бессодержательных формальных рассуждений, A. Heuss (Staat und Herrscher des Hellenismus «Klio», Beih. 39, 1937) приходит к диаметрально противоположному выводу, будто подчиненные эллинистическим монархиям города были вполне суверенны и лишь были дружественно настроены к монархии. Оспаривать точку зрения Heuss'a нет смысла. Его книга просто невежественна. Автор не знает материала, а тех данных, которые ему известны, он не понимает. Даже греческого языка он не знает и, например, повеление Εἶναι τὴν πόλιν ἐλευθέραν («быть городу свободным») он переводит изъявительным наклонением и делает отсюда соответствующие выводы.

ми от долгов, полагая, что поскольку это от нас зависит, мы и в других отношениях сделали вас свободными и независимыми»). В договоре между Антигоном и Полиперхонтом предусматриваются εἶναι δὲ καὶ τοὺς Ἕλληνας πάντας ἐλευθέρους, ἀφρουρήτους, αὐτονόμους (Diod. XIX, 61, 3). В других случаях встречается αὐτονόμος καὶ ἀφορολόγητος (RC 15, 23, 26), ἱερὰ καὶ ἄσυλος καὶ ἀφορολόγητος (RC 35, 6, 8), ἐλευθερία καὶ αὐτονομία (RC 1, 55). Принято считать, что все эти термины, называемые рядом с ἐλευθερία, составляют собственно содержание понятия ἐλευθερία – отсутствие гарнизона, собственная конституция (αὐτονομία), свобода от подати; в содержание автономии включают также право чеканки монеты. Но означает ли ἐλευθερία в то время государственный суверенитет?

Коринфская лига составляла формально союз суверенных государств, основанный на договоре. В присяге члены лиги обязываются[30] ἐμμενῶ [τῆι συμμαχίαι καὶ οὐ λύσω τὰς σ]υνθήκας τὰ[ς πρὸς Φίλιππον Μακεδόνα οὐδ[ὲ ὅπλα ἐποί[σω ἐπὶ πημονῆι ἐπ᾽ οὐδένα τῶν] ἐμμενόντων ἐν το[ῖς ὅρκοις οὔτε κατὰ γῆν] οὔτε κατὰ θάλασ[σαν· οὐδὲ πόλιν οὐδὲ φρο] ύριον καταλήψομ[αι οὔτε λιμένα ἐπι πολέ]μωι οὐδενὸς τῶν τ[ῆς εἰρήνης κοινονούντ]ων τέχνηι οὐδεμί[αι οὔτε μηχανῆι· οὐδὲ τὴ]ν βασιλείαν [τ] ὴν Φ[ιλίππου καὶ τῶν ἐκγόν]ων καταλύσω ὀ δὲ (sic) τὰ[ς πολιτείας τάς οὔσας] παρ᾽ ἑκάστοις κτλ. Здесь мы имеем формальную симма-

[30] Syll.[3] 260; U. W i l c k e n. Philipp II von Makedonien…

хию, и соответствующая реконструкция текста Вилькеном (συμμαχία) не вызывает сомнения. Но эта «добровольная» симмахия суверенных государств – результат поражения эллинских свободных полисов при Херонее, давшего Филиппу господство над Элладой. Суверенитет входящих в симмахию полисов имеет не больше значения, чем суверенитет городов по отношению к Антигону и Деметрию Полиоркету в эпидаврской надписи 302 г., сформулированной в тех же выражениях[31].

В период диадохов ἐλευθερία теряет всякую связь с понятием государственной независимости и суверенитета. Мы уже видели, как Антигон печется о «свободе» Теоса, распоряжаясь городом как полновластный хозяин. В другом документе, в своем манифесте 311 г. (RC 1), Антигон пишет греческим городам (сохранившийся в надписи экземпляр адресован Скепсису), что он старается о свободе эллинов и что в соглашении между ним и коалицией Кассандра, Лисимаха и Птолемея оговорено, что все греки должны принести клятву «взаимно охранять свободу и автономию». Скепсис откликнулся на манифест Антигона декретом об увенчании его и его сыновей и об учреждении ему культа (OGIS 7). Это, однако, не помешало Антигону вскоре принудить Скепсис к синойкизму с основанным им городом Антигонией Троадой (позднее Александрия Троада). Свобода не означает даже освобождения от подати, которое оговаривается особо.

[31] APAW, 1927, стр. 14–15.

Но нет основания думать, что в этом, как и в многочисленных других случаях, мы имеем с обеих сторон только лицемерие. Ведь города дорожили этой свободой и домогались ее. Ἐλευθερία не обозначала суверенитета; но она для того времени означала самоуправление, свою гражданственность, свои νόμοι, свободу распоряжения земельной территорией, принадлежащей городу. Конечно, в то время, к которому относятся походы Александра, существовали действительно свободные суверенные полисы (например, Спарта). Ламийская война показала, что стремление к сохранению действительной независимости и свободы не было подавлено у греков ни Филиппом, ни Александром, ни Антипатром. Но именно политика Александра, направленная к созданию единой мировой монархии, должна была изменить содержание понятия ἐλευθερία, которая в своем прежнем значении несовместима с суверенитетом монарха, с включением всей завоеванной территории вместе с Элладой в единое государство.

Что касается греческих или эллинизированных городов на Востоке, то их освобождение мыслилось, с точки зрения эллинов, как освобождение только от персидской власти. Этим отчасти объясняется, что не все греческие города в Малой Азии с энтузиазмом встречали Александра и не только Тир, Газа, Галикарнас, но и небольшие города Аспенд, Сиде, Солы оказали ему сопротивление. В процессе завоевания у Александра все больше укреплялась идея мирового

господства, и старые панэллинские лозунги утрачивали свою актуальность, все меньшую роль играли в политике завоевателя.

Таким образом, понятие «свободы» изменило свое содержание; если, может быть, вначале мерещилась картина панэллинского союза, куда входили бы и азиатские πόλεις Ἑλληνίδες под эгидой македонского царя, то уж во всяком случае после битвы при Иссе об этом не могло быть речи. «Свобода» была не свободой классического полиса с его автаркией и ограниченностью, а свободой в смысле противопоставления восточной деспотии, в смысле включения в качестве автономной единицы в систему нового типа государства, до тех пор неизвестного. Только о такой свободе и может идти речь, когда Александр говорил об освобождении городов.

В первый период войны, конечно, еще панэллинская идея задавала тон в политике. Мало того, Александру еще надо было утвердить свое право выступать от имени эллинства не только по праву победителя, но и как носителю эллинской культуры. Он выступал в роли нового Ахилла. Поэтому он первую добычу посвящает Афине; он принимает от Милета почетную должность стефанефора-эпонима на 334/333 г. В Приене от его имени освящается храм Афины-Полиады (Syll.^{3} 277). Он хотел, чтобы и в Эфесе на вновь выстроенном после геростратова пожара храме Артемиды красовалось его имя, обещав за это возместить все прошлые и будущие рас-

ходы на храм. Впрочем, эфесцы отклонили это предложение под благовидным предлогом, что не подобает богу делать подношения богам (Strab. XIV, 641).

Особенно много заботы он проявил об Илионе. «Нынешний город Илион был в то время, говорят, деревушкой. Александр после победы при Гранике, прибыв туда, украсил святилище приношениями, объявил Илион городом, предписал эпимелетам отстроить его, объявил его свободным и освобожденным от подати» (Strab. XIII, 593). Но уже жестокая расправа с Фивами[32] показала, что с самого начала на первом месте стояло у Александра укрепление собственной власти для осуществления планов завоеваний на Востоке.

Освобождение городов Азии не могло в то время означать предоставление им независимости или даже включение их в Коринфскую лигу, т. е. расширение эллинского государства. Политику Александра следует рассматривать и оценивать не с точки зрения идеологов панэллинизма или формально-юридических норм нынешнего международного права, а с точки зрения тех задач, которые ставил перед собой Александр.

Уже первый засвидетельствованный в надписи акт Александра отражает его позицию в вопросе об азиатских греческих городах. В приенской надписи 334 г. (OGIS 1) приен-

[32] Вилькен (Alexander…, стр. 66) видит в этом акте выражение преданности Александра… панэллинской идее! Вот до чего может довести формально-юридическое отношение к историческим событиям.

цы объявляются «автономными и свободными», но это не означает независимости Приены, хотя бы в форме включения ее в Коринфский союз; Александр прямо заявляет, что χώρα – его собственность, и население κῶμαι должно платить φόρος; но город Приену он освобождает от σύνταξις, под которым, очевидно, разумеется подать, которую Приена платила персам. В сильно фрагментированной последней части надписи упоминаются φρουρά, δίκας, δικαστήριον; по-видимому, в указе Александра регулируются вопросы о гарнизоне и об организации суда. Мы видим, что не только свобода, но и автономия Приены довольно сомнительна. И тем не менее в другой надписи 334 г., в честь Антигона (Syll.^{3} 278) Приена устанавливала у себя как бы новую эру – αὐτονόμων ἐόντων τῶν Πριηνέων (ср. Syll.^{3} 282).

Особый интерес представляет надпись из Хиоса (весна 332 г.), содержащая указ Александра. Хиос был освобожден после Граника, олигархи здесь были свергнуты. Но в 333 г. Мемнон отвоевал остров для Дария, а после смерти Мемнона остров оставался во власти Фарнабаза (Arr. II, 13, 5). Уже после битвы при Иссе, Гегелох по поручению Александра осадил Хиос; в это время в городе произошли какие-то раздоры между олигархами и греческими наемниками; воспользовавшись этим, демократическая партия сдала город македонянам (Arr. III, 2, 3–4). Во время осады города Александр и издал свой эдикт (Syll.^{3} 283): «При притане Дейси-

тее от царя Александра народу хиосцев. Пусть все изгнанники из Хиоса возвратятся, а государственный строй в Хиосе да будет демократический (πολίτευμα δὲ εἶναι ἐν Χίωι δῆμον). Пусть будут избраны номографы, чтобы они записали и исправили законы, чтобы не было ничего противоречащего демократии или возвращению изгнанников; написанные или исправленные (законы) представить Александру. Пусть хиосцы представят двадцать триер, снаряженных на их средства, пусть они плавают до тех пор, пока остальной эллинский флот будет плавать с нами. Из лиц, предавших город варварам, кто успеет бежать, те пусть будут изгнанниками из всех городов, участвующих в мире (т. е. в Коринфской лиге), и пусть они подлежат выдаче согласно решению эллинов. А кто из них останется, тех представить на суд синедриона эллинов. Если возникнут какие-либо споры между вернувшимися и остающимися в городе, они должны разрешаться у нас. Пока хиосцы не поладят, пусть будет у них гарнизон (φυλακή) от царя Александра, какой окажется достаточным; хиосцы должны его содержать».

Из того, что о бегстве предателей или их пребывании в городе говорится в будущем времени, надо заключить, что указ Александра был издан и послан Гегелоху еще до взятия города, когда, следовательно, Александр был особенно заинтересован в расположении граждан. Между тем вторичное освобождение Хиоса не означает даже автономии; новые законы пишутся по указанию Александра и поступают к нему

на утверждение; споры между вернувшимися изгнанниками и населением города решает Александр; под предлогом охраны порядка в городе остается гарнизон, который горожане обязаны содержать на свой счет. Двадцать триер Хиос должен представить, по-видимому, на правах члена Коринфской симмахии. Но и Коринфской лигой Александр распоряжается по своему усмотрению. Как мы знаем из Арриана (III, 2, 5 сл.), Гегелох отправил захваченных олигархов Хиоса не на суд Лиги, а к Александру, который сослал их в Элефантину. Указ направляет на суд синедриона только незначительных сторонников олигархии, нашедших возможным оставаться в городе и после его занятия македонскими войсками. Бежавшие в пределы городов, входящих в Коринфскую лигу, объявляются ἀγώγιμοι, но за пределами этих городов изгнанники, очевидно, находились в полном распоряжении Александра.

Митилена входила в состав Коринфской лиги. Но и здесь урегулирование споров между οἱ ἐν τᾷ πόλι πρόσθε ἔοντες и οἱ κατεληλύθοντες совершается, как указано ἐν ταῖς διαλυσίεσσι ταὶς ὁ βασίλευς ἐπέκριννε (OGIS 2, строка 29), т. е. споры между вернувшимися изгнанниками и местным населением разрешаются в соответствии с предписанием царя.

Завершением политики Александра по отношению к греческим городам был его знаменитый указ, оглашенный Никанором на олимпийских играх 324 г. «Царь Александр из-

гнанникам эллинских городов (Ἑλληνίδων πόλεων). В том, что вы в изгнании, мы неповинны, но вашему возвращению, каждому на свою родину, мы будем причиной, за исключением подвергнувшихся проклятию. Мы написали Антипатру, чтобы он принудил те города, какие не захотят вернуть изгнанников» (Diod. XVIII, 8). Известно, к каким тяжелым последствиям привело обнародование этого указа в Греции. Но, например, Тегея приняла его как должное. В надписи 324 г. (Syll.^{3} 306 [текст уточнен. – *Ред.*]) они пишут: …[βασιλεὺς Ἀλέξ]ανδρος τὸ διάγρ[α] μμα, γραφῆναι κατὰ τὰ ἐ[πανω]ρθώσατο ἁ πόλις τὰ ἐν τοῖ διαγράμματι ἀντιλεγόμενα· τὸς φυγάδας τὸς κατενθόντας τὰ πατρῶια κομίζεσθαι κτλ. Тегейцы исправили свои законы, противоречившие διάγραμμα Александра, и получилось, таким образом, что они возвращают изгнанников в соответствии со своими законами.

При таком отношении к установившейся власти македонского царя, ставшего владыкой мира, вполне понятно, что и диадохи, может быть, вполне искренне, считали, что уважают свободу и автономию эллинских городов, хотя фактически с ними не считались; а с другой стороны, города пишут о царе и его преемниках в тоне покорного раболепия, напоминающем почетные декреты периода Римской империи. Интересна в этом смысле надпись в честь Терсиппа: когда после смерти Александра Филипп Арридей и Александр унаследовали престол, Терсипп,

ἔων [τοῖς βασ]ιλήεσσι φίλος καὶ τοῖς στροτ[άγοισι] καὶ τοῖς ἄλλοις Μακεδόνεσσι, оказал городу большие услуги. Ἀ[ντιπ] άτρω γὰρ ἐπιτάξαντος χρήματα εἰς τὸμ πόλεμον εἰσφέρην, πάντων τῶν ἄλλων εἰσφερόντων Θέρσιππος παραγενόμενος πρὸς τοὶς βασίληας καὶ Ἀντίπατρον ἐκο[ύ]φισσε τὰμ πόλιν· ἔπραξε δὲ πρὸς Κλε[ῖτ]ον περὶ τᾶς εἰς Κύπρον στρατείας καὶ ἐ[κ] μεγάλας δαπάνας εἰς μῖκρον συνάγαγε (OGlS, 4 [lin.10–16] [текст уточнен. – *Ред.*]). Важно отметить, помимо раболепного тона по отношению к царям и стратегам, то обстоятельство, что и Александр и рядовые военачальники накладывают на свободные эллинские города военные налоги. Но это соответствовало тогдашним понятиям о свободе и слагавшемуся новому типу государства.

Бикерман и вслед за ним Эренберг были бы вполне удовлетворены свободой греческих городов, если бы они были включены Александром в Коринфскую лигу; тогда все формально было бы правильно; но по существу это ничего бы не изменило. Свобода в системе эллинистической монархии имела иное значение, чем в системе эллинских полисов классического времени; задача эллинистических монархий в том и состояла, чтобы положить конец партикуляризму, ограниченности, раздробленности греческих полисов, но то не было деспотией или тиранией, то было нечто совершенно новое; параллельно с падением независимости греческих городов шло втягивание в политическую жизнь, приобще-

ние к эллинской культуре народов Востока. Политика Александра была гораздо шире, чем это кажется с узко эллинской точки зрения, или с точки зрения формально-юридической, не считающейся с конкретными историческими условиями. Древние авторы хорошо это понимали.

Александр, пишет Плутарх, «построив для варварских народов более семидесяти городов и рассеяв по Азии семена эллинских учреждений, поднял их». «Ибо он прошел по Азии не как разбойник и не потому, что вознамерился захватить и набрать данную неожиданной удачей добычу и наживу, как впоследствии Ганнибал вторгся в Испанию, а до того треры в Ионию и скифы в Мидию, но, желая, чтобы все люди на земле стали повиноваться одному разуму и одному государственному строю, он соответственно этому себя сформировал».

Мы не имеем прямых данных для суждения о тех сознательных целях, какие себе ставил Александр. Созданная им грандиозная держава оставалась конгломератом различных племен и народов с различными формами политической и общественной жизни. Он не проводил последовательной политики во всех завоеванных областях; он сохранил храмовые территории и их систему управления, оставил у власти финикийских царьков, иерусалимскую иерократию и т. д. В том объеме, в каком ее создал Александр, держава его не могла существовать продолжительное время и распалась, но некоторые черты его политики продолжались его преемниками.

Мы не знаем тех 70 с лишком городов, которые, по словам Плутарха, построил Александр на Востоке[33], но Александрия и Ходжент, ставший Ленинаканом, Кандагар и Герат существуют поныне, и, главное, его строительство городов послужило примером для градостроительства диадохов – Селевкидов, Птолемеев, Атталидов.

В своей политике по отношению к греческим городам Малой Азии Александр мог руководствоваться в каждом конкретном случае множеством разнообразных мотивов, в том числе случайных, личных, даже может быть мелочных. Но вся его политика в целом велась в направлении, объективно диктуемом условиями экономической и общественной жизни того времени. Политика по отношению к Элладе и Ἑλληνίδες πόλεις была одним из элементов, из которых создавался новый период в истории человечества – эллинизм.

После поражения при Иссе военная сила Дария не была еще сломлена, а на море персидский флот занимал господствующее положение. Александр с самого начала не стремился создать собственный сильный флот, рассчитывая с суши сокрушить могущество флота Дария, лишив его баз. Вероятнее всего, Александр не хотел прибегать к помощи флота эллинов, чтобы не дать им права претендовать на участие во владении завоеванными территориями. Если греки дела-

[33] В. Шапо даже пытался на основании чисто теоретических соображении доказать, что основанные Александром города не м о гл и существовать долго, и македонские колонии на Востоке должны были вскоре исчезнуть. См. V. C h ap o t. Alexandre fondateur de villes. «Mélanges Glotz», P., 1932.

ли вид, будто они – союзники Македонии, а Филипп и Александр – избранные ими руководители, то Александр, хотя и отдавал некоторую дань фикции «союза», по существу смотрел и на Элладу как на часть (правда, непокорную и хлопотливую) своего государства и не был заинтересован в помощи греков. Завершением этой политики было то, что в 330 г., после окончательной победы над Дарием, Александр отпустил домой и те незначительные контингенты, которые он получил от Коринфского союза, и даже фессалийскую конницу.

Итак, предоставив Дарию набирать силы для нового боя, Александр двинулся вдоль сирийского побережья. Парменион пошел в глубь Сирии и без боя взял Дамаск, где захватил большую добычу, разрешившую денежные затруднения Александра. В начале сирийского похода в Марафе Александр принял посольство Дария, предлагавшего мир и дружбу. Но Александр отверг предложение Дария, требуя безусловной сдачи[34]. Финикийские города – Арад, Библ, Сидон – один за другим сдавались Александру; только Тир вступил было в переговоры, но отказался впустить Александра в расположенный на острове город. Александр приступил к осаде Тира, считавшегося тогда неприступным; даже Навуходоносор не сумел его взять. Александр приступил к со-

[34] Запутанный в источниках (Арриан, Плутарх, Диодор, Курций Руф) вопрос о количестве посланных посольств Дария к Александру и о содержании его предложений основательно разобран проф. С. И. Ковалевым («Переговоры Дария с Александром и македонская оппозиция», ВДИ, 3, 1946, стр. 46 сл.).

оружению двухкилометровой дамбы между берегом и островом; несмотря на сопротивление Тира, дамба была построена, но осажденные разрушили дамбу и сожгли возведенные на ней осадные сооружения. Александр мобилизовал флот финикийцев, Родоса, Кипра и других городов и обложил Тир со всех сторон. После нескольких приступов отчаянное сопротивление тирян было сломлено. Город был взят (лето 332 г.), значительная часть населения перебита, около 30 тысяч человек проданы в рабство. Примерно семь месяцев продолжалась осада Тира. Но взятие этого крупнейшего опорного пункта Персии на Средиземном море и, главное, «неприступной» крепости сильно подняло престиж Александра; оно имело и далеко идущие последствия для организации государства Александра и его преемников, так как падение Тира способствовало быстрому росту и расцвету новых городов, созданных Александром и его преемниками.

Еще во время осады Тира Дарий вторично предложил Александру мир. На этот раз он предлагал Александру все территории к западу от Евфрата, 10 000 талантов в качестве выкупа за свою семью, попавшую в плен при Иссе, руку своей дочери и в виде заложника – своего сына Оха. На созванном по этому поводу совете Парменион заявил, что если бы он был Александром, он бы принял это предложение. На это Александр ответил, что и он бы его принял, если бы он был Парменионом. В этом анекдоте, который приводится во всех источниках, дана характеристика различных взглядов, с од-

ной стороны, македонской знати, а с другой – Александра на цели и задачи войны. Александр уже видел себя владыкой Востока и ни на какие частичные уступки не шел. Дарию оставалось только готовиться к дальнейшей борьбе.

В своем движении к югу после взятия Тира Александру пришлось задержаться у древнего филистимского города Газы, оказавшего сопротивление. После двухмесячной осады город был взят, население частью перебито, частью продано в рабство. Александр заложил здесь греко-македонскую колонию.

Наконец, Александр дошел до Пелузия и вступил на территорию Египта. Персидский сатрап Мазак не оказал сопротивления, и Александр завладел Египтом без жертв. Проследовав в Мемфис, Александр оказал принятые почести Апису и египетским богам, и египетские жрецы признали его фараоном. Однако сам Александр, очевидно, вовсе не мечтал о том, чтобы стать фараоном Египта, хотя это, несомненно, должно было укрепить его позиции на Востоке. Мы не знаем его мыслей и планов, но его действия вели к «смешению народов, обычаев, законов», к созданию не греческого, не египетского, даже не македонского, а единого всеохватывающего государства. Одним из важных элементов среди мероприятий Александра в этом направлении было основание Александрии в Египте. Из Мемфиса он спустился по Нилу к морю и здесь у острова Фароса заложил свой первый город, ставший впоследствии крупнейшим экономическим и культур-

ным центром эллинистического мира.

Александр внес существенные изменения и в систему управления Египтом. И здесь он отделил гражданскую власть от военной; назначив македонцев правителями Ливии и прилегающей к Аравии части Египта, он поручил гражданское управление собственно Египтом египтянину. Финансовое ведомство было выделено и поручено Клеомену. Македонские гарнизоны и флотилия в устье Нила остались под командованием македонцев. Таким образом, единоличная власть сатрапа была децентрализована, вместе с тем сделана попытка сближения с местным населением. Культурное сближение между греко-македонцами и египтянами должно было выразиться в признании Александром египетских культов, в планах соединения в Александрии культов греческих и египетских богов (Arr. III, 1, 5).

Во время пребывания Александра в Египте к нему прибыл Гегелох, сообщивший о ликвидации морского могущества персов и о присоединении островов к державе Александра. Теперь у Александра была полная свобода действий на Востоке – тыл был прочно обеспечен.

Прежде чем покинуть Египет, Александр совершил романтическое путешествие через пески пустыни в оазис Сива к оракулу Амона. Источники разукрасили этот эпизод всевозможными чудесными и фантастическими деталями. Александра встретил в святилище верховный жрец, он приветствовал его как сына Амона и пропустил его в святая свя-

тых, где царь получил от оракула ответ на свои вопросы.

Путешествие Александра к оракулу Амона вызвало в современной историографии громадную литературу[35].

Разнообразные гипотезы выдвигаются для объяснения целей и мотивов этого путешествия – от чисто психологических (Раде, Эренберг) до грубо реалистических (Андреоти и др.). Выдвигаются вопросы о том, что произошло в святилище Амона. Действительно ли было Александру пророчество, и как он к нему отнесся? Верил ли он сам в свое божественное происхождение от бога Амона, или, распространяя молву об этом, он действовал только из политических соображений? Были ли во всем этом эпизоде трезвый расчет или романтический порыв? Такая постановка вопроса вряд ли целесообразна. Конечно, Александр мог поверить в свое божественное происхождение. Геллий (XIII, 4) приводит даже анекдот, будто в письме к своей матери Олимпиаде Александр подписался «Александр, сын Юпитера-Амона»; Олимпиада ему ответила: «Перестань, пожалуйста, сын мой, не доноси на меня Юноне, а то она нашлет на меня большое зло, если ты в своих письмах признаешь меня ее соперницей» (ср. Plut., Alex., 3).

Вера в божественность великих людей была распространена не только на Востоке, но и в Греции, где религиозный

---

[35] См. основные работы последних десятилетий в Histoire générale Глотца, Histoire Grècque, т. IV, Paris, 1946, стр. 92. См. также C. A. R o b i n s o n. Alexanders deification, AJPh, LXIV, 1943, стр. 286 сл.

культ воздавался даже Платону. Александр мог использовать в политических видах представления о божественности выдающихся людей и искусственно вызывать такие представления у своих подданных. Но у нас нет данных для суждения о действительных мотивах, которые побудили Александра посетить святилище Амона и испросить у него оракул. Достоверно то, что этот эпизод – звено в цепи событий и действий, которые закончились в 324 г. декретом афинского народного собрания о признании Александра богом. Была ли то мания величия или политический расчет, во всяком случае объективно это означало идеологическое утверждение мирового владычества Александра, в некотором роде религиозное дополнение к созданной им державе.

В 331 г. Александр покинул Египет и вернулся в Тир. Проведя ряд мероприятий по организации управления Сирией и Финикией, умиротворив Афины освобождением захваченных при Гранике в плен наемников (афинян), приняв меры против Спарты, где царь Агис подготовлял восстание против македонской власти, Александр выступил в новый поход против Дария.

Высланный вперед Парменион подготовил у Тапсака переправу через Евфрат. Вавилонский сатрап Мазей не оказал сопротивления, и войско Александра переправилось без боя. Так же беспрепятственно Александр перешел через Тигр. Здесь, недалеко от развалин древней Ниневии, у местечка Гавгамелы поджидал Дарий своего противника. Дарий моби-

лизовал громадную армию из всех сатрапий, остававшихся под его властью. Войско Дария имело в составе своем сильную конницу, боевые колесницы, снабженные серпами, 15 слонов и настолько большое количество пехоты, что фронт выдавался далеко за фланги войска Александра, угрожая ему охватом с двух сторон. Александр на этот раз также имел более многочисленное войско – 40 000 пехоты и 7000 всадников, но если даже отвергнуть явно преувеличенные сведения о численности войск Дария (миллион пехоты), оно во много раз превосходило силы Александра.

Сражение при Гавгамелах 1 октября 331 г. было более упорным, чем предыдущие столкновения македонцев с персами. Но и здесь решительность, дисциплинированность и умелое руководство дали войску Александра решительную победу. Уже в самом начале боя Александр со своими гетэрами ударил в центр фронта персов, где находился Дарий, и при поддержке гипасписто в и фаланги прорвал его. Дарий бежал с поля битвы. Это, правда, еще не решило исхода боя. Персидская конница рассеяла, было, левый фланг македонцев, но бросилась грабить лагерь и дала возможность другому отряду македонцев обратить ее в бегство; при этом персидские конники столкнулись с Александром, спешившим на выручку Пармениона, и только часть их сумела после кровопролитного боя прорваться и бежать. Известие о бегстве Дария привело в замешательство еще державшиеся отряды персидского войска, и они отступили в беспорядке. Только

греческие наемники и бактрийско-согдийская конница под начальством Бесса отступили в порядке.

Победа Александра была полная. Он, однако, не удовлетворился ею; чтобы завершить войну и стать бесспорным владыкой царства Ахеменидов, он считал необходимым уничтожить и самого Дария. Не дав войску передышки, он устремился в погоню за Дарием, уничтожая по пути персидских беглецов, и, совершив переход в 80 километров, прибыл в Арбелу, где рассчитывал настигнуть Дария. Но Дарий бежал; с близкими людьми и 2000 греческих наемников он прошел в Мидию и остановился в Экбатане. Александру досталась в Арбеле громадная добыча. Кроме того, если Дарий и ускользнул, то зато осталась открытой дорога на Вавилонию и Сузы. Учитывая, надо полагать, политическое значение овладения Вавилоном, Александр не пустился преследовать Дария, а направился в Вавилон. Сатрап Мазей вышел с представителями города навстречу Александру и вручил ему власть над городом. Александр получил, таким образом, законное основание считать себя властителем Азии, преемником великих восточных царей.

И в Вавилоне, как и в Египте, Александр повел себя не как завоеватель, а как «законный» царь. Он оказал надлежащие почести местным культам, распорядился «восстановить» разрушенный Ксерксом храм Мардука. Он оставил сатрапом Мазея, хотя в соответствии с принятой им системой управления и назначил македонцев Аполлодора и Асклепио-

дора руководителями военного и финансового ведомств. На первых порах Мазей даже продолжал чеканить серебряную монету прежнего образца. Александр назначил также перса Митрена сатрапом Армении. Это назначение было лишь номинальным, так как Армении Александр не покорил; но самый факт назначения персов на должность сатрапов был одним из выражений стремления создать единое государство, где покоренные народы должны занять такое же правовое положение, как завоеватели-македонцы.

Из Вавилона Александр двинулся в Сузы и занял древнюю столицу Элама без боя. Здесь он захватил 50 000 талантов; в числе добычи оказалась скульптурная группа тираноубийц работы Антенора, увезенная Ксерксом из Афин. Александр возвратил ее в Афины.

Дальнейшее движение в Персиду оказалось не столь легким, Александру пришлось преодолеть сопротивление горцев и выдержать бой с сатрапом Ариобарзаном. Благодаря смелому и быстрому обходному маневру персидское войско было уничтожено, а Ариобарзан бежал. Столица Ахеменидов, Персеполь, сдалась на милость победителя. 120 000 талантов достались Александру в Персеполе. Но он не удовлетворился военной добычей. Персеполь должен был поплатиться за разорение Аттики за 150 лет до того Ксерксом. По приказу Александра город подвергся разграблению и разорению, великолепный дворец Ксеркса был сожжен. Поскольку Александр раньше щадил покорившиеся без боя города, раз-

гром Порсеполя и его дворца приходится признать намеренным символическим актом, означавшим выполнение первоначальной миссии – мести персам за походы в Элладу – и крушение Персидского царства; вместе с тем эта расправа должна была служить предостережением для других сатрапий – не пытаться силой противостоять победоносному шествию царя.

Дарий тем временем оставался в Экбатане в окружении нескольких сатрапов во главе с Бессом, сатрапом Бактрии. Неизвестно, собирал ли он новое войско или выжидал каких-нибудь событий, которые могли бы повернуть исход войны, например восстания в тылу Александра.

В Греции действительно в то время активизировались силы, враждебные Македонии. Спартанский царь Агис открыл враждебные действия и осадил Мегалополь, оплот Македонии в Аркадии. Но Антипатр мобилизовал значительное войско и разбил греков, осаждавших город. Агис пал в битве. В результате Греция потеряла надежду на освобождение от Македонии, которая стала теперь властвовать в Элладе, сведя фактически на-нет фикцию добровольной симмахии под руководством выборного главы – Александра. Теперь с этой стороны Александру ничего не грозило.

Дарий не решился вступить в борьбу с победителем, и когда Александр вступил в Экбатану, он там не застал уже персидского царя, бежавшего дальше на восток.

В Экбатане Александр отпустил домой бывшие в его вой-

ске отряды Коринфского союза и фессалийской конницы. Таким образом, он фактически порвал те нити, которые хотя бы формально связывали его с греками. Эллада больше не является участницей его походов и не может участвовать в его успехах. Александр больше не στρατηγὸς αὐσοκράτωρ Коринфского союза; он – правитель созданного им царства, причем его титул βασιλεύς может означать не титул македонского властителя, а унаследованное от Ахеменидов положение «великого царя», «царя царей». Об этом пока еще нет речи, но что к этому дело шло, становилось ясно уже в то время, и это привело, как увидим дальше, к росту оппозиции в лагере македонской знати.

Узнав о бегстве Дария, Александр стремительным маршем выступил на преследование врага; в пути он узнал, что сатрапы, в первую очередь Бесс, свергли Дария и держали его у себя уже как узника. Оставив на месте все войско, Александр с 500 всадниками совершил беспримерный бросок через пустыню, покрыв в шесть дней 350 километров. При его приближении Бесс и его группа разбежались, предварительно поразив кинжалом Дария. Александр застал его уже мертвым. Он оказал его трупу почести и отправил его для погребения в Персеполь. Так закончилась война с Дарием (330 г.), показавшая не только превосходство македонского полководца и его армии, ее военной выучки и дисциплины, но прежде всего слабость, рыхлость конгломерата народов, какой представляло государство Ахеменидов.

Оставалось еще подчинить отдаленные восточные области Персидского царства, о которых у греков существовали самые смутные представления. Географические познания тогдашнего времени не простирались так далеко. Каспийское море представляли себе вливающимся в Океан, Гиндукуш считали продолжением Кавказа; эти страны населяли неведомые народы и племена, часто носившие в представлениях греков чисто мифологические черты. Здесь приходилось иметь дело с непокорными племенами, применявшими иные способы ведения войны, чем народы, с которыми греки сталкивались до того. В течение трех лет, преодолевая большие трудности, Александр подчинял восточные сатрапии, укрепляя свою власть теми способами, какие он применял до того; он привлекал к себе на службу представителей местной знати, к непокорным применял жестокие репрессии, по пути своего прохождения основывал новые города – Александрии, которые должны были не только служить для него опорными пунктами, но и сблизить местное население, его экономику, быт и культуру, с греко-македонскими установлениями. Так, он подчинил Гирканию, Арию, Парфию, Дрангиану, Арахозию, Бактрию и Согдиану, дошел до границы Персидского царства, реки Яксарта (Сыр-Дарья), где основал Александрию Крайнюю (на месте современного Ленинакана), и даже перешел Яксарт и навел страх на угрожавших ему «скифов».

Больше всего трудностей доставили Александру Бактрия

и Согдиана, на покорение которых он потратил два года. Свободолюбивые народы Средней Азии, несмотря на военное превосходство Александра, упорно боролись под предводительством Спитамена за свою свободу и независимость. В то время как древнейшие политические и культурные центры Востока – Вавилон, Сузы, Экбатана и др. – без боя сдавались завоевателю, военная демократия в областях Средней Азии дорожила своей свободой и боролась за нее[36]. В Бактрии он захватил Бесса, провозгласившего себя царем под именем Артаксеркса, изувечил и казнил его. В 327 г. кампания была закончена. Александр, оставив Согдиану, возвратился в Бактрию, где начал готовиться к новому грандиозному походу – в Индию.

Пребывание Александра в восточных сатрапиях ознаменовалось рядом событий, свидетельствовавших о нарастании оппозиции против него в его македонском окружении. Источники сообщают о частых разногласиях между Александром и его ближайшим помощником, опытным полководцем Пармонионом. В этих сообщениях, возможно, имеется элемент чисто литературного приема: мудрому, осторожному, опытному и преданному, но консервативному Пармениону противопоставляется пылкий, даже безрассудный, но талантливый и смелый, находчивый и решительный

---

[36] См. Б. Г р и г о р ь е в. Поход Александра Великого в Западный Туркестан, ЖМНП, IX–X, 1881; К. Т р е в е р. Александр Македонский в Согде, ВИ, № 5, 1947.

почти юноша, опрокидывающий все трезвые расчеты своего ментора. Парменион при Гранике советует Александру отложить атаку на день, Александр немедленно обрушивает удар на персов и одерживает победу. Парменион советует Александру прежде всего сокрушить превосходство персов на море и создать свой мощный флот. Александр решает с суши завоевать приморские города и успешно решает эту задачу. Парменион предлагает принять выгодные условия мира, предложенные Дарием; Александр отвергает их и оказывается прав. По мере того как могущество Александра возрастает, а его планы становятся все грандиознее, он все больше тяготится опекой Пармениона; он дает ему ответственные поручения, но вдали от себя. Однако сын Пармениона, Филота, оставался одним из ближайших друзей Александра и командовал конницей гетэров.

И вот во время пребывания Александра в Дрангиане Филота был арестован по обвинению в соучастии в заговоре против царя. Трудно сказать, действительно ли Филота был причастен к заговору или его вина заключалась лишь в недонесении. Но само существование заговора не подлежит сомнению и свидетельствует о серьезной оппозиции в македонском окружении Александра. Филота был представлен на суд войска, которое признало его виновным и приговорило к смерти (330 г.). Были казнены и другие участники заговора. Парменион находился тогда в Экбатане; прежде чем могла дойти до него весть об участи сына, Александр прислал туда

гонцов к военачальникам Мидии и приказал убить Пармениона. Старейший и виднейший соратник Филиппа и Александра погиб, таким образом, от руки своего питомца. Скорее всего, решаясь на такой шаг, который должен был произвести на македонцев тяжелое впечатление, Александр, вероятно, руководился опасением мести со стороны Пармениона за смерть сына, но возможно, что он подозревал в Пармении вожака оппозиции или во всяком случае видел в нем человека, способного стать когда-нибудь вдохновителем и знаменосцем движения против царя.

Другой «эпизод», происшедший в 228 г., дает несколько более ясное представление о причинах недовольства македонской знати. Александр и его двор находились тогда в Мараканде (Самарканде), где проводили время в пирах и попойках. Во время одной из таких попоек произошла ссора между Александром и одним из его приближенных друзей, спасшим ему жизнь при Гранике, – Клитом. У Клита не было оснований для личного недовольства царем; он занимал – вместе с Гефестионом – должность начальника гетэров после казни Филоты и был в хороших и близких отношениях с Александром; поэтому упреки, какие Клит сделал на пиру Александру (а он упрекал царя в отходе от македонских традиций, в восточных новшествах, в том, что тот приближает к себе варваров и рабов, в тиранических замашках), отражали настроение не одного Клита, а группы македонской знати. В гневе Александр стал кричать о мятеже и велел объ-

явить тревогу; Птолемею удалось увести возбужденного вином Клита из пиршественного зала. Но Клит вернулся в другие двери, и разъяренный Александр, выхватив из рук телохранителя копье, поразил Клита насмерть. Вид простертого тела бывшего друга протрезвил Александра; он всячески выражал свое отчаяние, даже пытался покончить с собой; но окружающие, в частности философ Анаксарх, успокоили его, и он примирился с фактом. Вряд ли, впрочем, раскаяние Александра было искренним, если вспомнить, как он поступил с Парменионом.

Вскоре после убийства Клита произошел новый «эпизод», отражающий то же противоречие между Александром и македонской знатью. Овладев царством Ахеменидов, став их наследником и преемником, Александр ввел и восточный придворный этикет, в частности проскинезу – коленопреклонение перед царем. Это прямое выражение рабской покорности резко противоречило представлению греков об Александре как гегемоне и стратеге эллинов, совершавшим свои завоевания по их уполномочию и для них. Проскинеза означала наглядным, грубым образом, что Александр не покорил варваров эллинам, а покорил самих эллинов, низвел их на положение варваров. Против обязательности проскинезы для греков выступил придворный историограф, племянник и ученик Аристотеля, Каллисфен. Он был предан своему повелителю, и во всяком случае его «История Александра» представляет панегирик, изукрашенный всевозмож-

ными легендарными рассказами о подвигах и чудесах, которыми ознаменовалась деятельность Александра. Но как эллин и философ, он не желал мириться с проскинезой; пусть варвары падают ниц перед царем – эллину это не пристало. Александр вынужден был признать правоту Каллисфена, но затаил против него гнев и обиду. Поэтому, когда по случайному поводу группа пажей[37] во главе с Ермолаем затеяла провалившийся заговор против жизни Александра, он припутал к этому делу Каллисфена. Как эллин Каллисфен не был подсуден македонскому войску, улик для судебного дела не было. Но Александр его арестовал и, продержав в заключении долгое время, распорядился распять на кресте уже во время индийского похода[38].

Расправа с Каллисфеном произвела на греков тяжелое впечатление. Теофраст посвятил ему особое сочинение, о котором упоминает Цицерон, – «Каллисфен или о печали». Но Александр отнюдь, по-видимому, не придавал серьезного значения оппозиции македонских знатных лиц или греков. Македонское войско, с которым он делил труды и опасности, по-прежнему было предано ему и готово было следовать за ним в его дальнейших походах. Александр мог еще опираться на него по-прежнему и продолжать выполнять свою программу созидания новой мировой монархии.

---

[37] См. С. И. К о в а л е в. Заговор пажей, ВДИ, № 1, 1947.

[38] Так сообщает Птолемей; согласно Аристобулу, Каллисфен умер в заключении .

Индия манила Александра своими сказочными богатствами, романтикой покорения еще неизведанной страны чудес и прежде всего тем, что частично Индия (вернее, подступы к ней) входила некогда в состав царства Дария I. Вилькен[39] предполагает, что Александр стремился добраться до конца Земли – так как, по тогдашним географическим представлениям, Индия граничила с Океаном и была, следовательно, пределом Земли.

Александр заблаговременно стал готовиться к походу в Индию. Войско подверглось переформированию. За годы, протекшие со времени переправы через Геллеспонт, состав армии изменился. Греки были отосланы домой, оставались только наемники. Хотя Александр получал пополнения из Македонии, но необходимость оставлять гарнизоны во многих городах, а также колонизация городов на Востоке значительно снизили место и значение македонских отрядов в войске, тем более, что Македония не могла выставлять большие контингенты для далекого и трудного похода. Но и те македонские отряды, которые были у Александра, подверглись реорганизации; количество подразделений было увеличено, и они уже не соответствовали прежним делениям, основанным на племенных связях; из ополчения, представлявшего сколок с политической организации Македонии, где и после Филиппа сохранились сильные пережитки родовых отношений, македонское войско превращалось в единую ар-

[39] U. W i l c k e n. Alexander…, стр. 163.

мию царя Александра. Но еще важнее было то, что в войске Александра теперь было большое количество персов, мидян и других восточных народов. По сообщению Арриана («Индия», 19, 5), Александр «располагал 120 000 воинов, включая тех, кого он привел с собой из приморских областей, а также и тех, которые привели с собой посланные для набора войска; он вел с собой различные варварские племена, вооруженные каждое своим собственным типом оружия». Если даже считать, что в состав этих 120 000 входят и нестроевые части, это было все же громадное войско, какого Македония не могла выставить. В состав этой армии, наряду с македонцами и греками, входили и плененные незадолго до того народы Персидской державы. Уже тогда Александр ставил своею целью слияние всего войска в единое целое.

Летом 327 г. Александр выступил из Бактрии и прошел в Александрию Кавказскую (у Гиндукуша). Отсюда он направился к р. Инду; отправив часть войска под командованием Гефестиона и Пердикки вдоль южного берега Кофена, притока Инда, он сам выбрал более тяжелый путь вдоль северного берега, куда вплотную подходили горные отроги, пересеченные бурными потоками. Больших трудов и жестокой борьбы стоил Александру этот поход, давший немало поводов превознести подвиги Александра выше подвигов Геракла. Но он был необходим для защиты северного фланга всего войска; Александр провел эту операцию с обычной решительностью, покорил оказывавшие сопротивление племена

и только весной 326 г. соединился на берегу Инда с Гефестионом и Пердиккой, совершившими переход без всяких приключений и подготовившими переправу. Перейдя через Инд, Александр вступил в «страну чудес». Первая область Пенджаба – Таксила – перешла на сторону Александра; ее правитель еще до индийского похода вступил в дружеские отношения с Александром и затем предоставил ему военную помощь, в том числе 25 слонов. Но на восточном берегу Гидаспа, первого большого притока Инда, царь Пор собрал большое войско с большим количеством боевых слонов. Александр прибег к хитрости. Поставив часть войска на западном берегу против Пора и готовясь здесь будто бы переправиться на другой берег, он тайком с несколькими тысячами всадников и, вероятно, 10 000 пехоты поднялся вверх вдоль берега, обманул бдительность индийских разведчиков, перешел Гидасп и прямо с марша стремительно атаковал Пора. Это было самое кровопролитное сражение Александра. Пор был разбит и попал в плен. Александр оставил ему его царство, рассчитывая опереться на него для дальнейших завоеваний. В ознаменование победы Александр построил на обоих берегах Гидаспа два города – Никею и Букефалию (в честь погибшего в бою любимого коня Буцефала).

Продвинувшись дальше на восток, Александр вознамерился было перейти Гифасис, чтобы дойти до Ганга. Но здесь он наткнулся на упорное сопротивление войска. Уставшее от похода, боев, тропических ливней, не видевшее конца испы-

таниям, войско решительно отказалось идти дальше и потребовало возвращения домой. Александр был в ярости, но вынужден был уступить единодушному требованию своей армии. Возможно, впрочем, что ярость Александра была наиграна, что он сам видел необходимость положить предел дальнейшему продвижению поредевшего и ослабевшего войска в стране, где не только надо было ждать серьезного сопротивления могущественных врагов, но и сама природа ставила трудно одолимые препятствия. О трудностях, которые ждут его впереди, он получил подробную информацию от Пора и одного из местных царьков. То обстоятельство, что Александр заблаговременно начал строить флотилию на Гидаспе, говорит во всяком случае о том, что он допускал возможность скорого возвращения.

На берегу Гифасиса Александр возвел 12 алтарей высотой в 22 м, которые, по свидетельству позднего автора, Филострата, были посвящены: «моему отцу Амону, моему брату Гераклу, Афине Провидящей, Зевсу Олимпийскому, Кабирам Самофракийским, Гелиосу индийцев, моему брату Аполлону». На бронзовой колонне было отмечено: «Здесь остановился Александр». По Гидаспу и затем по Инду спускалась к Индийскому океану флотилия Александра, сопровождаемая вдоль обоих берегов многочисленным пешим и конным войском. Попутно Александр подчинял своей власти прилегающие области, встречая в некоторых случаях серьезное сопротивление; в одном из сражений он сам был тя-

жело ранен. Что Александр всерьез стремился закрепить за собой эти индийские области, свидетельствуют построенные им по пути три Александрии; у дельты Инда он укрепил город Патталу, рассчитывая, вероятно, отсюда открыть сообщение морем с западными областями. По рукаву дельты он выехал в открытое море, реализовав свою мечту дойти до океана.

Еще со среднего Инда он отправил часть войска под командованием Кратера через Арахозию, Дрангиану и Карманию. У устья Инда он разделил остаток войска между собой и Неархом; последнему он поручил проехать по неизведанному морскому пути к устью Евфрата, а затем вверх по реке. Неарх блестяще справился с порученным ему трудным и опасным поручением; в своей экспедиции он не только изучил путь из Индийского океана в Персидский залив, но и собрал много ценных научных сведений по астрономии, географии, ботанике, этнографии. Дневники Неарха использованы были Аррианом для его «Индии».

Что касается Александра, то он свою часть войска повел вдоль морского берега по Гедрозии, чтобы, во-первых, реально завладеть этой далекой юго-восточной окраиной своего царства и вместе с тем оказать в случае надобности поддержку Неарху. Это был суровый и тяжелый поход. Вот как описывает его Страбон (XV, 2, 6, 722): «Кроме недостатка в пище, они терпели еще от солнечного жара, от глубокого и горячего песка… Солдаты, измученные солнечным

жаром и жаждой, ложились среди дороги, вскоре после чего, как бы объятые лихорадкой и ужасом, умирали, дрожа всем телом в конвульсиях в руках и ногах. Иные, сбившись с дороги, утомленные трудом и недостатком сна, засыпали, а часть их, опоздав вследствие блуждания, терпя недостаток во всем, гибла; только немногие, несмотря на чрезвычайные трудности, спаслись. Множество людей и багажа затопил ночью низвергшийся на них поток».

Плутарх утверждает (Alex., 66), будто Александр привел из Индии меньше четверти своего войска. В начале 324 г. Александр соединился с отрядом Неарха. Возвращение было торжественно отпраздновано. Но предстояло много трудов и работ по организации государства, налаживанию администрации, реализации идей, которые толкали Александра на все новые завоевания. Трехлетнее отсутствие Александра способствовало развитию центробежных сил. Пользуясь отсутствием Александра, некоторые сатрапы вели себя как самостоятельные монархи, а в Бактрии начальник греческих наемников прямо объявил себя царем. Сатрапы наживали огромные богатства за счет населения и в ущерб казне. Гарпал, оставленный в Экбатане охранять дариеву казну, зажил в Вавилоне магнатом, растрачивая царскую казну на безумную роскошь. Александр жестоко расправился с провинившимися, предав их позорной казни; только Гарпалу удалось с 5000 талантов и 6000 наемников бежать в Грецию, где он временно оказался вне власти Александра.

Урегулировав все эти дела и организовав управление Востоком, Александр мог обратиться к другим проблемам, которые постоянно его занимали. Еще во время индийского похода македонский наместник во Фракии – Зопирион – предпринял поход за Дунай. Белох[40], ссылаясь на Арриана (IV, 15), предполагает, что поход был предпринят по указанию Александра, чтобы установить связь с Бактрией; при тогдашних превратных географических познаниях это представлялось возможным. Зопирион дошел до устья Днепра, безуспешно осаждал Ольвию и, наконец, был разгромлен скифами, перебившими все его войско и убившими его самого. Это привело к всеобщему восстанию во Фракии, доставившему Антипатру немало забот и хлопот. Александру, таким образом, представился удобный повод сместить Антипатра, представителя старых традиций, не соответствовавших больше новой обстановке; к тому же за десять лет самостоятельного управления Македонией и Грецией Антипатр приобрел слишком независимое положение. Антипатр должен был привести к царю новые пополнения. На его место был назначен Кратер.

По некоторым данным можно думать, что Александр в это время делает нажим на Грецию, чтобы включить ее как органическую часть в свою державу. Вместе с эллинизацией Востока, в первую очередь путем основания новых городов эллинистического типа и устройства греко-македонских коло-

[40] J. B e l o c h. Griechische Geschichte, IV, 1925, стр. 44.

ний, шел процесс ориентализации Запада. Само образование монархии, включавшей и Элладу, означало резкий перелом в политической жизни и в политическом сознании греков. Но Александр принимал ряд мер к прямому смешению греков и македонцев с восточными народами, к устранению узости и ограниченности представлений греков о «варварах». Назначение варваров на посты сатрапов, включение Оксиарта, брата Дария, в ряды гетэров, введение восточного церемониала в придворный этикет и быт (восточное одеяние царя, гарем, проскинеза) вызывало недовольство у консервативных сторонников македонской старины; но некоторые из приближенных царя, если, может быть, и не проникались его идеями, во всяком случае следовали его примеру и указаниям. Так, Певкест, сатрап Персиды, совершенно иранизировался, что вызвало недовольство войска, но поощрение и награды со стороны Александра (Arr., VII, 6, 3).

Мы уже видели, что Александр по мере расширения своих военных операций сокращал (относительно) свои греко-македонские контингенты за счет привлечения в войско местных войсковых частей. Но «варвары» служили не только в вспомогательных войсках, они включались в македонскую конницу, отдельные знатные персы – даже в агему, лейб-гвардию царя; а Арриан (VII, 23, 3) сообщает, что Александр подготовлял полное смешение македонцев и варваров путем включения последних в македонскую фалангу. Еще перед индийским походом Александр распорядился отобрать

30 000 юношей из восточных сатрапий и дать им македонское военное воспитание. Эти «эпигоны» уже находились в свите Александра, когда он праздновал в Сузах возвращение и воссоединение войск, участвовавших в индийском походе. Здесь же, в Сузах он провел церемонию, которая должна была служить как бы символом слияния победителей и побежденных в один народ. Еще до индийского похода Александр женился на Роксане, племяннице Дария; хотя это был брак по любви, но он не мог не быть воспринят также как акт политический. В Сузах Александр организовал в один день массовые браки между македонцами и персами. Он первый подал пример, женившись на старшей дочери Дария, младшая стала женой его любимого друга, Гефестиона; все ближайшие друзья царя – Кратер, Селевк, Эвмен, Пердикка, Птолемей и др. – также женились на знатных персиянках. Брак Селевка с Апамой, дочерью Спитамена, упорного защитника Согдианы и Бактрии от Александра, оказался прочным на всю жизнь. Восемьдесят гетэров, 10 000 солдат заключили в тот день (февраль 324 г.) браки с местными женщинами, и все были щедро одарены царем. Для всех был устроен роскошный брачный пир, на котором выступали лучшие представители искусства.

Политика Александра, естественно, усилила оппозицию не только в Греции, реально утратившей свою свободу, но и среди македонцев. Ведь еще и после Филиппа остались живы пережитки родовых отношений; родовая знать Маке-

донии, страны экономически отсталой, не была заинтересована в создании некоего широкого экономического единства, что представляло жизненную необходимость для Греции и наиболее развитых областей Востока. Гетэры и «друзья» в сущности были еще дружинниками, «товарищами» царя как первого среди равных, и поход на Восток был для них походом за славой, за добычей, которой можно потом насладиться дома. Александр, пишет Арриан (VII, 11, 9), молился об «единомыслии и соучастии во власти (ὁμόνοιάν τε καὶ κοινωνίαν τῆς ἀρχῆς) македонян и персов»; но македоняне нисколько не были заинтересованы в κοινωνία. Им чужды были мечты Александра; его политика слияния греков, македонян и варваров означала для них умаление их привилегий и превращение их в таких же подданных царя, какими были покоренные восточные народы. Конечно, приближенные Александра получали громадные материальные выгоды, ради которых они поступались своими групповыми интересами и забывали их. Но были, очевидно, и непримиримые, из среды которых исходили заговоры против царя.

Однако и рядовые солдаты должны были тяготиться не только длительностью походов, оторвавших их на долгие годы от семьи, от привычного труда, от родной земли; предпочтение, которое, как им казалось, Александр отдавал эпигонам, варварам, должно было оскорблять их самолюбие; в конце концов непрофессиональное войско невозможно держать в повиновении неопределенное время, если вой-

на не получает в глазах солдат некоторого идеологического оправдания. Поэтому неудивительно, что недовольство солдат тяготами войны, которое раньше подавлялось в зародыше выступлением царя или его полководцев, приняло форму открытого мятежа.

В 324 г. Александр в своих неутомимых разысканиях спустился к Персидскому заливу и затем поднялся вверх по Тигру. Остановившись в городе Описе, он объявил об отставке и отпуске на родину ветеранов, непригодных уже для несения военной службы; уходящим домой было обещано щедрое вознаграждение за понесенные военные труды. Но на это предложение македонское войско ответило единодушным отказом. Это был бунт. Войско усмотрело здесь желание заменить македонское войско персами; по всей вероятности, в этом была доля правды; Александр уже давно отослал греческие отряды, теперь он пожелал уменьшить число македонцев, несколько стеснявших его как единодержавного владыку. По адресу царя стали раздаваться оскорбительные возгласы. Александр велел верным гипасписта м схватить 13 «зачинщиков», которые тут же были казнены. В ближайшие два дня он стал формировать персидское войско по образцу македонского, отказавшись от услуг македонских частей. Тогда македонцы запросили прощения. Царь милостиво простил их, и примирение было торжественно отпраздновано. 10 000 македонцев были выделены для возвращения на родину. Их должен был сопровождать Кратер, которому пред-

стояло сменить Антипатра.

Из Описа Александр отправился в Экбатану, где умер его ближайший друг Гефестион. По указанию оракула Амона, Александр решает воздать покойному божеские почести и поручает Клеомену воздвигнуть Гефестиону роскошный храм-усыпальницу. Из Экбатаны Александр весной 323 г. переехал в Вавилон, центр созданной им державы. Сюда со всех концов света прибывали посольства и делегации с просьбами и с выражениями почтения и преданности. Есть сообщения, что в Вавилон явились представители также кельтов, западных скифов, карфагенян, этрусков, даже римлян[41]. Греческие полисы прислали феоров, увенчанных цветами, каких отряжали на праздничные церемонии в честь богов (Arr.,VII, 23). В позднейшей литературе имеются указания, будто Александр потребовал от греков божеских почестей. Известен анекдот, будто Александр потребовал, чтобы греки приняли постановление об объявлении его богом, на что афинский оратор Демад заявил: «Предоставим Александру, если ему этого хочется, называться богом» (Plut., Apopht., Lac. 219)[42]. Невероятно, чтобы Александр действительно выставил прямо такое требование, но греки в данном случае, очевидно, шли навстречу его жела-

[41] См., впрочем, J. K a e r s t, цит. соч., стр. 509, прим. 2.

[42] Плутарх приводит и другой анекдот: когда оратор Пифей собирался против Александра, кто-то ему заметил, что в его возрасте нечего ему вмешиваться в столь важное дело. Пифей ответил: «А ведь Александр, которому вы декретируете божеские почести, моложе меня» (Reg. et imper. apopht. Pythaeae).

нию.

Вопросу об обожествлении Александра посвящена большая литература. Были высказаны различные мнения относительно того, верил ли сам Александр в свою божественность, было ли это таким же восточным заимствованием, как и весь придворный церемониал, или здесь были особые политические цели; было ли признание божественности Александра лицемерным выражением раболепия или проявлением искренней веры. Вопрос о том, в какой мере Александр сам верил в свою божественную миссию и в свою собственную божественность представляет известный интерес только для психологической характеристики образа Александра. С точки зрения исторической важно установить, каков был объективный смысл идеи божественности Александра, каковы ее источники. Мировая держава, созданная Александром, должна была получить также идеологическое оформление, в тогдашних условиях – религиозное. Правда, тогда еще не было условий для создания единой религии для всех народов, населявших государство Александра; об этом не было и речи. Но культ Александра мог в некоторой степени не только дать религиозную санкцию власти царя, но и объединить всех его подданных на почве этого общего для всех культа. Деяния Александра оправдывали в глазах его современников возникновение его культа. Здесь не было надобности извлекать соответствующие идеи из практики народов Востока. Только в Египте обожествление царя было исконным

установлением, которое было перенесено на Александра как преемника фараонов. Ахемениды не были богами, и в Персии обожествление Александра было явлением новым, скорее греческим, чем восточным. У греков, как известно, религия была культом их собственного народа, собственного государства, и создание нового типа эллинского государства могло найти свое отражение в культе создателя и главы этого государства. И раньше греки обожествляли создателя и устроителей полисов (κτίσται, οἰκισταί); героизация, обожествление после смерти прославившихся людей были обычным явлением. Но не только покойники, и живые люди и до и после Александра присваивали себе божественные атрибуты и получали божеские почести; Плутарх называет ряд таких людей (de fort. Alex., II, 5, 338). Поэтому не было ничего противоестественного в том, что афинское народное собрание, как сообщают современники, ораторы Динарх и Гиперид, вотировало божеские почести Александру и что Демосфен подал свой голос за этот декрет. Обожествление Александра, поскольку оно было выражением его сознательной воли, вполне соответствовало его программе создания мировой монархии; а поскольку в нем сочетались элементы египетских религиозных представлений с эллинскими верованиями и Александр мыслился как сын Амона и брат Аполлона, здесь проявилось то же «смешение нравов и быта», которое, по Плутарху, характеризует деятельность Александра и в действительности представляло сущность его деятельно-

сти.

Александр не успокаивался на достигнутых успехах. Его не оставляет πόθος, тоска, страстная мечта о новом, неизведанном, неутомимые поиски новых путей расширения государства. Трудно сказать, какая доля истины содержится в сообщениях Диодора (XVIII, 4, 3–6), основывающегося на найденных в делах Александра ὑπομνήματα, о широких планах Александра на Западе; речь шла об экспедиции против Карфагена, об исследовании Геракловых столпов, о завоевании Италии и Сицилии. Но достоверно известно из сообщений Арриана, что Александр поручил Гераклиду построить флот и разведать Каспийское море, а Неарх совершил рекогносцировку вдоль берега Аравии. Для более серьезной экспедиции вокруг Аравийского полуострова от Персидского залива до Синайского полуострова Александр распорядился построить громадный флот – частью в Финикии, частью в Вавилоне, где для этой цели были сооружены большой порт и верфи.

Во время подготовки экспедиции Александр заболел в Вавилоне. Арриан и Плутарх сохранили нам подробные – день за днем – данные эфемерид о ходе болезни Александра. Он крепился, перемогался, продолжал заниматься делами, но состояние его с каждым днем ухудшалось. На десятый день встревоженные ветераны добились допуска в покой, где лежал их умирающий полководец; они продефилировали перед ним, молчаливо прощаясь с уже находившимся в бессо-

знательном состоянии Александром. На следующий день, 13 июня 323 г. Александр умер в расцвете сил, не достигнув еще 33 лет от роду.

После своей смерти Александр стал героем исторических и литературных преданий многих народов. Псевдокаллисфеновский роман «Александр» больше чем в восьмидесяти вариантах на 24 языках обошел весь мир. Легенды о нем вплетались в фольклор самых отдаленных друг от друга народов – в Абиссинии, Средней Азии и Китае, в Исландии и в Индии[43]. Это объясняется не только грандиозностью его державы, но и романтичностью его походов, поразительными победами, молодостью и трагической судьбой Александра.

Держава Александра распалась после его смерти. В его планах и начинаниях был элемент утопии, но тем не менее его деятельность соответствовала объективным задачам, выдвигавшимся перед Грецией и Востоком кризисом всей системы общественных отношений.

Задача состояла в том, чтобы поднять экономику путем расширения связей между отдельными странами: путем развития производительных сил, в результате создания более сложной системы общественного разделения труда, расширения сферы применения труда рабов, словом – повторить на расширенной основе, на высшем этапе тот путь развития, который на предшествующем этапе завел в тупик и Элладу и Восток целиком. Эта задача не была полностью разрешена

[43] Е. Б е р т е л ь с. Роман об Александре, М.–Л., 1949. Р е д.

в рамках рабовладельческого общества. Но уже при Александре наметились те пути, по которым Средиземноморский Восток должен был идти, чтобы хотя на время и частично преодолеть кризис.

Александр попытался создать единую мировую державу; она не устояла и не могла устоять, ибо достаточных экономических и политических предпосылок для этого не было; слишком велики были различия между объединенными в одно целое странами. Но к прежнему возврата не было. Монархия распалась, но распалась на крупные части, сами представлявшие обширные объединения. Греческие полисы продолжали существовать в Элладе, но они не вернулись к прежней автаркии, а на Востоке полисы служили лишь формой втягивания Востока в новую, эллинистическую систему государственности, они стали центрами единой экономики и единой культуры. Вместе с тем рухнула и восточная деспотия и поколеблены были устои, на которых она держалась, – сельская община, слабое развитие рабства, рутинная техника производства.

Созданные Александром новые города не все оказались жизнеспособными. Но уже тот факт, что некоторые из них стали крупными экономическими центрами и сохранились до нашего времени, показывает, что это была дальновидная политика, и преемники Александра с успехом ее продолжали. Эти новые города греческого типа, даже чисто военные колонии, заселенные ветеранами, были не только воен-

ной опорой Александра в завоеванных странах, но и ячейками, вокруг которых кристаллизовались элементы более высокой экономики. Создавались очаги иной культуры, с новыми запросами и требованиями, стимулировавшими производство и в метрополии (для снабжения колоний товарами) и на местах. Этому сопутствовало расширение денежного хозяйства. Огромные ценности, лежавшие в качестве сокровищ в казне Дария, были пущены в оборот, возросший благодаря расширению производства. При этом Александром была введена единая (золотая и серебряная) монета по аттическому стандарту; это не только было выражением высшего суверенитета Александра, но содействовало также оживлению и облегчению торговых операций.

Громадное значение для всего последующего времени имели географические открытия и изыскания Александра, улучшение дорог, судоходства, прокладка новых путей сообщения; все это значительно раздвинуло рамки тогдашнего мира и позволило расширить экономические и торговые связи.

Греческий язык и греческая культура в результате походов Александра проникли далеко на Восток, даже туда, где власть Александра не утвердилась, – в Индию, в Армению. Тарн[44] высказывает даже мнение, что царство Ашоки в Индии и распространение там буддизма стали возможны благодаря Александру. С другой стороны, восточная культура,

[44] CAH, VI, 434.

наука, производственный опыт, особенно в отраслях хозяйства, не известных грекам, оказали влияние на греков. Особенно отчетливо влияние Востока сказывается в религиозных представлениях.

Расширение географических, этнографических, естественнонаучных познаний эллинов дало мощный толчок развитию греческой науки, расцвет которой относится к периоду после Аристотеля. В результате походов Александра во всех странах, вошедших в состав его державы, создается единство производственной техники, единство военного дела и вооружений и, поскольку речь идет о греках и о народах, усвоивших греческий язык, – единство языка (κοινή).

Понятно, что и в политической, и в экономической, и в духовной сфере реальные достижения Александра означали лишь попытки, иногда только намеки на создание действительного политического, экономического и культурного единства. Проводниками его были на Востоке эллинские и эллинизованные города; они втягивали и отсталые области в сферу своего влияния, но в глубь азиатской χώρα не проникали даже войска Александра. Созданное им объединение было поверхностным; его только еще предстояло укрепить и упрочить.

А между тем продолжали действовать и силы, направленные к расторжению этого объединения. Неравномерность социально-экономического развития различных частей государства Александра, пережитки примитивных отношений

в самой Македонии, веками утвердившиеся идеи независимости и автаркии греческих полисов, прочно державшееся убеждение в невозможности равенства между господами и рабами, эллинами и варварами, а на Востоке также религиозные предрассудки и теократические учреждения – все это противодействовало развертыванию и реализации тех тенденций, которые проявились в деятельности Александра и были обусловлены всем предшествующим историческим развитием. Возможно поэтому, что если бы Александр не умер так рано, ему самому пришлось бы стать свидетелем крушения своих грандиозных планов. Преждевременная смерть Александра лишь ускорила развитие событий, и начатое им дело хотя было продолжено, но в более скромных размерах, в соответствии с реальными возможностями, применительно к конкретному соотношению сил в различных частях бывшей монархии Александра. При этом преемники Александра ставили перед собой нередко узкие, частные задачи; но объективно ими все же выполнялись отчасти те же задачи, какие намечены были уже Александром Македонским, походы которого были важной гранью в развитии античного мира.

Глава III
Войны диадохов и возникновение эллинистических государств

После смерти Александра сразу обнаружилась непрочность созданной им великой державы, для которой не было достаточных экономических и политических предпосылок. Экономическую основу завоеваний Александра составляли потребности не столько производства, сколько торгового оборота. На громадной территории нового царства не могла создаться единая экономика, основанная на общественном разделении труда, включающая в свою систему все слои населения. Пестрый конгломерат народов, объединенных в царстве Александра, мог использовать создавшееся единство только для развития торговли; поэтому торговые города, а в этих городах богатые слои общества, могли быть заинтересованы в сохранении этого единства. Народные массы оставались пассивными и вряд ли были склонны бороться за сохранение державы Александра. Понадобилось сорок лет, жизнь целого поколения, чтобы на месте громадного, но не сцементированного, лишь поверхностно объединенного мирового государства образовались менее крупные, зато более устойчивые монархии, где именно благодаря их не столь грандиозным масштабам стала возможной и большая

степень экономического единства. Широкие замыслы Александра не были осуществлены, но они указали путь следующему поколению, и в муках войн диадохов, преемников Александра, родились эллинистические государства Селевкидов, Птолемеев, Антигонидов, эллинистическая культура, новые формы рабовладельческой экономики.

Александр не успел создать и прочных политических форм нового типа государства. Не было создано крепкого аппарата управления, который мог бы продолжать автоматически действовать и после смерти Александра. Македония, «свободная» Эллада, эллинистические вольные города Азии, греко-македонские колонии, восточные сатрапии, храмовые территории и иерократии, полуварварские и варварские племена, управляемые своими племенными вождями и династами, – все эти разнохарактерные области и территории находились как бы в личной унии под властью Александра, не составляли органической части единого целого; это единое целое было только намечено.

Вполне естественно, что после смерти Александра проявились противоречия между разнородными элементами, в совокупности своей составлявшими при жизни Александра его государственную организацию.

История периода диадохов, сложная и запутанная, недостаточно освещена в источниках. Для этого времени наука не располагает таким первоклассным источником, каким для периода Александра являются труды Арриана, написанные

хотя почти через пятьсот лет после Александра, но по хорошим источникам и с большим знанием дела. Арриан написал также историю событий после Александра (до 320 г.) в 10 книгах, но от нее дошли только незначительные остатки. Высоко ценилась в древности история диадохов, написанная современником и участником событий Иеронимом из Кардии, но его сочинение не сохранилось. Не дошло до нас и произведение другого современника, Дурида, тирана Самосского; его «История» в 27 книгах, доведенная до 281 г., была ниже по своей исторической ценности, чем труд Иеронима; в ней больше было элементов риторики и занимательного рассказа; именно потому она пользовалась большой популярностью. Таким образом, в основном приходится пользоваться трудами поздних писателей: Диодора в книгах 18–20 его «Библиотеки» (до 302 г.), Трога Помпея в пересказе Юстина (до Пирра), биографиями Плутарха (Фокион, Эвмен, Деметрий, Пирр) и Корнелия Непота (Эвмен). Все эти произведения восходят к Иерониму из Кардии и Дуриду, но большей частью через вторые-третьи руки. Материал источников непрерывно пополняется эпиграфическими данными; их для этого бурного периода пока недостаточно, но все же они вносят существенные коррективы и дополнения к литературным данным.

Неожиданная смерть Александра поставила вопрос не только о преемнике власти умершего, но и о характере этой власти. Тенденция к децентрализации державы Александра

проявилась уже во время индийского похода, когда некоторые сатрапы пытались использовать отсутствие царя, чтобы повести самостоятельную политику. Александр по возвращении из Индии сурово расправился с ними, но после его смерти центробежные силы должны были усилиться. Главная опора Александра, македонское войско, в большинстве – крестьяне, не было заинтересовано в осуществлении его широких замыслов. Оно оставалось македонским, и это обстоятельство вызвало, как мы видели, серьезный конфликт между ним и Александром, пытавшимся создать войско нового типа, привлекая в него «варваров» Востока. Поэтому пешее войско считало необходимым сохранить трон Македонии за домом Филиппа и настаивало на провозглашении царем слабоумного Арридея, сына Филиппа II; напротив, македонская знать, служившая в коннице Александра, предлагала выждать, пока Роксана, ожидавшая ребенка, родит, и если это будет сын, сделать его наследником власти царя. Сторонники этого предложения руководились неодинаковыми целями; как показали последующие события, некоторые из сподвижников Александра хотели таким путем сохранить державу Александра и продолжить его дело; другие видели в отсрочке решения вопроса о престолонаследии средство осуществить свои личные честолюбивые планы – создать себе независимые владения.

В конце концов было достигнуто соглашение. Арридей, принявший имя Филиппа (III), и будущий сын Александра

должны были унаследовать царство сообща. Когда вскоре Роксана родила сына, он и стал царем под именем Александра IV. Конечно, власть и Филиппа Арридея и Александра IV была номинальной. Для фактического управления государством необходимо было назначить регента. В источниках нет полной ясности относительно организации регентства. По Арриану, верховное руководство царством (προστασία τῆς βασιλείας) было поручено популярному полководцу Кратеру, военное командование возложено на Пердикку. Диодор (XVIII, 2–3) называет Пердикку ἐπιμελητὴς τῆς βασιλείας, которому было поручено «руководство всем» (ἡ τῶν ὅλων ἡγεμονία). Это расхождение в источниках надо объяснить тем, что Кратер не мог вступить в исполнение своих обязанностей, так как находился в то время в пути, направляясь во главе отпущенных Александром 10 000 ветеранов в Македонию, где должен был сменить Антипатра. Таким образом, фактически власть оказалась в руках хилиарха Пердикки.

На том же совещании в Вавилоне, где был решен вопрос о власти, были распределены и сатрапии. Большинство сатрапов Александра сохранило свои должности. Антипатр остался в Европе с титулом στρατηγὸς αὐτοκράτωρ, Антигон получил Фригию, Ликию и Памфилию, Птолемей – Египет, Лисимах – Фракию и Понт, Леоннат – Геллеспонтскую Фригию. Секретарь Александра грек Эвмен получил не завоеванную пока Александром Каппадокию и Пафлагонию, Пи-

фон – Мидию.

Руководители государства были люди самые различные по характеру, воспитанию, образу мыслей. Пердикка был человек ограниченный и слишком прямолинейный для обстановки, требовавшей гибкости и умения маневрировать среди противоречивых интересов. Птолемей – уравновешенный политик, настойчивый в проведении своих планов, но осторожный дипломат. Антипатр – ревностный служака, преданный дому Филиппа, ставивший интересы дела, которому служил, выше личных. Антигон не сразу проявил свои способности и таланты; это был политический деятель большого масштаба, с широким кругозором, сумевший впоследствии выдвинуться на первое место среди диадохов. Эвмен – единственный не-македонец среди диадохов – изображается в источниках энергичным, находчивым, блестящим стратегом, неуклонно преследовавшим одну цель – сохранить целостность созданного Александром государства. Но эти столь разные люди, преследовавшие часто личные цели, руководившиеся собственным честолюбием, ставившие себе порой весьма ограниченные местные задачи, в конечном счете делали одно и то же дело. Сначала под флагом борьбы за устройство державы Александра, затем под собственным знаменем, во имя создания собственных государств, диадохи осуществляли – ощупью, ценой многочисленных человеческих жизней и расточения больших материальных средств – поставленную жизнью задачу: на основе наследия Алек-

сандра создать не столь крупные, но более устойчивые государственные объединения, больше соответствующие реальным экономическим условиям, способные поддержать пришедшее в упадок рабовладельческое общество, развить его экономику и культуру.

В начале своей кратковременной карьеры Пердикка должен был принять меры к подавлению попыток эллинов освободиться из-под власти Македонии. В Бактрии подняли восстание греческие войска численностью в 20 000 человек пехоты и 3000 конницы. Против них был направлен сатрап Мидии Пифон. Повстанцы были разбиты и большей частью уничтожены (Diod., XVIII, 7). При известии о смерти Александра Родос изгнал македонский гарнизон и объявил себя независимым.

Серьезные события произошли в материковой Греции. Недовольство здесь усилилось после указа Александра о возвращении изгнанников. Для Афин это означало потерю острова Самоса, где с 368 г. утвердились афинские клерухи на земле изгнанных. Для Этолии осуществление указа Александра означало потерю владений в Акарнании. Но ни Афины, ни Этолия не рискнули при жизни Александра оказать неповиновение и лишь старались оттянуть и выиграть время. Даже когда Афинам представилась заманчивая возможность начать борьбу за освобождение, они ее отклонили. Когда Гарпал, казначей Александра, растратив царскую казну, бежал от гнева царя, он прибыл в Афины, имея в своем рас-

поражении 30 кораблей и 6000 человек войска. Он предложил восстать против Македонии, но Афины не рискнули на такой шаг; в конце концов афиняне даже задержали Гарпала, хотя и не выдали его македонцам, и наложили арест на его деньги. Гарпалу удалось бежать (он вскоре погиб), и тут обнаружилось, что вместо 700 талантов, которые, по словам Гарпала, он привез в Афины, в казне оказалось только 350. Возникло обвинение против Демосфена и Демада в подкупе. Обвинителем выступил Гиперид. Обвиняемые не могли дать удовлетворительные объяснения и были приговорены к штрафу в 50 талантов. Демад, по-видимому, штраф уплатил, так как он остался в Афинах. Демосфен предпочел уйти в изгнание, сначала на Эгину, затем в Трезену. Таким образом, Афины сохранили лояльность по отношению к Александру.

Но как только в Афины дошла весть о смерти Александра, афинские демократические группы потребовали немедленного объявления войны. Представители плутократии, Фокион и Демад, противились восстанию, но верх одержали демократические слои, которым господство Македонии, укреплявшее позиции богатых, приносило лишь усиление гнета. В распоряжении Афин оставались деньги Гарпала; свои услуги предложил предводитель наемников Леосфен с восьмитысячным войском. Он и стал военным руководителем восстания.

Одновременно выступила Этолия, к которой присоединились также Фокида и Локрида; позднее к антимакедонскому

движению примкнула и Фессалия, прославленная конница которой оказала большое влияние на военные успехи греков в возникшей войне.

Выступивший против эллинов Антипатр потерпел поражение и заперся в Ламии, где его подвергли осаде. Удача восстания привлекла многие другие полисы, в том числе пелопоннесские города Аргос и Коринф. Демосфен с триумфом был возвращен в Афины (штраф за него уплатила казна).

Первой неудачей эллинов была смерть Леосфена, случайно погибшего во время вылазки осажденных в Ламии. Война осложнилась, когда на выручку Антипатру явился сатрап Геллеспонтской Фригии Леоннат. Пришлось снять осаду Ламии и выступить против нового противника. Эллины и здесь одержали победу, Леоннат погиб в бою. Но Антипатр соединился с остатком войска Леонната и стал, таким образом, грозной силой. Стало очевидно, что для успеха восстания необходимо получить господство на море, чтобы не допустить прибытия к Антипатру новых подкреплений из Азии и Македонии. Но и Кратер понимал важность господства на море. Он мобилизовал громадный флот из 240 кораблей. Афиняне в свою очередь сумели собрать 180 кораблей. В сражении при острове Аморгосе македонцы одержали решительную победу над афинским флотом, и это предопределило исход войны. В Грецию к Антипатру прибыл с войском Кратер. В битве при Кранноне (август 322 г.) македонцы одержали победу; правда, эта победа не была полной,

греки сохранили свое войско, но стало ясно, что дальнейшая борьба невозможна.

Полисы один за другим стали покидать ряды восставших, и коалиция распалась. В Афинах снова пришли к власти Фокион и Демад, вступившие в переговоры с Антипатром. Победитель на этот раз не стал церемониться с Афинами. В городе была установлена олигархия во главе с Фокионом; был установлен ценз в 2000 драхм, лишивший беднейшее население политических прав. В Пирее на Мунихии был поставлен македонский гарнизон. Вожди демократии были подвергнуты казням или изгнаны. Гиперид был казнен, приговоренному к смерти Демосфену дали возможность бежать; чтобы не отдаться в руки врагов, Демосфен, укрывшийся в храме Посейдона в Калаврее, покончил самоубийством (октябрь 322 г.). Афинянам пришлось оставить остров Самос. Антипатр двинулся затем против Этолии; не имея сил сопротивляться, этолийцы ушли в горы. Дальнейшие репрессии против греков были приостановлены, так как Антипатра и Кратера отвлекла начавшаяся в Азии борьба между диадохами.

Хотя на совещании в Вавилоне все македонские руководители согласились на признание Филиппа Арридея и младенца Александра (тогда еще не родившегося) наследниками царя Александра, идея единой мировой державы, если она и возникала у наиболее честолюбивых диадохов, рисовалась им как их собственная; достигнутый в Вавилоне ком-

промисс давал лишь время (поскольку царей никто не принимал всерьез) для вызревания замыслов диадохов. Только Пердикка, державший царей при себе, Антипатр и Эвмен сохранили верность династии и стремились сохранить державу Александра. Это, конечно, не могло быть по душе другим диадохам, мечтавшим о создании собственных государств.

Пердикка действовал решительно и последовательно (даже чересчур последовательно), не считаясь с настроениями своих коллег. Он завершил незаконченное Александром завоевание Малой Азии, покорив Каппадокию; властителя страны Ариарата он повесил и вручил управление ею Эвмену. Уже в этой первой крупной операции проявилась фиктивность власти царей, от имени которых действовал Пердикка. Антигон, которому первоначально Пердикка поручил поход в Каппадокию, отказался исполнить его распоряжение, а Леоннат, к которому затем обратился Пердикка, предпочел переправиться в Грецию на помощь осажденному Антипатру и там нашел свою гибель. Когда Пердикка потребовал Антигона к ответу, тот уехал в Македонию к Антипатру. Птолемей в Египте также повел себя независимо. Клеомена, финансового управителя Египта, поставленного на этот пост Александром, он казнил. Он захватил тело Александра и отказался выдать его для погребения в Македонии. Пердикка решил наказать ослушника и предпринял поход в Египет, оказавшийся неудачным и повлекший значительные потери в войске при попытке переправы через Нил. Используя недо-

вольство войска, сатрапы и военачальники, шедшие с Пердиккой, в том числе Пифон и тогда еще занимавший второстепенное место Селевк, убили Пердикку в его палатке (июль 321 г.). Его войско под предводительством Пифона вернулось в Азию. Тем временем Эвмен, соратник и единомышленник Пердикки, нанес поражение Кратеру, выступившему против него из Македонии; сам Кратер погиб.

При создавшемся положении полководцы снова собрались в Трипарадисе в Сирии. Антипатру, управителю Европы, было вручено регентство. Антигон получил звание στρατηγὸς αὐτοκράτωρ Азии. Селевк получил Вавилонскую сатрапию и вступил, таким образом, как равноправный партнер в разгоревшуюся борьбу диадохов.

Ближайшая задача их состояла в том, чтобы сокрушить Эвмена, оставшегося верным идее сохранения державы Александра. Кампания против Эвмена была поручена Антигону. Ему удалось разбить Эвмена и осадить его в Наре на границе Каппадокии и Ликаонии; после годичной осады, красочно описанной Плутархом в биографии Эвмена, ему пришлось бежать оттуда с горстью людей. Но в это время наступила перемена. В 319 г. умер Антипатр; для этого ревностного служаки характерно, что свой пост он завещал, в обход своего сына Кассандра, Полиперхонту, стороннику сохранения единства государства. Регент оказался, таким образом, на стороне Эвмена, который сумел благодаря этому заполучить часть казны, вывезенной в свое время из Суз в

Киинду (в Киликии); на его сторону перешла отборная македонская пехота аргираспидов («серебряные щиты»); в 318 г. он начал строить в Финикии свой флот. С другой стороны, обиженный Кассандр вступил в союз с Антигоном против Полиперхонта, которого поддерживала пользовавшаяся влиянием Олимпиада, мать Александра.

Перипетии борьбы Эвмена против возглавляемой Антигоном коалиции чрезвычайно типичны для войн диадохов. Если Птолемей стремился удержать за собой Египет, Антигон (на первых порах) – Азию, Селевк – Вавилонию, если Кассандр и Полиперхонт боролись между собой за власть над Македонией и Грецией, то Эвмен оказался в роли какого-то странствующего рыцаря, прошедшего с боями до Сузианы и Персиды, не имея никакой территории, которой он бы управлял, которую он должен был защищать, укреплять, расширять. Правда, он защищал идею единства государства; но в процессе борьбы эта идея стушевалась, тем более, что в 317 г. Олимпиада распорядилась убить Филиппа Арридея вместе с его женой Эвридикой, а вскоре (в 316 г.) сама Олимпиада была побита камнями по приказу Кассандра. Что касается Александра IV, то этот ребенок вместе с матерью Роксаной находился фактически в заключении, и когда Кассандр их впоследствии (в 311 г.) убил, это уже не имело политического значения.

Несмотря на свои необыкновенные таланты и даже благородные черты характера, Эвмен был в сущности искателем

приключений, опиравшимся на поддержку случайных военных отрядов, которые он умел легко привлекать к себе из рядов своих соперников или сколачивать из населения тех мест, где он в данное время находился, но которые так же легко покидали его и переходили на сторону врагов. Трагический конец Эвмена дополняет безотрадную картину его беспредметных усилий, направленных к неопределенной цели и подчинявшихся беспринципным интересам и капризам своих солдат. Одержав победу над Антигоном в Габиене, он погиб в результате предательства войска; чтобы получить обратно попавший в руки неприятеля обоз, где находились их семьи, награбленная добыча и имущество, аргираспиды выдали победителя Эвмена Антигону, который его казнил (316 г.).

В Греции борьба между Кассандром и Полиперхонтом продолжалась, но носила иной характер, чем войны в Азии, где местное население пассивно взирало на борьбу претендентов на власть и только страдало от военных тягот и разорения. Политическая активность эллинов не позволила им быть безучастными зрителями, борьба претендентов переплеталась с классовой борьбой. Здесь нельзя было удерживать длительное время власть только при помощи военной силы. И Полиперхонт и Кассандр старались найти опору в местном населении, в той или иной партии. Полиперхонт в 319 г. провозгласил «свободу» Эллады, чтобы привлечь на свою сторону демократию. В Афинах народ отменил оли-

гархическую конституцию, введенную Антипатром, олигархи подверглись изгнанию и казни; в частности, был казнен (318 г.) Фокион, в течение 40 с лишним лет занимавший должность стратега и державший сторону Македонии, поскольку она обеспечивала богачам-рабовладельцам господство над массой.

Но дарованная эллинам «свобода» была призрачной, она зависела от преходящих интересов македонского властителя и от переменчивой военной удачи. Кассандр угрожал возрожденной афинской демократии из Пирея, где он прочно утвердился. Афинянам пришлось подчиниться (318 г.), и Кассандр вновь установил в Афинах олигархическую конституцию с гражданским цензом в 1000 драхм. Вожди демократии подверглись репрессиям. Во главе полиса стал Деметрий Фалерский, который в течение 10 лет был умеренным правителем Афин ἐπιμελητής, προστάτης.

Деметрий был философом, учеником Теофраста и плодовитым писателем. Ему приписывается кодификация аттического права, что дало основание поставить его в один ряд с Тезеем и Солоном. Деятельность его как номотета подтверждается эпиграфическими данными[45]. Философское образование и занятия литературой не мешали Деметрию держать народ в повиновении, в интересах Кассандра и покровительствуемой им плутократии.

---

[45] См. S. D o w and A. H. Trav i s. Demetrios of Phaleron and his law giving, «Hesperia», XII, 2, 1943, стр. 144–165.

Кассандр постепенно подчинил себе значительную часть Эллады и Македонии, заставив Полиперхонта удалиться в Этолию. Гибель Олимпиады, Филиппа и Эвридики, превращение Александра IV в узника устранили законных претендентов на македонский престол[46]. Кассандр породнился с домом Филиппа, женившись на его дочери Фессалонике, и назвал ее именем город, построенный им на месте разрушенной Потидеи. Поднятию престижа Кассандра содействовало восстановление Фив (316 г.), разрушенных Александром. Это было проведено как общеэллинское дело, и взносы на восстановление города поступали со всех мест поселения греков[47].

Таким образом, в 316 г. ситуация была такова: Птолемей прочно сидел в Египте; в Греции и Македонии господствующее положение занимал Кассандр, а Полиперхонт, номинальный блюститель наследия Александра, был лишен реальной силы и значения; Лисимах сохранял сатрапию, полученную еще при первом разделе; Селевк в Вавилонии пока ничем себя не проявил. В Азии после победы над Эвменом самым могущественным властителем был Антигон. Династия фактически перестала существовать, и о сохранении державы Александра вопрос всерьез уже не ставился. Однако в это время начали вырисовываться контуры новых круп-

[46] Оставался еще сын Александра от незаконной жены Барсины – Геракл. Впоследствии Полиперхонт объявил его царем, но вскоре сам же его казнил.

[47] Список взносов см. Syll.[3] 337.

ных государств; в первую очередь основой такого государства могло явиться мощное и экономически сильное объединение территорий, находившихся во владении Антигона.

После расправы над Эвменом Антигон на Востоке повел себя как неограниченный властитель. Он стал распределять по-своему восточные сатрапии. Пифон, сатрап Мидии, был казнен, Певкест, сатрап Персиды, был смещен и сошел со сцены. Селевка Антигон потребовал к отчету, и тот счел благоразумным бросить свою сатрапию и бежать к Птолемею. В Экбатане Антигон захватил 5000 талантов, в Сузах – 20 000; остаток казны в Киинде (10 000 талантов) также достался ему; кроме того, нормальный доход с его владений составлял 11 000 талантов в год. Антигон имел, таким образом, громадные денежные средства, чтобы содержать большое войско и стать владыкой Азии.

Но с этим не могли мириться другие диадохи, которые и сами лелеяли мечты о господстве. Против Антигона составилась коалиция из Лисимаха, Кассандра, Птолемея, Селевка. Они потребовали, чтобы он уступил Сирию и Финикию Птолемею, признал Кассандра стратегом Европы, возвратил Селевку Вавилон, отдал Геллеспонтскую Фригию Лисимаху. Ультиматум был отвергнут, и началась война.

На этот раз Антигон не имел успеха. Чтобы обезопасить с моря свои владения, он собрал флот из 240 кораблей в противовес флоту Птолемея; затяжная война на суше и на море против сильной коалиции оказалась не по плечу Антиго-

ну, хотя его противники долго не имели решающих успехов. Только в 312 г. Птолемей при Газе одержал крупную победу над Деметрием, сыном Антигона, защищавшим его владения с юга, со стороны Египта. Эта победа дала Птолемею возможность занять Сирию и Финикию. Селевк, отличившийся как один из военачальников Птолемея, с отрядом в 1000 человек направился в Вавилон и вновь утвердился там в качестве сатрапа. Это незначительное событие стало началом новой эры, принятой во всей Передней Азии – эры Селевкидов.

Антигон перешел все же в наступление. Он вновь отвоевал Палестину и даже подготовил поход против Египта. Деметрий совершил рейд в Вавилонию, ограбил страну, но не удержался в ней. Ситуация, не сулившая решительных побед ни той ни другой стороне, побудила диадохов заключить мир (311 г.). В связи с этим Антигон выпустил манифест, экземпляр которого, адресованный городу Скепсису, дошел до нас в надписи (OGIS 5 = RC 1). Интересный во многих отношениях текст «манифеста» гласит: «…мы заботились о свободе эллинов, ради которой делали немалые уступки и к тому же роздали деньги, и по этому поводу послали Эсхила с Демархом. Прежде чем достигнуто было соглашение на этот счет, мы участвовали в встрече на Геллеспонте[48], и если бы кое-кто не помешал, все было бы завершено тогда. Ныне же, когда Кассандр и Птолемей стали поговаривать о мире и к нам явились по этому поводу Препелай и Аристодем, то хотя мы

[48] В 313/2 г. См. Diod., XIX, 75, 6.

видели, что некоторые из требований Кассандра слишком тягостны, но, поскольку дело шло о соглашении насчет греков, мы нашли необходимым не обратить внимания на это, чтобы возможно скорее уладить главное. Ведь мы считали важнее всего все устроить для эллинов, как мы хотели, а если бы все это затягивалось, при затяжке иногда случается много неожиданного, а нам желательно было, чтобы все касающееся эллинов было улажено при нашей жизни; мы поэтому полагали, что не следует из-за мелочей рисковать устройством дела в целом. А сколько мы приложили в этом деле старания, ясно будет, я думаю, и вам и всем другим из самого содержания соглашения. Когда мы уже завершили соглашение с Кассандрой и Лисимахом, для чего они послали уполномоченного Препелая, к нам прислал послов Птолемей, прося заключить мир и с ним и вписать его в то же соглашение. Мы видели, что нам приходится немало поступиться своим честолюбием, ради которого мы перенесли немало забот и потратили много денег; к тому же тогда уже с Кассандрой и Лисимахом мы договорились и дальнейшие переговоры были уже легче. Но понимая, что, если наладить и с ним (т. е. с Птолемеем), то скорее будет покончено с Полиперхонтом, поскольку никого не останется в союзе с ним, а также принимая во внимание мое родство с ним, вместе с тем видя, что вы и прочие союзники страдаете от военных действий и расходов, мы сочли правильным уступить и заключить мирный договор также с ним. Для заключения договора мы по-

слали Аристодема, Эсхила и Гегесия; они вернулись, получив гарантии, а от Птолемея прибыло посольство во главе с Аристобулом, чтобы получить от нас. Итак, знайте, что соглашение достигнуто и наступил мир. Мы записали в соглашении, что все эллины принесут клятву, что взаимно будут охранять свободу друг друга и автономию, предполагая, что пока мы живы, мы, поскольку это зависит от человеческих расчетов, будем это соблюдать, а на будущее время, если все эллины и стоящие у власти обяжутся клятвой, свобода эллинов останется более прочной». В дальнейшем Антигон предлагает Скепсису принести клятву и обещает впредь по мере сил быть полезным всем эллинам.

Манифест Антигона – образец дипломатической изворотливости и политической пропаганды того времени. Вынужденный силой обстоятельств заключить мир, которым он признает независимость своих соперников, признать Кассандра властителем Европы, отказаться на время от своих честолюбивых замыслов, Антигон представляет дело так, что он печется исключительно о свободе и благополучии эллинов. В этом заявлении есть все же и доля истины. В отличие от Александра, для которого интересы эллинов и македонцев постепенно отходили на второй план, Антигон, по-видимому, в своих планах создания великой державы рассчитывал прежде всего на эллинские и эллинизированные города Малой Азии, Сирии и Финикии, а в дальнейшем, как видно из последующих его действий, на Элладу, хотя поте-

рявшую свое политическое и экономическое значение, но сохранившую свое значение как центр морских коммуникаций, как источник для вербовки наемных армий, как средоточие обширных деловых и торговых связей и, наконец, как великая культурная сила. По той же причине и другие диадохи стремились завоевать и утвердить за собой позиции в Элладе. С другой стороны, Антигон был заинтересован в том, чтобы иметь на своей стороне в предстоящей борьбе общественное мнение.

Обращает на себя внимание отсутствие в соглашении упоминания о Селевке, вновь овладевшем, вопреки Антигону, Вавилонской сатрапией. Как теперь выяснилось благодаря опубликованной в 1924 г. клинописной Вавилонской хронике[49], Селевк не случайно оказался обойденным в договоре. Антигон не намеревался заключить мир с Селевком: в 311 г. Деметрий совершил экспедицию в Вавилон, и еще под 307

[49] S. S mith. Babylonian historical texts relating to the capture and downfall of Babylon, L. 1924. Текст сильно фрагментирован. Затруднения вызывают и даты, сохранившиеся в «Хронике»; даты здесь даются по годам царствования Филиппа Арридея, Александра IV и (один раз) Селевка, но они плохо согласуются с данными литературных источников. Хронология событий, предложенная С. Смитом, другими исследователями отвергнута (Смит согласился со своими критиками). См. S. S m i t h. The Chronology of Philippus Arrhidaeus, Antigonus and Alexander IV, R. Ass., XXII, 1925, стр. 179 сл.; E. C a v a i g n a c. Le debut de l'ère des Séleucides, R. Ass., XXIII, 1926, стр. 5 сл.; J. B e l o c h, IV, 2, стр. 616 сл.; RC, 7; M o m i g l i a n o. La cronica babilonese sui diadochi, Riv. Fil., X, 1932, стр. 426 сл. Н. В. П и гул е в с к ая. Угасающий Вавилон, УЗ, ЛГУ, серия истор., 78, 1943, стр. 42 сл. (автор исходит из неверной датировки «Хроники» временем 322– 312 гг.).

г. «Хроника» говорит о «плаче и печали» в стране, где военные действия продолжались. В этой борьбе вырисовываются первые черты соперничества между Антигоном и новым претендентом – Селевком.

Мир, заключенный в 311 г., не решил ни одного из спорных вопросов и дал воюющим странам лишь кратковременную передышку. Антигон укреплял организационно свое государство, уделяя много внимания строительству и синойкизму греческих полисов. Помимо Антигонии в Троаде и Антигонии в Вифинии, он в 307 г. построил Антигонию на Оронте в северной Сирии; несмотря на поражение при Газе, Антигон укрепил свои позиции в Сирии и, отказавшись от мысли стать владыкой Востока, обратил свои взоры на Запад. Птолемей, не отказавшийся от намерения завладеть не только Келесирией, но и всей Сирией, также искал опоры в Греции. Организация «островной лиги» (Киклады) во главе с Делосом под покровительством Птолемея отдавала в его распоряжение морские коммуникации. Под лозунгом «освобождения Эллады» он совершил успешный поход в Грецию и овладел Коринфом и Мегарой; но дела в Египте и Киренаике заставили его вскоре вернуться в Египет.

На этот раз с лозунгом освободителя Греции выступил Антигон. В 307 г. он направил своего сына Деметрия с 250 кораблями в Грецию. Гарнизон Кассандра в Пирее и Мунихии был подавлен. В Афинах была провозглашена свобода, восстановлена демократия. Деметрий Фалерский бежал

в Фивы, откуда затем пробрался в Египет и отошел от политической деятельности. Деметрий был принят в Афинах с необычайным триумфом. Две филы были названы в честь Антигона и его сына – Антигонида и Деметриада; обоим воздали божеские почести. Но борьба против Птолемея заставила Антигона отозвать Деметрия из Афин. С большим флотом (163 корабля) Деметрий напал на остров Кипр и при Саламине нанес жестокое поражение превосходящему численностью (200 кораблей) флоту Птолемея. Эта победа послужила поводом для Антигона и Деметрия принять царский титул (306 г.). По их примеру вскоре приняли царский титул также Лисимах, Птолемей, Селевк и Кассандр. Тем самым распад державы Александра получил официальное выражение.

После победы при Саламине Деметрий, ввиду неудачи предпринятого Антигоном большого похода против Египта, направился против Родоса. Этот крупнейший центр эллинистической торговли, связывавший Египет, Азию и Европу, находился в союзе с Птолемеем; овладение Родосом должно было ослабить Птолемея и сыграть немалую роль в укреплении царства Антигона. Осада и оборона Родоса (305–304 гг.), за которую Деметрий получил прозвище «Полиоркет», – одна из интереснейших страниц военной истории. Город Родос был осажден Деметрием с суши и с моря. При осаде были применены все достижения тогдашней военной техники, много было проявлено упорства и изобретательства. Здесь

впервые была применена гелепола (ἑλέπολις – «берущая город») – громадная девятиэтажная осадная машина, которую обслуживало более 3000 человек. Но родосцы стойко и умело оборонялись. Деметрию не удалось взять город, которому к тому же помогали Птолемей, Кассандр и Лисимах, доставлявшие осажденным продовольствие. В конце концов был заключен мир, по которому Родос сохранил свободу, но вступил в симмахию Антигона, оговорив при этом, что он не будет сражаться против Египта.

Деметрий вернулся в Грецию, где Кассандр, пользуясь его отсутствием, снова овладел положением. Деметрий одержал ряд побед, восстановил в 303 г. Коринфский союз; Афины создали ему настоящий культ как богу-спасителю. Деметрий занял и освободил от македонских и египетских гарнизонов ряд городов на Пелопоннесе и в частности в Аркадии, объявил свободной всю Элладу южнее Фермопил, прошел в Фессалию и готовился к вступлению в Македонию, когда был отозван Антигоном, против которого ополчилась коалиция из Лисимаха, Птолемея и Селевка.

Последний использовал период борьбы между Антигоном, Птолемеем и Кассандром на Западе, чтобы расширить свое царство на Востоке. Индийский сатрап, которому Антигон в качестве стратега Азии поручил управление восточными сатрапиями, был сокрушен Селевком, а его громадное войско перешло на сторону победителя. Селевк присоединил к своим владениям Мидию, Сузиану и Персиду, подчи-

нил Бактрию и двинулся по следам Александра в Индию, где тогда возникло могущественное государство Маурья. Основатель этой династии, знаменитый Чандрагупта, фактически завладел наследием Александра в Индии. Подробности похода Селевка против Чандрагупты неизвестны. По сообщению Страбона (XV, 9, 724), Селевк уступил области Паропамиса, Гедрозии и Арахозии Чандрагупте, «обусловив эпигамию и взяв за это 500 слонов». По-видимому, Чандрагупта признал номинально верховную власть Селевка.

К тому времени, когда решался вопрос о судьбе Антигона и ополчившейся против него коалиции, Селевк оказался владыкой могущественного царства. Он прибыл в Каппадокию с большим войском, насчитывавшим 20 000 человек пехоты, 12 000 конницы, 480 боевых слонов и 100 колесниц, снабженных косами.

Встреча противников произошла при Ипсе во Фригии. Птолемей, двинувшийся из Египта и занявший Келесирию, вернулся в Египет, получив оттуда тревожные вести, и в битве при Ипсе не участвовал. Антигон потерпел при Ипсе полное поражение, и сам пал в бою (лето 301 г.). Деметрий с остатками своего войска спасся бегством. Так погиб восьмидесятилетний воитель и политический деятель, в течение двадцати дет с упорством и умением, с ловкостью дипломата и жестокостью деспота создававший свою, казалось, прочную державу.

Победители поделили между собой его наследство. Си-

рия и южная часть Малой Азии достались Селевку, большую часть Малой Азии присоединил к своим владениям Лисимах. Птолемей, хотя и не участвовавший в битве, захватил Южную Сирию и Палестину, и Селевк не счел нужным ему противодействовать – может быть, в память о покровительстве, которое ему оказывал в свое время Птолемей. Кассандр, которому подчинился Полиперхонт, остался господином положения в Греции и Македонии.

Но Деметрий еще сохранил некоторые владения в Финикии (Тир, Сидон), Малой Азии (Эфес, Милет) и Греции (Коринф, Мегара). Чтобы не дать слишком сильно укрепиться своим союзникам, Селевк покровительствовал Деметрию. Когда в 297 г. умер Кассандр, Деметрий снова попытался утвердиться в Греции. На этот раз Афины оказали сопротивление и подверглись длительной жестокой осаде (296–294 гг.). Взяв город, Деметрий изгнал тирана Лахара, восстановил демократию, но фактически власть оказалась в руках вернувшихся из изгнания врагов демократии, приверженцев режима Деметрия Фалерского. Гарнизон Деметрия был поставлен не только в Пирее, но и в самом городе – в Музее.

Смуты после смерти Кассандра принесли Деметрию также желанный македонский престол. Деметрий мечтал даже о завоеваниях на Востоке; опять против него поднялась коалиция из Селевка и Лисимаха, к которым примкнул царь Эпира Пирр. Потеряв все владения в Македонии и Греции, Деметрий предпринимает ряд авантюр в Азии, терпит неуда-

чи и брошенный своими войсками, одинокий и всеми покинутый отдается на милость Селевка. Последний не решился казнить прославленного полководца, на дочери которого был женат, а оставил его в почетном плену, где Деметрию оставалось топить в вине и излишествах тоску по былому величию и славе. Вскоре он умер (283 г.).

Греция и Македония достались большей частью Лисимаху, лишь небольшие области остались у сына Деметрия, Антигона Гоната. Лисимах действовал в Греции и в своих азиатских владениях либерально; он давал городам свободу, оставлял олигархию или тиранию там, где он ее заставал, но не препятствовал и демократии. Он строил новые и укреплял старые города и проводил политику эллинизации. К концу жизни у него были семейные неурядицы. Птолемей назначил своим соправителем и наследником, в обход старшего сына, Птолемея Керавна, своего сына от любимой жены Береники. Керавн уехал к Лисимаху; вследствие его интриг Лисимах казнил своего сына Агафокла.

Расширение царства Лисимаха вызвало соперничество между ним и Селевком, приведшее к военному столкновению. В битве при Курупедионе в Лидии (точное местоположение неизвестно) Лисимах потерпел поражение и был убит (281 г.). Селевку, казалось, открылась возможность овладеть всей державой Александра. Но на пути в Македонию, когда Селевк осматривал заинтересовавший его памятник, он погиб от руки Птолемея Керавна (280 г.).

Войско провозгласило Керавна царем Македонии. Но процарствовал он недолго; при вторжении кельтов в Македонию он попал к ним в плен и был убит. Кельты проникли в Грецию и угрожали общегреческой святыне – Дельфам. Честь отражения кельтов принадлежит прежде всего этолийцам, заслужившим за это благодарность и уважение греков. Окончательное поражение нанес кельтам при Лисимахии (277 г.) Антигон Гонат, которого провозгласили македонским царем. Его династия правила Македонией до завоевания ее римлянами.

В 283 г. умер Птолемей. Таким образом, к 280 г. не оставалось в живых ни одного из ближайших преемников Александра – диадохов; настало время следующего поколения – эпигонов. Царство Александра распалось окончательно на три (в основном) крупные монархии: Македонию, Египет и царство Селевкидов. Границы этих государств колебались и в дальнейшем, все же они обладали более или менее устойчивой территорией. Царство Селевкидов, охватывавшее большую часть Малой Азии, Сирию, Месопотамию и Вавилонию, занимало площадь в 3,5 миллиона кв. км с населением, по исчислению Белоха, в 30 миллионов. Египет, который владел еще территориями в Келесирии, Малой Азии, на островах Эгеиды и на Балканах, занимал 120 тыс. кв. км с населением в 10 миллионов; Македония (при Антигоне Гонате) – 70 тысяч кв. км с населением в 3– 4 миллиона. Эти цифры становятся особенно выразительными, если принять

в расчет, что Афинский морской союз обнимал территорию в 30–40 тысяч кв. км, а Карфаген перед I Пунической войной – около 100 тысяч кв. км.

Во время похода против Дария Александр не имел времени завоевать Малую Азию целиком, ограничиваясь в некоторых случаях формальным, вернее, номинальным, признанием его власти. Как мы видели, Каппадокию фактически завоевали уже после смерти Александра Пердикка и Эвмен. Пользуясь войнами между диадохами, спасшийся от расправы Пердикки один из сыновей царя Каппадокии Ариарата бежал в Армению, откуда он предпринял набег на Каппадокию, изгнал представителя Антигона и выкроил себе самостоятельное царство на юге области.

Другой местный династ из дома Ахеменидов, Митридат, одно время состоявший на службе Антигона, создал себе независимое владение на северном побережье Малой Азии и после гибели Лисимаха при Курупедионе объявил себя царем Каппадокии Понтийской, впоследствии получившей название Понта.

Точно так же от царства Лисимаха отделился правитель Вифинии и Пафлагонии Зибоет, объявивший себя царем Вифинии в 297 г. Этот год стал началом новой эры, принятой не только в Вифинии, но и в Понте и в Боспорском царстве.

И в центре Малой Азии завоевание не везде было прочным. Горные варварские племена стойко отстаивали свою свободу. Когда Пердикка штурмовал Исавру, сами жители

сожгли город и предпочли погибнуть в пламени вместе с женами и детьми, чем сдаться врагу (Diod. XVIII, 22). Исавры до конца существования Римской империи так и не были покорены окончательно.

Войны диадохов велись жестоко. Предательства, измены были обычным явлением. Наемные войска, конечно, мало считались с интересами населения тех мест, где происходили военные действия. Не всегда они считались также с желаниями полководцев. Когда в 314 г. военачальник Антигона явился для освобождения Эгия, его солдаты учинили в городе погром, не оставив ни одного дома не ограбленным. Как правило, войска жили на счет местного населения. Эвмен потребовал от эолийских городов денег; за отказ он разграбил города как вражеские (Iust. XIV, 16). Плутарх приводит об Антигоне следующий анекдот: «Антигон постоянно взыскивал деньги; когда кто-то сказал: «Ведь Александр не был таким», тот ответил: «это естественно: тот косил Азию, а я собираю колосья». Выше мы приводили свидетельства надписей о взыскании диадохами с «свободных» полисов денег за военные расходы. Там, где военные действия осложнялись, как это было в Греции, классовой борьбой, стороны были беспощадны к противникам. В 315 г. Аполлонид, военачальник Кассандра, подавив восстание в Аргосе, сжег в пританее 500 человек, многих казнил или изгнал (Diod., XVIII, 57, 1). По поводу событий 318–314 гг. в Греции Диодор отмечает, что частые смены властей сопровождались казня-

ми, конфискациями и другими жестокостями παρὰ τὰ τῶν Ἑλλήνων νόμιμα («вопреки эллинским обычаям»). Вполне понятно поэтому, что города добивались «асилий»; под термином ἀσυλία понимали тогда не только неприкосновенность, но и право предоставления убежища[50]. Высокочтимые храмы богов, иногда и города, где находились эти храмы, получали асилию в виде гарантийного письма того или иного правителя; но эта гарантия не была, во-первых, обязательна для другого правителя и еще менее – для пиратов[51]; во-вторых, и лицо, даровавшее асилию, вольно было изменить свое решение, если этого требовали обстоятельства.

При всем том было бы неправильно переоценивать роль войн в жизни народов эллинистического мира в период диадохов, хотя бы уже потому, что военные действия велись главным образом в Малой Азии и Греции. Многие области, например Македония, Сирия, Палестина, почти вовсе не были затронуты военными действиями. Хотя в войнах диадохов нередко участвовали крупные войска в несколько десятков тысяч человек, но при недостаточности средств сообщения, при тогдашнем уровне военной техники и при слабых экономических связях между областями, даже не очень отдаленными друг от друга, непосредственные тяготы военных

---

[50] См. RC, стр. 57.

[51] О том, как мало считались даже с прославленными святынями, свидетельствует декрет Самофракии в честь Лисимаха (Syll.[3] 372), где рассказывается о разграблении храма самофракийских богов и о попытке сжечь самый храм.

действий ощущались болезненно на самом театре войны, но обычно не затрагивали страны в целом. Даже решающие сражения, какие происходили при Ипсе, при Газе, при Курупедионе, а также и другие вряд ли оказали большое влияние на жизнь населения.

При чтении литературных источников, интересующихся только историей войн, царей и полководцев, создается впечатление, что история диадохов представляет собой непрерывные войны, смены властей, измены, предательства, убийства, разрушения. Но это, несомненно, искаженная картина действительности. Кровавая борьба диадохов не остановила жизни народов; трудящиеся продолжали производить материальные блага, творить новые культурные ценности; создавались новые взаимоотношения между народами, менялись социальные отношения, совершались значительные изменения в хозяйственной жизни. Эта главная сторона жизни эллинистического мира слабо отражена в литературных источниках, но лучше освещается эпиграфическими и археологическими данными.

Идеи, которыми руководился в своей завоевательной политике Александр, не заглохли после его смерти, так как они диктовались условиями общественной жизни. И при диадохах продолжался процесс перехода рабовладельческого общества на новую ступень; процесс расширения его экономики, ликвидации прежней замкнутости и изолированности, создания иной по типу духовной культуры.

Особенно отчетливо новое в общественной жизни выражено в политике синойкизма и строительства новых городов, которую проводили диадохи вслед за Александром. Уже указывалось выше, что идея смешения народов, создания мирового единства и «единомыслия» была впервые выдвинута и осуществлялась на практике в результате походов Александра. Исократ тоже пропагандировал единство, но он имел в виду единение только эллинов или эллинизированных чужеземцев и отнюдь не был склонен проповедывать равенство эллинов не только с действительными варварами, но и с персами. В своем обращении к Филиппу Исократ указывал на недопустимость такого положения, когда персы богаче эллинов, когда потомки подкидыша Кира именуются великими царями, а потомки Геракла довольствуются более скромными титулами; он полагает поэтому, что «все нужно перевернуть и переставить» (ἀναστρεπτέον καὶ μεταστατέον ἅπαντα ταῦτ' ἐστίν). Персов он считает воспитанными для рабства (Paneg., 150). Но жизнь требовала иного, и не только Александр, но и его преемники пошли по пути создания не эллинских, а эллинистических, греко-восточных монархий. В частности, Селевк, по словам Полибия (X, 27, 3), насаждал на Востоке, эллинистические города, идя по стопам Александра (κατὰ τὴν ὑφήγησιν Ἀλεξάνδρου). Ту же политику насаждения полисов проводили также Антигон, Лисимах, Птолемей, Кассандр, Деметрий, практикуя строительство новых городов и укрупнение старых путем синойкизма.

Синойкизм – явление не новое для этого периода. Слияние нескольких сельских поселений и образование из них единого городского центра было в античной Греции одной из форм перехода от варварства к цивилизации. Еще до периода эллинизма мы имели разительный пример синойкизма искусственного, насильственного: образование города Мегалополя в Аркадии. По сообщению Павсания (VIII, 27), не менее 40 «городов» участвовало в создании Мегалополя; но «ликеаты, триколоны, ликосурцы и трапезунтцы хотели изменить свое решение: они не соглашались еще покинуть свои старинные города; но одни из них насильно были переселены в Мегалополь; трапезунтцы же вообще совершенно исчезли из Пелопоннеса – уцелевшие и не истребленные уплыли в Понт, где их охотно приняли в Трапезунте Понтийском».

В период эллинизма синойкизм в Азии принимает массовый характер и (в этом его отличительная черта) здесь он означает в большинстве случаев не начало цивилизации, а важный шаг по пути ликвидации или ограничения замкнутости греческого полиса, поскольку речь идет о синойкизме греческих городов, или же возникновение городской жизни нового типа на Востоке, где еще существовало «некоторое нерасчлененное единство города и деревни». Плиний отмечает (VI, 117): Mesopotamia tota Assyriorum fuit vicatim dispersa praeter Babylonem et Ninum. Macedones eam in urbem congregavere. На Востоке образование городов греческого

типа означало также изменение положения и сельского населения, так как к городам присоединялась сельская территория, получавшая в результате новый статус. Вместе с тем рост городской жизни означал развитие рабовладельческого хозяйства античного типа.

О синойкизме эллинистических городов материал недостаточен. Сам термин «синойкизм» применяется и для обозначения действительного слияния нескольких городов в один из них, как в центр, и для симполитии, при которой создается общий политический и экономический центр, но население остается на своих местах. По существу здесь трудно провести резкое разграничение, так как и при настоящем синойкизме не все население обязательно уходило в новый центр. Мы мало знаем и о том, как конкретно складывалась жизнь в новых или обновленных эллинистических городах. Плутарх сообщает (de fort. Alex., I, 5), что Александр основал более 70 городов; по Аппиану (Syr., 57), Селевк основал[52] 11 Антиохий, 9 Селевкий, 5 Лаодикей, 4 Апамеи и 1 Стратоникею, названные по имени членов его семьи; кроме того, многим городам он дал названия македонских и греческих городов: Каллиполь, Берея, Эдесса, Перинф, Маронея, Антуза, Пелла, Тегея и т. д.; всего Аппиан называет таких городов 25, а вместе с предыдущими – 55. Но от очень многих из этих городов не сохранилось ни более подробных

[52] Необходимо иметь в виду, что основателем (κτίστης) мог считаться и тот, кто лишь расширил или даже только переименовал уже существующий город.

упоминаний в литературе, ни археологических памятников, ни монет.

Больше всего сведений о синойкизме эллинистических городов дает Страбон. Так, от него мы узнаем, что между городами Кебрен и Скепсис была вечная вражда, пока Антигон не включил их в порядке синойкизма в новый город Антигонию (XIII, 1, 33). Лисимах переименовал этот город в честь Александра в Александрию, т. е. Александрию Троаду; в нее были включены ряд πολίσματα и много φρούρια, укрепленных мест, но скепсийцы с разрешения Лисимаха вернулись на родину. Отсюда видно, что синойкизм не обозначал физического уничтожения поселений, переместившихся в новый центр; они лишь деградировали, потеряв свою политическую самостоятельность, и превращались иной раз в сельские поселения, κῶμαι. Лисимах укрепил Эфес, передвинув его поближе к морю; чтобы заставить жителей старого города переселиться, он будто бы засыпал канал, отводивший излишки дождевой воды в Каистр, и затопил город. По сообщению Павсания (I, 9, 7), он «переселил туда жителей Лебедоса и Колофона, их же города он разрушил, как видно из стихотворения Феникса, ямбического поэта, оплакивавшего разрушение Колофона». Однако не все колофонцы, по-видимому, выселились в Эфес, так как тяготевший к Колофону Нотион стал вторым отечеством колофонцев и у Ливия именуется «Колофон». Колофон (Нотион) во II в. до н.

э. чеканил тетрадрахмы с легендой «КО», «КОЛО»[53]. Но и Лебедос засвидетельствован Страбоном (XIV, 1, 29) и в надписях как существующий еще позднее, хотя и страдающий малолюдством город.

Амастрида на Понте основана женой Лисимаха Амастридой путем синойкизма четырех поселений – Сезама, Котира, Кромны и Тия, но Тий вскоре отошел от объединения (κοινωνίας, Strab., XII, 3, 10). Для заселения Селевкии на Тигре, возведенной на месте небольшого селения, Селевк «переселил туда соседних с ней вавилонян» (Paus., I, 16, 3). Вероятно, при этом Селевк имел в виду также ослабить Вавилон с его древними традициями и сильной местной знатью.

Подобные сведения мы имеем и о других новых эллинистических городах. Заселение их требовало от основателя большого напряжения и больших усилий. Фессалонику, одну из сорока своих κτίσεις, Кассандр создал из 26 поселений (Strab., VII, fr. 21), что, конечно, было связано со значительными трудностями. Антиохия в Писидии получила значительный контингент поселенцев из Магнесии на Меандре. Это сообщение Страбона (XII, 6, 4) подтверждается надписью OGIS 233, в которой антиохийцы выражают благодарность ряду городов, в том числе Магнесии, за то, что они откликнулись на их призыв и приняли участие в заселении города; в списке названы и такие отдаленные города, как Ан-

[53] H e a d. Historia numorum, стр. 570.

тиохия в Персиде, Селевкия на Тигре, Селевкия на Эвлее (Сузы).

Об условиях синойкизма, об организации власти и управления в новых городах сведения наши, главным образом эпиграфические, очень скупы. Надписи Syll.^{3} 546 (об арбитраже этолийцев по поводу разногласий между Мелитеей и Переей, вступившими в симполитию) и Syll.^{3} 647 (о симполитии Стириса и Медеона, возле Дельф) содержат ценные сведения о способе владения городской землей при слиянии двух городов. Но эти тексты относятся к более позднему времени III–II вв. Тем большую ценность представляют два указа Антигона о синойкизме Теоса и Лебедоса в большой надписи Syll.^{3} 344=RC 3–4. Надпись содержит 125 строк по 65 букв в среднем в строке (т. е. около четверти печатного листа). Дата определяется тем, что Антигон именует себя в тексте царем, а так как в 302 г. Теос был отнят у Антигона Кассандром, надпись относится ко времени между 306 и 302 гг. Здесь мы имеем дело с принудительным синойкизмом. Жители Лебедоса должны покинуть свои дома и переселиться в Теос, но Антигон проектирует какой-то более широкий синойкизм, так как предусматривается такой случай, когда и Теос будет снесен. Очень подробно Антигон указывает Теосу, как принять лебедосцев и как организовать новый город: «Мы полагаем, что каждому лебедосцу надо дать οἰκόπεδον (участок под застройку) у вас, равноценный тому,

какой он оставляет в Лебедосе. Пока они отстроятся, всем лебедосцам надлежит дать жилища бесплатно: если нынешний город останется, – треть существующих домов, если же надо снести существующий город, то оставить половину существующих домов и из них треть отдать лебедосцам, а две трети оставить у вас. Если же часть города будет снесена, а оставшихся домов хватит, чтобы вместить и вас и лебедосцев, то дать из них треть лебедосцам. Если же остающихся нехватит для размещения и вас и лебедосцев, то оставить из подлежащих сносу достаточное количество домов, и когда в устраиваемом городе будет сооружено достаточно домов, снести остающиеся дома, какие окажутся вне черты города. Пусть все лебедосцы застроят свои участки в течение трех лет, если нет, участки конфискуются. Мы полагаем, что лебедосцам надо дать черепицу для кровли, в течение четырех лет равными частями, чтобы дома были отстроены возможно скорее». Столь же подробные указания даются относительно всех политических и экономических условий синойкизма. Лебедосцам отводится место под кладбище. Долги города принимает на себя Теос, проксены Лебедоса сохраняют свои привилегии в новом городе. В течение шести лет должны быть улажены все споры между Теосом и Лебедосом, в случае разногласий арбитром является Митилена. Устанавливается порядок разбора судебных дел, оставшихся незаконченными. Специальная комиссия должна в течение года разработать законы для города и представить Антиго-

ну на утверждение. До разработки и утверждения законов применять законодательство Коса, для чего туда снаряжается комиссия, чтобы получить официальную копию законов Коса. После этого на основании Косской конституции произвести выборы должностных лиц. Лебедосцам дается иммунитет от литургий на три года. По ходатайству лебедосцев Антигон разрешает заключить заем в 1400 золотых статеров для снабжения лебедосцев в течение года. Устанавливается порядок вывоза товаров. Наконец, предлагается учредить комиссию из трех представителей каждого из сливающихся городов для урегулирования могущих возникнуть вопросов, не предусмотренных в распоряжении Антигона.

Во втором распоряжении Антигон указывает источник, откуда можно будет возместить лебедосцам стоимость их домов. Антигон предлагает заключить для этого принудительный заем у 600 наиболее состоятельных граждан Теоса.

Синойкизм Теоса и Лебедоса не успел совершиться; после гибели Антигона Лебедосу, как и Колофону, был навязан Лисимахом синойкизм с Эфесом.

В надписи (первые строки ее не сохранились) не указаны ни повод, ни цели синойкизма. Основная задача его была, надо полагать, экономическая. В обширном параграфе (строки 72–94), посвященном вопросу о займе на покупку продовольствия для нового населения, Антигон отмечает свою заботу о том, чтобы города освободились от долгов. Слияние городов должно сократить их бюджет и упорядочить финан-

сы. Вместе с тем в специальном параграфе предусматривается упрощенная процедура экспорта в будущем из нового города[54]; поскольку при издании распоряжения город должен был ввозить продовольствие, очевидно, что предполагалось расширение производства. Welles[55] полагает, что Антигон, может быть, собирался прирезать городу землю из фондов царской земли. О том, что Антигон был заинтересован в росте торговли городов, хотя бы уже из фискальных соображений, свидетельствует письмо Птолемея II к Милету, где говорится о тяжелых пошлинах и налогах на торговлю, установленных «некими царями», т. е. в данном случае Антигоном (RC 14, строка 6).

Создание путем синойкизма крупных городов должно было содействовать исчезновению партикуляризма, мешавшего росту производства и торговли, укрепить городские финансы, втянуть большую массу населения, в том числе сельского, в городскую жизнь. Эта политика шла по линии объективной тенденции городов к росту, что доказывается быстрым естественным ростом и расцветом новых городов: Александрии, Антиохии и др.

Каков был статус новых городов, возникших в результате синойкизма или вновь построенных? Здесь у диадохов

---

[54] Как раз слова, обозначающие предмет вывоза, в надписи не сохранились, но дополнения σίτων в строке 94 и καρπούς в строке 99 представляются единственно возможными.

[55] RC, стр. 30.

не было ясно выраженной программы и последовательного плана. Но в общем они действовали в духе политики Александра, предоставляя городам условную свободу и самоуправление. В Греции, как мы видели, свобода эллинских городов, установление в них демократического или олигархического режима определялись интересами диадохов в зависимости от военной ситуации и классовой борьбой внутри полиса. В основном они предоставляли полисам жить по старым своим законам – конечно, в ограниченных пределах своей «свободы». Так, островная лига прославляет Птолемея за его благодеяния «по отношению к островитянам и прочим эллинам», за то, что он «освободил города, вернул им законы и восстановил у всех унаследованный государственный строй, смягчив денежные взносы» (Syll.^{3} 390, около 280 г.). На Востоке, как мы видели, Александр вводил демократию, поскольку олигархи и тираны обычно сохраняли верность персам, но ни Александр, ни диадохи не были принципиально против тирании или олигархии, если те не мешали их планам и не противодействовали их власти. Город Илион принял специальный закон против тиранов; очевидно, перед этим, в правление Лисимаха, здесь была тирания (OGIS 218). Новым на Востоке было то, что здесь полисы включали не только греков, но и аборигенов не-эллинов. Правда, у нас нет данных для утверждения, что диадохи были сознательными проводниками политики смешения народов Европы и Азии, которую Диодор приписывает, и не без основания,

Александру. Эллины и особенно македонцы сохраняли в городах привилегированное положение. Но синойкизм и возникновение новых городов со смешанным населением приводили неизбежно к сближению между греко-македонцами и азиатскими народами.

Диадохи в целях централизации управления и упрочения своей власти стремились установить единообразный административный строй и таким образом уравнивать восточные и эллинские города. Мы очень мало осведомлены о порядке и системе управления в царствах диадохов. Во всяком случае известно, что города находились не только в прямой зависимости от царя, но входили в общую административную систему. Царство Селевкидов было разделено на сатрапии, во главе которых стояли стратеги, сатрапии делились на гипархии; гипарх засвидетельствован в надписях OGIS 238, RC20, RC 37 и др. В отдельных городах были уполномоченные центральной власти – эпистаты, что не воспринималось как нарушение автономии. Даже Селевкия в Пиерии, гавань Антиохии, имела эпистата и принимала постановления как τοῦ δεῖνος ἐπιστάτου καὶ ἀρχόντων γνώμη. В своем письме к Мелеагру Антиох (RG 11, 22) упоминает землю ἐν τῇ χώρᾳ καὶ συμμαχίᾳ, – землю, расположенную на союзной территории (ср. там же 12, 9; 1, 43). Птолемей называет Милет своим союзником (RG 14, 8). Но это – большей частью фразеология, за которой скрываются отношения господства и подчинения. Основная особенность в положении автономных го-

родов того времени состоит в том, что они включаются как органическая часть в систему новых монархий.

С другой стороны, организация восточных городов приближается к структуре полиса. Надпись в Вавилоне (OGIS 254) упоминает Δημοκράτην Βυττάκον, τὸν στρατηγὸν καὶ ἐπιστάτην τῆς πόλεως; следовательно, Вавилон управляется эпистатом, но издает почетный декрет как полис. Финикийские города сохранили прежнее финикийское население, финикийские культы, чеканили монету с финикийской легендой, но получили организацию автономного полиса. Апамея во Фригии, возникшая на основе туземного города Келены, чеканила монету с изображением Ноева ковчега и подписью Noe; но это был полис греческого типа, и впоследствии Дион Хрисостом расточает ему неумеренные похвалы как крупнейшему центру Фригии. Таким образом, местное азиатское население вовлекается в гражданскую жизнь, хотя и приниженную и обедненную включением городов в единое монархическое государство. По Пергамскому декрету 133 г. (OGIS 338), гражданство в Пергаме получают не-греки Μυσοί и Μασδυηνοί; это – продолжение старой практики. По декрету г. Смирны (OGIS 229, строка 108 сл.), «гражданство и прочие привилегии» предоставляются Оману и находившимся под его начальством персам, поставленным на охрану области. Крупнейший город на Востоке, Селевкия на Тигре, имевший в пору своего расцвета до 600 000 населения, заселенный, как уже упоминалось, вавилонянами, имел

свою герусию (Plut., Crass. 30) или совет 300 (Посидоний у Athen. XI, 466 b.); т. е. был организован по типу греческого полиса. По Полибию (V, 48, 12), здесь был и эпистат царя, а вместе с тем и какие-то местные правители, которых Полибий называет неясным термином ἀδείγανοι (IV, 54, 10).

Синойкизм и организация городов на Востоке действительно приводили к «смешению жизней и нравов, браков и быта» (Plut., de fort. Alex., I, 6). Полибий называет александрийских греков метисами (μιγάδες, XXXIV, 14, 4). Жителей Эдессы называли μιξέλληνες. При этом происходила не только эллинизация Востока, но и ориентализация Запада. Последнее греки и римляне воспринимали как вырождение. Ливий пишет (XXXVIII, 17): Macedones, qui Alexandriam in Aegypto qui Seleuciam ac Babyloniam quique alias sparsas per orbem terrarum colonias habent, in Syros Parthos Aegyptios degeneraverunt. Македонцы и греки, хотя и бывшие в привилегированном положении и старавшиеся поэтому обособиться от «варваров», неизбежно должны были смешиваться с местным населением, которое во многих случаях было носителем более древней культуры. Особенно сильно было воздействие на эллинов восточных религий, которые в большей степени соответствовали изменившимся общественным отношениям, чем ограниченные боги греческого полиса. Жители Востока часто давали себе греческие имена, но бывали и случаи, когда грек брал себе восточное имя. Многие элементы греческого языка проникли в восточные языки, но

наблюдается и обратное: воздействие восточных языков на греческий. Трудно сказать, не был ли скорее признаком ориентализации греков, чем эллинизации Востока, факт перевода библии на греческий язык или публикация и комментирование Гермиппом зороастрийских текстов.

Синойкизм и строительство городов, совершавшееся быстро и по плану, вызывали к жизни новый тип градостроительства, архитектуры, орнаментального и изобразительного искусства. Эллинистическое градостроительство по форме и по технике было явлением новым; оно изменило облик городов Востока и оказало большое влияние на градостроительство последующих веков.

Образование новых полисов на Востоке имело своим результатом изменение положения крестьян, так как к городам, которые, как известно, в античности представляли собой «города, занимающиеся земледелием», прирезывалась сельская территория. В адресованном Мелеагру предписании Антиоха I (RC 11, около 275 г.) о даровании крупных земельных владений своему «другу» Аристодикиду указывается, что ему разрешается приписать свою землю к какому ему угодно будет полису. Что это было не формальным только присоединением, видно из письма Мелеагра (стратега Геллеспонтской сатрапии) в связи с этим к городу Илиону. Мелеагр пишет (RC 13), что многие города заискивали перед Аристодикидом, чтобы он приписал свою землю к ним. Аристодикид остановил свой выбор на Илионе. Меле-

агр рекомендует илионцам вынести решение о предоставлении Аристодикиду привилегий (φιλάνθρωπα) и закрепить условия приписки. Очевидно, город получал прямую выгоду от такого присоединения.

Как и в случае с Аристодикидом, позднее Антиох II предоставляет Лаодике право приписать проданную ей землю, к какому городу пожелает (RC 18–20). Очевидно, что выбор города – особая привилегия, но сама приписка – общее правило. Города приобретали землю и путем прямого дарения. Так, Птолемей II подарил Милету землю (RC 14); дар был крупный, судя по декретам Милета (RG, стр. 74).

Включение бывшей царской земли в состав территории полиса не влекло за собой, вероятно, во всех случаях немедленного радикального изменения положения крестьян. Но в дальнейшем оно было неизбежно. Земледельцы, остававшиеся в своих деревнях, обязаны были платить φόρος городу, как это делали фригийцы в Зелее (Syll.[3] 279); переселившиеся в город назывались πάροικοι – термин, часто встречающийся в надписях[56]; πάροικοι могли со временем получить право гражданства.

Синойкизм и строительство городов изменяли состав и характер населения стран Востока. Десятки тысяч греков и македонцев (различия между ними со временем стерлись) пребывали и оседали в новых городах, колониях и в разраставшихся старых городах. Если при этом принять во внима-

[56] См., в частности, RC, стр. 353.

ние, что на Востоке в городах постоянно находились в период диадохов массы войск, главным образом наемных, обычно с семьями, сопровождаемых многочисленной армией поставщиков, торговцев, работорговцев и т. п., то можно сказать, что новые города были одним из важнейших факторов смешения народов.

Синойкизм и градостроительство – только один из путей создания нового, эллинистического типа организации рабовладельческого общества. Независимо от соображений и целей, которыми при этом руководствовались диадохи и эпигоны, здесь нашла свое отражение общая закономерность развития эллинистического общества. Вместе с тем знаменательно, что для «смешения народов» и создания политического и экономического единства эллинистические монархи использовали как раз отживающую свой век форму полиса. Как и во всех областях экономической, политической и духовной жизни, эллинизм и здесь не сумел найти принципиально новые формы перестройки общества, которые придали бы ему прочность и устойчивость.

Диадохи не только воевали, но и строили, созидали новые государства, с налаженным государственным аппаратом. Военные действия сопровождались экономическими мероприятиями. После занятия Афин Деметрием в 307 г. Антигон прислал афинянам хлеб и строевой лес (Syll.^{3} 334). Мы видели, с какой тщательностью канцелярский аппарат Антигона разработал проект синойкизма Теоса и Лебедоса. Город Ку-

мы в Эолиде отмечает в декрете заслуги судебной коллегии Магнесии, прибывшей по распоряжению Антигона для разбора спорных судебных дел куманцев (OGIS 7). Спор между Приеной и Самосом относительно владения территорией Батинетиды тщательно разбирается в канцелярии Лисимаха в самое тяжелое для него время 283/2 г.; прослеживается история вопроса до VII в., цитируются документы, выслушиваются речи послов; наконец, Лисимах выносит решение (RC 7). Не раз Лисимах вооруженной силой подавлял восстания πεδιεῖς, туземных крестьян, против Приены (RC 6; OGIS 11); к сожалению, в чрезвычайно испорченном виде дошла надпись RC 8; из сохранившихся бессвязных отрывков можно, однако, заключить, что царь (Лисимах?) решил умиротворить педиеев, превратив их в πάροικοι и предоставив им тридцать дней (для улажения конфликта?); но крестьяне напали на приенцев, многих перебили, дома разграбили.

Ряд надписей говорит о дарах диадохов храмам, помимо предоставления им асилии. Особый интерес представляет послание Селевка к Милету в 288/7 г. (RC 5), в котором перечисляются его дары храму Аполлона Дидимейского: художественные золотые сосуды с соответствующими надписями, общим весом 3248 драхм 3 обола, серебряные чаши весом 9380 драхм, 10 талантов ладана, талант смирны, две мины кассии, две мины корицы, две мины κόστος. Эти дары свидетельствуют не только о богатстве Селевка, но и о свя-

зях с Востоком, откуда он мог получать большие количества курений и пряностей.

В указе Антигона о синойкизме Теоса и Лебедоса Антигон выступает как рачительный хозяин, пекущийся о возможно более экономном устройстве нового города, и вместо с тем как крупный землевладелец. Он вначале не хочет разрешать городу заем на закупку продовольствия, предпочитая, чтобы город снабжался из урожая с соседних с Теосом царских земель.

Несмотря на почти непрерывные войны, в период диадохов складывалась новая форма государства и управления им, зарождались элементы новых общественных отношений, создавались условия для расширения экономики путем преодоления прежней ограниченности отдельных замкнутых территорий, благодаря расширению экономических связей и втягиванию отдельных отсталых районов в более или менее единую систему хозяйства.

Нет возможности отделить изменения, совершившиеся в экономической и общественной жизни эллинистического мира в период диадохов, от достижений Александра, с одной стороны, и от результатов последующего развития – с другой. Несмотря на бурный темп событий 322–281 гг., экономические результаты их не могли сказаться сразу; можно проследить лишь некоторые тенденции, проявившиеся с большей полнотой и определенностью лишь в последующие десятилетия III в. К тому же источники не дают достаточ-

но конкретного материала, который позволял бы делать уверенные выводы об экономике и хозяйстве периода диадохов. Историки, пытающиеся делать такие выводы, основываются, помимо своих общих соображений, на недостаточном случайном материале или используют ретроспективно для истории диадохов более поздние данные. Этот последний прием может оказаться плодотворным, если правильно уловить линию развития изучаемого процесса; в этом случае полное раскрытие существа явления в период его наибольшего развития позволяет осветить и его начальную стадию. Но вполне понятно, что категорические конкретные суждения в таких случаях чрезвычайно рискованны. Неудивительно, что историки приходят иной раз к диаметрально противоположным выводам. Так, Белох (ук. соч., IV, 1, стр. 217), сопоставляя цены на различные товары и на труд в течение III–II вв., приходит к выводу, что, несмотря на появление в обращении после Александра громадного количества денег, цены в общем не повысились; он объясняет это тем, что вследствие роста торговли увеличилась потребность в средствах обращения, и деньги поэтому были в цене. Напротив, Ростовцев (ук. соч., стр. 165) видит один из признаков преуспеяния в период диадохов как раз в росте цен. Белох отмечает (там же, стр. 325) процесс поляризации общества и постепенное исчезновение средних классов. В противоположность этому Ростовцев (там же, стр. 163) усматривает prosperity в Греции периода диадохов именно в том, что здесь появилась благо-

денствующая, прочно себя чувствующая «средняя буржуазия». Ссылаясь на типы, выведенные в комедиях Менандра и в «Характерах» Теофраста, Ростовцев утверждает, что афинская «буржуазия» была зажиточна (well-to-do) и что в этом залог преуспеяния Афин. Здесь сказывается общая установка Ростовцева, который видит в классовой борьбе не движущую силу истории, а источник бедствий, упадка и гибели.

Но и Белох и Ростовцев сходятся в том, что оба считают период диадохов периодом наивысшего расцвета Греции. Афины, полагает Белох, никогда так не процветали, как при Деметрии Фалерском (там же, стр. 271); особенно процветала Македония, которая почти не была ареной военных действий и лишь «оскудела воинами» (Diod., XVIII, 12, 1) в результате участия македонцев в восточных походах. Малоазиатские города, утверждает Белох (там же, стр. 274) никогда ни раньше, ни позднее, вплоть до римского завоевания, не переживали такого расцвета. Точно так же Ростовцев полагает, что Афины преуспевали во времена Александра и диадохов (там же, стр. 164). Даже голод в Афинах в 289–282 гг. ничего не доказывает: и деньги были и хлеб был, но афиняне не успели освоить новые рынки и новые пути сообщения (там же, стр. 168 и прим.).

Конечно, можно a priori утверждать, что новая ступень, на которую вступило рабовладельческое общество, должна была вести к некоторому подъему, иначе происшедший переворот был бы исторически не оправдан и не мог бы иметь

длительных результатов. То обстоятельство, что мероприятия Александра и диадохов по строительству и расширению городов, по дорожному строительству, по упорядочению и расширению денежного обращения не заглохли, а получили дальнейшее развитие в III в., показывает, что эти мероприятия не были случайной прихотью правительства, а соответствовали требованиям времени и сами послужили в свою очередь мощным средством для роста прежде всего торговли.

У нас нет никаких статистических данных о численности населения в эллинистических государствах[57]. Поэтому нет возможности установить, какую рель могли сыграть своей численностью переселившиеся на Восток или временно там пребывавшие греко-македонцы, какое могли занимать место в экономике эллинистического мира эллинские или эллинизованные города, какова была площадь земельных территорий, присоединенных к полисам, каков был размер торгового оборота – абсолютно и по сравнению с предшествующим временем. Но с этой трудностью историк сталкивается, какой бы период античной истории он ни изучал. И для данного периода все же некоторые общие выводы можно сделать.

---

[57] Труд Белоха «Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt» основан на косвенных расчетах, теоретических соображениях и более или менее остроумных домыслах. Не дальше от него ушел G o mm e (The population of Athens, 1933), пытающийся установить численность населения Афин в V–IV вв. О рискованности статистических выкладок см. L. W e s t erm ann, Athenaeus and the slaves of Athens, «Athenian Studies presented to W. S. Ferguson», Cambr., 1940.

Ростовцев считает, что войны диадохов сами по себе содействовали расцвету и Востока и Греции. Постоянно стоявшие на Востоке войска, которых сопровождали их семьи, рабы и слуги, составляли как бы движущийся полис, притом полис богатый, «огромный деловой концерн» (там же, стр. 147). Наемники оседали в стране с накопленным и награбленным богатствами. Возник тип miles gloriosus, сорящего деньгами и предъявляющего постоянный спрос на товары. «Война была поэтому до известной степени благодетельным фактором в экономической жизни этого периода» (там же, стр. 152). Ростовцев упускает при этом из виду, что эта армия паразитов, которая ничего не производила, а лишь разрушала и потребляла, расплачивалась за покупаемые товары деньгами, исторгнутыми от самого населения. Антипатр прямо заявил Фокиону, что войско его живет за счет населения (Plut., Phoc. 26). Ростовцев оценивает экономическое положение только с точки зрения денежного обращения, но не с точки зрения производства. Он поэтому видит симптом расцвета в том, что было много богатых людей. А восхваление роли войска и войны как экономического фактора – обычная формула, которой прикрываются империалистический разбой и угнетение колоний.

Между тем можно с уверенностью говорить, что в результате вовлечения Востока в систему античного хозяйства должно было в некоторой степени расшириться производство товаров. Этот процесс наблюдается на всем протяже-

нии III в., но начало его было, очевидно, положено в период Александра и диадохов. Маркс указывает: «В древнем Риме уже в позднейший республиканский период купеческий капитал достиг более высокого уровня, чем когда-либо прежде в древнем мире, без какого бы то ни было прогресса в промышленном развитии; между тем в Коринфе и в других греческих городах Европы и Малой Азии развитие торговли сопровождалось высоким развитием промыслов»[58].

Факт быстрого роста ряда новых городов – Александрии, Антиохии, Селевкии на Тигре, Фессалоники и др. – свидетельствует о быстром росте городской жизни, связанной не только с торговлей, но в известной степени и с промышленностью. Уже при Птолемее I был заложен Фаросский маяк – грандиозное сооружение Сострата, которое древние причислили к «семи чудесам света». Это было не просто украшение Александрии, а свидетельство высокого темпа роста восточной и средиземноморской торговли. На основании археологических данных можно установить рост экспорта греческой керамики и создание новых типов ее применительно к вкусам народов Востока. Города Северного Причерноморья переживают в связи с общим подъемом блестящий период, о чем свидетельствуют богатые могильники Пантикапея и Ольвии и скифские погребения.

Конечно, с образованием обширных монархий центры торговли и ремесла переместились. Селевкия на Тигре и

[58] К. Маркс. Капитал. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XIX, ч. I, стр. 360.

проложенный к ней новый путь через мост на Евфрате у Зевгмы и далее через Эдессу и Нисибис оттеснили финикийские города на второй план. Создание новых торговых путей и торговых городов на Востоке подняло значение Родоса. Уже осада Родоса Деметрием и стойкая оборона родосцев, которым оказали помощь прочие диадохи, показала, какое большое значение приобретал этот торговый центр в системе эллинистического мира. После заключения мира Харес, ученик Лисиппа, воздвиг на Родосе колоссальную бронзовую статую Гелиоса; этот «родосский колосс» как бы символизировал могущество этого города. В связи с быстрым восстановлением Родоса после землетрясения 222 г. Полибий пишет: «…Если принять во внимание только то время, с которого город родян начал застраиваться, то нельзя не подивиться быстроте, с какой умножилось достояние отдельных граждан и целого государства; но перестаешь удивляться, если вспомнишь удобство местоположения этого города и обилие благ, притекавших ему извне; напротив, начинаешь думать даже, что благосостояние его не достигло подобающей высоты» (V, 90, 3–4). В Малой Азии выдающееся положение занимают реорганизованный Лисимахом путем синойкизма Эфес, ставший впоследствии главным городом римской провинции Азия, и Милет, перед которым заискивали цари (например, Селевк, RC 5), занимавший весьма независимую позицию по отношению к Лисимаху, во владения которого этот город входил (OGIS 329; Syll.^{3} 368).

Конечно, в результате перемещения экономических центров некоторые города теряли свое прежнее значение. Афины уступили место Коринфу, который Цицерон характеризует в прошлом как «светоч Греции» (de imp. Cn. Pomp. 5). Селевкия заняла место Вавилона, пришедшего в полный упадок[59]. Антиохия вскоре затмила другие города сирийского побережья.

Но, как уже указывалось выше, такое перемещение экономических центров было неизбежным результатом возникновения экономического единства всего эллинистического мира.

Образовавшиеся в результате распада державы Александра эллинистические монархии были различны по размерам территории, по численности и составу населения, экономическим ресурсам, уровню и характеру культуры, прошлой исторической судьбе. Естественно, что и дальнейшая их история была различна. Македония и Греция меньше всего извлекли пользы из нового порядка вещей. Слабые стороны эллинистического общества, в котором все новые явления не получили прочного и длительного развития, сказались прежде всего в Греции. Она не могла преодолеть свою экономическую ограниченность и партикуляризм, а из экономического объединения с Востоком извлекла мало выгод. На первых порах Греция почувствовала временное облегчение благодаря значительному отливу населения на Восток.

[59] См. Н. В. П и г у л е в с к а я, ук. соч.

Этому обстоятельству историки придают большое значение, однако эмиграция не является ни признаком, ни источником благосостояния страны, которую вынуждены покидать наиболее деятельные и энергичные элементы ее населения. Кризис эллинизма проявился прежде всего в Греции, и это было одной из главных причин того, что Македония и Греция раньше других эллинистических стран были завоеваны римлянами.

Что касается царства Птолемея, то некоторая изоляция собственно Египта не только от других эллинистических стран, но и от владений Птолемеев в Азии и в Европе, а также особенности исторического прошлого, наложившего свою печать на птолемеевский Египет, привели к значительному своеобразию этого государства. С наибольшей полнотой основные закономерности эллинистического общества отразились в истории самого крупного по территории и численности населения эллинистического государства – царства Селевкидов.

Глава IV
Царство Селевкидов

Смерть Селевка от руки убийцы положила предел расширению его государства, которое после победы над Лисимахом при Курупедионе, казалось, должно было вновь объединить почти всю державу Александра, кроме владений Птолемея. Войско Селевка, в которое влилось и прежнее войско Лисимаха, провозгласило македонским царем Птолемея Керавна. Возможно, что царство Селевкидов некоторое время продолжало формально числить в своем составе Македонию. Антиох I, восстановивший в Борсиппе храм Небо, в своей клинописной надписи говорит о себе: «Я, Антиох, царь великий, могучий царь, царь воинств, царь Вавилона, царь стран, восстановивший Эсагила и Эзида, царственный сын Селевка, царя Македонского, царя Вавилона» [60]. Во всяком случае Антиох I вскоре отказался от притязаний на Македонию, заключил мир с Антигоном Гонатом, овладевшим после гибели Птолемея Керавна македонским престолом, и породнился с ним, выдав за него свою сестру. Все же идея создания мирового государства не угасала в доме Селевки-

[60] Keilinschriftliche Bibliothek, III, 2, стр. 137 сл. Буше-Леклерк (A. B o u c h é -Le c l e r c q, Histoire des Séleucides, P., 1913, стр. 534) полагает, что Silukku šarri Makadunaa означает только, что Селевк был македонянином, македонским царем, но не царем Македонии.

дов; более ста лет они предпринимали попытки вновь объединить владения Александра, совершая походы на Восток, в Египет и в Европу. Но отдельные удачи не давали прочных успехов; границы царства колебались, но потери в общем значительно превышали приращения.

Царство Селевкидов по своей пестроте, рыхлости, разнообразию стран, народов, культур, объединенных под властью одного царя, напоминало державу Александра, но не было факторов, которые могли бы хотя внешне сплотить этот случайный конгломерат. Показательно, что царство Селевкидов не имело территориального обозначения, как Египет или Македония. С течением времени государство стало называться в литературе Сирией, по имени области, где наиболее прочно установилась власть потомков Селевка и где находилась их столица; но это не было официальным названием. Аппиан (Syr., 1) называет Антиоха III «царем сирийцев, вавилонян и других народов» и наряду с Σύρων ἀρχή говорит просто о Σελευκίδαι.

Умаление территории царства началось еще при Селевке, который фактически отказался от индийских сатрапий. В присоединенных Селевком владениях Антигона и Лисимаха в Малой Азии образовались самостоятельные государства: Каппадокия, Понт, Вифиния; процесс отпадения отдельных территорий, связанных племенной общностью, продолжался и после Селевка.

История Селевкидов представляет для историков чрез-

вычайные трудности из-за плохого состояния литературных источников. До нас не дошло ни одной связной истории царства Селевкидов, если не считать краткого очерка, которым Аппиан заканчивает свою историю войн Рима с Сирией (Syr., 52 сл.). Сохранились связные истории отдельных периодов, которые представляли интерес для местных историков: книги Маккавеев и соответствующие разделы «Древностей» Иосифа Флавия, рисующие борьбу Иудеи против Сирии за независимость; значительные отрывки из истории Гераклеи Понтийской, написанной гераклейцем Мемноном; много разрозненных сведений сообщают Страбон, Полибий, Плутарх и др. Эпиграфические тексты также относительно немногочисленны и касаются главным образом греческих городов. Восточных текстов исторического содержания настолько мало, что их не приходится брать в расчет как серьезный источник. Такое плачевное состояние источников не позволяет давать полное и последовательное изложение политической истории царства Селевкидов. Еще труднее дать экономическую историю. Ростовцев (ук. соч., стр. 428) отмечает, что «при таких условиях нельзя дать никакой достоверной картины структуры и развития экономики Селевкидской монархии». Свою собственную попытку в этом направлении он считает достаточно робкой, а выводы – проблематичными. Все же имеющихся данных достаточно, чтобы установить основные моменты истории монархии Селевкидов и наметить главные тенденции экономического разви-

тия.

В противоположность Александру, стремившемуся создать на Востоке центр своей державы и органически слить Восток с Элладой и Македонией, Селевкиды ориентировались на Запад и вели политику эллинизации Востока. В 300 г. Селевк основал Антиохию на Оронте и сделал ее центром своего государства; таким образом, восточные сатрапии оказались как бы окраиной; для управления ими Селевк в 293 г. сделал своим соправителем своего сына от Апамы – Антиоха, отдал ему в жены свою жену Стратонику, дочь Деметрия Полиоркета, и предоставил ему управление Востоком. После смерти Селевка Антиох поспешил на Запад, где сделал неудачную попытку вновь подчинить Вифинию. Династ Пергама Филетэр, бывший верным соратником Лисимаха и получивший от него на хранение его казну (9000 талантов), после Курупедиона стал столь же преданным сторонником Селевка; когда Селевк был убит, Филетэр «за большие деньги», как говорит Аппиан, выкупил его тело у Птолемея Керавна, предал его кремации и отправил его прах Антиоху. Но Пергам фактически стал независим от Антиоха.

Серьезным ущербом для власти Селевкидов было нашествие кельтов. Три племени – трокмы, толистобогии и тектосаги – перешли Дарданеллы и были использованы в междоусобной войне в Вифинии, а затем как орудие против Антиоха. Разорительные набеги кельтов, или галатов, навели панику в Малой Азии, и когда в 278/7 г. Антиох нанес им пора-

жение, его объявили «спасителем» (Σωτήρ). Но галаты осели к северу от Фригии, где возникла, таким образом, независимая область Галатия, бывшая постоянной угрозой для соседей. В письме Антиоха II городу Эритрее (RC 15) царь обещает ему освобождение от всех налогов, а также от взносов εἰς τὰ Γαλατικά. Как ни понимать Γαλατικά – как взнос на военные расходы или на уплату дани галатам, – существование такого налога после 261 г. свидетельствует о том, что галаты представляли серьезную угрозу.

Другим источником постоянного беспокойства для Селевкидов в течение ста лет была Келесирия, захваченная после битвы при Ипсе Птолемеем. Египет владел также Финикией, Киликией и Ликией, вклинившись во владения Селевкидов. На этой почве был неизбежен конфликт между Селевкидами и Птолемеями, вылившийся в ряд так называемых «сирийских войн».

Первая сирийская война (274–271 гг.) плохо освещена в источниках. Птолемей II, по-видимому, стремился к созданию великой державы, и для осуществления этой цели у него были серьезные данные. Египет тогда господствовал на море, страна обладала богатыми ресурсами; Египет владел важными пунктами для восточной торговли в Финикии и Малой Азии, а также сохранил экономические и стратегические позиции в Эгейском море и в Греции. Неизвестно, по чьей инициативе началась война; приготовления к ней велись с обеих сторон. Когда зять Антиоха, правитель Киренаики, Магас

объявил Киренаику независимой и начал военные действия против Александрии, Антиох вступил с ним в союз. Птолемей одержал ряд успехов как в Сирии, так и особенно на побережье Малой Азии. Вступление в войну Антигона Гоната на стороне Антиоха изменило положение, так как флот Антигона был достаточно силен, чтобы лишить Птолемея господства на море. Был заключен мир, об условиях которого сведений нет; во всяком случае Египет не только сохранил прежние владения, но получил ряд городов на южном побережье Малой Азии и приобрел новых «союзников» на островах и в греческих малоазиатских городах. Феокрит (Idyll., XVII) превозносит Птолемея и его могущество, Каллимах в «гимне Делосу» рисует Птолемея как будущего владыку вселенной. Конечно, в этих поэтических преувеличениях немало лести и раболепия; но и в действительности государство Птолемея в то время было самым могущественным.

Помирившись так или иначе с Птолемеем, Антиох не вел активной внешней политики и не участвовал в борьбе между Антигоном и Птолемеем, приведшей к крушению морского могущества Египта. А в Азии его постигла новая неудача. Когда в 263/2 г. умер престарелый Филетэр Пергамский, Антиох счел момент подходящим, чтобы положить конец полунезависимому положению Пергама. Но приемный сын Филетэра, Эвмен, сумел при помощи наемного войска галатов нанести поражение Антиоху, и Пергам стал официально независимым государством, где с 262 г. правила династия

Атталидов. Вскоре Антиох I умер (261 г.).

Его сын и преемник Антиох II вел так называемую вторую сирийскую войну с Египтом, о которой сведения крайне отрывочны. По-видимому, Антиох старался приобрести расположение греческих городов Малой Азии. Эфес, где птолемеевский управитель попытался стать независимым династом, после крушения этой попытки стал на сторону Антиоха. За освобождение Милета от тирана Тимарха Антиох получил прозвище «Теос» (бог). Антиох прослыл освободителем ионян и, по словам Иосифа Флавия (Antiqu., XII, 3, 2), еще через двести лет ионяне требовали от Агриппы гражданских прав, «которые даровал им Антиох, внук Селевка, получивший у греков прозвание “Бог”». Но благодетелями эллинистических полисов объявляли себя и другие эллинистические цари. В уже цитированном письме Птолемея II к Милету от 262 г. (RC 14) египетский царь всячески подчеркивает традиционную дружбу между Милетом и Птолемеями, называет милетцев друзьями и союзниками, дает им всевозможные привилегии. Поэтому для отношения городов к тому или иному правителю оказываемые им «благодеяния» не имели решающего значения. Тот же Милет, находясь под властью Лисимаха, охотно принимал дары Селевка (RC 5; OGIS 213); после гибели Лисимаха Милет награждает Селевка статуей как своего «освободителя», а в 280/279 г. Антиох I занимает должность стефанефора Милета; в 262 г. город оказывается под властью Птолемея, его «другом и со-

юзником», затем подпадает под власть тирана Тимарха, а с 259/8 г. опять начинает новую эру свободы, дарованной Антиохом II.

Вторая сирийская война была длительной (предположительно 258–253 гг.)[61], но данных о каких-либо крупных сражениях не сохранилось. По-видимому, Антиоху удалось вытеснить Птолемея из некоторых областей Финикии и малоазиатского побережья. Морская победа Антигона над флотом Птолемея при Косе[62] дала несомненное преимущество Антиоху. Поэтому, надо полагать, Птолемей не пытался взять реванш и помирился с Антиохом, выдав за него свою дочь и дав за ней спорные территории в качестве приданого.

Но если спор с Египтом временно был улажен, то на Востоке власть Селевкидов потерпела значительный урон. По кратким сообщениям Помпея Трога и Страбона, в правление Антиоха II от царства отложилась Бактрия. Ее намест-

---

[61] В письме Антиоха от 254/3 г. (RG 18) речь идет о продаже (вернее, дарении) земли жене царя Лаодике. Если, как это кажется вполне логичным, в данном случае Антиох хотел как-то вознаградить Лаодику прежде, чем разводиться с ней, чтобы жениться на дочери Птолемея, то очевидно, что к этому времени переговоры об этом браке подходили к концу.

[62] Дата сражения при Косе до сих пор не установлена, так как прямых данных для нее нет. См. A. B ouc h é – L e c l erc q, ук. соч., стр. 538 сл.; CAH, VII, 862; новую попытку решения хронологической проблемы сделал Э. Бикерман (Sur les batailles navales de Cos et Andros, REA, XL, 1938, стр. 369 сл.), опровергая существующие датировки и доказывая, что точная датировка по имеющимся данным невозможна, но что битва при Косе произошла во время Хремонидовой войны. Ему возразил W. P e erm an s («Antiquité Classique», VIII, 2).

ник Диодот объявил себя царем (около 250 г.) нового, греко-бактрийского царства, куда входили и Согдиана и Маргиана. По-видимому, Диодот и его преемники опирались не столько на военную силу, которая вряд ли была у них значительной, сколько на стремление к освобождению от власти Селевкидов у свободолюбивых народов Средней Азии, переживавших в то время период перехода к цивилизации, период созидания собственной государственности.

Антиох не имел возможности силой оружия подавить освободительное движение, и на первых порах, по-видимому, был найден какой-то modus vivendi между Бактрией и селевкидской монархией в виде формального признания верховенства Селевкидов в Бактрии, подкрепленного брачным союзом.

Массовое движение народов Средней Азии против иноземного господства нашло в это же время и другой исход. Скифское племя парнов, входившее в племенной союз даев, завладело Парфией и положило начало новой могущественной восточной державе. В течение пяти столетий здесь удержалась династия Аршакидов; официальным началом их эры был 248/7 г. до н. э. Это, конечно, не значит, что именно к этому году относится образование Парфянского государства – ведь эра обычно содержит элемент условности; но начало его, очевидно, относится примерно к этому времени.

Неожиданные осложнения возникли в царстве Антиоха II из-за династических распрей. В качестве залога мира Пто-

лемей выдал за Антиоха свою дочь Беренику. В связи с этим Антиох дал развод своей сестре – жене Лаодике, дочери Антиоха I и Стратоники. Лаодика имела уже двух сыновей, и естественно, что она опасалась за их судьбу. Когда в конце 247 г. Антиох умер (существует указание, что Лаодика его отравила), между Лаодикой и Береникой, которая также родила сына, возникла борьба. Лаодике удалось убить Беренику и ее сына, так что у сына Лаодики, Селевка II, не осталось соперника. Расправа с Береникой послужила прекрасным поводом для Птолемея III Эвергета, занявшего египетский трон после умершего в 247 г. Птолемея II, начать военные действия и вторгнуться в Сирию. Так началась третья сирийская война, или «война Лаодики», как ее называли в древности.

Селевк не был подготовлен к войне. С другой стороны, Птолемей выступал как защитник законных интересов царицы Береники, о смерти которой еще не знали; поэтому многие города примыкали к Птолемею из лояльности к дому Антиоха. Птолемей почти без сопротивления захватил северную Финикию и Сирию. Сохранившееся на папирусе (Pap. Gurob) сообщение участника событий (может быть, самого Птолемея) рассказывает о взятии Селевкии в Пиерии и самой Антиохии. Селевк бежал в Малую Азию, и войска Птолемея прошли на Восток чуть ли не до Бактрии. Но Птолемей, по-видимому, не намеревался упрочить свои легкие успехи; удовольствовавшись захваченной добычей, он ушел

в Египет, закрепив лишь свое господство в Келесирии и Финикии и оставив за собой Селевкию в Пиерии, гавань Антиохии.

Тем временем Селевк обеспечил свой тыл договорами и брачными союзами с властителями Каппадокии и Понта, собрал войско и стал вновь овладевать Востоком и Сирией, не встречая сопротивления. Он даже задумал было отвоевать Келесирию, но потерпел поражение и заключил мир с Птолемеем.

Таким образом, «война Лаодики» окончилась для Селевка благополучно, и он даже получил прозвище Каллиника.

Дальнейшее правление Селевка II заполнено борьбой с младшим братом, Антиохом Гиераком («Коршуном»), претендовавшим не только на роль соправителя[63], но и на все царство. Селевк вынужден был предоставить ему независимое положение в Малой Азии, где Гиерак восстановил против себя пергамского царя и галатов. После ряда приключений, падая все ниже и ниже, он был убит своими наемниками. Вскоре умер и Селевк. После кратковременного правления старшего сына Селевка II Селевка III трон перешел к его младшему сыну Антиоху III, прозванному впоследствии Ве-

[63] В клинописной надписи на цилиндре о строительной деятельности Анубаллита в г. Орхи (древний Урук) говорится об установлении жертвоприношений в честь царей Антиоха и Селевка. Очевидно, Антиох Гиерак признавался царем и на Востоке, причем его имя стоит впереди имени Селевка. См. A. T. C l a y, Miscellaneous Inscriptions in the Yale Babylonian collection, New Haven, 1915, No 52, стр. 81.

ликим (223–187 гг.). Это был период наивысшего политического расцвета царства Селевкидов и вместе с тем начало его падения.

Правление Антиоха III совпадает с началом нового периода в истории Восточного Средиземноморья – с выступлением Рима, впервые в это время начавшего активную политику на Балканском полуострове. К концу правления Антиоха III Рим вторгается уже в Азию. С этого именно времени, со 140-й олимпиады (219–216 гг.) Полибий начинает свою историю, мотивируя это тем, что с этого времени история становится единой. «Раньше, – пишет он, – события на земле совершались как бы разрозненно, ибо каждое из них имело свое особое место, особые цели и конец. Начиная же с этого времени, история становится как бы одним целым, события Италии и Ливии переплетаются с азиатскими и эллинскими, и все сводятся к одному концу. Вот почему с этого именно времени мы начинаем свое изложение» (I, 3, 3–5). Эта установка Полибия объясняется тем, что он рассматривает историю с римской точки зрения – только выступление Рима на сцену кладет начало всемирной истории. Дройзен и Белох, доводящие историю эллинизма тоже примерно до 140-й олимпиады, в сущности следуют Полибию.

В действительности же, с точки зрения объективно-исторической, единство эллинистического мира как раз прекращается к моменту начала римского господства. В течение III в. еще не заглохли идеи единства, которые руководили по-

литикой Александра и диадохов. И хотя возникло несколько монархий, элементы единства не только внутри их, но и между ними, – единства экономического и культурного, – были достаточно сильны, чтобы оправдать их политическое существование. Текучесть границ между основными эллинистическими монархиями, путаная карта их территорий, где владения Египта, Селевкидов, Македонии самым причудливым образом перемешаны, где города, лежащие рядом, принадлежат к разным государствам и на протяжении одного поколения по нескольку раз меняют государственную принадлежность, – все это было возможно только при некотором хотя бы единстве экономики и культуры и содействовало вместе с тем этому единству. Можно сказать даже, что непрерывные войны, диктуемые часто узкими династическими интересами, объективно были искаженным отражением этого единства или по крайней мере стремления к нему.

Одним из выражений этой тенденции к единству, идущей еще от Александра, было существование крупных торговых центров, как Родос или Коринф, имевших международное значение, и религиозных центров, как Делосское или Милетское святилища Аполлона. Если в одно и то же время (240 г.) «афинский царь Зиел, Селевк II, Птолемей III и Аттал I Пергамский специальными грамотами объявляют неприкосновенным храм Асклепия на Косе, если в 205 г. Антиох III, его сын и соправитель Антиох, Птолемей IV, Аттал I выражают свое согласие признать священными игры в честь Ар-

темиды Левкофриены в Магнесии (RC 25, 26, 27, 28, 31, 32, 33, 34), то в этих случайно сохранившихся надписях позволительно видеть одно из выражений сознания общности, хотя субъективно монархи выражали таким путем скорее всего свои личные интересы в соперничестве с другими монархами.

Но когда временный экономический подъем, вызванный эллинизмом как новым этапом в существовании античного рабовладельческого общества, кончился, эллинистические монархии замкнулись в своих границах, стремление к изоляции подавило тенденцию к единению. Это проявилось прежде всего в Египте, уже в конце III в., позднее – в Сирии. Таким образом, с точки зрения эллинистического мира 140-я олимпиада, вопреки Полибию, скорее начало конца одного периода всемирной истории и одновременно начало нового, еще только зарождающегося ее этапа.

Годы продолжительного правления Антиоха III были временем небывалого подъема политического могущества царства Селевкидов, сменившегося к концу жизни Антиоха резким упадком. Предшественник Антиоха, его старший брат Селевк III, погиб «жертвой галата Апатурия и Никанора» (Polyb. IV, 48) во время похода против пергамского царя Аттала. Интересы дома Селевкидов в Малой Азии тогда представлял родственник их Ахей, имевший, по-видимому, основания притязать на царский трон. Однако он оставил царскую власть за младшим братом Селевка, Антиохом, на-

ходившимся тогда в Вавилонии. Антиох предоставил Ахею управлять Малой Азией и дал полномочия управлять восточными сатрапиями индийскому сатрапу Молону и его брату Александру, сатрапу Персиды. Ближайшим помощником Антиоха был его первый сановник ὁ ἐπὶ τῶν πραγμάτων Гермий, тип временщика, умевшего навязать свою волю своему юному господину. Полибий рисует его жестоким, мстительным, коварным интриганом, в конце концов замыслившим даже погубить Антиоха, чтобы самому завладеть троном. Гермий постоянно подбивал Антиоха на войну с Египтом за Келесирию, пренебрегая тревожным положением дел в Малой Азии, где Ахей вел независимую политику, и особенно на Востоке, где Молон вздумал поднять мятеж против царя. По настоянию Гермия Антиох затеял поход в Келесирию, а на подавление мятежа Молона отправил часть войска под командованием Ксенета. Молон, объявивший себя царем, нанес поражение Ксенету, завладел Селевкией на Тигре и стал расширять свои завоевания в Месопотамии и на Евфрате. Антиоху пришлось прекратить неудачно начатый поход в Келесирию и лично повести войско против Молона. При этом обнаружилось, что Молон не имел опоры в народе. В то время как свободолюбивые скифские народы Средней Азии, находившееся еще на пороге собственной цивилизации, сумели придать силу и устойчивость новым государствам – Бактрии и Парфии, ослабленные народы Двуречья не имели уже данных для создания собственного независимого

государства. Молон опирался на бывшие в его распоряжении войска, но с появлением на сцене молодого царя греко-македонские части Молона перешли на его сторону. Потерпев поражение, Молон и его близкие покончили самоубийством. Гермий начал было кровавую расправу над населением Селевкии, но Антиох приостановил ее и смягчил наложенный на город штраф.

Восстановив свою власть в восточных сатрапиях и заставив правителя Атропатены подчиниться и признать свое верховенство, Антиох в 220 г. вернулся в Сирию. Перед этим при участии Антиоха был организован заговор, в результате которого ненавистный всем временщик Гермий был убит.

Ахей тем временем объявил себя царем и начал, было, поход, в Сирию, но войско отказалось идти против законного царя, и Ахей вернулся к себе, чтобы упрочить свое господство в Малой Азии против сильных соперников – Вифинии и Пергама.

Предоставив пока Ахею бороться со своими противниками, Антиох снова обратился к Келесирии, начав четвертую сирийскую войну. Прежде всего необходимо было отвоевать Селевкию в Пиерии, с 246 г. находившуюся под властью Египта. Это был жизненный вопрос для Сирии и в некотором роде дело чести. Северная Сирия, с городами: Антиохией, столицей царства, Апамеей, военным центром, Лаодикеей и Селевкией, важными портами, стала со временем считаться основной территорией царства Селевкидов и получи-

ла название Σελευκίς (OGIS 219).

Используя войско и флот, подкуп и измену, Антиох взял сильно укрепленную Селевкию и поместил в ней крепкий гарнизон.

В 219–218 гг. Антиох успешно воевал в Финикии и Палестине и прервал начатые мирные переговоры с Египтом. Заняв почти всю Келесирию, Антиох встретился в решающем сражении с войсками Египта у приморского города Рафии южнее Газы. Обе стороны мобилизовали все свои силы. У Антиоха было 62 000 человек пехоты, 6000 всадников и 102 слона. Птолемей IV Филопатор выставил 70 000 пехоты, 5000 кавалерии и 73 слона. В этом сражении в войске Птолемея впервые участвовали египтяне – 20 000 μάχιμοι, что имело важные последствия для внутренней истории царства Птолемеев. Полибий по этому поводу пишет (V, 107), что «вооружив египтян для войны с Антиохом, царь прекрасно распорядился относительно настоящего, но ошибся в будущем. Египтяне возгордились победой при Рафии и вовсе не желали подчиняться властям. Почитая себя достаточно сильными для борьбы, они искали только годного в вожди человека и немного времени спустя нашли такового».

Битва при Рафии, подробно описанная Полибием (V, 82 сл.), закончилась поражением Антиоха. В результате все его завоевания в Келесирии были потеряны. Только Селевкия осталась за Сирией (217 г.).

Результат сражения при Рафии определился, конечно, со-

отношением военных сил, умением и талантами полководцев, тактическими удачами и неудачами, чисто военными факторами. Но для исхода всей кампании в целом, несомненно, имело значение отношение населения к воюющим сторонам; вряд ли эллинистические города относились безучастно к событиям, да и масса местного населения была заинтересована в том или ином исходе, даже если она не могла влиять на ход событий. К сожалению, нет материалов для суждения о политических настроениях и симпатиях масс населения. Тем ценнее те сведения, которые можно почерпнуть из книг Маккавеев и Иосифа Флавия о группировках в Палестине в период правления Антиоха IV и об их отношении к Птолемеям и Селевкидам.

Еще в то время, когда Палестина оставалась под властью Птолемеев, здесь существовала группировка эллинистов, ориентировавшихся на Сирию и представлявших интересы рабовладельческой знати; народная масса была верна Птолемеям, власть которых не проникала глубоко в жизнь народа; Птолемеи довольствовались податью и не стремились насильственно изменить уклад жизни; в группировку, ориентировавшуюся на Птолемеев, входила и часть жречества. Позднее, уже при преемниках Антиоха III, борьба между этими группировками приняла, как мы увидим дальше, вполне отчетливую форму.

Полибий указывает, что во время войны с римлянами народ в Ионии был на стороне Сирии, аристократы поддержи-

вали Рим (XXI, 6). Можно думать, что и вообще в сирийских войнах известную роль играли интересы самого населения и особенно эллинистических городов.

Так, Смирна сохранила верность Селевку II, который в свою очередь «укрепил автономию демоса и демократию» (OGIS 229). Из обращения Антиоха к городу Амизону (RC 38, реконструкция Ad. Wilhelmòa) видно, что этот город добровольно и по своему почину перешел на сторону Антиоха. Города обнаруживают αἵρεσις (склонность, благоприятная политика) по отношению к монарху (RC 14, Милет – Птолемей II; там же, 45, Селевкия в Пиерии – Селевк IV и др.). Но основной наш источник по этому вопросу – надписи; а они по своему характеру официальных документов мало выразительны и не дают представления о внутренней борьбе, определявшей политику отдельных городов.

Поражение при Рафии не означало крушения планов Антиоха, а лишь отсрочило их выполнение. Антиох пока занялся подчинением Малой Азии, где продолжал властвовать Ахей. В конце концов он осадил Ахея в Сардах. Ахей был выдан Антиоху, который предал его жестокой и позорной казни (213 г.).

Связный рассказ Полибия кончается битвой при Рафии, и поэтому восточные походы, предпринятые Антиохом, не вполне ясны. Не всегда можно установить в смутных сообщениях источников даты событий и даже о каком именно

Антиохе идет речь[64]. Но, несомненно, рейд Антиоха на Восток почти не уступал походам Александра Македонского (правда, только по масштабу, а не по последствиям). Антиох не имел достаточно сил и средств, чтобы покорить страны Востока, но поднял авторитет своего царства, заставив восточных царей признать, пусть лишь формально, его верховную власть и стать его союзниками. Так, он подчинил своему влиянию Южную Армению, Софену и Парфянское государство. В течение двух лет (208–206 гг.) он вел войну в Бактрии, куда вторгся после мира с Аршаком Парфянским. В конце концов он удовлетворился формальным признанием со стороны бактрийского царя Эвтидема, который объявил себя защитником общих интересов эллинистических государств от опасности, грозившей со стороны саков (Polyb., XI, 34). Получив от Эвтидема провиант и слонов, Антиох через Гиндукуш спустился в Индию, где возобновил «дружбу» с местными жителями, получив от них в виде «дара» провиант и слонов, и ушел в свои юго-восточные сатрапии: Арахозию, Дрангиану и Карманию. Последняя экспедиция Антиоха была направлена к Персидскому заливу, к важному для индийской торговли порту Герра. Антиоха, очевидно, интересовала возможность обеспечить важный торговый путь из Индии, наведя страх на арабских купцов и внушив им уважение к военной мощи Селевкидов. Получив от Герры богатые дары серебром, пряностями и благовониями, Антиох

[64] См., в частности, A. B o u c h é – L e c l e r c q, стр. 569 сл.

посетил Бахрейнские острова, откуда также вывез богатую добычу, и вернулся в Сирию, окруженный славой великого полководца и политика. «Благодаря этому походу, – пишет Полибий (XI, 34, 16), – не только народы Азии, но и народы Европы признали в нем человека, достойного царской власти».

После восточного рейда, когда престиж царства Селевкидов стоял высоко, Антиох стал готовиться снова к завоеванию Келесирии, а также к восстановлению и расширению владений Селевкидов в Малой Азии. Аналогичные цели ставил перед собой и Филипп V Македонский. После мира в Фенике (205 г.), которым закончилась так называемая первая македонская война, Филипп, вынужденный отказаться от гегемонии над Грецией, обратил свои взоры на Восток. В 203 г. он заключил союз с Антиохом. Поводом для него послужили, по словам Полибия, смуты в Египте в связи со смертью Птолемея IV Филопатора и воцарением младенца Птолемея V Эпифана; «Антиох и Филипп согласились разделить между собой царство юного еще владыки… Филипп приступил к коварному захвату Эгейского моря, Карии и Самоса, а Антиох Келесирии и Финикии» (Polyb., III, 2, 8). Нам неизвестен текст этого договора. Но из дальнейшего поведения союзников не видно, чтобы они действительно оказывали друг другу помощь; можно думать, что договор был лишь дипломатической игрой, за которой скрывалось соперничество и взаимное недоверие договаривающихся сторон,

и Полибий отмечает, что союзники предавали друг друга (παρασπονδούντων ἀλλήλους, XV, 20, 6). Вообще в этот период дипломатия и дипломатические интриги играют большую роль в отношениях между народами Средиземноморья, и международные договоры иной раз были скорее дипломатическим маневром, чем выражением реальных союзных отношений[65].

На этот раз поход Антиоха в Келесирию увенчался успехом. За исключением Газы, оказавшей серьезное сопротивление, Антиох не встретил серьезного отпора. Решающее сражение против птолемеевского военачальника Скопаса (стоявшего ранее во главе Этолийского союза) произошло в 200 г. при Панионе[66]. Скопас был разбит. Вековой спор между Селевкидами и Птолемеем за обладание Южной Сирией, Финикией и Палестиной решился в пользу Селевкидов.

Пока Антиох отвоевывал Келесирию, Филипп Македонский стал захватывать один за другим города Херсонеса Фракийского и перенес военные действия в Малую Азию, разоряя и грабя города Пергамского царства и города Карии, находившиеся под властью Родоса. Филипп организовал также

---

[65] См. замечания по этому поводу у F. W. W a l l b a n k , Philipp V of Macedon, Cambr., 1940, стр. 206 сл.

[66] Дата сражения при Панионе (200? 198?) вызывает серьезные сомнения. См. A. B o u c h é – L e c l e r c q, ук. соч., стр. 571 сл.; в последнее время дата 200 г. получила новое подтверждение. См. A. H. M c D o n a l d and F. W. W a l l b a n k, The Origins of the second Macedonian war, JRS, XXVII, 1937.

опустошительный набег на Аттику. Коалиция Родоса, Пергама, Византия, к которым примкнули и Афины, обратилась за помощью к Риму, который объявил Филиппу войну.

Война – вторая македонская война – окончилась сражением при Киноскефалах (197 г.), в котором, благодаря сражавшимся на стороне Рима этолийцам, римляне одержали победу. Филипп хотя сохранил войско, но вынужден был идти на мир, по которому Македония была вновь включена в свои старые территориальные границы. В 196 г. римский полководец Т. Фламинин провозгласил «свободу» Греции, т. е. ее освобождение из-под гегемонии Македонии. Свое проникновение на Восток римляне на первых порах осуществляли под флагом забот о свободе греков, и многие нынешние буржуазные историки принимают лицемерные уверения агрессивного Рима всерьез[67]. Борьба против римской агрессии была еще под силу в то время только селевкидской державе. Но на стороне Рима были господствующие классы в греческих полисах, где в это время развертывалась острая классовая борьба угнетенных масс против угнетателей. Эксплуататорские группы видели в римской военной силе средство подавить революционное движение. И в Азии и в Египте Рим имел своих сторонников. Пергам еще до битвы при Киноскефалах прочно связал свою судьбу с Римом.

Тем не менее Антиох предпринял серьезные шаги к тому, чтобы восстановить мощь своего царства и противопоста-

[67] E. R. B e v a n, ук. соч., II, 41, прямо пишет, что «свобода носилась в воздухе».

вить его Риму. Независимо от личных планов и намерений Антиоха его походы после 197 г. означали последнюю серьезную попытку эллинистического мира отстоять себя против новой силы, грозившей его поглотить.

Антиох занял города южного побережья Малой Азии, а на западном побережье – Эфес, долгое время остававшийся во владении Птолемеев. Далее он прошел во Фракию, которую объявил своим законным владением по праву завоевания со времени еще Селевка I. Чтобы оградить себя от возможных угроз со стороны соседей, он заключил договор с галатами, выдал свою дочь Клеопатру за Птолемея Эпифана, другую дочь – за Ариарата Каппадокийского. Одновременно он вел длительную и упорную дипломатическую борьбу с Римом, защищая свое историческое право быть владыкой Азии. Римляне умышленно затягивали эти переговоры, чтобы выиграть время и подготовиться к решительным военным действиям, которые начались в 192 г.

Рассчитывая, что греческие государства, особенно Этолия, примкнут к нему, если он появится в Греции, Антиох с небольшим войском высадился в Греции и вначале имел здесь военные успехи. Но его надежды на помощь со стороны греков не оправдались, – Филипп поддерживал римлян. При Фермопилах консул М. Ацилий Глабрион нанес Антиоху поражение, после чего римляне под командованием Люция и Публия Корнелиев Сципионов перенесли войну в Азию и нанесли Антиоху жестокое поражение при Магнесии у Сипила

(190 г.). Полибий и Аппиан объясняют поражения Антиоха тем, что он утратил ясность мысли, проявлял нерешительность, не умел использовать свое военное превосходство, из тщеславия отвергал дельные советы Ганнибала, бежавшего к нему после битвы при Заме. Дальнейшие походы Антиоха показывают, что Сирия далеко еще не была обессилена и что Рим не был достаточно силен, чтобы окончательно сокрушить царство Селевкидов, еще не исчерпавшее своих экономических и военных ресурсов и возможностей. В 188 г. в Апамее был заключен мир на условиях, продиктованных Сципионом, с незначительными изменениями. Антиох должен был очистить Малую Азию к северу от Тавра; уплатить в течение 12 лет контрибуцию Риму в 15 000 талантов и Эвмену Пергамскому 400 талантов; отдать всех слонов и все военные суда, оставив себе только 10 кораблей; выдать римлянам его врагов, в том числе Ганнибала (Ганнибал после нескольких лет скитаний покончил самоубийством в 183 г.). Антиох дал Риму 20 заложников, в том числе своего младшего сына Антиоха, и был объявлен «другом римского народа». Владения его в Малой Азии были розданы Пергаму и Родосу; римляне еще не имели тогда возможности непосредственно освоить эти территории. Пергам стал большим государством, но фактически потерял свою независимость, став послушным орудием Рима.

Поражение Антиоха и унизительный мир в Апамее имели ближайшим последствием волнения в восточных провин-

циях. Великая Армения и Софена объявили себя независимыми, и стратеги Антиоха: Артаксия (Арташес) и Зариадр приняли царский титул. Области за Тигром были потеряны. Антиох предпринял поход на Восток, где ему прежде всего необходимо было добыть деньги на уплату контрибуции. При попытке ограбления храма Бела в Элимаиде он был убит (187 г.).

Крушение грандиозных планов Антиоха по созданию великой эллинистической державы отразилось в позднейшей историографии в изменении оценки его деятельности; если его восточный поход по следам Александра Македонского дал основание признать его «великим», то его поражение и гибель побудили историков ретроспективно обнаружить у него неспособность к ведению широких военных операций, нерешительность, трусость, неумение ориентироваться в обстановке и использовать ситуацию.

Однако период правления Антиоха III отнюдь не исчерпывается войнами, которыми почти исключительно интересуются античные источники. Правительство Антиоха занималось не только войнами; оно вело сложную и трудную внутреннюю политику по консолидации и организации государства, по укреплению его экономики. Эпиграфические данные говорят о неустанных заботах по установлению нормальных отношений с эллинистическими городами, служившими для Селевкидов основной опорой в их стремлении создать и упрочить свое государство. Политика Антиоха на

Востоке, где вместо завоевания новых стран или восстановления власти Селевкидов в завоеванных некогда Александром областях Антиох довольствовался установлением экономических связей, соответствовала объективным требованиям экономики Передней Азии. Продолжалась и колонизация Востока; в частности, во время преследовавшего чисто экономические цели похода к Персидскому заливу была основана на месте разрушенной Александровской колонии новая колония Антиохия, ставшая впоследствии под именем Харакс одним из важнейших пунктов восточной торговли. Правительство Антиоха развивало усиленную дипломатическую деятельность, которая заслуживает специального изучения как важный этап в истории древней дипломатии.

Период правления сына и преемника Антиоха, Селевка IV Филопатора (187–175 гг.), характеризуется все более настойчивым вмешательством Рима в восточные дела. Рим властно разрешает по-своему спорные вопросы между государствами Малой Азии и прекращает военные конфликты. В 179 г. правители Малой Армении, Понта, Каппадокии, Вифинии и Пергама заключают между собой мирный договор. Такой же договор заключает понтийский царь Фарнак с Херсонесом Таврическим, на далекой окраине эллинистического мира. И хотя Рим тогда не имел владений в Азии и тем более в Северном Причерноморье, обе стороны в своих клятвенных заверениях оговаривают, что условия договора действительны лишь, пока другая сторона «будет соблюдать друж-

бу с римлянами и ничего не будет предпринимать против них» (IOSPE, I^2, 402).

В этих условиях Селевку IV трудно было вести самостоятельную внешнюю политику. Правда, он вступил в близкие отношения с преемником Филиппа V, Персеем, выдав за него свою дочь, и породнился с царем Вифинии, выдав за него сестру. Но об активной политике не могло быть и речи. Нуждаясь в деньгах для уплаты контрибуции Риму, он послал своего сановника (ἐπὶ τῶν πραγμάτων, OGIS 247) Гелиодора в Иерусалим, чтобы захватить казну храма Ягве. Попытка не удалась, народ отстоял свою святыню. В том же 175 г. Гелиодор убил Селевка. Сын Селевка Деметрий находился в то время в Риме в качестве заложника, сменив там брата Селевка, Антиоха. Царь Пергама Эвмен вмешался в дела Сирии, и при его помощи на трон был посажен Антиох в обход законного наследника Деметрия, оставшегося заложником в Риме. Афины издали почетный декрет в честь Эвмена и Антиоха (OGIS 248).

Антиох IV Эпифан (175–163 гг.), получив воспитание в Риме, где он вращался среди высшей знати, и завершив свое образование в Афинах, соединял в себе черты образованного эллина и восточного деспота. «Не верилось, что в одном существе может совмещаться такая доблесть и злонравие», – замечает Полибий (XXXI, 4, 9). В другом месте (XXVI, 10) Полибий рассказывает, что Антиох в Риме, «удрав из дворца, иной раз шатался в компании двух-трех человек по горо-

ду. Чаще его встречали в мастерских серебряных и золотых дел мастеров, где он болтал с формовщиками и литейщиками и похвалялся своей любовью к искусству… Часто он снимал царское одеяние, надевал тогу, выходил на площадь как добивающийся магистратуры; одних он брал за руку, других обнимал и просил отдать за него голос на должность эдила или трибуна. Добившись должности, он садился в кресло из слоновой кости по римскому обычаю, вникал в совершавшиеся на рынке сделки и разбирал дела с большим усердием и готовностью». Поведение Антиоха вызывало недоумение; не знали – то ли он простак, то ли сумасшедший. Полибий считает, что правильнее было бы называть его не Эпифан («явившийся бог»), а Эпиман («безумный»).

При всем том Антиох проявил недурные военные и дипломатические способности и умел править твердой рукой. Подчеркивая свою лояльность по отношению к Риму, он в то же время поддерживал отношения с Персеем Македонским, сумев при этом не скомпрометировать себя в глазах римлян, и вместе с тем завязал дружбу с пергамским царем Атталом. Удачно сложились его взаимоотношения с Египтом, где в то время назрела мысль отвоевать Келесирию. Пользуясь тем, что с 171 г. Рим был отвлечен войной с Персеем, Антиох в нарушение Апамейского договора соорудил флот, завел боевых слонов и выступил против Египта. Разбив без труда египтян на суше и на море и завладев пытавшимся бежать из Египта малолетним Птолемеем VI, Антиох вступил в Еги-

пет; там провозгласили царем младшего брата Птолемея VI Филометора – Птолемея VII Эвергета II. Это дало возможность Антиоху выступать в роли не завоевателя, а защитника законного государя. Но состоявшийся компромисс между сторонниками обоих Птолемеев, по которому оба царя должны править совместно, расстроил планы Антиоха. Ему пришлось вернуться в Сирию – правда, с богатой добычей, но без реальных политических результатов. Возвращаясь в Сирию, он жестоко расправился с жителями Иерусалима, поднявшими мятеж, и разграбил Иерусалимский храм.

В 168 г. Антиох снова предпринял поход в Египет. Антиох занял Мемфис и объявил себя царем Египта. Из Мемфиса Антиох, задобрив Рим подарками, чтобы усыпить его бдительность, направился в Александрию. Но Рим успел к этому времени (лето 168 г.) закончить войну с Персеем и заняться делами Востока. Невдалеке от Александрии к Антиоху явился представитель Рима, Г. Попилий Ленат, и предъявил ему ультиматум: немедленно эвакуировать Египет. Антиох попросил время на размышление. Но Попилий Ленат, как сообщают античные авторы, очертил мечом вокруг Антиоха круг и заявил: «здесь размышляй» (ἐνταῦθα βουλεύου). Антиоху пришлось подчиниться и вернуться в Сирию.

Антиох усиленно насаждал эллинскую культуру; он строил новые города и преобразовывал старые; Антиохии, Селевкии, Эпифании появлялись в различных местах его царства. Чтобы подчеркнуть эллинский характер своего государства,

Антиох поддерживал постоянную связь с материковой Грецией, строил за свой счет в городах Греции храмы, воздвигал статуи, посылал подарки в Афины, Олимпию и т. д. Но политика Антиоха затрагивала и социально-экономические отношения, разрушая старый уклад в восточных странах, насильственно втягивая их в новые общественные условия жизни. В Иудее это привело к взрыву, к серьезному восстанию, о котором мы осведомлены гораздо лучше и детальнее, чем о внутренней истории Сирии в целом, почему и считаем нужным несколько подробнее остановиться на нем.

Начиная с правления Антиоха IV мы имеем подробные сведения об истории Иудеи в так называемых «книгах Маккавеев», в частности I и II книгах. Первая охватывает события 175–134 гг., вторая заканчивает изложение на событиях 160 г. I книга Маккавеев была написана на еврейском языке, но сохранилась в греческом переводе; II книга Маккавеев написана на греческом языке. В значительной части повествование I и II кн. Маккавеев идет параллельно, но первая больше выдержана в духе исторического изложения, вторая в большей мере имеет религиозно-назидательный характер. Автором II кн. Маккавеев назван Язон из Кирены. «Книги Маккавеев» вошли в христианский канон «Ветхого завета». Иосиф Флавий в изложении тех же событий следует I кн. Маккавеев и самостоятельного значения как источник не имеет. В фантастической форме видений и мнимых пророчеств история Сирии и Иудеи до 164 г. изложена в апокалип-

сисе Даниила, где под всякими мифологическими образами легко вскрываются реальные исторические лица и события.

Конфликт между еврейским народом и Сирией подготовлялся всей политикой Селевкидов. Проникновение эллинистического торгового капитала в отсталую в хозяйственном отношении Иудею отразилось болезненно на населении страны. Насаждение эллинистической культуры в Иудее, бывшее идеологическим выражением включения страны в сферу эллинистического хозяйства, также воспринималось массой враждебно. Если высшее жречество, откупщики налогов и дельцы приветствовали эллинизацию Иудеи, поскольку они были посредниками и участниками в тех торговых связях, в которые вовлекалась Иудея, то массы населения видели в этом лишь добавочную тяжесть к той, которую налагала на них жреческая иерократия.

На этой почве возникли, как уже указывалось выше, политические группировки в Иудее. Одно время в Иерусалиме одержала верх ориентировавшаяся на Египет группировка во главе с первосвященником. Потом одержали верх эллинисты, сторонники Сирии, и первосвященник Ония бежал в Египет, где построил в Леонтополе храм Ягве, просуществовавший до 73 г. н. э.

В 174 г. брат первосвященника Онии III, задержанного в Антиохии по обвинению в мятежных планах, давший себе греческое имя Язон, обратился к Антиоху с предложением значительной суммы денег и обязательством систематиче-

ской эллинизации Иудеи, если его проведут в первосвященники. Достигнув таким образом высшей власти, Язон быстрым темпом стал проводить эллинизацию. Был учрежден гимнасий. Богатая молодежь охотно усваивала новые порядки. Сам первосвященник сделал от имени Иудеи взнос в храм Геракла в Тире на жертвоприношения по случаю празднества.

Политика Язона и так называемых «эллинистов» натолкнулась на оппозицию со стороны народных масс, которая, однако, на первых порах приняла характер не политического, а лишь религиозного движения.

В 171 г. некий Менелай, посланный в Антиохию для внесения очередного взноса подати, сумел представить перед властями дело так, что Язон не может справиться с недовольством населения; кроме того, он обещал повысить размер подати в пользу царя. Он добился смещения Язона и своего назначения на его место. Язон бежал из Иерусалима, а скрывавшийся в храме в Антиохии бывший первосвященник Ония был предательски убит.

Тем временем в Иерусалиме Лисимах, брат Менелая, по его распоряжению пытался конфисковать храмовую казну для расплаты с царским правительством. Сбежавшийся народ убил Лисимаха и рассеял его отряд. Этот мятежный акт послужил поводом для Антиоха при возвращении из первого египетского похода учинить жестокий разгром Иерусалима. Через два года, в 168 г., после того как римляне заставили

Антиоха уйти из Египта, потеряв плоды своих побед, он снова подступил к Иерусалиму. Усыпив бдительность защитников города, командующий сирийским отрядом взял Иерусалим, устроил в городе резню, многих продал в рабство, сильно разрушил город. В Иерусалиме была построена крепость Акра, где был размещен гарнизон; здесь же поселились наиболее рьяные эллинисты.

Чтобы положить конец непрерывным волнениям, виной которых, по мнению Антиоха, была иудейская религия, он издал указ о запрещении иудейского культа. Он распорядился иерусалимский храм Ягве превратить в храм Зевса-Долихена, а самарийский – в храм Зевса-Ксения. В указе Антиоха, который приводится в I кн. Макк., I, 45, «было запрещено приносить жертвы и возлияния в храме. Предписано нарушать субботний праздник, осквернить храм, устроить жертвенники, священные рощи и статуи богам, приносить в жертву свиней и нечистых животных, оставлять сыновей необрезанными, а кто не будет подчиняться этому указу, будет предан казни».

Этот указ был принят различными группами по-разному. Эллинисты, в том числе первосвященник Менелай, охотно его приняли; другие подчинились поневоле. Но значительные группы населения, усматривая здесь нарушение своих исконных прав и неприкрытое гонение на религию, упорно сопротивлялись проведению указа в жизнь, особенно на периферии, где контроль над его проведением был труднее. Та-

ким образом. вспыхнувшее восстание иудеев было не только протестом против религиозного гонения; оно было направлено против собственных «эллинистов», против священнической храмовой знати, богатых откупщиков, крупных рабовладельцев, связавших свою судьбу с сирийскими завоевателями. «Эллинист» был понятием не столько культурно-религиозным, сколько классовым.

В 167 г. против сирийской власти, в связи с указом, выступили священник из Модиин Маттафия и его сыновья, известные под именем Хасмонеев и Маккавеев. Собрав сначала незначительный отряд, Маккавеи вели партизанскую войну против сирийцев. Ставший во главе повстанцев сын умершего вскоре Маттафии Иуда отменил нелепое религиозное предписание, запрещавшее применять оружие в субботу. До этого сирийцы нападали на евреев именно в субботу и беспощадно уничтожали не оказывавших сопротивления повстанцев.

Антиох в то время находился в походе на Востоке. Его наместник Лисий выслал против Маккавеев три отряда. Победа казалась настолько верной, что вместе с армией Лисия шли работорговцы, рассчитывая скупить по дешевой цене пленных. Но когда армия Лисия вступила в соприкосновение с незначительным войском Иуды, Иуда, испросив оракул (книга Маккавеев упрекает его за языческий обряд), двинулся из Мицпы, древней резиденции Саула, навстречу неприятелю. Предупреждая обходный маневр противника, он сна-

чала разбил отряд Никанора и захватил его лагерь; командир другого отряда, Горгий, после этого сам отступил. Добыча дала Иуде возможность вооружить свое войско, непрерывно возраставшее в числе.

Новое войско, отправленное против Иуды, также потерпело поражение. Иуда взял Иерусалим, осадил Акру и 25 декабря 164 г. был вновь освящен храм Ягве; был учрежден праздник очищения храма, или «обновления». Смешавшись с дионисиевым праздником света, этот праздник – ханука – справляется верующими евреями до настоящего времени, причем его языческий элемент выражается в основном обряде праздника: зажигании свечей.

Первосвященник Менелай укрылся вместе с сирийским гарнизоном в Акре. Поскольку светскую власть также осуществляли первосвященники, Иуда, надо полагать, присвоил себе этот титул, о чем имеются указания у Флавия. Книга Маккавеев об этом умалчивает – вероятно, авторы не нашли соответствующей богословской мотивировки для нарушения Иудой установленного «торой» порядка назначения первосвященников.

Иуда перераспределил жреческие должности. Это было очень важно, так как жрецы были господствующим сословием и состав его имел большое политическое значение. Иуда разделил всех жрецов, независимо от знатности их рода, на 24 группы, которые попеременно служили в храме. Он конфисковал имущество «эллинистов», скрывшихся в Ак-

ре; есть сообщение, что Иуда предпринял некоторые меры для подъема сельского хозяйства и улучшения положения крестьян. Упорную борьбу пришлось Иуде вести с соседями Иудеи, которым внушало тревогу возникновение, как им казалось, нового независимого государства. Борьба была жестокая и кровопролитная, но в общем успешная для Иуды.

В 163 г. умер Антиох IV. О последних годах его правления сведения источников скудны, противоречивы и смутны. Источники сходятся в том, что Антиох совершил поход на Восток и там погиб. Еще до своей первой экспедиции в Египет Антиох сделал своего малолетнего сына своим соправителем. Перед смертью он назначил своего однокашника (σύντροφος) Филиппа опекуном над сыном; это, конечно, означало, что Лисий должен будет уступить власть Филиппу, но пока Лисий остался фактическим правителем Сирии. Началась борьба между опекуном Антиоха V Филиппом и Лисием; с другой стороны, Деметрий, сын Селевка IV, проживавший в качестве заложника в Риме, заявлял притязания на трон Селевкидов. Лисию удалось устранить Филиппа. Но Деметрий при помощи друзей, в частности историка Полибия, бежал из Рима в Антиохию, где его провозгласили царем; Лисий и Антиох V были убиты.

С этого времени в течение ста лет в Сирии происходит почти непрекращающаяся борьба между претендентами на трон. Все 19 царей от Антиоха V Эвпатора до последнего царя Антиоха XIII умерли насильственной смертью, при-

том некоторые были преданы казни и подвергнуты предварительно пыткам. Правда, и предшествующие цари, начиная с Селевка, за исключением Селевка II и, может быть, Антиоха I, погибли насильственной смертью. Но за 150 лет – с 312 до 163 гг. – сменилось 8 царей, а за 100 лет – с 163 до 63 гг. – 19 царей. Главное, убийство Селевка I или отравление Антиоха II (если оно действительно имело место) были случайными эпизодами, нисколько не мешавшими росту и расцвету царства Селевкидов; непрерывные междоусобия после Антиоха Эпифана – признак упадка и разложения этого царства. Часто в стране одновременно действовали два царя, раздиравшие и уничтожавшие живые силы. Одно время Сирия была разделена на два царства (при Антиохах VIII и IX). В Сирии распоряжались парфяне, иудеи, армяне, Птолемеи, арабы и просто авантюристы. В 83 г. Сирийское царство становится достоянием царя Армении Тиграна (до 69 г.).

Одно время, при Антиохе VII Сидете, была сделана попытка восстановить былое величие царства Селевкидов. Вновь была подчинена Иудея, подавлены местные мятежи; был предпринят развивавшийся вначале успешно поход в Парфию. В надписях (OGIS 255, 256) Антиох VII именуется великим царем. Но парфяне выдвинули против Антиоха соперника в лице Деметрия IV, бывшего у них в плену с 138 г., и подняли против него местное население. В результате войско Антиоха было уничтожено, а сам он покончил с собой, бросившись в пропасть.

Римляне, постепенно завладевшие Пергамом, Вифинией, сокрушив Понтийское царство Митридата VI, присоединили в 63 г. Сирию в качестве провинции к Римской республике. Царство Селевкидов кончилось.

Причину его падения древние да и современные историки и моралисты видели в нравственном упадке, в междоусобицах, в кознях Рима. Конечно, римская агрессивная политика нанесла решающий удар; но упадок и раздоры, вырождение династии, распад государства были не причиной, а следствием разложения царства Селевкидов. В течение первого века своего существования оно объективно выполняло прогрессивную роль, призвав к действию дремлющие производительные силы, распространив более высокую, притом единую, цивилизацию и культуру в странах Востока. Но овладеть этими новыми силами, организовать их для дальнейшего экономического подъема, слить интересы различных племен и народов, пробужденных к политической и экономической активности, организовать рабовладельческий класс и упрочить его власть, дать ему возможность развивать рабовладельческое хозяйство – на это селевкидская монархия оказалась уже неспособной. Государство Селевкидов перестало, таким образом, выполнять свои функции в интересах господствующего класса, оно превратилось в частное, личное дело представителей династии и их конкурентов и поэтому неизбежно должно было распасться внутри. Римское завоевание завершило этот процесс, ликвидировало царство

Селевкидов и включило народы, находившиеся под властью уже исторически не оправдывавшей себя монархии, в новое политическое и экономическое единство, открывавшее перспективы для нового подъема.

Опять история Иудеи позволяет заглянуть несколько глубже в этот процесс распада царства Селевкидов, одновременно обнаруживая и острую внутреннюю борьбу, происходившую в это смутное время в различных его частях.

Чтобы раз навсегда покончить с Маккавеями, Лисий в 163 г. послал в отложившуюся Иудею сильную армию с боевыми слонами. Против этой армии партизанские войска Маккавеев не могли устоять; несмотря на отчаянное сопротивление иудеев (в бою пал один из братьев Иуды), они потерпели поражение. Лисий мог теперь диктовать Иуде любые условия. Но приближение Филиппа, опекуна малолетнего царя, отвлекло Лисия. Ему нужно было развязать себе руки в Иудее, и он заключил с Маккавеями мир. Указ Антиоха IV, фактически давно утративший силу, был отменен официально. Первосвященство было закреплено за Алкимом; Иуда, оставленный на свободе, был лишен власти.

Алким решил навести «порядок». Он первым делом казнил наиболее видных хасидеев («благочестивых»), которые в начале движения Маккавеев были его идеологами, но как только религиозное гонение прекратилось, а борьба приняла чисто политический характер, перешли на сторону сирийцев и Алкима. Когда Алким повел борьбу против Иуды, к нему

«сошлось собрание книжников искать справедливости, и хасидеи были первыми из израильтян, которые искали с ними мира» (I кн. Макк., VII, 12 сл.). Но Алким мстил за прошлое участие в восстании и казнил 60 человек.

Уйдя из Иерусалима, Иуда снова набрал войско и выступил против Алкима и запертого в Акре сирийского гарнизона. В Сирии тем временем троном завладел сын Селевка IV, Деметрий Сотер. Лисий и малолетний сын Антиоха были убиты. Деметрию, однако, еще предстояло утвердить свою власть, не признанную Римом.

Иуда в борьбе за независимость Иудеи решил заручиться покровительством Рима, могущественной державы, диктовавшей условия всему миру. Он отправил посольство в Рим, и ему удалось заключить с Римом договор. Хотя этот договор никаких обязательств на Рим не налагал, но самый факт признания народа иудейского как самодовлеющей единицы и применение к нему титула союзника римского народа должен был послужить предупреждением противникам иудеев.

Еще до этого против Иуды из Антиохии было выслано значительное войско под предводительством Никанора. Под Бет-Хороном 13 адара (марта) 160 г. войско Никанора было разбито, сам Никанор убит. Эта победа произвела сильнейшее впечатление. В ее честь был установлен особый праздник – «день Никанора». Впоследствии он слился с восточным праздником Заккеев, имевшим совсем иную подоплеку, и превратился в смешанный праздник «пурим». К нему бы-

ла приурочена книга «Эсфирь», где элементы вавилонской мифологии, явно сохранившиеся в именах Эстер (Иштар) и Мардехай (Мардук), тесно переплелись с элементами исторических событий, отнесенных ретроспективно в далекое прошлое.

Не дожидаясь, пока из Рима после договора с Иудой последует соответствующее указание, Деметрий отправил вторично войска против Иуды. На этот раз армия сирийцев настолько превосходила численностью и вооружением войска Иуды, что большинство его воинов не решилось сопротивляться. Только Иуда с небольшим отрядом вступил в сражение. Сражаясь с мужеством отчаяния, весь отряд, в том числе сам Иуда, погиб в бою (160 г.).

В памяти народа Иуда сохранился как герой, отдавший свои силы и жизнь за свободу своего народа. В I кн. Макк. ему даже посвящены стихи (III, 3 сл.):

Он далеко прославил свой народ,
Как герой он надел свои доспехи,
Опоясал себя боевым оружием,
Он шел в бой, защищая войско мечом.
Он подобен был льву в своих деяниях,
Молодому льву, устремляющемуся на добычу.

Смерть Иуды, уничтожение его войска, свели на-нет политические результаты его побед. Но положение коренным образом изменилось. О насильственной эллинизации не мог-

ло быть уже речи. В дальнейшем борьба против Сирии продолжалась уже не за свободу культа, а за национальную независимость, а внутри Иудеи борьба велась вокруг не религиозных, а политических вопросов, правда, не вполне отчетливо выраженных в первое время. Хасидеи, переменившие фронт после отмены указа Антиоха, сошли со сцены и больше в источниках не упоминаются. Борьба между «эллинистами» и ортодоксами сменяется борьбой между старой первосвященнической династией Садокидов и новой династией Хасмонеев. Наконец, в стране происходит неясная для нас вследствие недостаточности источников борьба народа и против Хасмонеев и против сирийцев.

После смерти Иуды Бакхид, сирийский полководец, укрепил занятые им города, поставил в них гарнизоны, взял заложников и вновь подчинил Иудею. Недовольные элементы сгруппировались вокруг брата Иуды, Ионатана. Это был человек другого склада, чем Иуда. Иуда – фигура героическая. Ионатан добивался успеха не столько военными подвигами, сколько умелой дипломатией. Собрав незначительные партизанские отряды, он непрерывно беспокоил Бакхида, который в конце концов помирился с ним. Использовав борьбу между претендентами на сирийский трон Деметрием и Александром и вовремя став на сторону Александра, Ионатан добился того, что в 153 г. был назначен первосвященником. Александр, овладев престолом, назначил его также стратегом, т. е. светским правителем Иудеи. После смерти

Александра Ионатан, опять-таки удачно лавируя между Деметрием II и римским ставленником Антиохом VI, вернее, его полководцем Трифоном, добился ряда мирных приобретений и значительно расширил свои владения. В конце концов, однако, Ионатан попал в ловушку Трифона и погиб.

Оставшийся в Иерусалиме брат Ионатана, Симон, использовал слабость Сирии, чтобы захватить гавань Иоппе, из-за которой и до и после того иудейские правители боролись всеми силами. В 142–141 гг. Симон взял Акру, которая со времени Антиоха IV была цитаделью Селевкидов в Иерусалиме и убежищем для всех противников Хасмонеев. Взятием Акры Симон добился фактической независимости Иудеи, так как сирийский гарнизон в Иерусалиме перестал существовать. Симон, однако, внешне выказал свое почтение и подчинение Деметрию II и одновременно позаботился о том, чтобы получить признание Рима. Он добился письма от консула Кальпурния Пизона, который объявлял Иудею дружественным государством и рекомендовал всем азиатским властителям не обижать Иудеи и не давать убежища врагам Симона. Чтобы вполне легализовать свое положение, Симон добился в 140 г. от народного собрания постановления, вырезанного потом на медной таблице (I кн. Макк., XIV, 25 сл.). В постановлении перечисляются заслуги Симона, и ему предоставляется наследственная в его семье власть первосвященника со всеми прерогативами светской власти, вплоть до диадемы и пурпура.

Но власть Симона и независимость Иудеи длились недолго. Симон был убит своим зятем, а при его преемнике Иоанне Гиркане I (135–104 гг.) Антиох VII Сидет уничтожил все завоевания, добытые Ионатаном и Симоном. Присоединенные к Иудее области были отняты, на Иудею была наложена дань, Иоанн Гиркан был лишен светской власти, оставшись лишь первосвященником. Катастрофа, постигшая Антиоха в 129 г., когда он и его войско погибли в войне с парфянами, предотвратила окончательное падение Иудеи.

Тацит правильно оценивает создавшуюся тогда ситуацию: «Царь Антиох стремился уничтожить иудеев и привить всем греческие обычаи[68],… но ему помешала война с парфянами, ибо тогда отпал Аршак. Тогда иудеи, так как македоняне были слабы, парфяне еще не окрепли, а римляне были далеко, сами поставили себе царей. Изгнанные изменчивой чернью, они вооруженной силой снова овладели властью, практиковали ссылки граждан, разрушение городов, убийство братьев, жен, родителей и прочие обычные для царей преступления и поддерживали суеверие, так как должность первосвященника составляла основу их власти» (Hist., V, 8).

Использовав слабость Сирии, Гиркан I занял гавань Иоппе, присоединил к Иудее Идумею, Галилею и Келесирию. При этом он в 109 г. уничтожил храм Ягве, построенный самаритянами на горе Геризим за 300 лет до того. В правление Иоанна Гиркана происходили какие-то народные волне-

[68] Тацит, очевидно, смешивает Антиоха VII с Антиохом IV.

ния, о которых очень скупо пишет Флавий: «Зависть к удачам Иоанна и его детей восстановила местное население и многие приставшие к нему не оставались в покое и, воспламенившись до открытой войны, потерпели поражение» (Bell. Iud., I, 6, 7).

Гиркану наследовал его старший сын Аристобул. По сообщению Флавия, он впервые принял царский титул; по Страбону, этот титул принял преемник Аристобула Александр Яннай (103–76 гг.). Александр Яннай продолжал политику завоеваний; он присоединил крупные гавани: Стратонову башню, Аскалон, Дор, Газу. На сохранившихся его монетах на одной стороне надпись по-еврейски: «Ионатан первосвященник», на другой – по-гречески: «Царь Александр».

Военные тяготы, усилившие эксплуатацию масс, вызвали ряд народных восстаний. Уже в начале правления Александра, по сообщению Флавия, когда он в качестве первосвященника служил в храме, народ стал его бранить, бросать в него лимоны; разгневанный царь выслал против народа отряд воинов, убивших 6000 человек. Потом волнения продолжались не только в Иерусалиме, но и во всей стране. По сообщению Флавия, шесть лет продолжалась народная война против Александра. Когда он попытался вступить в переговоры с восставшими, те отказались. Больше 50 000 человек погибло в боях против Александра. Не будучи в состоянии справиться с обученной и лучше вооруженной армией Александра, восставшие призвали на помощь одного из пре-

тендентов на сирийский трон – Деметрия Эвкера. Александр бежал в горы. Однако призыв сирийцев на помощь расколол ряды повстанцев. В результате Александру удалось подавить восстание. Вернувшись в Иерусалим, царь-первосвященник, по сообщению Флавия, сидя у себя во дворце со своими наложницами, распорядился распять перед окном 800 человек, причем перед распятыми были убиты жены и дети.

Вскоре Александр умер и власть перешла к его жене Салме (Александре Саломее), так как из двух его сыновей один был малолетний, а другой неспособен к управлению государством. О Салме Флавий пишет, что при ней всеми делами заправляли фарисеи, что вызвало протест со стороны представителей знати и наследника престола Аристобула. Флавий называет фарисеев философской школой, сближая их со стоиками (Vita, 2). В действительности это было религиозное течение, которое в условиях того времени, когда религия была единственной формой идеологии, становилось иной раз и знаменем политической борьбы. По сообщению Иосифа Флавия, Александр Яннай, умирая, рекомендует Салме, чтобы удержать власть над мятежным народом, вступить в союз с фарисеями. Действительно, Салма, призвав главу фарисеев и примирившись с ним, добилась того, что народ довольно спокойно принял переход власти к Салме и даже оказал почести телу ненавистного Александра Янная; во все время правления Салмы, благодаря поддержке фарисеев, никаких выступлений народа против царской власти не было.

Фарисеи, несомненно, пользовались религиозным влиянием в народе, потому что проповедуемая ими религия больше соответствовала условиям того времени, но они не были представителями народа.

Фарисеи – святоши и фанатики – способны были даже на жертвы во имя своих религиозных принципов и в защиту своих привилегий. Они вступали иной раз в конфликты с властью, как это было при Иоанне Гиркане, при Александре Яннае, а позже – при Ироде. Но они никогда не были народной партией. Когда шло действительно народное движение, фарисеи держались в стороне, а во время иудейской войны против Рима они стали на сторону противников восстания, противников своего народа.

Союз Салмы с фарисеями упрочил ее власть, но никаких облегчений народу не принес. Внешнеполитическое положение Иудеи было благоприятно. Захвативший Сирию армянский царь Тигран (83–69 гг.) стал было угрожать и Иудее, но наступление римлян отвлекло его в другую сторону.

После смерти Салмы начались раздоры между ее сыновьями. Эти раздоры ускорили вмешательство римлян. Войска Помпея подошли к Иерусалиму. Гарнизон Иерусалима пытался оказать сопротивление, и хотя город сдался, храм Ягве, сильно укрепленный, в течение трех месяцев оказывал сопротивление. Осенью 63 г. был взят и храм. Эта дата означает конец самостоятельности Иудеи под властью Хасмонеев.

Помпей объявил Иудею римской провинцией.

Несмотря на совершенную недостаточность случайных и не всегда ясных данных о государственном строе царства Селевкидов, социальных отношениях и экономике, в нем удобнее всего прослеживается то новое, что принес с собой эллинизм, и вместе с тем слабость, недоразвитость этого нового. Успехи и поражения эллинизма здесь выступают более открыто, не затемняются особыми условиями, в которых развивался эллинизм в Египте и Греции.

Создание государства Селевкидов было задачей чрезвычайно трудной. Александр пытался проводить политику слияния всего населения громадного царства в один народ. Но эта задача оказалась неразрешимой. Во-первых, частные, личные, династические цели, которые ставили себе Селевкиды, диктовали им политику ориентации прежде всего на македонян и греков, в которых они могли найти опору. В надписи из Илиона отмечается, что Антиох I хорошо устроил свое царство не только благодаря своей доблести, но и διὰ τὴν τῶμ φίλων καὶ τῶν δυνάμεων εὔνοιαν – благодаря расположению друзей и войска; а благо государства заключается в благе «царя, его сестры – царицы, друзей и войска» (OGIS, 219). Источником власти Селевкидов с их точки зрения является завоевание. Селевк, по словам Диодора (XXI, 1, 5), считает справедливым, что завоеватель является владыкой приобретенного силой оружия (κυρίους ὑπάρχειν τῶν δορικτήτων). Такого рода политика неизбежно должна

была ставить греко-македонцев в привилегированное положение и не могла способствовать сближению между народами.

Те же личные и династические интересы побуждали Селевкидов не только вступать в союзные и дружеские отношения с соседними восточными властителями, заключать династические браки, но и сохранять в силе существовавшие внутри государства полунезависимые, управляющиеся по своим старинным установлениям храмовые территории, племенные союзы, возглавляемые своими вождями (например, набатейские племена с их филархами), царьков в финикийских городах, иерократию в Иудее.

Хотя греческие города были свободны только в принципе, формально, но они сохраняли автономию во внутренних делах, а в борьбе с соперниками Селевкидам приходилось, чтобы задобрить города, иногда расширять границы их автономии. Таким образом, Селевкиды сами отчасти содействовали сохранению раздробленности своего царства.

Во-вторых, и это главное, масса народа не была заинтересована в новом политическом объединении, от которого все выгоды извлекали только богатые слои городского населения. Поэтому свободолюбивые народы стремились освободиться от ига Селевкидов. Не только Бактрия и Парфия, но и маленькая Иудея в самом центре Селевкидского царства сумела добиться независимости.

Конечно, при всех этих трудностях и препятствиях по-

литическое единство было создано, но оно не было органическим, цельным. Экономические интересы, во имя которых оно создавалось, не были достаточно сильны, рост производительных сил недостаточно успешен, чтобы его упрочить. В надписи 48 г. до н. э. (Эфес) выносится декрет от имени πόλεις αἱ ἐν τῆι Ἀσίαι καὶ οἱ [δῆμοι] καὶ τὰ ἔθνη (Syll.^{3} 760). Селевк II «написал… царям, династам, полисам и ἔθνη» (OGIS 229); здесь формулируется чисто механическое объединение разнородных политических образований.

Это, конечно, не значит, что царство Селевкидов вовсе не было централизованным государством. Мы очень мало осведомлены о государственном аппарате Селевкидов. Но нет сомнения в том, что такой аппарат существовал и действовал. Плутарх приводит анекдот (An seni sit gerenda res publica, XI) о Селевке, будто он не раз говорил: «Если бы большинство знало, как много труда нужно хотя бы только на то, чтобы писать и читать столько писем, диадемы валялись бы на земле и их не подняли бы». Действительно, по тем данным, какие можно извлечь из надписей, видно, что правительство Селевкидов вело обширную переписку, составляя указы и распоряжения по самым разнообразным делам, назначая судей и арбитров по мелким тяжбам городов, организуя колонии, вступая в дипломатическую переписку с другими государствами и поддерживая постоянную связь с собственными городами, с городами Греции, с храмами и общегреческими святынями.

В отличие от греческих полисов, имевших свои πάτριος πολιτεία и πολιτικοὶ νόμοι, разработанные и зафиксированные на письме законы, царство Селевкидов не имело разработанной конституции. Действовали нормы, унаследованные по традиции от Македонии, от Персии и устанавливаемые от случая к случаю волей царя, опирающегося на «друзей» и войско. Отдавая свою жену Стратонику своему сыну Антиоху, Селевк обратился по этому поводу к войску и сказал, по словам Аппиана (Syr. 61): «Этим я не ввожу у вас никаких персидских обычаев или обычаев других народов, но скорее я устанавливаю следующий общий для всех закон: всегда справедливо то, что постановлено царем». В этом анекдоте выражено иное понятие о власти царя, чем то, какое существовало в Македонии. Войско не является источником власти, каким оно еще оставалось в некоторой степени при Александре; это вполне понятно, так как войско перестало пополняться из Македонии, и новая монархия, хотя и сохранившая культурные традиции и ставшая знаменосцем эллинства на Востоке, была совершенно новым явлением, а не простым продолжением македонской монархии.

Ближайшее окружение царя, из которого вербовались высшие сановники, военачальники и советники, составляли его родня и его «друзья» – φίλοι. «Друзья» представляли, по-видимому, некоторую организацию или корпорацию. Полибий говорит о φίλων πρόσταγμα (XXXI, 3, 7). Они составля-

ли как бы совет царя[69]. Положение «друга» накладывало известные обязанности. Так, в письме к Мелеагру Антиох I пишет, что хочет подарить Аристодикиду землю «за то, что он в качестве “друга” выполнял возложенные на него обязанности со всяким усердием и готовностью» (RC 11, 12). Они делились на разряды или категории. Кроме просто φίλοι, были друзья «почитаемые»; так, в единственной дошедшей до нас большой надписи из Селевкии в Пиерии Аристолох именуется в письме Селевка IV и в декрете Селевкии τῶν τιμωμένων φίλων. Следующую ступень составляли προτιμώμενοι (лицо, выдвигаемое Антиохом III на должность верховного жреца в Дафне, было при Селевке III ἐν τιμῆι, а Антиох считает нужным его продвинуть в ранге, προτιμᾶν, RC 44, 1, 34). Вероятно, тот же разряд обозначается термином πρῶτος φίλος (OGIS 256)[70]. Встречается и сочетание τῶν πρώτων καὶ προτιμωμένων φίλων. Более близки к царю были члены его семьи, συγγενεῖς, и друзья детства, σύντροφοι, «однокашники». Так, Гелиодор, верховный сановник Селевка IV, во всех трех надписях о нем, дошедших из разных мест – Делос и Лаодикея Финикийская, титулуется σύντροφος (IG, XI, 4, 1113; F . Durrbach, Choix d'inscriptions de Délos, 71, 1; OGIS 247). По-видимому, придворное звание συγγενής мог

[69] В письме Антиоха IV (Ios., Antiqu., XII, 5, 5) царь пишет: συμβουλευομένοις ἡμῖν μετὰ τῶν φίλων; то же в письме Антиоха III (там же, XII, 3, 4).

[70] В одной надписи из Самоса (AM, 34, 1919), стр. 25 № 13 встречается термин εὐδοξότατος τῶν Ἀντιόχου (Антиох II) φίλων. У Ливия мы находим (XL, 54, 6) ex honoratis amicis – очевидно, перевод τῶν τιμωμένων φίλων.

получить и не родственник царя. Деметрий II, по сообщению I кн. Макк., пожаловал сначала иудейскому первосвященнику Ионатану Маккавею титул «друга» (10, 20), через некоторое время – титул πρῶτος φίλος (10, 65), затем дал ему инсигнии συγγενής (10, 85), наконец, предоставил ему право одеваться в пурпур и пить из золотой чаши (71, 58). Верховным сановником был ὁ ἐπὶ τῶν πραγμάτων, часто упоминаемый в литературных источниках и в надписях. Таким были, в частности, Гелиодор при Селевке IV, Лисий при Антиохе IV.

В административном отношении все царство при Селевке делилось на 72 сатрапии (App., Syr. 62); но источники не дают возможности установить их. Во главе сатрапии стоял сатрап или стратег. Ему был подчинен ведавший меньшей административной единицей – гипарх. Так, Метрофан был стратегом, по-видимому, Геллеспонтской сатрапии (RC 18), ему был подчинен гипарх (RC 20); гипархия засвидетельствована OGIS 238. По-видимому, были и какие-то царские уполномоченные, в ведении которых были отдельные округа или группы греческих городов: в письме Антиоха III к Магнесии на Меандре мы читаем: «мы написали также уполномоченным по делам (τοῖς ἐπὶ τῶν πραγμάτων), чтобы и города точно так же согласились» (OGIS 231), Полисы, надо полагать, не всегда входили в состав сатрапии, но подчинялись непосредственно царю. Сатрап Геллеспонта, Мелеагр, пишет городу Илиону в форме вежливого совета: «Вы бы хо-

рошо сделали, если бы приняли постановление» и т. д. (RC 13). Возможно, впрочем, что οἱ ἐπὶ τῶν πραγμάτων, как и ἐπὶ τῶν χρειῶν, οἱ τὰ βασιλικὰ διοικοῦντες – не название конкретной должности, а общее обозначение государственного служащего.

Низшими агентами власти были χρεοφύλακες и βυβλιοφύλακες, регистрировавшие и хранившие официальные документы и частноправовые акты[71].

К высшим представителям власти относится также эпистолограф, государственный секретарь. Эпистолограф Антиоха IV, Дионисий, был богатейшим человеком (Polyb. XXXI, 3, 16). Другой сановник, ведавший финансами, ὁ ἐπὶ ταῖς προσόδοις, упоминается у Аппиана (Syr. 45). В рассказе об осаде Антиохом III Селевкии в Пиерии Полибий (V, 60, 1) называет τοὺς ἐπιστάτας τῆς πόλεως. В цитированной уже надписи из Селевкии в Пиерии мы имеем распоряжение (πρόσταγμα) Селевка IV, адресованное «Феофилу, властям Селевкии в Пиерии и городу»; ответный декрет города дается в надписи как Θεοφίλου ἐπιστάτου καὶ ἀρχόντων γνώμη. Феофил, следовательно, был эпистатом, представителем царя; и то, что его имя в декрете стоит впереди архонтов, показывает, что он стоял над ними. Эпистат Вавилона упоминается в надписи OGIS 254. В Дура-Эвропос в парфянское

[71] Βυβλιοφύλαξ – хранитель государственного архива (βασιλικαὶ γραφαί) упоминается в надписи RC 19, 14. Печати и буллы, найденные в Уруке, наряду с обычным χρεοφύλακες, называют и βυβλιοφυλακικός (подразумевается χαρακτήρ; RC, стр. 322).

время наряду со стратегом был и эпистат; парфяне унаследовали эту должность, конечно, от греков. Наконец, в клинописных текстах из Урука имеется строительная надпись Анубаллита, титулующего себя šanu (наместник) Урука[72]. Однако нет данных для суждения о том, во всех ли городах был эпистат царя. Судя по тому, что ряд распоряжений царя адресован непосредственно городам, можно думать, что в этих полисах эпистата не было.

В ведении центральной власти был и суд. Эвмен, по сообщению Плутарха, «передал отдельные города в управление своим друзьям, сделал их фрурархами и назначил судьями и должностными лицами (δικαστὰς καὶ διοικητάς) по своему усмотрению» (Plut., Eum., III). В пергаментном тексте из Дура-Эвропос (Dura Pg. 21) назван «царский суд», βασιλικὸν δικαστήριον, восходящий, по-видимому, к временам Селевкидов[73]. По распоряжению царя назначается арбитр для разбора споров между полисами (например, Syll.^{3} 426).

Что касается внутреннего строя городов, то, как уже указывалось, города пользовались более или менее широкой автономией. Так, ионийская лига призывает Антиоха I «всячески иметь попечение о ионийских городах, чтобы они в будущем, будучи свободны и управляемы демократией, уже

---

[72] A. C l a y, ук. соч., № 52.

[73] W e l l e s, ZSSt. 56, 1936, стр. 107, упустил, очевидно, сообщение Плутарха об Эвмене, заявляя, что не знает параллелей такому суду в других эллинистических странах, хотя теоретически его надо допустить и в царстве Селевкидов.

прочно управлялись в соответствии с унаследованными от предков законами» (OGIS 222, Клазомены). Милет награждает Гиппомаха, «который добился свободы и демократии от Антиоха Теоса» (OGIS 226). Смирна, получив от Селевка II свободу и освобождение от подати, даже обращается в Дельфы, чтобы получить оттуда подтверждение дарованных царем привилегий (OGIS 228). Как видно из недавно опубликованного письма парфянского царя Артабана IV к Селевкии на Эвлее (древняя Суза) от 21 г. н. э., этот город сохранял свою конституцию полиса в течение веков (RC 75). Раскопки в Дура-Эвропос, давшие обильный материал о жизни города под властью Парфии, показали, что этот город имел обычную организацию греческого полиса: помимо эпистата, в городе действовала буле, упоминаются агораномы, казначеи, ситоны (ведавшие продовольствием), κήρυκες (глашатаи), χρεοφύλακες (судьи, городские).

Селевкиды в общем продолжали по отношению к греческим полисам ту же политику, какую проводили диадохи. Мы видели, в частности, из содержания распоряжения Антигона о синойкизме Теоса и Лебедоса, что эта политика пыталась сочетать автономию и демократию в греческих городах с монархическим режимом, подчиняющим эти города верховной власти царя и тем самым создающим некое единство между; ними и царством в целом. Наиболее полные сведения об этой политике дает Киренская надпись, подробно исследованная С. А. Жебелевым, который склонен отнести

ее к 322/1 г.[74] Устанавливается умеренно-демократическая конституция Кирены. Количество граждан ограничивается десятью тысячами с цензом в 100 александровских мин, т. е. 2000 драхм; такой же ценз был установлен Антипатром в Афинах. Совет пятисот избирается по жребию; но этот демократический институт ограничивается учреждением коллегии геронтов из 101 человека, назначаемых Птолемеем. Суд присяжных избирается по жребию из числа геронтов, членов совета и граждан. Кроме имущественного, устанавливается высокий возрастной ценз для должностных лиц – 50 лет. Во главе управления стоят пять выборных стратегов, но над ними стоит пожизненный стратег – сам Птолемей. Сама конституция формально разрабатывается самими киренцами, но руководствуясь διάγραμμα Птолемея.

Таким образом, политика диадохов и Селевкидов по отношению к городам была двойственной; городам давали всякие привилегии, допускали сохранение их πάτριος πολιτεία; это было необходимо, так как города были основой единства государства; но свобода городов была фиктивна и во всяком случае прекарна; с своей стороны и города заботились, конечно, прежде всего о своих интересах, и их верность царю была неустойчива. Лисимах в послании к Приене специально отмечает, что приенцы охотно слушались стратега и не отклонялись от действий на пользу царя (RC 6). Города создавали единство и вместе с тем подрывали его.

---

[74] С. А. Жебелев. Киренская конституция, ДАН СССР, № 5, 1929, стр. 77 сл.

В источниках встречаются указания на цели Селевкидов при основании или преобразовании города или колонии и о трудностях, связанных с этим. По сообщению Иосифа Флавия (Antiqu. XII, 3, 4), Антиох III, узнав, что во Фригии и в Лидии готовятся перевороты, посоветовавшись с друзьями, решил «переселить в крепости и наиболее опасные места две тысячи иудейских семейств из Месопотамии и Вавилонии». В распоряжении по этому поводу Антиох пишет: «Назначь каждому из них по участку для постройки здания, а также по наделу для земледелия и виноградарства и освободи их на десятилетний срок от всех податей с их полей. Пока они не получат со своей земли плодов, пусть им выдается содержание из средств, назначенных для моих личных слуг; пусть будет выдано вознаграждение также и тем, кто добровольно окажет им в чем-либо поддержку». Антиох I вновь стал заселять разрушенную фракийцами Лисимахию, «призывая беглецов из владений Лисимаха, покупая обращенных в рабов пленников, прибавляя к ним других, давая быков, овец и железные орудия для земледелия и не упуская ничего, чтобы быстрым темпом укрепить город. Это место казалось ему в высшей степени важным укреплением против всей Фракии и самым удобным складочным местом (ταμιεῖον) при выполнении остальных его замыслов» (App., Syr. 1).

Вопрос о целях и задачах Селевкидов при градостроительстве и колонизации ставится и по-разному решается и новыми историками. Это – вопрос законный, но не основ-

ной. В отличие от природы, «в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, движимые умыслом или страстью, ставящие себе определенные цели. Здесь ничто не делается без осознанного намерения, без желанной цели. Но как ни важно это различие для исторического исследования, – особенно отдельных эпох и событий, – оно нимало не изменяет того факта, что ход истории определяется внутренними общими законами»; «…побуждения, двигавшие деятелей, имеют, в последнем счете, лишь второстепенное значение»[75].

Каковы бы ни были субъективные цели и задачи Селевкидов, их политика по отношению к городам, не только своим, но и городам материковой Греции и островов Эгейского моря, диктовалась объективной потребностью в политическом и экономическом объединении разнородных элементов, из которых складывалось их царство. В известной степени эта цель была достигнута, притом не только внутри царства Селевкидов; его политическая организация была воспринята и веками удержалась в отколовшихся от царства Селевкидов и составлявших его периферию странах. Парфия еще и в римское время сохраняет многие черты государственного строя селевкидской монархии. Парфянский город Дура-Эвропос – типичный селевкидский полис. Сузы (Селевкия на Эвлее) сохраняют строй греческого полиса. Коммагена, Ар-

[75] Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 668.

мения, Понт создают свою государственность по формам, получившим свое воплощение в царстве Селевкидов. Характерно, что эра Селевкидов вытеснила или отодвинула на второй план все местные эры. В Парфии документы датируются обычно так: «в таком-то году по счету царя (парфянского), а по прежнему (селевкидскому) в таком-то» (например, Dura Pg. 21). Даже парфянский царь Артабан, в своем официальном указе от 21 г. н. э., ставя в конце его дату по парфянской эре, в самом тексте указа приводит дату по эре Селевкидов. Книги Маккавеев, проникнутые ненавистью к Селевкидам, датируют всюду события по этой же эре. Через Селевкидов элементы греческого права проникают в восточные государства, и даже религиозный акт отпуска на волю рабыни путем посвящения ее богине вавилонянка Белтибанитис в Сузах совершает по греческой формуле[76]. Проникновение в страны Передней Азии единообразных элементов греческого права подготовило в некоторой степени почву для установления здесь впоследствии римского права.

Новые политические формы, установившиеся в царстве Селевкидов, были лишь отражением происшедших в Передней Азии изменений в производственных отношениях и экономической жизни. Наши сведения об этом чрезвычайно скудны. Археологические раскопки в ряде городов – в Приене, Пергаме, Эфесе, Дура-Эвропос и др. – не дали достаточного материала для суждения об экономике эллини-

[76] F. C u m o n t. Inscriptions grecques de Suse, CRAI, 1932, № 1.

стического периода; литературные же источники почти ничего не дают по этому вопросу. Лишь общие черты хозяйственной жизни в царстве Селевкидов поддаются определению; отдельные ценные конкретные данные слишком случайны, чтобы можно было на их основании делать обобщения. Поэтому здесь особенно важна правильная научная методология при формулировке общих выводов и заключений. Чтобы не ошибиться в конкретных выводах и характеристиках, необходимо отчетливое и правильное понимание общественных производственных отношений в Передней Азии рассматриваемого периода.

В буржуазной историографии стало общим местом рассматривать древневосточные общества, поскольку им вообще дается общая социально-экономическая характеристика, как феодальные. Это объясняется тем, что буржуазные историки не видят основного факта – того, что производственные отношения являются основой общественной жизни. Они поэтому не ищут ведущих форм этих отношений, не исследуя линии их исторического развития. Чаще всего они вовсе отказываются от каких-либо обобщений, довольствуясь простым описанием отдельных групп явлений социально-экономической жизни (труд, ремесло, торговля, сельское хозяйство, финансы, семья, право и т. д.) и не пытаясь установить какие-либо исторические связи и закономерности. Они поэтому не задумываются усматривать феодализм на древнем Востоке или капитализм в античности, так как рассмат-

ривают древние общества со стороны отдельных внешних признаков, без анализа их социально-экономической основы. Макс Вебер, например, находит в древности семь типов, или стадий, общества и государства, в которых причудливым образом сочетаются различные государственные формы, различные виды земельной собственности, первобытная община, феодализм, рабовладение, капитализм. Это многообразие типов у М. Вебера – не результат конкретно-исторического исследования и последующего обобщения фактов, освещаемых стройной научной теорией, оно получается как следствие применения фактов к вечным, неизменным категориям, «идеально-типическим понятиям», как он их называет[77]. Это позволяет М. Веберу говорить о «крупных феодальных поместьях» и «доменах» в эллинистической Малой Азии, хотя сам он признает, что «формальное, установленное правовыми нормами, прикрепление к земле сидящих на частных феодальных поместьях (Grundherrschaften) колонов не может быть доказано, да и не представляется вероятным» (там же, стр. 415–416).

Представление о феодализме и крепостничестве на древнем Востоке вносит путаницу в характеристику эллинистических монархий, которые получили наследство древневосточных деспотий. В своей монографии «Studien zur Geschichte des römischen Kolonates», изданной в 1910 г., Ростовцев, на основании анализа крайне скудного материала,

[77] М. В е б е р. Аграрная история древнего мира. М., 1923, стр. 393.

заключает, что и эллинистической Малой Азии исконное население, непосредственно подчиненное царям и платившее им непосредственно подать, особенно тесно срослось с царством, ибо крестьяне «были не только подданные, но и крепостные, работающие не на своей, а на царской земле». Этот феодальный строй, пишет он дальше, устарел уже при персах, а после Александра сохранился только в самых отсталых районах (стр. 309).

В статье «Колонат» Ростовцев пишет, что «царская земля» возделывалась крепостными крестьянами. При Селевкидах последние постепенно освобождаются. «Это превращение крепостных (Leibeigenen) в государственных и городских крестьян характеризует, таким образом, политику эллинистических властителей в отношении λαοὶ βασιλικοί, но тем не менее многие феодальные владения (Lehnherrschaften), как и храмовые территории, остаются до римской эпохи при своем старом устройстве»[78].

В своем последнем труде об эллинизме (ук. соч., стр. 502) Ростовцев делит земельные владения в Малой Азии на три группы: 1) храмовые территории, 2) крупные домены с крепостными, 3) туземные селения, непосредственно подчиненные царю. При этом, однако, он отмечает, что в Сирии, Месопотамии, Вавилонии в римское время нет следов крепостничества, откуда можно заключить, что его не было и при Селевкидах; нет также следов крупных поместий с крепостны-

[78] См. приложение к книге: М. В е б е р, ук. соч., стр. 415–416.

ми крестьянами. Несмотря на эти оговорки, Ростовцев (ук. соч., стр. 507–508) утверждает, что, за исключением храмовых территорий и земель, отданных городам и частным лицам, остальная земля сохранила старый статус с той только разницей, что «обширные поместья местных баронов» Селевкиды отдали греческим и македонским «баронам» или управляли ими через своих чиновников[79].

Эти мысли, сформулированные Ростовцевым впервые в его «Studien zur Geschichte des römischen Kolonates», буржуазные историки безоговорочно принимают как непреложные истины, не подвергая самостоятельному анализу использованные Ростовцевым источники и не дополняя их новыми материалами. Поэтому необходимо поставить вопрос об его источниках.

В отношении феодального политического строя эллинистической и доэллинистической Малой Азии Ростовцев ссылается на сообщение Плутарха в биографии Эвмена (гл. 8): «Он обещал солдатам выдать жалованье через три дня и стал продавать им встречавшиеся в стране виллы и замки (ἐπαύλεις καὶ τετραπυργίας), где было много рабов и стад рогатого скота. Купивший их начальник македонского отряда или наемников получал от Эвмена орудия и машины и приступал к осаде». Переводя и толкуя ἐπαύλεις как феодальные «замки», Ростовцев и его последователи делают отсюда вывод о феодальном политическом строе во

[79] Ср. ВДИ, № 2, 1947, стр. 30.

Фригии в IV в., не замечая, что совершают ошибку petitio principii. В самом деле, нет никаких оснований для толкования и перевода ἐπαύλεις как «феодальные замки» – такого понятия в древности не существовало. В действительности смысл этого слова и содержание вкладываемого в него понятия совершенно иные. Фригия, особенно ее внутренние и горные области, оставалась страной варваров даже еще в римское время, тем более в IV в. до н. э. Для характеристики грубости Марсия Апулей (Flor., III) называет его Phryx cetera et barbarus. Христианский апологет Юстин также изображает фригийцев как типично варварское племя (dial. c. Tryph., 99). А в IV в. до н. э. фригийцы в глубинных районах были еще действительно варварами. Поэтому ἐπαύλεις и τετραπυργίας скорее всего характерны для варварских поселений, которые Ф. Энгельс описывает следующим образом: «Город, окружающий своими каменными стенами, башнями и зубцами каменные или кирпичные дома, сделался средоточием племени или союза племен»[80]. Судя по тому, что в этих ἐπαύλεις было «много рабов и скота», здесь уже произошло общественное разделение труда, в результате которого могли появиться большие каменные или кирпичные дома.

Столь же произвольно Welles[81] переводит в надписях, от-

[80] Ф. Энгельс. Происхождение семьи… К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 138.

[81] RC, стр. 91, 103.

носящихся к Лаодике (см. ниже), слово βᾶρις феодальным термином manor house. Происхождение слова βᾶρις неясно; оно встречается в греческом языке в значении «богатый, роскошный дом, дворец». В Септуагинте (греческом переводе библии) словом βᾶρις переводится древнееврейское armon (II кн. Хрон. 36, 19) и heikal (Пс., 44 (45), 9), «дворец». Роскошный дом, который построил себе богатый откупщик Гиркан, Иосиф Флавий называет βᾶρις (Antiqu. XII, 4, 11).

Вот и весь материал о «феодалах» и «феодализме» в эллинистической Малой Азии. Можно привести еще одно упоминание ἐπαύλεις у Плутарха, писавшего через четыреста с лишком лет после описываемого времени.

Таким образом, феодалы и бароны в эллинистической Малой Азии существуют только в воображении М. Вебера, Ростовцева и их последователей. Конечно, ни о политической организации феодалов как класса, ни о феодальной иерархии никаких материалов в источниках нет, да и быть не может.

Что касается аграрных отношений, то здесь сторонники теории феодализма на Востоке не ставят самого коренного вопроса – о характере земельной собственности; между тем без решения этого вопроса всякие рассуждения о феодализме и крепостничестве остаются беспочвенными.

Древность – не только восточная, но и античная – знает различные формы зависимости земледельца. Однако характер зависимости крестьян, непосредственных производите-

лей на земле, должен быть установлен совершенно точно, прежде чем делать какие-либо выводы о характере общественного строя. На Востоке масса крестьянского населения испокон века была связана, с одной стороны, отношениями к сельской общине, с другой – подчиненным положением по отношению к верховному собственнику земли – царю или богу (т. е. храму и его жрецам). Еще и в эллинистическую эпоху сохранялось «некоторое нерасчлененное единство города и деревни» (Маркс); подавляющее большинство крестьян жило в селениях (κῶμαι), сохранивших более или менее ясно выраженные остатки общинной организации. Они меньше других слоев населения воспринимали культуру греческих завоевателей, которые называют их неопределенным термином ἔθνη (племена). Некогда высшее единство общинного коллектива воплощалось в царе или боге, и обязательства общины перед царем или храмом совпадали (в идее) с интересами общины. Со временем взносы натурой на общие нужды и участие общинников в общественных работах превратились в обязательную дань верховному собственнику земли и обязательную работу «на дом царя». Принадлежность к общине, дававшей каждому члену право владения землей и правовую защиту, также изменила свою сущность по мере разложения общины и превратилась в связанность земледельца, в его прикрепление к ἰδία, которое гарантировало государству выполнение крестьянами своих повинностей. Зависимость крестьян, следовательно, была не фе-

одальной; не было и феодальной земельной собственности; крестьяне владели землей по праву своей принадлежности к общине; от нее же получил право верховной собственности на землю и сам царь или бог. Частная земельная собственность появляется на Востоке в эллинистическое время как античная собственность благодаря приписке бывшей царской земли к территории греческих полисов – старых и вновь возникавших.

Как мы выше видели, Александр Македонский в приенской надписи (OGIS 1) различает землю, принадлежащую городу, и царскую землю, за которую жители сельских поселений платят подать. Но именно на царской земле в Малой Азии, или по крайней мере на части ее, Ростовцев и его ученики находят сохранившийся якобы от древневосточных монархий «феодализм» и «крепостничество». При этом они основываются на двух-трех документах, к рассмотрению которых и следует обратиться.

В 253 г. Антиох II, разводясь с Лаодикой, чтобы вступить в брак с Береникой, дочерью Птолемея Филадельфа, решил, по-видимому, компенсировать ее, продав ей (может быть, фиктивно) крупное земельное владение[82]. Подробное сообщение об этом акте сохранилось в трех документах, начер-

[82] Имеется известие в клинописной табличке, что Антиох подарил Лаодике и ее сыновьям, Селевку и Антиоху, земли и ценности в Вавилонии. Клинописная табличка, предварительно опубликованная К. Ф. Леманом (ZAss, VII, 1892, стр. 330 сл.), пропала, и детали этого интересного документа остаются неясными.

танных на стене в храме Аполлона Дидимейского[83]. Первый из этих документов – обращение Антиоха к Метрофану (по-видимому, стратегу) – гласит (строки 1–19):

«Царь Антиох Метрофану привет. Мы продали Лаодике Паннукоме, дом (βᾶριν) и относящуюся к селению землю, граничащую с землей Зелеи и Кизика и со старой дорогой, которая проходила выше Паннукоме, но была распахана ближними земледельцами, чтобы отрезать этот участок для себя – нынешняя Паннукоме возникла позднее, – и местечки, какие окажутся на этой земле, и принадлежащих к ним λαοί со всеми их домами и со всем принадлежащим им и с поступлениями пятьдесят девятого года[84] за тридцать талантов серебра – равно как λαοί, которые, будучи из этого селения, переселились в другие места, – с тем, что она (Лаодика) не будет платить никаких налогов в царскую казну, и она будет вправе приписать к полису, к какому пожелает; на тех же основаниях купившие или получившие от нее тоже будут владеть неограниченно и присоединят к полису, к какому пожелают, если только Лаодика не успела раньше присоединить к полису; в этом случае они будут владеть землей там, куда она присоединена Лаодикой».

После указания о порядке расчета за полученную Лаодикой землю Антиох продолжает (строки 24–28):

«Распорядись передать Арридею, эконому Лаодики, селе-

[83] Последнее издание текста (см. RC, № 18–20).

[84] Эры Селевкидов – 253 г. до н. э.

ние, виллу, дом, относящуюся сюда землю и λαοί с их домами (λαοὺς πανοικίους) и всем принадлежащим им и зарегистрировать продажу в царском архиве в Сардах и на пяти каменных стелах». Стелы предписывалось установить в храме Афины в Илионе, в храме на Самофракии, в храме Артемиды Эфесской, Аполлона Дидимейского, Артемиды в Сардах, т. е. в наиболее чтимых храмах.

На той же стеле помещено распоряжение (RC 19) Метрофана, адресованное, судя по RC 20, эконому Никомаху, об изготовлении указанных в царском письме пяти стел; здесь же сообщается, что библиофилаку Тимоксену дано распоряжение о регистрации продажи и границ проданного участка в царском архиве в Сардах.

Наконец, третья надпись (RC 20) сообщает, что «передано Арридею, эконому Лаодики, гипархом …кратом селение и βᾶρις и относящаяся сюда земля в соответствии с предписанием эконома Никомаха, к которому приложено письмо Метрофана и адресованное ему письмо царя». Далее следует подробное описание границ участка.

Дополнением к этой надписи может служить надпись, найденная в храме Артемиды в Сардах, которая является как бы продолжением приведенной «надписи Лаодики». В ней указываются, каковы были права и доходы владельца царской земли, получившего ее в дар или другим путем от царя[85].

---

[85] W. H. B u c k l e r and D. M. R o b i n s o n. Greek Inscriptions from Sardes,

В двух столбцах надписи сохранилось в общем 37 строк (приблизительно по 80 букв в строке). Хотя начало надписи отсутствует, содержание ее не вызывает сомнений. Мнесимах, приближенный диадоха Антигона, получил от него большое селение; по-видимому, для приведения его в порядок он занял у храма Артемиды 1325 золотых статеров. Теперь храм требует возврата денег, но у Мнесимаха денег нет. Он поэтому фиктивно продает (фактически закладывает) свое имение храму – так называемая πρᾶσις ἐπὶ λύσει («продажа с правом выкупа»). При этом Мнесимах дает подробную опись своих владений, их стоимость и перечень доходов:

«…Так как неопеи (настоятели храма) требуют от меня данное под заклад золото, принадлежащее Артемиде, а у меня неоткуда им отдать, – так вот, что есть в моем имении (οἴκου): нижеследующие селения (κῶμαι), а именно: селение Табалмуры на сардской равнине на холме Ил; к этому селению принадлежат и другие селения, а именно Танду и Комбдилипия, подать с этих селений (вносится) в хилиархию Питея пятьдесят золотых в год. Есть и клер в Кинарое вблизи Тобалмур, подать в год три золотых. Есть еще одно селение Периасасостры у вод Морста; подать в хилиархию [Саг]ария в год пятьдесят семь золотых. Есть и клер у вод Морста и в Нагриое; подать в хилиархию Сагария, сына Кореида, три зо-

---

I, AJA, XVI, 1912, стр. 11–32; W. K. P r e n t i c e. The Mnesimachus Inscription from Sardes, тамже, стр. 526 сл.

лотых и четыре золотых обола. Есть и еще селение в районе Аттуд, называемое Илукоме, подать в год три золотых и три золотых обола. И вот, от всех селений и клеров и относящихся к ним усадебных участков (οἰκοπέδων), от крестьян со всеми их домами и с принадлежащими (τῶν λαῶν πανοικίων σὺν τοῖς ὑπάρχουσιν), от винных мехов, от подати денежной и трудовой (τοῦ φόρου τοῦ ἀργυρικοῦ καὶ τοῦ ληπουργικοῦ) и всего прочего, получаемого от селений, и еще много сверх того, когда произошел раздел, Питей и Адраст взяли в отдельную собственность виллу (αὐλήν) в Тобалмурах, – а за пределами виллы находятся дома крестьян (λαοί), – рабов и два сада на пятнадцать артаб посева, а в Периасасострах усадебные участки на три артабы посева и сады на три артабы посева и рабы, живущие в этом месте: в Тобалмурах – Эфес, сын Адраста, Кадой, сын Адраста, Гераклид, сын Белетра, Туий, сын Манея, сына Каика; в Периасасострах проживают Кадой, сын Армананда, Адраст, сын Манея…».

Во втором столбце речь идет о гарантиях храму в том случае, если Мнесимах не обеспечит ему собственности на имение и поступление всех статей дохода, в частности: «если же мы не гарантируем или нарушим настоящий контракт (συγγραφήν) относительно селений, клеров, участков (χωρίων) и всех рабов, пусть они останутся собственностью Артемиды». «Если же селения, клеры или что-либо другое из заложенного царь заберет у Артемиды из-за Мнесимаха, то основную сумму золотом, полученную под заклад, тысячу

триста двадцать пять золотых, я, Мнесимах, и мои потомки немедленно отдадим храму Артемиды».

Кроме надписей Лаодики и Мнесимаха, Ростовцев ссылается еще на надпись из Зелеи, впервые опубликованную Келером (AM, IX, 1884, стр. 58 сл.). Здесь в числе прочих даров город дает некоему Клеандру λεὼν αὔτοικον. Строчка, где находятся эти два загадочных слова, испорчена; по общему контексту надписи в целом здесь требуется слово πολιτείαν, так как цель декрета завербовать новых граждан путем дарования им πολιτεία. Поэтому издатель вместо λεὼν αὔτοικον дал единственное требуемое смыслом чтение: [πολιτείαν καὶ ἀ]τέλειαν. Издатели надписи в SGDI (№ 5533) также считают чтение λεὼν αὔτοικον непонятным. По ряду соображений очевидно, что эта надпись к интересующему нас вопросу не имеет отношения[86]. Но что касается надписей Лаодики и Мнесимаха, то хотя эти документы единичны и не касаются основной массы сельского населения Малой Азии, они кажутся настолько выразительными, что на этом основании «крепостничество» и «феодализм» в эллинистической Малой Азии не вызывает в буржуазной литературе почти никаких сомнений. В самом деле, вместе с землей продаются и крестьяне («надпись Лаодики»), которые платят оброк и обязаны барщиной (φόρος ἀργυρικὸς καὶ λητουργικός в надписи Мнесимаха). Все это, однако, принимает другой

[86] Подробно см. мою статью «Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии», ВДИ, № 2, 1947, стр. 34 сл.

вид, если, во-первых, принять во внимание все обстоятельства дела и, во-вторых, рассмотреть рисуемое в этих надписях положение вещей не статически, а в движении, выяснить, откуда эти явления возникли и куда вели.

Действительно ли продаются λαοί вместе с землей? Каково их правовое положение? Каковы их права на землю, которую они обрабатывают?

В надписи Лаодики в акт продажи включаются и крестьяне, но они принадлежат не царю, а селениям: τοὺς ὑπάρχοντας αὐτοῖς λαούς; λαοί, таким образом, неотделимы от своей сельской общины, чье владение землей неоспоримо, и это скорее ограничивает, чем расширяет право собственности покупателя земли. Естественно, что в донесении гипарха о передаче эконому Лаодики проданного ей имения перечисляются ἥ τε κώμη καὶ ἡ βᾶρις καὶ ἡ προσοῦσα χώρα, но не λαοί и их имущество. В надписи Мнесимаха λαοί в качестве составной части имения не упоминаются; а в той части надписи, где речь идет о санкциях в случае нарушения Мнесимахом договора, названы только «селения, клеры, участки и рабы». В относящейся к тому же периоду (около 275 г.) надписи Антиоха I о дарении земли Аристодикиду о λαοί идет речь только по случайному поводу: «если же царские λαοί того района, где расположена Петра, пожелают ради безопасности жить в Петре, мы предписали Аристодикиду позволить им жить там» (RC 11, строки 22–25).

Далее, что особенно важно, и Антиох I при дарении земли

Аристодикиду и Антиох II при «продаже» Лаодике предусматривают как само собой разумеющееся, что новые владельцы земли присоединят ее к территории одного из ближайших полисов, и лишь в виде привилегии предоставляют им право самим выбрать себе полис. Но присоединение земли к полису означает переход земли, ее владельцев и трудящихся на ней в новый статус, существующий в греческих полисах. Включение царской земли в состав территории полиса, вероятно, не во всех случаях влекло за собой немедленное радикальное изменение положения крестьян. Но в дальнейшем оно было неизбежно; при этом часть земледельцев оставалась в своих селениях и обязана была платить городу φόρος за свою землю, как это делали фригийцы в Зелее (Syll.^{2} 154); поселившиеся в городе назывались πάροικοι – термин, часто встречающийся в надписях[87]; πάροικοι занимали положение, напоминающее метэков, но могли со временем приобретать права гражданства.

Таким образом, «продажа» крестьян Лаодике означает продажу не в большей степени, чем передача от одного властителя другому города или целой области со всем ее населением. Речь идет о передаче Лаодике тех доходов, которые до тех пор поступали с царской земли в казну. Александр заявляет, что внегородская земля – его, «и живущие в этих селениях вносят φόρος»; от этого своего права Антиох отказывается в пользу Лаодики. В этом отношении надпись

[87] См., в частности, RC, стр. 354.

Мнесимаха прекрасно дополняет и разъясняет «надпись Лаодики». Мнесимах не получил от Антигона этой привилегии. За полученную им в дар землю вносится, как мы видели, φόρος деньгами хилиарху, т. е. в царскую казну, причем, судя по точному выражению надписи – φόρος τῶν κωμῶν (столб. 1, строка 5); φόρος вносили сами селения, продолжавшие оставаться в непосредственном подчинении царю. Мнесимах платил φόρος и за свои клеры.

О том, в чем заключались доходы частного владельца земли, кроме урожая с непосредственно им обрабатываемых участков, некоторые сведения сообщает надпись Мнесимаха. Это – φόρος ἀργυρικὸς καὶ λητουργικός – взносы деньгами и работой. Если отнести сюда же ἀγγεῖα οἰνηρά (конструкция фразы неясна), то были и натуральные поступления. В царских владениях, эксплуатировавшихся непосредственно казной, натуральный φόρος играл большую роль. В надписи Антигона о синойкизме Теоса и Лебедоса Антигон вначале не хочет разрешить закупку хлеба для переселенцев, так как «поблизости находится податная земля» (φορολογουμένη χώρα), так что если появится нужда в хлебе, оттуда, мы думаем, можно будет без труда доставить сколько угодно» (RC 3, § 10, ст. 72–94).

Мы не знаем, какой денежный доход извлекал Мнесимах из обрабатываемой λαοί земли. В том месте надписи, где перечисляются гарантии Мнесимаха, φόρος земледельцев не назван, и ни характер, ни объем его неизвестны. Что касает-

ся φόρος λητουργικός то, по-видимому, он означал работы «на дом царя», выполнение крестьянами тех трудовых повинностей, какие возлагались на принадлежавшую Мнесимаху землю, тем самым на самого Мнесимаха. Эллинистические цари переняли от своих восточных предшественников право взимать с населения дань натурой и деньгами и привлекать его к общественным работам. В письме Деметрия II к Ионатану Маккавею, которое приводится у Иосифа Флавия (Antiqu. XIII, 2, 3; ср. I кн. Макк., 10, 30; 11, 34), перечисляется ряд налогов и повинностей, которые Деметрий обещает снять с иудеев: третью часть злаков, половину древесных плодов, подушную подать; царь обещает также освободить иудеев от принудительных работ в субботние и праздничные дни и в три дня, предшествующие празднику. Отсюда, конечно, никто еще не вздумал делать вывод о том, что иудейские крестьяне были крепостными или что Иудея при Хасмонеях была страной феодальной.

Грекам положение масс народа в восточных деспотиях представлялось рабским. Но крестьяне в селевкидской Малой Азии не были ни рабами, ни крепостными. Напротив, они имели свои организации и народные собрания, выносили декреты или участвовали в вынесении декретов от имени полиса, к которому тяготели. Они были привязаны к своей ἰδία, но именно потому, что только в своей ἰδία, пережитке древней общины, они могли владеть землей. А в некоторых случаях еще в эллинистическое время существова-

ла даже общинная земельная собственность. В частности, Ростовцев (Studien…, стр. 262) цитирует надпись из Филадельфии (птолемеевское владение в Азии), где народное собрание κώμη принимает решение разделить τὸν ὑπάρχοντα αὐτοῖς ἀγρόν принадлежащее им сообща поле[88].

Термин λαοί следует переводить «мужики», «люд», «люди», как именуются непосредственные производители на земле у многих народов. Этот термин стал унизительным позднее, но в древности он не имел такого оттенка. В латинских надписях III в. н. э. в дунайских провинциях фигурируют lai consistentes: выходцы из Малой Азии продолжают на новой родине называть себя λαοί (lai)[89].

Никто не может отрицать, что λαοί или γεωργοὶ βασιλικοί были лично свободны, что в эллинистической Малой Азии не было феодальной земельной собственности и не существовало самодовлеющих феодальных поместий [90]. Основной

---

[88] Разложение общины отрывало крестьян от своей ἰδία. Из «надписи Лаодики» видно, что часть крестьян переселилась в другие места. В распоряжении Антиоха I о даровании земли Аристодикиду говорится о λαοί, проживающих вне своей ἰδία, в Петре.

[89] Е. М. Ш т а е р м а н. К вопросу о dediticii в эдикте Каракаллы, ВДИ, № 2, 1946, стр. 85.

[90] Э. Бикерман на основе анализа материала источников приходит к правильному выводу, что на территории Малой Азии, подчиненной непосредственно царю, не было частной собственности на землю, не было, очевидно, и феодальной собственности (Les institutions des Séleucides, 1938, стр. 185). И все же Бикерман не решается совершенно отказаться от взгляда на λαοί как на крепостных (стр. 178), так как исходит из ложной презумпции о феодализме при Хаммураби, в

хозяйственной единицей даже в крупных владениях остается деревня или село, κώμη. Мнесимах все время говорит о κῶμαι, κλῆρος, χωρία; надпись Лаодики – о κώμη и τόποι; надпись Антиоха относительно Аристодикида – о χωρίον. Ростовцев (SEHHW, стр. 503) как раз подчеркивает, что в основном территория Малой Азии состояла из туземных villages. Они платили за землю ренту – налог натурой и деньгами в виде десятины или по другой твердой ставке (ἐκφόριον). Крупные земельные владения принадлежали храмам, но это были исконные владения, восходящие еще к тому времени, когда сельская община группировалась вокруг своего святилища. Они дольше всех остальных противились духу времени и удержались во многих случаях и в римское время.

Таким образом, если даже не касаться основного факта, что рабовладение на древнем Востоке и в эллинистических государствах было ведущим способом производства, и оставаться только на почве аграрных отношений, приведенные документы не дают оснований говорить об элементах крепостничества или феодализма в эллинистической Малой Азии. Только ни на чем не основанная презумпция побуждает некоторых исследователей с необычайной легкостью расширять круг феодальных понятий и терминов в применении к Малой Азии. Так, Welles склонен понимать в некоторых случаях глагол ἔχω, как «держание» (RC, 11, 4–5: ἧμ

ахеменидской Персии и птолемеевском Египте.

πρότερον εἶχεν Μελέαγρος – which formerly Meleagros held), хотя сам он в аналогичном случае переводит ἣν πρότερον ἔσχεν Δημήτριος – formerly the property of Demetrios (RC, 70, 6–7). Что ἔχω не имело значения «держания», показывает хотя бы текст надписи Лаодики: лица, купившие у Лаодики землю, ἕξουσιν κυρίως, «будут владеть ею неограниченно». Еще более поразителен случай, где речь идет о каре, грозящей судье за правонарушение: ἄτιμον εἶμεν καὶ χρήματα παματοφαγεῖσται, τὸ μέρος μετὰ Γοικιατᾶν[91] – «он будет лишен прав, и имущество его конфискуется, его удел с рабами»; издатели, хотя и приводят ссылку на Гесихия, поясняющего, что οἰκιητής – ὠνητὸς δοῦλος, переводят однако serfs.

Те два документа, на которых строится буржуазная теория феодализма в эллинистической Малой Азии, подтверждают иное: на Востоке не было собственности на землю, а лишь владение ею. Самыми прочными владельцами были, с одной стороны, λαοί, но лишь поскольку они принадлежали к существовавшим некогда общинам, ныне превратившимся в большинстве случаев лишь в организационную связанность крестьян со своей ἰδία. С другой стороны, верховным владельцем земли был царь, но именно как носитель царской власти, а не лично. Этим объясняется, что Антиох, продавая землю Лаодике, приказывает, кроме регистрации сделки, вырезать ее текст на пяти каменных стелах и установить их в наиболее чтимых святилищах: это должно служить до-

[91] Recueil des inscriptions juridiques grecques, fasc. II, No XI, face B, стр. 18–20.

полнительной гарантией права Лаодики на владение землей. Как видно из земельного спора между Митиленой и Питаной (OGIS 335, строки: 133 сл., 140 сл.), акт продажи Антиохом I земли городу Питане впоследствии был подтвержден Эвменом. Мнесимах, как видно из текста надписи, предусматривает такой случай, что царь может отнять его землю. Только с македонским завоеванием появляется на Востоке античная земельная собственность, ранее существовавшая здесь только в старых греческих полисах.

Эллинизация Востока привела к изменению аграрных отношений – объективно в интересах роста рабовладельческой системы. Застав на Востоке непривычную для эллинов форму земельных отношений, эллинистические цари прежде всего стремились использовать это положение вещей в интересах своей казны, применяя при этом также свое право победителей и завоевателей. Однако переход к античным формам земельной собственности диктовался всем ходом экономического развития, означавшего на Востоке переход от примитивных форм рабства к рабовладельческой системе, целью которой является производство прибавочной стоимости. Эта объективная потребность побуждала Александра, диадохов и Селевкидов строить новые греческие города, превращать в полисы города старые, присоединять к полисам значительные территории царской земли. Несмотря на необходимость сохранять добрые отношения с могущественным жречеством, о чем говорят многочисленные ука-

зы, предоставляющие храмам разного рода привилегии, Селевкиды и Птолемеи по возможности ограничивают храмовое землевладение, хотя иной раз, в трудную минуту, им приходится вновь даровать землю храму.

Именно этот переход от восточных аграрных отношений к античным (а не освобождение крестьян от крепостной зависимости, как думает Ростовцев) характерен для селевкидской Малой Азии.

Характер этого процесса очень удачно сформулирован в случайной надписи римского времени из Поглы в Ликии. Здесь прославляется Публий Целий Лукиан, который «в годы общинного строя (κοινωνίας) решал местные судебные дела» и «давал раздачи в годы гражданственности» (πολιτείας, IGRR III, 403). Поскольку здесь речь идет о пережитках прошлого, то с полным правом можно отсюда сделать заключение к прошлому. Переход от κοινωνία к πολιτεία, от восточного к античному типу рабовладельческого общества – вот в чем заключается основная линия исторического развития аграрных отношений на эллинистическом Востоке.

Историки отмечают рост рабовладения в селевкидском царстве. Появление крупных городов и развитие городской жизни в условиях античности невозможно было без расширения рабовладельческого хозяйства. У нас нет, как и вообще для древности, статистических данных; но случайные отрывочные сведения говорят о множестве рабов и о работор-

говле. Во время торжественной процессии в Дафне при Антиохе IV его эпистолограф Дионисий выставил тысячу рабов, из которых каждый нес серебряное блюдо весом не менее 1000 драхм (Polyb., XXXI, 3, 16: Athen., V, 194 сл.). Рабский труд применялся и в земледелии; в надписи в честь Лариха, относящейся ко времени Антиоха I или Селевка I, Лариху предоставляется «свобода от обложения скота и рабов как в его собственных владениях, так и в городе» (OGIS 215). Папирусы архива Зенона содержат значительный материал о торговле рабами в Сирии, Палестине и Финикии; поскольку границы владений Птолемеев в Азии были текучи, можно с полным правом на основании этого материала делать заключение и о владениях Селевкидов. В торговле Египта с Сирией и Палестиной в правление Птолемея Филадельфа рабы занимают первое место[92]. В ряде папирусов речь идет о покупке рабов (PCZ 59003, 59010, 59015, 59011; PSI 406). Аммонитский шейх Тубиас (библейский Тобия) посылает Аполлонию в подарок четырех рабов (PCZ 59076). В одном папирусе (PCZ 59076) рассказывается об одном из агентов Аполлония, у которого задержали в Тире рабов (по-видимому, этот агент, Аполлофан, в данном случае захотел повести работорговлю за свой счет), так как он не уплатил пошлин и не имел разрешения на вывоз (ἐξαγωγή). В другом папирусе[93] речь идет о пошлинах при закупке ра-

[92] V. T s c h e r i k o w e r. Palestine under the Ptolemies, «Mizraim» v. IV–V, 1937.

[93] Там же, стр. 17.

бов для Аполлония. В папирусе PCZ 59047 сообщается о том, что греки оставили рабыню в залог до расчета с продавцами товаров. В PCZ 59010 упоминается работорговец πα]ιδασκ[ά]ριος.

Недавно опубликованный папирус содержит указ, датированный 24 годом Птолемея (II?), дающий интересные данные о работорговле и о некоторых источниках рабства в Сирии[94]. В строках 33 сл. речь идет о рабах: «если кто купил свободного туземного человека (σῶμα λαϊκὸν ἐλεύθερον) или похитил и задержал или иным путем приобрел», он должен в течение 20 дней заявить об этом и представить раба эконому гипархии под угрозой лишения раба, штрафа и уголовной ответственности. Если доказано будет, что купленные рабы – рожденные в доме (οἰκετικά), их возвращают владельцу; «рабы же, проданные на царском аукционе, если даже они заявляют себя свободными, остаются собственностью покупателей». И на будущее время запрещается покупать и принимать в заклад σώματα λαϊκὰ ἐλεύθερα за исключением тех случаев, когда управляющий Сирией и Финикией порабощает людей, по отношению к которым полагается применять взыскание с личности (ὧν ἡ πρᾶξις καθήκει καὶ ἐκ τοῦ σώματος γίνεσθαι).

Из этого декрета мы узнаем о практиковавшихся в Сирии похищении и продаже в рабство свободных, о самозакладе,

[94] H. L i e b e s n y. Ein Erlass des Königs Ptolemäus II Philadelphus über die Deklaration von Vieh und Sklaven zu Syrien und Phönikien, «Aegyptus», XVI, 1936.

т. е. о кабальном рабстве и о продаже в рабство за долги казне.

В рассеянных по разным музеям и еще целиком не опубликованных клинописных табличках из Урука (всего около 150) содержится значительное число торговых сделок, в том числе шесть актов купли и продажи рабов[95]. В найденных там же глиняных буллах (цилиндрических кольцах, куда вкладывали свернутые пергаментные и папирусные свитки) имеются буллы с надписью ἀνδραπόδων.

Группа надписей, найденных в Сузах (вошли в SEG, VII, № I сл.), содержит большое число актов отпуска на волю рабов. Все эти акты составлены в одной форме в виде посвящения отпускаемого на волю богине Нанайе, например: ἔτους αορ ἀφιέρωσεν Στράτων Σιμ[ί] ου Ναναίαι θεᾶι Καν… τὴν παιδίσκην αὐτοῦ ὡς ἐτῶν Χ ὑπέρ βασιλέως καὶ βασιλίσσης σωτηρίαν κτλ. Вследствие неправильного восстановления и толкования некоторых из этих надписей первый издатель Кюмон[96] понял их так, что речь идет о посвящении παιδίσκαι богине на 30 лет в качестве храмовых проституток. Не вызывающая сомнений реконструкция одной из этих надписей Робером[97] показала, что здесь, бесспорно, обыкновенные манумиссии. Ростовцев, (ук. соч., стр. 538),

---

[95] A. A y m a r d. Une ville de Babylonie Séleucide d'après les contrats cunéiformes, REA, XL, 1938, стр. 8.

[96] F. C u m o n t. Inscriptions grecques de Suse, CRAI, 1931, 1932, 1933.

[97] L. R o b e r t. Études d'épigraphie grecque, RPh, X, 1936, стр, 137 сл.

указывая на множество рабов в селевкидской Вавилонии, отмечает, что все манумиссии в Сузах касаются женщин; очевидно, он проглядел надпись CR, 1932, № 5 (стр. 284), где на волю отпускают Σ]κορπίωνα τὸν [ἑαυτοῦ δ]οῦλον. Кюмон[98] цитирует пальмирскую надпись, которую опубликовал Кантино и перевел: «это гробница отпущенного на волю через Шамаша».

Не совсем ясно, каково было применение рабского труда на обширных храмовых территориях, о которых наши сведения основаны главным образом на позднейших сообщениях Страбона. О знаменитом святилище Ма в Комане Каппадокийской Страбон пишет: «Там большое множество боговдохновенных (θεοφορήτων) и храмовых рабов (ἱεροδούλων). Население (οἱ ἐνοικοῦντες) – катаонцы, вообще подчиненные царю, но повинующиеся больше жрецу. Последний распоряжается храмом и храмовыми рабами, которых во время нашего пребывания там было больше шести тысяч, мужчин и женщин. К храму относится также много земли, и доходами (καρπούς) пользуется жрец, занимающий второе место в Каппадокии после царя» (XII, 2, 3). В Веназе находился храм Зевса (Агура–Мазды) с поселением (κατοικία) около трех тысяч храмовых рабов и плодородной землей, дающей жрецу годовой доход в пятнадцать талантов» (XII, 2, 5). В Кабире при храме Мена была κωμόπολις («деревня-город») Америя, «имеющая много

[98] CR, 1933, стр. 261.

иеродулов и жреческую землю, плоды которой всегда получает жрец» (XII, 3, 31). У Антиохии в Писидии было святилище Мена, «владеющее множеством иеродулов и священных участков» (XII, 8, 14). Из этих сообщений Страбона следует, что земля, принадлежавшая храму, за исключением территории самого храма, обслуживалась не рабами, а населением (οἱ ἐνοικοῦντες); они «вообще подчинены царю, но повинуются больше жрецу»; очевидно, это не рабы. Но шесть тысяч храмовых рабов в Комане вряд ли были заняты только обслуживанием храма и потребностей культа; очевидно, они работали на земле, эксплуатируемой храмами непосредственно, хозяйственным способом. Точно так же в Веназе «поселение с тремя тысячами рабов» не связано с «плодоносной землей, дающей жрецу годовой доход в 15 талантов». Если бы рабы работали именно на этой земле, Страбон так бы и писал, что храм владеет обширными землями, на которых работают три тысячи рабов. В надписи 185 г. до н. э. (RC 47) κάτοικοι (ср. Strab. XII, 2, 6 – κατοικία) храма Аполлона Тарсийского обращаются к царю с прошением об освобождении их от налога на мелкий скот (ἀτέλεια προβάτων). Это, конечно, не рабы. Но в таком случае тысячи рабов, о которых пишет Страбон, свидетельствуют о существовании, кроме земель, сдаваемых крестьянам, больших храмовых хозяйств, где работали рабы. Вероятно, и частные владельцы крупных земельных участков по примеру храмовых хозяйств широко применяли труд рабов.

О том, что, кроме храмовых рабов, на принадлежавшей храмам земле работали и свободные крестьяне, свидетельствуют документы о дарениях земли. Один из последних Антиохов (возможно, Антиох VIII), чтобы заручиться симпатиями жречества, вновь дарит храму Зевса в Бэтокаке, на южной границе Апамейской сатрапии, землю, которой некогда владел некий Деметрий. Очевидно, когда-то один из первых Селевкидов отнял землю у храма и подарил ее своему приближенному[99]; ныне царь снова дарит эту землю храму (RC 70). Таким образом, крестьяне, сидевшие на этой земле, несколько раз меняли хозяев; но, конечно, не может быть речи о том, чтобы эти земледельцы были рабами, освобожденными, затем снова порабощенными.

Вообще земля при Селевкидах не раз меняла владельцев. На клинописной табличке 139 г. Селевкидской эры (173/2 до н. э.) приводится копия более древнего текста 75 г. Селевкидской эры (237/8 г. до н. э.), сообщающего, что Антиох II подарил жене Лаодике и сыновьям Селевку и Антиоху «все, что Антиох, его отец, и Селевк, его дед… пашни собственного дворца… что на р. Евфрате… и пашни, которые… Лаодика, Селевк и Антиох отдали эти земли вавилонянам (amelu Babilaia), борсиппянам (amelu Borsippaia) и кутейцам (amelu Kutaia)». Каким-то путем земля оказалась однако во владе-

[99] Он назван в тексте εντουργωνα τῆς περὶ Ἀπάμιαν σατραπείας; значение εντουργωνα остается до сих пор загадочным.

нии храма[100]. Таким образом земля, конфискованная некогда Антиохом I и Селевком I, после ряда превращений снова становится храмовой.

Конечно, положение крестьян менялось в зависимости от перемены верховного владельца земли. Отобрав землю у храма, Селевкиды могли ее приписать к городу, подарить, продать или оставить в своем владении. Из надписи римского времени (125/6 г.) мы узнаем, что земля храма Зевса Эзанского «была поделена царями» на «участки, именуемые клерами» (IGRR IV, 571). Вероятно, тяжелее всего было положение крестьян на храмовых землях, где жрецы, помимо всего прочего, использовали еще и духовную власть над верующими. Поэтому политика Селевкидов по отношению к храмам, поскольку она способствовала переходу крестьян в более независимое положение, имела прогрессивный характер, содействуя развитию производства вместо накопления храмовых сокровищ. Конечно, когда Селевк IV, Антиох III или Антиох IV грабили храмовые сокровища, они вряд ли ставили себе какие-либо задачи по подъему производительных сил страны. Но царская казна использовала их, во всяком случае частично, на градостроительство, прокладку дорог, сооружение кораблей, на заморскую торговлю, а не пускала в рост.

Источники не позволяют дать картину развития производительных сил и подъема экономики в царстве Селевкидов.

---

[100] C. F. L e h m a n n. Noch einmal Kassû, ZAss., VII, 1892, стр. 328 сл.

Можно думать, что почти не прекращавшиеся войны подрывали производительные силы, истощали экономику страны. В Эфесе в 297 г. издается новый закон о порядке раздела заложенной земли между кредитором и должником, так как вследствие всеобщего обнищания должник не в состоянии ни выкупить свою землю из заклада, ни продать ее за отсутствием платежеспособных покупателей (Syll.^{3} 364). Об Иудее Иосиф Флавий пишет в связи с сирийскими войнами: «На долю евреев выпадало страдать одинаково как в случаях его (Антиоха III) победы, так и в случаях его поражения, так что они вполне уподоблялись тогда кораблю во время бури, когда он страдает с обеих сторон от волн: они находились, так сказать, посредине между удачами и неудачами Антиоха» (Antiqu. XII, 3, 3).

Помимо непосредственного разорения от военных действий, страна страдала от содержания войска и в мирное время. Мы не знаем, как было организовано обслуживание и снабжение войска Селевкидов. Полибий упоминает Тихона, ἀρχιγραμματεὺς τῆς δυνάμεως – первого секретаря в войске; ἀρχυπερήτης (главный интендант?) назван в надписи OGIS 754, но их функции нам неизвестны. Правительство должно было иметь какие-то склады оружия, запасы продовольствия и амуниции. Но в основном, по-видимому, войско кормилось за счет населения области, где происходили военные действия. Антиох III, захватив два города в Палестине, «верил в успех дальнейших предприятий, ибо подчиненная

этим народам область могла с легкостью снабдить все войско жизненными припасами и доставить в изобилии нужные для войны средства» (Polyb. V, 70, 5). Грабежи со стороны солдат были в древности обычным явлением. Интересно, что Антиох III, желая подтвердить неприкосновенность храма в Амизоне, обращается к «стратегам, начальникам конницы, командирам пехоты, солдатам и прочим» (RC 39).

Налоги, взимавшиеся с населения, были высоки. Мы видели, что в Иудее крестьяне платили треть от урожая злаков и половину древесных плодов (Ios., Antiqu., XIII, 2, 3) и, кроме того, подушный налог. Даже город в некоторых случаях платил десятину (RC 41, Селевкия– Траллы). Неизвестно, по какому принципу взимался φόρος, который накладывался огулом на сатрапию или область подвластного царька. В уже цитировавшемся письме Деметрия II царь освобождает иудеев также от сбора «на венец» (στέφανος), который сохранился под названием aurum coronarium и в римское время, и налог соляной (ἁλική). Об этом же налоге говорят и буллы из Урука, среди которых есть и ἁλική, наряду с налогами на владение рабами (или, может быть, на продажу рабов) – ἀνδραπόδων, на плавание по Евфрату (πλοίων Εὐφράτον), на торговые сделки (ἐπώνιον). Этими случайными данными не исчерпываются, конечно, взимавшиеся с населения подати, налоги и пошлины. Тяжелым бременем были постои, практиковавшиеся во всяком случае в последний период правления Селевкидов (RC 70).

Все эти тяготы, хотя и не были чем-то новым, но ложились почти целиком на низшие слои населения, разоряя бедноту, обогащая богатых, углубляя классовые противоречия. Но на первых порах то новое, что принесло с собой образование державы Александра и диадохов, а затем монархии Селевкидов, должно было содействовать росту производительных сил. Об этом говорит прежде всего быстрый рост новых городов, население которых исчислялось сотнями тысяч людей (Селевкия на Тигре, Антиохия и др.). Вовлечение масс местного населения в городскую жизнь, изменение положения значительной части сельского населения благодаря включению больших земельных площадей в состав полисов, введение вместе с появлением греков в Азии греческих обычаев и учреждений (гимнасии, игры, школы) – все это должно было вызывать новые потребности и стимулировать производство. Длительные войны с Птолемеями заставляли Селевкидов создавать новые торговые пути с Востоком, направлять торговлю не в финикийские, а в сирийские порты. Когда после поражения при Магнесии Селевкиды потеряли Малую Азию, они использовали находившиеся прежде во власти Птолемеев владения в Сирии и Палестине, чтобы организовать восточную торговлю через порты этих стран. Чтобы освободиться от опасных и дорогостоивших услуг набатеев, они организовали северный путь на восток через Эдессу и оттуда через пустыню к Вавилонии[101].

[101] SEHHW, стр. 696/7, 865/6.

После потери Малой Азии города Сирии и Финикии усиливают связи с Западом – Делосом (Берит) и непосредственно с Италией (Тир). Эти новые торговые пути, по которым велась торговля предметами роскоши, вовлекали все новые области, через которые эти пути проходили, в оживленные связи между собой.

Новые потребности населения удовлетворялись на первых порах ввозом товаров, но с течением времени налаживалось местное производство их. Больше всего сведений имеется, благодаря археологическим открытиям, о керамике. Ввоз в Азию греческой керамики сменяется, в первую очередь в Малой Азии, а также в Северном Причерноморье, местным производством. Малая Азия даже сама начинает вывозить греческую керамику в Западное Причерноморье[102].

Имеются сведения о попытках акклиматизировать в селевкидском царстве индийский бальзам и пряности (Plin. XVI, 135), о введении культуры риса в Бактриане, Вавилонии и Сузиане (Strab. XV, 1, 18); какой-то новый сорт винограда, «не росшего ранее, македонцы посадили там (в Сузиане) и в Вавилонии» (Strab. XV, 3, 11). Вероятно, во время господства Птолемеев в Южной Сирии и Палестине здесь появились некоторые египетские растения, которые известны в этих местах в римское время.

Спрос на разнообразные ткани стимулировал производство шерсти в Малой Азии и льняных тканей в Вавилонии.

---

[102] SEHHW, стр. 533, 1444.

Но понятно, что технический прогресс не мог быть заметным, так как расширение сферы применения рабского труда препятствовало росту ремесленной и сельскохозяйственной техники, рост торговли неизбежно лишь воспроизводил рабовладельческий способ производства.

Страбон еще для своего времени рисует Сирию и другие бывшие владения Селевкидов как находящиеся в цветущем состоянии, благодаря прежде всего богатым естественным ресурсам. Но этот расцвет и внешний блеск городов были лишь фасадом, за которым скрывались обострявшиеся классовые противоречия. Ростовцев умиляется крупными состояниями отдельных лиц вроде уже упоминавшегося Дионисия, эпистолографа Антиоха IV, или верховного сановника Антиоха III, Гермия, который брался за свой счет уплачивать жалованье всем войскам (Polyb. V, 50, 2). Говоря о богатстве Пергама, Ростовцев с деланной наивностью замечает, что «трудящиеся классы, по всей вероятности, получали весьма скромную долю в богатстве Пергама» (ук. соч., стр. 1158). Но мощное движение рабов под предводительством Аристоника в 133 г. показывает, какой остроты достигли противоречия между рабовладельцами и рабами в Азии. Мы видели, что уже с начала II в. обостряется классовая борьба в Иудее, не прекращающаяся в течение столетий; наивысшего напряжения она достигла впоследствии во время иудейской войны против Рима. Острая классовая борьба проявилась и в период войн Митридата против римско-

го господства. Ряд возникших в период Селевкидов социальных утопий, эсхатологических и мессианистских учений, пророчеств, апокалиптических «видений», был искаженным идеологическим отражением борьбы и социальных чаяний масс. Вообще в эллинистический период впервые классовая борьба рабов и примыкающих к ним эксплуатируемых свободных бедняков получает широкий размах, отчетливые организационные формы и некоторое, нам пока неясное, идеологическое оформление.

В царстве Селевкидов проявились особенно четко характерные черты эллинистического общества; но ни одно из достижений этого общества не получило и не могло получить законченного развития. Здесь, несмотря на объективную потребность и на сознательные усилия правителей, не было достигнуто ни единство государства, ни единство народа и его экономики, ни даже единство культуры. А достигнутый некоторый подъем рабовладельческого хозяйства имел своим неизбежным результатом углубление общественных противоречий, которые не могли быть преодолены. Поэтому распад Селевкидского царства был исторической необходимостью; и естественно, что не только выделившееся из селевкидской монархии Пергамское царство или богатый Родос очень рано вошли в фарватер римской политики, но и господствующий класс в городах Малой Азии, как это обнаружилось, в частности, во время Митридатовых войн, взял ориентацию на новую силу, долженствовавшую поддержать

и укрепить рабовладельческое общество – Рим.

Все же период существования селевкидской монархии отнюдь не был бесплодным. Когда говорят об эллинистической культуре, то прежде всего при этом на мысль приходит именно селевкидское царство и его периферия, оставившие неизгладимый след на дальнейшей истории Востока вплоть до историй народов Средней Азии. Возникшие и выросшие здесь торговые города с развитым ремеслом оказались наиболее устойчивыми элементами Римской империи, которые пережили ее и составили главную экономическую базу Византийского государства. В истории рабовладельческого общества история царства Селевкидов – важный этап.

Глава V
Эллинистический Египет

Если Селевкидов можно считать прямыми продолжателями политики Александра и диадохов, а их царство – наиболее типичной эллинистической страной, то птолемеевский Египет обнаруживает ряд своеобразных черт и представляет особый вариант эллинистического государства, в котором многие элементы, характерные для эллинизма, не получили достаточного развития. Хотя государство Птолемеев владело в течение ста с лишком лет громадными территориями в Азии и в Европе, хотя в течение III в. Птолемеи не оставляли мысли о создании под своим началом крупной средиземноморской державы, все же основой этого государства служила долина Нила – страна, имевшая свою многовековую культуру, прочные традиции, веками устоявшиеся организационные формы общественной жизни. Поэтому даже до того как Птолемеи вынуждены были отказаться от великодержавной политики и замкнуться в пределах собственно Египта, они не проводили в Египте той планомерной политики эллинизации и «смешения народов», которая была унаследована от Александра Селевкидами. Характерно, что хотя Птолемеи основали вне Египта не менее 34 городов, в самом Египте они основали только один город эллинского типа – Птолема-

иду.

В отличие от селевкидской монархии, постоянно бывшей ареной войн, Египет, если не считать кратковременного и не имевшего серьезных последствий похода Антиоха IV, в течение почти трех столетий не подвергался нашествиям иноземцев.

Наконец, в Египте не было той этнической пестроты населения, которая характерна для державы Александра и царства Селевкидов.

Конечно, было бы неправильно говорить о полной изолированности Египта. Персидское господство оставило свои следы в Египте, и еще в римское время в документах встречаются Πέρσαι τῆς ἐπιγονῆς, которые, впрочем, не всегда была потомками персов. В Египте издавна существовало немалое, вероятно, еврейское население, о чем свидетельствуют, в частности, элефантинские папирусы. Начиная с XXVIII династии, в Египте все более прочные позиции занимают греки, имевшие здесь свой опорный пункт, греческий полис Навкратис. Но здесь натиску иноземцев противостоял прочный этнический массив местного населения.

Все эти особенности наложили особый отпечаток на историю эллинистического Египта. Тем ценнее для понимания существа и исторической роли эллинизма то обстоятельство, что и здесь, хотя и в своеобразной форме, проявились общие исторические закономерности, которые наблюдаются в других эллинистических странах.

История эллинистического Египта нам известна лучше, чем история царства Селевкидов. Правда, произведения древних историков этого времени далеко не обильны. У Диодора изложение истории Египта доведено только до 301 г. Для III в. до 220 г. основной источник – Юстин, излагающий Помпея Трога. С 220 г. начинается связное изложение у Полибия и затем уже у римских историков. Недостаток литературных памятников возмещается эпиграфическими памятниками и папирусами. От Египта эллинистического времени сохранилось довольно большое число надписей иероглифических, демотических и греческих, иногда один и тот же текст дан в надписи во всех этих трех видах. Такова знаменитая трехъязычная Розеттская надпись, послужившая исходным пунктом для расшифровки иероглифов. Но богаче всего представлены папирусы, содержащие самые разнообразные документы и материалы – от частных записок, квитанций, записей и кончая важными документами государственного значения. Трудно найти такую отрасль экономики, административного управления, хозяйственного быта, идеологии, которая бы так или иначе не была представлена в папирусах. Некоторые из них представляют выдающийся интерес для изучения общественной жизни, государственного устройства, хозяйства, классовой борьбы. Особую ценность представляют группы папирусов, связанных общим содержанием. Таков архив Зенона, содержащий переписку этого грека, в течение ряда лет состоявшего на службе у высшего

сановника Птолемея II и управлявшего его крупным земельным хозяйством. Уже более полутора тысяч документов этого архива опубликовано. Понятно, какое огромное количество материала по истории Египта и особенно его хозяйства дает архив Зенона. Для положения науки в капиталистических странах, где принцип частной собственности превыше всего, характерно, что архив Зенона распродан был в розницу всякого рода дельцам и рассеян теперь в 19 хранилищах; иной раз одна часть документа находится в Каире, другая в Америке; а сколько их находится еще у частных владельцев или в руках спекулянтов!

Громадное достоинство папирусов в том, что они подводят нас вплотную к повседневной жизни Египта, к самой конкретной действительности, к живым людям; они как бы уничтожают отделяющие нас от них века и позволяют заглянуть непосредственно во все уголки общественной и частной жизни. Но при всем этом своем значении папирусы, число которых стало уже совершенно необозримым, далеко не удовлетворяют всем требованиям исследования экономической и политической истории Египта. Дело в том, что, во-первых, папирусы сохранились только там, где климатические условия были для этого благоприятны – в сухих местностях на краю пустыни. В наиболее густо населенной дельте Нила папирусы не могли сохраниться. Во-вторых, папирусы чаще всего находят в мусорных остатках поселений, еще в древности покинутых населением и занесенных песком. В

городах, где жизнь не прекращалась, папирусные документы естественно уничтожались по миновании в них надобности. Поэтому в Александрии, где сосредоточено было управление государством, где сходились все нити хозяйственной жизни и где хранились ценнейшие для историков государственные архивы, папирусных находок нет. Александрийские папирусы могут быть найдены только вне Александрии, совершенно случайно. В результате папирусы дают множество очень ценных частных сведений, но суммарных данных в них нет. Мы имеем, например, ряд подробных земельных кадастров по отдельным районам, но у нас нет общего земельного кадастра по всему Египту в целом. А так как имеющиеся материалы распределяются по времени и месту крайне неравномерно, это не позволяет с уверенностью сделать общие выводы на основании частных сведений, несмотря на их обилие. В частности, большинство папирусов исходит из Фаюма, где греческое население было преобладающим; поэтому на основании этих данных трудно делать заключение об экономике и быте местного египетского населения.

Несмотря на то, что греческий язык был официальным языком Египта, масса населения сохраняла родной язык и составляла документы, пользуясь старинным египетским правом и демотическим письмом. Количество демотических папирусов довольно велико, но они пока мало изучены; ими занималось и занимается очень небольшое количество редких специалистов, к которым принадлежит наш академик В.

В. Струве.

Но понятно, что при всех этих несовершенствах папирологических источников, они несравненно богаче, чем источники по истории других эллинистических стран; они не позволяют достигнуть желаемой точности в итогах и выводах, но позволяют с достаточной степенью достоверности восстановить общую картину жизни Египта при Птолемеях и выяснить общую линию развития эллинистического Египта, установить основные закономерности этого развития.

В борьбе диадохов после смерти Александра сатрап Египта Птолемей Лаг принимал деятельное участие, но Египет, благодаря своим естественным оборонительным рубежам, оказался хорошо защищенным от нападений извне. Походы Пердикки и Антигона на Египет окончились для них неудачно. Птолемей был не просто сатрапом Египта, а одним из преемников Александра, продолжателем его политики. Не только в первое время после смерти Александра, когда еще сохранялось, хотя бы формально, единство созданного им государства, но и позднее, когда династия Александра была уничтожена и распад его монархии стал уже очевиден, речь шла для Птолемея о создании эллинистического государства, а не замкнутого, изолированного самодовлеющего Египетского царства. Именно поэтому Птолемей с самого начала своего владычества в Египте стремился завладеть важными политическими и экономическими позициями вне Египта, притом именно в эллинистическом мире. Первым завое-

ванием Птолемея была Кирена (по marmor Parium – при архонте Филокле, в 322/1 г.), которую ему, впрочем, приходилось еще не раз завоевывать вновь[103]. Только после битвы при Ипсе Кирена была окончательно присоединена к царству Птолемея. Больше ста лет владели Птолемеи Южной Сирией, Палестиной, частью Финикии. В процессе борьбы с Селевкидами за эти владения в период так называемых «сирийских войн» Птолемеи расширяли свои владения в Азии на север и на восток, хотя прочно удерживали за собой только Келесирию, включая Палестину по обе стороны Иордана. Важное значение для Египта имело обладание богатым медью Кипром. Упорно и методически Птолемей I прибирал к рукам Кипр, распадавшийся на девять маленьких государств. Поражение, нанесенное Птолемею Деметрием Полиоркетом при Саламине в 306 г., временно лишило его власти также над Кипром, но с 295 г. остров окончательно включается во владения Птолемеев вплоть до 58 г. до н. э., когда Кипром завладел Рим. С 308 г. Птолемей становится гегемоном созданной Антигоном островной лиги – союза Кикладских островов. Отдельные города Малой Азии и материковой Греции тоже более или менее длительное время находились во власти Птолемея.

Но независимо от того, каковы были владения Птолемея I вне Египта, он активно участвовал в борьбе диадохов, не довольствуясь своей ролью сначала сатрапа, а затем царя Егип-

[103] См. С. А. Ж е б е л е в. Киренская конституция, ДАН, № 5, 1929, стр. 77 сл.

та. Птолемей оказал особенно существенную помощь Родосу во время осады его Деметрием и, по сообщению Павсания (I, 8, 6), именно за «спасение» Родоса Птолемей получил прозвище Сотер («спаситель»).

Политику расширения царства продолжали и преемники Птолемея I. В надписи из Адулиса в честь Птолемея III Эвергета говорится, что он унаследовал от своего отца «Царство Египта, Ливию, Сирию, Финикию, Кипр, Ликию, Кикладские острова, совершил поход в Азию… овладел всей землей по сю сторону Евфрата, Киликией, Памфилией, Ионией, Геллеспонтом, Фракией… подчинил в этих местах всех властителей (μονάρχους), перешел Евфрат и покорил Месопотамию, Вавилонию, Сузиану, Персиду, Мидию и всю остальную страну до Бактрианы…» (OGIS 54). Те же примерно владения, кроме восточноазиатских, называет и Феокрит (XVII, 86 сл.) для 272/1 г.

Полибий, противопоставляя Птолемея IV Филопатора его предшественникам, подчеркивает, что последние обращали на внеегипетские дела «не только не меньше, скорее больше внимания, чем на управление Египтом. Потому-то они угрожали царям Сирии с суши и с моря, ибо владели Келесирией и Кипром. Они зорко следили за владыками Азии, а равно за островами, ибо господствовали над важнейшими городами, областями и гаванями на всем морском побережье от Памфилии до Геллеспонта и до области Лисимахии. Они же наблюдали над делами Фракии и Македонии, так как во власти

их были Энос, Маронея и города далее лежащие. Таким образом, предшественники Птолемея далеко простирали свои руки и издалека ограждали себя этими владениями, поэтому им нечего было страшиться за власть над Египтом» (V, 34, 5–9). Полибий, таким образом, видит во внешней политике первых Птолемеев лишь средство обезопасить Египет от внешних врагов. Однако то немногое, что известно о деятельности Птолемея Сотера, позволяет заключать, что Птолемей I не был просто властителем Египта. Он, как и Антигон и Селевк, в своей великодержавной политике был продолжателем дела Александра.

Общая политика первых Птолемеев является предметом нескончаемых споров. Ряд историков, основываясь на мимолетном замечании Диодора, что Птолемеи рассматривали Египет как завоеванную силой оружия страну (δορύκτητος), полагают, что Птолемеи соответственно строили свою политику, не считаясь с местным населением и во вред ему. Другие, напротив, считают, что Птолемеи руководились интересами народа. Одни историки считают, что первые Птолемеи стремились создать, используя богатства Египта, сильную средиземноморскую державу; другие видят только внутреннюю политику Птолемеев в Египте, для которых их внешняя политика была лишь подспорьем. Ростовцев, характеризуя эллинистические государства, в том числе Египет, в период «равновесия сил» (III в.) как некое новое экономическое единство, как новый этап в истории античности, запу-

тался в вопросе о внешней политике Птолемеев. В статье в JEA (VI, 1920) Ростовцев подчеркивает, что у первых Птолемеев не было «империалистических» устремлений. Через два года, однако, он изменил несколько свою точку зрения, заявив, что «первые Птолемеи не имели намерения создать мировую державу; тем не менее Филадельф, а за ним Эвергет вели империалистическую политику с целью добиться гегемонии на море, что, конечно, было жизненным вопросом для Египта»[104]. В других своих трудах (в CAH VII и SEHHW) Ростовцев рассматривает политику Птолемеев только с точки зрения их интересов как властителей Египта.

Неустойчивость взглядов Ростовцева в вопросе об «империализме» Птолемеев, как и устойчивость Жуге в вопросе о македонском «империализме», вызывается методологически порочным применением современных политических понятий к условиям античности. Если искать современный империализм в истории эллинизма, нельзя будет найти правильное объяснение политики эллинистических монархий. Она может быть понята только, если исходить из правильно понятых социально-экономических причин, приведших к возникновению эллинистических монархий. Те же причины, которые толкнули Александра на завоевание Востока и вызвали сорокалетнюю борьбу диадохов, направляли и внешнюю политику Селевка, Антиоха I, Птолемея Лага, Антиго-

[104] M. R o s t o v t z e f f. A large Estate in Egypt in the third Century B. C. Madison, 1922, стр. 22, прим. 33.

на Гоната, даже Пирра и Агафокла, стремившихся к созданию возможно более обширной державы на прочной экономической базе. Результаты их более или менее сознательных усилий в этом направлении были различны, так как различны были конкретные условия, в которых эти державы созидались. Так, Селевкидам приходилось сплачивать и цементировать свою державу из слишком разнородных элементов, которых даже систематическая эллинизация не могла слить в один народ или хотя бы внешне объединить вокруг единой центральной власти. В Египте Птолемеи нашли страну с многомиллионным населением, которое в течение тысячелетий имело общую историческую судьбу и общую культуру. Египет мог поэтому стать прочным ядром державы Птолемеев, тогда как Селевкидам приходилось его создавать; Σελευκίς – четыре сатрапии, группировавшиеся вокруг Антиохии на Оронте, будучи важнейшим средоточием эллинизма в Азии, не могли стать устойчивым центром притяжения для всего царства Селевкидов. По-разному протекала и социальная борьба, по-разному развивались классовые противоречия в царствах Селевкидов и Птолемеев. Поэтому и внутренняя и внешняя политика их протекала в различных формах, но их начальный пункт был в основном один. Все эллинистические монархии возникли из державы Александра и так или иначе продолжали его дело в новых условиях и применительно к этим условиям. Политическая, в частности, внешнеполитическая история эллинистических госу-

дарств – это история конкретных форм их политического развития и упадка, в совокупности своей и взаимосвязи составляющих политическую историю эллинизма в целом.

Нет смысла ставить вопрос о том, стремились ли Птолемеи к созданию великой державы: они фактически создали великую державу, владевшую громадными территориями в трех частях света, обладавшую, во всяком случае до битвы при Косе, бесспорным морским могуществом в восточной части Средиземноморья, контролировавшую важнейшие морские и караванные пути торговли с Востоком, внесшую громадный вклад в эллинистическую культуру, сумевшую в течение ста лет не только удержать, но временами и расширять размеры подчиненных ей территорий.

Те немногие данные, какие имеются о деятельности Птолемея Сотера, показывают, что эта деятельность шла в направлении, указанном общими требованиями перестройки хозяйственных и политических форм рабовладельческого общества. Птолемей принимает меры к расширению торговли с Востоком не только путем усиления морского могущества своего царства, но и непосредственными изысканиями новых торговых путей[105]. Будучи царем Египта и официально признанным наследником фараонов, Птолемей стремится по возможности сочетать восточные элементы своей власти с эллинскими и македонскими традициями и создать та-

[105] См. М. М. Х в о с т о в. История восточной торговли грекоримского Египта, Казань, 1907, стр. 294 сл.

ким путем новый, эллинистический тип восточной монархии. Это сказывается, в частности, в том что он в 311 г. переносит свою столицу в новый, мировой город – Александрию. Птолемей не подавляет старых египетских культов; напротив, как свидетельствует так называемая «стела сатрапа»[106], Птолемей, еще будучи сатрапом (надпись датирована VII годом царя Александра IV, уже к тому времени умершего), возвращает храму Буто участок земли, отнятый у него Ксерксом. Египетские жрецы составили для Птолемея, как и для Александра и его сыновей, египетские тронные имена. Но Птолемей создает новый культ – эллинизированного египетского божества Сараписа. Этот культ, сочетая элементы египетские и эллинские, был приемлем и для египтян и для эллинистического мира вне Египта. Культ Сараписа быстро получил широкое распространение. В Галикарнасе он засвидетельствован уже в 307 г. (OGIS 16). Никокреонт ввел его у себя на Кипре. Но и Афины ввели культ Сараписа (Paus. I, 18, 4). Сицилийский тиран Агафокл, женившись на падчерице Птолемея, Таоксене, ввел у себя почитание нового божества. Это свидетельствует о том, как далеко простирались политические связи и влияние, а также политические устремления Птолемея. Птолемей посылает в Афины не только нового бога, но и реальную помощь против осаждающего город Деметрия Полиоркета. Хотя династические

---

[106] K. S e th e. Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit, Lpz., 1904, № 9.

браки были обычным для того времени средством устанавливать личные или дружеские связи, но выдача двух дочерей жены Птолемея (Береники) за представителей далеких от Египта стран: Пирра, будущего царя Эпира, и Агафокла, сицилийского тирана, говорит вероятнее всего о широких планах Птолемея, нашедших вскоре (в 273 г.) свое выражение в непосредственных дипломатических сношениях с Римом.

И во внутреннем управлении мы находим те же черты, что и в царстве Селевкидов. Опорой власти Птолемея Сотера было его войско, состоявшее из македонян и греков и организованное по македонскому типу; наряду с этим, как и во всех эллинистических странах, в войско привлекались греческие наемники. Египтяне, не обученные по принятому в эллинистическом мире образцу, не могли служить в регулярном войске. Но доступ в войско не был для них закрыт. По сообщению Диодора (XIX, 80, 4), в битве при Газе в 312 г. в войске Птолемея находилось множество египтян не только в обозе, но и в качестве воинов. Мало того, знатный египтянин, правнук Нектанеба, занимает высокий пост в войске и именуется в надписи «генералом генералов его величества»[107].

В административном управлении высшие посты занимали, естественно, приближенные Птолемея – греки; опять-таки здесь не было какого-либо принципиального ограничения

[107] Б. А. Т у р а е в. История древнего Востока, т. II, стр. 161, 218.

прав египтян. Хотя официальным языком стал греческий, но для его усвоения нужен был срок, и лишь в результате длительного общения пришлых греко-македонцев или эллинизированных иммигрантов с местным населением греческий язык κοινή проник в официальную деловую переписку низовых учреждений.

Самым ярким выражением эллинистической политики Птолемея I была его деятельность по расширению, развитию и организации культурной жизни столицы государства – Александрии. Александрия как крупнейший центр мировой торговли и центр эллинистической культуры создалась не сразу, и нельзя провести точную границу между начинаниями Птолемея Сотера в этом направлении и мероприятиями его преемников. Все же не подлежит сомнению, что именно при Птолемее I заложено было начало важнейшим мероприятиям по устройству Александрийского порта, постройке одного из «семи чудес света» – Фаросского маяка. При нем были основаны Александрийский музей и библиотека, ставшие центром эллинистической науки. Сам Птолемей оказал неоценимую услугу исторической науке своими «Воспоминаниями», которые такой добросовестный историк, как Арриан, очень высоко ценил за точность и объективность содержащихся в них данных о походах Александра. Александрия была типичным эллинистическим городом и по составу своего населения. Филон сообщает, что в его время два из пяти кварталов города были населены преимущественно

евреями, но немало жило их и в других кварталах. Понятно, эти данные нельзя отнести на триста лет назад, ко времени Птолемея Сотера. Но они позволяют заключить, что с самого начала население Александрии было чрезвычайно пестрым по этническому составу и включало, кроме греко-македонцев, разнообразные более или менее эллинизированные элементы из разных стран. Понятно, что греко-македонский элемент проник в качестве воинов, торговцев, государственных служащих и земледельцев во все области Египта, содействуя перемешиванию населения, взаимовлиянию восточной и греческой культур и изменениям хозяйственного строя Египта. Все эти явления отчетливо сказались уже в период правления ближайших преемников Птолемея Сотера.

В глубокой старости Птолемей I сделал своим соправителем своего сына от второй жены, Береники, обойдя, таким образом, своего старшего сына от первой жены, Эвридики. Обиженный старший сын, Птолемей Керавн, отправился искать счастья при дворе Лисимаха, где сыграл роль злого гения царя; после битвы при Курупедионе он убил Селевка и, провозглашенный царем Македонии, вскоре погиб в войне с галатами. Младший сын, тоже Птолемей, впоследствии прозванный Филадельфом, унаследовал царство после Птолемея I Сотера, умершего в 283 г. После убийства Селевка в 281 г. уже не осталось в живых ни одного из соратников Александра. Птолемей II Филадельф и его соперник Антиох I принадлежат уже к эпигонам.

Таким образом, Птолемей II вступил в управление государством еще при жизни отца в 285 г., и в документах его времени счет лет ведется от этой даты. Политическая история Египта во время почти сорокалетнего правления Птолемея Филадельфа почти вовсе не освещена в источниках, зато для внутренней истории, организации хозяйства и государственных финансов и для социальных отношений в Египте в III в. мы располагаем папирусными документами выдающегося значения. Это, во-первых, так называемый «податной устав», изданный, как указано в тексте, в 27 г. правления Птолемея Филадельфа, т. е. в 259/8 г. до н. э. Громадный документ (в двух свитках общей длиной около 18 м), значительная часть которого дошла до нас в достаточной сохранности, содержит особенно подробные данные об организации сбора податей, о налоге с виноградников и садов и о масляной монополии. Еще большее значение для экономической истории Египта имеет архив Зенона, публикация которого все еще продолжается. Зенон состоял на службе в качестве доверенного лица у высшего финансового администратора, диойкета Аполлония, а затем управлял его крупным земельным владением в районе Филадельфии. Благодаря аккуратности Зенона, тщательно сохранявшего свой архив – от мелких записей до важных официальных документов и переписки, можно теперь получить представление не только о деталях организации крупного земельного хозяйства, но и ценные сведения о владениях Птолемея вне Египта

и ряд данных по административной и политической истории. Большое значение для знакомства с действовавшим в Египте III в. правом и социальными отношениями имеет P. Hall., I, содержащий так называемые δικαιώματα – выдержки из законов и распоряжений царя, составленные, по-видимому, специальным бюро в качестве справочного руководства. От времени Филадельфа сохранились и другие папирусы и надписи: греческие и иероглифические.

Период правления Филадельфа рисуется как время наивысшего процветания Египта и наибольшего его блеска, что побудило некоторых историков (например, Бивена) приравнять Филадельфа к Людовику XIV. При нем были выполнены или завершены грандиозные работы по проведению канала (начатого еще Нехо), соединяющего Нил с Красным морем, по мелиорации Фаюма, где была создана новая область – Арсиноитский ном, по сооружению Фаросского маяка, по организации Музея и Серапеума и др. При Филадельфе была создана та система управления государством и хозяйством страны, которая с теми или иными изменениями сохранилась до конца эллинистической эпохи и была воспринята затем римлянами. При Птолемее II в Александрии работали и творили Аристарх Самосский, предшественник Коперника, выдающийся филолог Зенодот, поэты Каллимах и Феокрит. Его учителем был знаменитый физик Стратон. По-видимому, в его время, хотя не по его почину, как это представляет письмо Псевдо-Аристея, был начат перевод библии на гре-

ческий язык.

Престиж Египта стоял высоко, и правительство Птолемея расширяло свои внешние связи. Во время войны между Пирром и Римом Птолемей отправляет посольство в Рим для заключения дружбы с этой новой крупной силой. В начале I Пунической войны карфагеняне, по сообщению Аппиана ([Hist. Rom., V,] Sicel. I) обращаются к Птолемею с просьбой о займе в 2000 талантов. Птолемей отклонил эту просьбу, ссылаясь на дружбу с обеими воюющими сторонами, но предложил им свое посредничество. В 253 г. в Египет прибывает посольство из далекого Боспора от царя Перисада II. Об этом мы узнаем из ставшего известным благодаря архиву Зенона письма диойкета Аполлония: «Аполлоний Зенону привет! Как только прочтешь это письмо, отошли в Птолемаиду повозки и остальное нужное для поездки послам от Перисада и феорам из Аргоса, которых отправил царь на зрелище в Арсиноитском номе, и позаботься не опоздать с выполнением, так как, когда мы писали тебе это письмо, они успели уже отплыть. Будь здоров. Лета 32, панэма 26-го, месоре 1-го»[108]. Повидимому, целью посольства были переговоры о хлебной торговле, в которой теперь Египет выступил серьезным конкурентом Боспора.

Что касается военных мероприятий Птолемея Филадель-

---

[108] Symb. Osl., V, 1927, 33 сл.; Б. Н. Г р а к о в. Материалы по истории Скифии в греческих надписях, ВДИ, № 3, 1939, стр. 260 сл.; С. А. Ж е б е л е в. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, ВДИ, № 3, 1938, стр. 50 сл.

фа, то здесь у него успехов не было. Две сирийские войны, как мы видели выше, не принесли победы ни той, ни другой стороне. Вторая сирийская война закончилась миром, который был закреплен браком между Антиохом II и дочерью Птолемея Береникой. Птолемей вмешался в так называемую Хремонидову войну – восстание греков во главе с Афинами и Спартой против Македонии. Однако он обманул ожидания союзников, рассчитывавших на его морское могущество. Флот Птолемея под командованием Патрокла ограничился морскими демонстрациями. Афины вынуждены были капитулировать в 261 г. Тогда Птолемей предоставил у себя убежище Хремониду и его брату Главкону. По-видимому, слабость, проявленная правительством Птолемея в Хремонидовой войне, дала повод македонскому царю начать борьбу против Египта, приведшую к поражению египетского флота при Косе. Это поражение нанесло тяжелый удар морскому могуществу Египта, хотя в приведенной выше надписи из Адулиса Киклады числятся во владениях Птолемея III. Впрочем, при преемниках Птолемея II Египет постепенно отходит от великодержавной политики.

Правление Птолемея II характеризуется явлением, ставшим затем типичным для Египта, – значительной ролью цариц в делах государства. Птолемей был женат на Арсиное (I), дочери диадоха Лисимаха. Но через несколько лет, когда у него было уже от нее трое детей, Птолемей отстранил ее и женился на своей родной сестре, тоже Арсиное (II), бывшей ра-

нее замужем за Лисимахом, затем обручившейся с Птолемеем Керавном; Птолемей Керавн использовал этот брак, чтобы завладеть Лисимахией, но убил сына Арсинои, как возможного претендента на наследство отца. Арсиноя бежала из Македонии и в конце концов вернулась в Египет. Здесь она сумела навлечь опалу на царицу Арсиною I и сама сочеталась браком – уже в сорокалетием возрасте – со своим братом. Эта властная женщина фактически руководила государством. Ее титул Φιλάδελφος («братолюбивая») впоследствии был перенесен и на самого Птолемея, вместе с которым она была обожествлена как θεοὶ ἀδελφοί. Жрецы, сочинили ей тронное имя. Ее изображение чеканилось на монетах не только вместе с портретом Птолемея, но и отдельно. Во многих поселениях и городах в Египте и вне его найдены вотивные надписи в честь Арсинои. По ее имени назван ряд поселений в Египте и сам Арсиноитский ном. После смерти Арсинои в 269 г. ей был учрежден особенно пышный культ. Соучастие царицы в управлении и ее обожествление стало затем обычным явлением.

Существенных изменений не произошло во внешней и внутренней политике Египта при преемнике Птолемея II Филадельфа, его сыне от Арсинои I (усыновленном Арсиноей II) Птолемее III Эвергете (246–221 гг.). Начало его правления ознаменовано третьей сирийской войной, или «войной Лаодики»; в предыдущей главе рассказаны основные факты и результаты этой войны. Птолемей, лично участ-

вовавший в походе, одержал ряд побед в Сирии и Малой Азии и углубился далеко на Восток, за Евфрат. По-видимому, успехи Птолемея внушили тревогу другим средиземноморским государствам, и даже дружественный Египту Родос начал военные приготовления. Вероятно, опасаясь угрозы большой войны, Птолемей с огромной добычей, но не использовав в полной мере плодов своей победы, вернулся в Египет. Юстин (XXVII, I, 9) пишет, что Птолемей «захватил бы все царство Селевка, если бы не был отозван в Египет внутренним мятежом (domestica seditione); о том же пишет Иероним в комментарии к гл. XI кн. Даниила. Но никаких других данных об этом восстании в Египте нет. Канопский декрет в честь Птолемея отмечает, что он сохранил мир в стране, воюя за нее со многими народами, и дал всему населению Египта и других подчиненных Птолемею областей хорошее управление (εὐνομίαν). Но здесь же говорится о катастрофическом неурожае, охватившем весь Египет и побудившем царя потратить немалые деньги на ввоз хлеба из Сирии, Финикии, Кипра и других мест. Возможно, что с этим народным бедствием была связана domestica seditio, о которой пишет Юстин, и что сам факт издания декрета связан с этим мятежом.

Подобно своему предшественнику, Эвергет следил за событиями в Македонии и Греции, но активных действий не предпринимал, пытаясь сохранить дружественные отношения и с Ахейским союзом и с его противником – спартан-

ским царем Клеоменом, совершившим революционный переворот в Спарте. Одновременно правительство Птолемея вело переговоры с Македонией (Plut., Cleom. 22). Как и Филадельф в Хремонидовой войне, Эвергет, обещав Клеомену помощь и получив даже от него по этому случаю заложников, оставил его на произвол судьбы; но после поражения Клеомена при Селласии он предоставил ему у себя убежище, оказавшееся роковым.

* * *

От смерти Александра Македонского до смерти Птолемея Эвергета прошло сто лет. За это время царство Птолемеев сконструировалось как эллинистическое государство, пережило период политического могущества и экономического подъема, внесло существенные изменения в структуру общества, развило новую, эллинистическую культуру. Но все эти черты, характеризующие первый этап истории всего эллинистического мира, приняли особый характер вследствие своеобразия Египта, его предшествующей истории, экономики, социального строя.

Мы очень мало осведомлены о внеегипетских владениях Птолемеев. То немногое, что сообщают наши скудные источники, позволяет думать, что вне Египта правительство Птолемеев не проводило политики строгой централизации власти и единства административного управления. Птоле-

меи основали в азиатских владениях несколько десятков полисов, но большей частью это были лишь преобразования ранее существовавших городов. Так, старый город Акко был переименован в Птолемаиду, Раббат-Аммон – в Филадельфию. То обстоятельство, что эти новые названия впоследствии были забыты (Филадельфия и ныне называется по-старому Амман, Птолемаида – Акра), говорит о том, что проникновение Птолемеев в города Сирии и Финикии не затронуло основ старых городских центров. Греческие города во владениях Птолемеев сохраняли свою прежнюю конституцию, которая проводилась в жизнь более или менее последовательно, в зависимости от значения и силы данного полиса. В письме к Милету в 262/1 г. (RC 14) Птолемей Филадельф проявляет чрезвычайную любезность и предупредительность, хвалит город за верность и дружбу, обещает ему защиту и заканчивает письмо передаваемым через Гегестрата сердечным приветом (ἀσπάσασθαι παρ' ἡμῶν). Но с незначительными городами птолемеевское правительство мало церемонилось. Из декрета города Телмесса в Ликии (OGIS 55), мы узнаем, что птолемеевский правитель (по имени Птолемей; вероятно, родственник царя), учитывая, что город сильно обеднел в результате последней сирийской войны, освободил телмессцев от подати с древесных плодов и за выпас скота, а налог со злаков и прочих плодов свел, согласно закону (κατὰ τὸν νόμον), к десятине. На о. Фере по распоряжению Птолемея Эвергета ряд земельных участ-

ков, конфискованных экономом, передается в распоряжение местного гарнизона, чтобы солдаты имели средства на жертвоприношения (OGIS 59). Самос выносит почетный декрет в честь Стратона, посланного птолемеевским правительством для получения денежных сумм, вносимых в качестве залога тяжущимися (OGIS 41). На Феру Птолемей назначает уполномоченного (ἐπιστάτης) и присылает судей, разбирающих местные судебные дела (OGIS 44).

По-видимому, не было единства и в номенклатуре должностей, представлявших интересы центрального правительства; в надписях встречаются гипарх, эпистат, стратег. Хозяйственные функции принадлежали эконому.

Вероятно, представителям центральной власти приходилось все же считаться с местным самоуправлением; во внеегипетских владениях Птолемеев не было такой разветвленной бюрократии, вникавшей во все мелочи жизни, как в Египте. Один из зеноновских папирусов (PCZ 59341a) приводит в этом отношении интересный эпизод. Некий Феопроп из г. Калинды (юго-запад Малой Азии) предъявил городу иск за израсходованные им деньги на вино для празднества. Но для этого чрезвычайного расхода (250 драхм), не предусмотренного сметой, требовалось специальное обложение населения. Феопроп апеллировал к стратегу и эконому, которые поддерживали требование истца, но казначей города настаивал на необходимости специального постановления совета по этому вопросу. Притан и секретарь совета не торопились,

однако, поставить вопрос на обсуждение и всячески оттягивали дело. И вот Феопроп и казначей специально едут в Александрию к самому диойкету с ходатайством, чтобы он воздействовал на городские власти по такому ничтожному делу.

Понятно, когда речь идет об интересах птолемеевского правительства, его представители достаточно решительны, и сопротивление им невозможно. В той же Калинде солдаты реквизируют квартиры и фураж, не считаясь с льготными грамотами и предлагая обиженному гражданину обратиться к своему совету и народному собранию (βουλὴ καὶ δῆμος). И вот он обращается к приятелю за протекцией к Зенону, чтобы тот в свою очередь замолвил за него словечко перед диойкетом Аполлонием (P. Mich. Zen. 23).

Птолемеи не стремились создать свой аппарат для непосредственного управления внеегипетскими владениями, предпочитая использовать местные учреждения и действовать через них. При непрочности внеегипетских владений Птолемеев, что зависело от военных удач и неудач, что-либо иное было бы вряд ли возможно. Во всяком случае мы знаем, что Палестина при Птолемеях продолжала управляться по-прежнему первосвященниками, которые вносили полагающуюся с области подать. Из рассказа Иосифа Флавия о Тобиадах (Anliqu. XII, 4), несмотря на содержащиеся в нем романтические, даже сказочные подробности, можно заключить, чти при Птолемее Эвергете подати с Иудеи были сда-

ны на откуп Иосифу Тобиаду. В Александрии происходили торги на сдачу в откуп податей со всей Келесирии, Финикии, Иудеи и Самарии. Иосиф предложил вместо 8000 двойную сумму – 16 000 талантов, не считая штрафов за оскорбление величества. Для взыскания этих податей Иосиф имел в своем распоряжении вооруженную силу.

Конечно, даже без самостоятельного разветвленного податного аппарата вне Египта правительство Птолемеев контролировало – через экономов или через специально командируемых уполномоченных (Ios., Antiqu. XII, 4, 1) – правильность огульной суммы налогов и податей, поступавших из той или иной местности. Так, диойкет запрашивает у эконома Ликии данные о ввозе вина в Ликию в течение года, чтобы установить, соответствует ли взысканная в качестве διαπύλιον (ввозная пошлина) сумма 2 таланта 1366 драхм действительно ввезенному количеству вина (P. Tebt. 8).

Обеспечив поступление своих доходов, птолемеевское правительство предоставляло городам и автономным областям в азиатских владениях взыскивать в свою пользу всякого рода сборы и налоги. Первосвященники храма Ягве производили по-прежнему поборы с населения Иудеи. В полисах были казначеи, ведавшие городскими доходами и расходами. В Галикарнасе для постройки портика город заключает заем под залог своих доходов, в числе которых значится 2%-ный налог (πεντηκοστή), γραφεῖον (регистрационный сбор) и ὅρκων (с заверенных клятвой актов) (OGIS 46).

Так же как иерусалимские первосвященники, автономией во внутренних делах и даже полунезависимостью пользовались, надо полагать, и другие храмовые территории, мелкие династы и шейхи арабских племен. В зеноновом архиве сохранились документы, касающиеся Тобиаса, правителя аммонитской области в Заиорданье. Это – несомненно, потомок аммонитянина Тобии, неоднократно упоминаемого в библейской книге Нехемии. Тобия, хотя и состоит на службе Филадельфа в качестве командира конного отряда, чувствует себя довольно независимо по отношению к Птолемею. Так, он пишет Птолемею (PCZ 59013) как равный равному, без пышной титулатуры, без каких-либо выражений раболепия.

Вообще в своих внеегипетских владениях Птолемеи, повидимому, старались, поскольку это не задевало их военных и фискальных интересов, не вмешиваться во внутренние дела и сохранять с местными властями доброжелательные отношения. Ничего невероятного нет в сообщении Иосифа Флавия (contra Ap. II, 5), что, возвращаясь с сирийского похода, Птолемей Эвергет принес в Иерусалиме благодарственную жертву Ягве и одарил его храм.

Большое значение в системе птолемеевского царства имела Кирена, богатая плодородная страна[109], покоренная Птолемеем I еще в бытность его сатрапом[110]. Кирена не раз вос-

[109] См. С. А. Жебелев. Плодородие Кирены, ДАН СССР, № 5, 1929, стр. 97 сл.
[110] См. выше, стр. 188–189.

ставала против Египта. Восстание Магаса, правителя Кирены еще со времен Птолемея I, и его война в союзе с Антиохом I против Птолемея Филадельфа привели к признанию независимости Кирены, над которой лишь номинально сохранялся суверенитет Египта. Только после смерти Магаса, в течение полувека правившего в Кирене сначала в качестве представителя Птолемеев, а затем уже царя, Кирена вновь была присоединена к Египту в результате бракосочетания Птолемея Эвергета с дочерью Магаса, Береникой. Но в системе птолемеевского царства Кирена имела свое κοινόν, свою автономию.

Хотя Птолемеи мало вмешивались во внутреннюю жизнь своих владений в Азии, однако включение этих областей в состав эллинистического государства внесло изменения в их экономику и в строй жизни. Создание эллинистических полисов содействовало вовлечению и окружающего населения в более высокие формы городской жизни. Появление эллинистических городов в Палестине привело к тому, что в консервативной иудейской иерократии появились тенденции к выходу из того состояния изолированности и замкнутости, которое диктовалось библейским «законом». К моменту завоевания Палестины Антиохом III здесь уже были «эллинисты» из среды господствующего класса. Торговля азиатских владений Птолемеев с Египтом, о которой мы получаем случайные сведения из архива Зенона, возросла; оживленные сношения с городами Келесирии, Палестины, Малой Азии,

надо полагать, содействовали росту производства, сближению разноплеменного населения азиатских областей, переселению множества жителей Азии в Египет, где документы свидетельствуют о большом количестве в частности иудеев не только в Александрии, но и в провинции (χώρα). Диойкет Аполлоний владел имением (κτῆμα) в Бет-Анат в Палестине; вряд ли он был единственным таким владельцем. А ведь, судя по земельному владению Аполлония в Египте, он вел дела в крупном масштабе. Выше были приведены данные Зенонова архива, свидетельствующие о работорговле в Сирии и Палестине, в которой деятельное участие принимали Аполлоний и его агенты. Можно считать, что включение ряда азиатских областей в состав государства Птолемеев влияло на экономику и социальные отношения в таком же направлении, хотя и не с такой, может быть, силой, как это было в царстве Селевкидов.

Если вне Египта Птолемеи опирались на местные органы власти, контролируемые представителями правительства, и на военные гарнизоны, то в самом Египте они создали доведенную до пределов систему бюрократии, охватившую не только функции административного управления страной, но и регулировавшую хозяйственную жизнь Египта в интересах господствующего класса. Государство, как аппарат насилия над трудящимися, в эллинистическом Египте было организовано с беспримерной последовательностью и беспощадностью; его «внутренняя (главная) функция – держать экс-

плуатируемое большинство в узде» проявилась особенно ясно и четко. Споры в буржуазной научной литературе по вопросу о том, была ли политика Птолемеев в Египте политикой «расовой» или «царской», был ли Египет государством греко-македонским или общеегипетским, споры по вопросу о взаимоотношении между эллинами и египтянами вызываются тем, что государство рассматривается в этой литературе как надклассовая или внеклассовая организация, и потому социальная и экономическая история эллинистического Египта берется преимущественно с точки зрения династической, «национальной», религиозной и упускается из виду его классовая основа. Конечно, субъективно Птолемеи могли руководиться личными честолюбивыми планами, интересами династии, семейными интригами; жречество, имевшее могущественное влияние на умы верующих, могло играть и играло не раз значительную роль в социальной жизни Египта; многоплеменное пришлое население нелегко смешивалось с местными жителями, резко отличавшимися по языку, религии, быту. Но в конечном счете все эти случайные моменты определяли преимущественно лишь формы общественной жизни и исторической борьбы; основу ее составляли экономические, т. е. классовые, отношения.

Установление эллинистической монархии в Египте не встретило сопротивления в стране, где деспотия была исконной формой правления. Но царство Птолемеев не было простым продолжением монархии фараонов; оно возникло в ре-

зультате потребности в создании более широких экономических связей между странами Восточного Средиземноморья, и здесь также произошло не только слияние греко-македонских и египетских элементов – этнических и культурных, но и возникли новые формы экономической жизни, приведшие к все нарастающему обострению классовых противоречий. Царство Птолемеев – эллинистическое государство. Задачи, поставленные Александром и диадохами, решались и здесь, хотя данные для их решения были особые.

Было вполне естественно, что ближайшие помощники Птолемеев, высшие государственные чиновники, назначались из греков и македонцев, из среды родственников и друзей царя. Но это не означало отказа от политики Александра, назначавшего на высшие посты и египтян. И при Птолемеях старая египетская знать оставалась в чести, о чем свидетельствуют оставленные ее представителями иероглифические надписи[111]. По мере того как египтяне овладевали греческой культурой, они занимали все большие места в администрации Египта. Египетское жречество не только безропотно приняло новую власть, но и освятило ее божественным авторитетом. Многие жреческие надписи, иероглифические, демотические и греческие, прославляют царей за их благодеяния жречеству, за уважение и приверженность к египетским культам, за возвращение увезенных персами египетских святынь (это стало трафаретной формулой, включаемой в сла-

[111] См. Б. А. Т у р а е в, ук. соч., т. II, стр. 218.

вословия и таких царей, которые никаких походов на азиатский Восток не совершали). Выше уже упоминалась «стела сатрапа», сообщающая о возвращении Птолемеем I храму Буто отнятой у него Ксерксом земли. В мендесской надписи жрецы славят Птолемея Филадельфа за то, что он по своем восшествии на престол посетил священного овна в Мендесе и совершил паломничество в Тмуис; женившись на Арсиное, он назначил ее верховной жрицей овна в Мендесе, а после смерти Арсинои ей был создан культ во всех храмах наряду «с овнами живущими»[112]. Птолемей посылает своего сына на освещение храма овна. Он апробирует нового овна и руководит его интронизацией. В таком же тоне составлена надпись на пифомской стеле в честь Птолемея Филадельфа, трехъязычный канопский декрет в честь Птолемея III Эвергета, другая пифомская надпись в честь Птолемея IV[113] и др.

Вся совокупность данных говорит о том, что Птолемеи, как Александр, диадохи, Селевкиды, тоже руководились политикой сближения и смешения народов, чему наиболее яркое доказательство – введение культа Сараписа. Несомненно, известное пренебрежение к «варварам», различия в быту и культуре и особенно религиозные особенности могли со-

---

[112] K. S e t h e, ук. соч., № 13.

[113] Текст издан впервые Sottas et Gauthier (Un décret trilingue en l'honneur de Ptolomée IV), 1925. Переведен у W. S p i e g e lb erg (Beiträge zur Erklärung des neueu dreisprachigen Priesterdekretes zu Ehren des Ptolemaios Philopator, SBA, 1925); ср. E. R. B e v a n, A history of Egypt under the Ptolemaic dynasty, L., 1927, стр. 388–392.

здавать трения между египтянами и греками, между различными социальными категориями среди самих эллинов и даже между различными группами египтян. Но не этим определялась основная линия политики птолемеевского правительства.

Птолемеи не привлекали в первое время египтян на службу в македонской фаланге. Но это опять-таки не было выражением какой-то политической линии противопоставления греко-македонцев местному населению. Войско было слишком важно для царей как их прямая опора, и (формально по крайней мере) его ядро оставалось и при Александре и при диадохах македонским. Но в мендесской надписи жрецы отмечают, что Птолемей Филадельф организовал гвардию из египетской молодежи и тем засвидетельствовал свое доверие к стране. Выше уже приводилось сообщение Диодора об участии египетских воинов в сражении при Газе в 312 г. А в 217 г., в битве при Рафии, египетские воины сыграли, как известно, решающую роль.

Птолемеи были не только наследниками фараонов, какими их представляли египетские жрецы. Это были эллинистические цари, и хотя они переняли в своей дворцовой жизни некоторые египетские элементы, они в организации управления следовали в основном той же политике, что и Селевкиды, создавая новый тип управления страной, в котором сочетались греческие и египетские институты. Столицей царства стал новый эллинистический город Александрия; но адми-

нистративное деление страны осталось прежнее, по номам. Во главе номов стояли стратеги и экономы, но в низовых административных единицах – селениях (κῶμαι) по-прежнему оставались местные комархи и старейшины. Официальным языком была греческая κοινή, но на практике не только частные акты, но и официальные документы составлялись на египетском языке демотическим письмом. Птолемеи не создали, кроме Птолемаиды, греческих колоний в Египте; но в страну был открыт широкий доступ иноземцам грекам и не-грекам, поселявшимся во всех номах в качестве солдат, военных поселенцев, земельных арендаторов, торговцев, ремесленников, поденщиков и рабов. Мы не имеем статистических данных о соотношении между местным и пришлым населением Египта. Но Филон утверждает, что в его время в Египте (при населении, исчисляемом, по некоторым косвенным данным, в 7–8 миллионов) было не менее миллиона евреев; а ведь евреи не были единственными пришельцами в Египте. Наличие большого количества пришлых людей, несмотря на стойкость этнических различий и особенно религиозных расхождений, неизбежно приводило к взаимной ассимиляции, которая, конечно, не была полной и повсеместной, но в некоторой степени сближала разнородные элементы населения. Это обнаруживается в надписях и папирусах прежде всего в том, что в них – по крайней мере в дошедших до нас – греческий язык оказывается преобладающим. Обращает на себя внимание обилие случаев,

когда египтяне и другие не-греки дают себе греческие имена[114]; если иметь в виду, что у народов Востока именам придавали магическое значение, то перемена собственных имен означает значительную степень ассимиляции. С другой стороны, известны случаи, когда люди, именующие себя эллинами, носят чисто египетские имена; так, в списке Ἑλλήνων γεωργῶν (эллинских земледельцев) значится ряд чисто египетских имен и отчеств (P. Tebt., 247).

Большое значение для процесса смешения народов имело законодательство Птолемеев. В народе продолжало действовать старое египетское обычное право. Но указы и распоряжения царя и его чиновников, обязательные для всего населения, издавались не только на греческом языке, но и в духе греческого права. Анализ источников, касающихся личного, вещного, обязательственного, наследственного права, гражданского и уголовного процесса, показал, что в законодательстве, действовавшем в птолемеевском Египте, имеются элементы греческого права, характерные для городов в материковой Греции, Македонии, греческих полисов Малой Азии, встречающиеся в юридической практике на островах Эгейского моря и в Великой Греции[115]. Податной устав Птолемея Филадельфа напоминает lex Hieronica в Сицилии. А

[114] Поэтому по именам нельзя судить об этническом происхождении, например, в Πτολεμαῖος Διονύσου (OGIS 73) нельзя было бы признать еврея, если бы он не прибавил к своему имени обозначение Ἰουδαῖος.

[115] R. Taubenschlag. The ancientgreek-city Laws in Ptolemaic Egypt. Actesdu congrès de papyrologie à Oxford, Brux., 1939, стр. 471 сл.

то собрание отрывков из александрийских законов, которое дошло в так называемом δικαώματα, – это греческое право. Поскольку все население Египта было вынуждено подчиняться действующим законам, оно воспринимало новые правовые нормы, что также содействовало сглаживанию различий между местным и пришлым населением. Но процесс уравнивания не мог зайти достаточно глубоко, и даже в период Римской империи египтяне сохранили свой язык и письменность, свою религию, свое старое обычное право.

Греко-македонские поселенцы, эллинизованные выходцы из малоазиатских, фракийских и других внеегипетских племен и народов, старались сохранить на новой родине свою обособленность. Однако жизнь в окружении египтян, неизбежные смешанные браки и, главное, тяжелый податной режим, нарушавший и отменявший привилегии «эллинов», – все это вело к тому, что разница в происхождении все больше отступала перед различиями классовыми. Папирусы Зенонова архива (PCZ 59042, 257 г.; 59015, 259/8 г.) свидетельствуют о том, что и эллины в принудительном порядке привлекались наравне с египтянами к ирригационным работам. В этом отношении интересен документ III в. – отчет о выполнении работ (W. 385): в числе 282 лиц, не явившихся на работы по разным причинам (болезнь, бегство, смерть, назначение на другую работу и т. д.), указано одно лицо ἐν τοῖς Ἕλλησι. Как ни толковать эту категорию лиц, освобождаемых от работ, – как египтян, перешедших в разряд «эл-

линов», или как греков низшей категории, перешедших (в отчете цифры даются исходя, из данных предыдущего года) в высшую категорию, во всяком случае ἐν τοῖς Ἕλλησι здесь обозначает не этническую принадлежность, а социальное положение.

Греки в Александрии и в провинции (χώρα) давали своим детям воспитание в гимнасиях, и молодежь была организована в эфебии. Даже на далекой южной окраине Египта, в Ὄμβοι, известна группа ἐκ τοῦ γυμνασίου. Однокашники, вместе ставшие эфебами, сохраняли связь между собой в качестве αἵρεσις («выпуск») того или иного года. Понятно, что это греческое воспитание и образование захватывало и египтян, а с другой стороны, эллины ἐκ τοῦ γυμνασίου египтизировались. В надписи OGIS 176 ἐφηβευκότες второго года из αἵρεσις Аммония посвящают участок египетскому «Суху, богу великому, великому» (ср. OGIS 178). Не исключена возможность, что среди этих явно египтизированных греков имеются и эллинизировавшиеся египтяне. Самого блестящего представителя эллинизованных египтян мы имеем уже в начале власти Птолемеев – при Птолемее I. Это – жрец Манефон, автор истории Египта на греческом языке, достоинства которой особенно высоко оценены в последнее время[116].

В Египте было только три греческих города: Александрия,

[116] В. В. Струве. Хронология Манефона и периоды Сотиса, в сборнике «Вспомогательные исторические дисциплины», 1937, стр. 19 сл.; В. В. Струве. Подлинный Манефоновский список царей Египта и хронология Нового царства, ВДИ, № 4, 1946, стр. 9 сл.

Навкратис и Птолемаида; из них Александрия как резиденция царя не имела организации греческого полиса. По-видимому, в Александрии не было буле. Уже при римской власти александрийцы ходатайствовали перед Августом и Клавдием об учреждении буле в Александрии, но получили отказ. Клавдий при этом указал, что ему неизвестно о существовании буле при древних царях. Этот крупнейший город, построенный в гипподамовом плане, украшенный роскошными дворцами и храмами в греческом стиле, имел пестрое население из самых разнообразных элементов эллинистического мира, как это естественно для портового города мирового значения. Эллины Александрии, хотя, по-видимому, не имели совета по образцу греческих полисов, были все же организованы по греческому типу. Виднейшим магистратом александрийских граждан был гимнасиарх, выступавший от имени всех граждан, разделенных на филы и демы; другие магистратуры, называемые Страбоном (XVII, 1, 12): архидикаст (верховный судья), гипомнематограф и начальник ночной стражи (νυκτερινὸς στρατηγός), были, очевидно, правительственными чиновниками. Из Полибия (V, 39, 3) видно, что административная власть в городе принадлежала правительственному чиновнику ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως. Наконец, еще одним ограничением самоуправления александрийских граждан было то, что другие категории населения, называвшиеся просто Ἀλεξανδρεῖς, не входили в сферу компетенции александрийской организации граждан. Евреи

имели в Александрии свое πολίτευμα во главе с этнархом, при котором состоял синедрион, или герусия. Но совместная деловая жизнь в городе все же приводила к сближению и смешению этих разнородных групп. Полибий называет александрийских граждан μιγάδες.

В δικαιώματα (строки 79–114) цитируется πολιτικὸς νόμος (в ед. числе), но существовала ли писаная конституция, неизвестно; δικαιώματα составлены из различных διαγράμματα, προστάγματα, ἐντολαί, νόμοι; судя по строке 207 («если кто ударит кого-либо из ἀρχόντων τάσσοντα ὧν τῇ ἀρχῇ γέγραπται τάσσειν), александрийцы должны были руководствоваться писаными установлениями власти. Таким образом, в Александрии устанавливалась практически конституция, отличавшаяся как от конституции греческих полисов, так и от старых египетских порядков.

Конституцию полиса имели Навкратис и Птолемаида; о городском строе последней имеются подробные сведения в надписях (OGIS 47–52), но эти города входили в соответствующие номы, и их самоуправление сводилось главным образом к организации культа Птолемеев. Однако само наличие этих полисов вводило в быт старых египетских городов знакомство с иным типом городской жизни.

О смешении греков с египтянами в старых египетских городах говорит папирус из Мемфиса UPZ 116, содержащий заявление некоего Апинхия, именующего себя эллиномемфитом и владеющего домом в квартале Ἑλλήνιον в участке

Ἰμινοθωτιείω. Но и в сельских поселениях сталкивались люди разных культур. Интересна декларация грека-земледельца от 240 г. (W. 198). В ней перечисляются поименно члены семьи, состоящей из мужа, жены и четырех сыновей, в возрасте от 5 до 15 лет, няня и наемные сельские работники (γεωργοὶ μισθῶι) Хазар, Рагесобаал, Исаб, Кратер, Ситалк, Натанбаал, пастух Потамон, пастух Гор. Среди восьми батраков имеются, судя по именам, семиты, греки, македонянин, египтянин, фракиец. Вряд ли все они сумели сохранить свою обособленность, работая совместно в качестве батраков.

На почве культа царей в одни и те же религиозные объединения входили люди различного происхождения и разной веры, о чем имеется достаточно данных в источниках. Особенно интересна надпись II в. из небольшого местечка на островке недалеко от первого катаракта (OGIS 130); это посвятительная надпись объединения βασιλισταί, т. е. почитателей обожествленных царей, в честь греческих и египетских богов – Χνούβει τῶι καὶ Ἄμμωνι, Σάτει τῆι καὶ Ἥραι, Ἀνούκει τῆι καὶ Ἑστίαι и т. д. В списке членов этого объединения перемешаны греческие и египетские имена. Здесь мы имеем явно выраженный религиозный синкретизм. Неслучайно именно в Египте начат был греческий перевод «священной» книги, библии притом для богослужебных целей и, надо полагать, для пропаганды иудейской веры; а что эта пропаганда имела успех, говорит сама численность иудеев в Египте, которую вряд ли можно объяснить только естествен-

ным ростом еврейского населения.

По всей вероятности, именно в Египте оформился впервые реформированный иудаизм, послуживший исходным материалом для возникновения мировой религии – христианства; здесь же впоследствии создавал путем аллегорического толкования библии свое философское учение «отец христианства» Филон.

По вопросу об исследовании конкретной истории возникновения христианства Ф. Энгельс писал более полувека назад: «Новые находки в Риме, на Востоке и прежде всего в Египте дадут здесь гораздо больше, чем какая угодно критика»[117]. Эту мысль развил в своем докладе в связи с 120-летием со дня рождения Энгельса Ю. П. Францов, исследуя чисто египетские истоки идей раннего христианства. В своей книге «Возникновение христианской литературы» академик Р. Ю. Виппер поставил вопрос о «египетских предшественниках христианства» и наметил некоторые аспекты этой проблемы[118].

Если принять во внимание особую косность и консерватизм религиозных верований, то религиозный синкретизм и распространение элементов реформированного иудаизма в Египте, подготовивших в какой-то степени возникновение христианства, свидетельствуют против представления

---

[117] Ф. Энгельс. К истории раннего христианства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 416.

[118] Р. Ю. Виппер. Возникновение христианской литературы, 1946, гл. 5.

о религиозной и этнической замкнутости, изолированности, обособленности различных элементов населения Египта. Противопоставление Александрии Египту, греко-македонского населения местному может лишь затемнить объективное понимание хода истории птолемеевского Египта.

Государство Птолемеев было планомерно организованной системой угнетения трудящегося населения, которая вела к углублению и обострению классовых противоречий, присущих рабовладельческому обществу. Во главе государства стоял царь, бывший для египтян преемником фараонов, для греков и македонян – преемником Александра Македонского. Его гробница (σῆμα), помещавшаяся в роскошном дворцовом квартале в Александрии, как бы символизировала эту преемственность. Ближайшими ко двору советниками и сановниками были, как и в царстве Селевкидов, «родные» (συγγενεῖς) и «первые друзья» (πρῶτοι φίλοι) царя. То были придворные чины, которые давались не только действительным родственникам и друзьям[119]. Им были присвоены внешние знаки отличия (Ios., Antiqu. XIII, 102). Ниже рангом были «приравненные к родственникам» (ἰσότιμοι τοῖς συγγενέσι) и просто φίλοι. Из других придворных чинов известны ἀρχισωματοφύλακες (старшие телохранители), ἀρχικύνηγοι («оберегермейстеры»), διάδοχοι (OGIS 99, 1–2). Из высших придворных чинов назначались главные чи-

[119] Примеры см. OGIS 99, 104, где даны ссылки на многочисленные другие надписи.

новники, стратеги, диойкеты и др.

Двор был организован с чрезвычайной роскошью и пышностью. Афиней (V, 196 сл.) сохранил сделанное Калликсеном из Родоса описание парада (πομπή) на празднестве Πτολεμαῖα в честь обожествленных Птолемея I и его жены Береники; празднество было ἰσολύμπιον и совершалось, как и олимпийские игры, каждые четыре года. Парад, описанный Калликсеном, относится, по-видимому, к 274 г. В нем участвовали десятки тысяч людей, взрослых и детей, в пышных нарядах; они несли в процессии золотые сосуды, венки, религиозную утварь, драгоценное дерево, слоновую кость; в процессии участвовали редкие звери: слоны, бегемоты, страусы, жирафы, своры охотничьих собак. Шествие завершалось парадом войск, в котором участвовало 57 600 пехотинцев и 23 200 кавалеристов в полном снаряжении. Процессия прошла перед роскошно отделанными и убранными трибунами; на громадных колесницах стояли изображения богов; здесь разыгрывались сцены из античной мифологии. В заключение были проведены игры, победителям были розданы призы на сумму 2239½ талантов. В описании празднества, вероятно, немало фантазии и преувеличений, но оно дает представление о роскоши и богатстве двора.

Во главе царской канцелярии стоял эпистолограф. Из этой канцелярии исходили царские указы и распоряжения (προστάγματα, διαγράμματα), сюда поступали заявления, донесения чиновников, жалобы и прошения организаций и

частных лиц. Наряду с эпистолографом засвидетельствован гипомнематограф, функции которого не вполне ясны.

Из государственных ведомств, наряду с военным, главное место занимало «ведомство ограбления собственного народа» – финансовое, возглавляемое диойкетом. Именно громадное значение, которое придавалось этому ведомству, дало диойкету исключительную власть, которую он осуществлял через огромный аппарат чиновников, контролировавших каждый шаг каждого подданного. Ближайшими представителями диойкета в номах были экономы[120], при которых состояли контролеры (ἀντιγραφεῖς) и «царские писцы». Но интересы казны должны были блюсти все административные власти. Так, указ Птолемея Филадельфа о налоге с садов и виноградников адресован «стратегам, гипархам, военачальникам (ἡγεμόσι), номархам, топархам (τόπος – подразделение нома), экономам, контролерам, царским писцам, ливиархам (управители Кирены) и архифилакитам (высшие полицейские чины). Наряду с ведомством диойкета, дополняя его, в Александрии находился центральный счетный аппарат эклогиста, имевший свои отделения (λογιστήρια) в номах.

Хотя у нас нет документов центрального архива в Александрии, которые позволили бы знать общие итоги доходов и расходов египетского правительства, общие размеры народ-

[120] О функциях экономa см. Н. Н. П и к у с. Номовый эконом в эллинистическом Египте III в. до н. э. – УЗ Ярославского пединститута, Ярославль, 1946.

ного дохода, суммы поступлений по той или другой статье, размеры урожая и т. д., но громадное количество отдельных документов из нескольких районов Египта и относящихся главным образом к III в. до н. э. позволяет в основных чертах восстановить картину тяжелого гнета, которому подвергались трудящиеся Египта. Среди этих документов особенно важны так называемый «податной устав» (RL), архив Зенона, P. Tebt. 703, содержащий подробную инструкцию эконому[121]. Обильный материал о налогах и обложениях дают остраки – черепки, на которых писали мелкие заметки, в том числе расписки и квитанции об уплате налогов и сборов.

Основное богатство Египта составляли продукты земли, производительность которой зависела от состояния ирригационной сети. «Ведомство общественных работ» по содержанию в порядке и расширению оросительных сооружений составляло поэтому важную функцию правительства Египта с незапамятных времен. Ирригационные каналы представлялись «делом рук высшего единства – деспотического правительства, вознесшегося над мелкими общинами»[122]. Общественные работы для нужд самих общинников превратились, таким образом, в принудительный труд непосредственных производителей, так же как первоначальная общинная

---

[121] О датировке. P. Tebt. 703 см. статью Н. Н. Пикуса, ВДИ, № 1, 1947, стр. 249 сл.

[122] К. М а р к с. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, № 1, 1940, стр. 11.

собственность на землю превратилась в царскую собственность. Птолемеи восприняли и использовали тот характер земельных отношений, какой они застали в Египте. Царь был верховным собственником земли; работавшие на земле крестьяне были лишь владельцами ее, обязанными так или иначе отдавать царю часть своего продукта.

Вся земля в Египте делилась на две неравные категории – «царскую землю» (γῆ βασιλική), обрабатываемую «царскими земледельцами», и «землю в отдаче» (γῆ ἐν ἀφέσει), предоставленную в распоряжение различных категорий населения в качестве владения, которое могло быть отнято правительством. Эта γῆ ἐν ἀφέσει состояла из клеруховой земли – земельных участков, отведенных военнослужащим, как состоящим на действительной службе, так и находящимся в резерве. Клеры получали также полицейские чины. В P. Tebt. 62 перечисляются клерухи разных категорий в Керкеосирисе в 120/119 г.: среди них 29 катэков (военные поселенцы), 55 μάχιμοι (египетские военнослужащие); последние владеют участками по 7 арур (ἑπτάρουροι); далее идут 8 конников, получающих до 15 арур; самые большие клеры получают в то время полицейские чины: χερσέφιππος, ἐρημοφύλακες, φυλακῖται, ἔφοδοι – от 24 до 34 арур. В P. Petr. II, 29 (=W. 334) клер получает даже военнопленный «из азиатской группы». Клерухи имели право распорядиться участком по желанию – лично обрабатывать или сдавать в аренду. Но они обязаны были подчиняться общим правилам,

установленным для земледельцев, и платить в казну установленные налоги. Клерухи владели землей на прекарных началах; земля могла быть отнята у них в казну (W. 334). В случае смерти клеруха его клер отходит в казну (W. 335, 243/2 г.), причем в распоряжении по этому поводу предписывается позаботиться, чтобы арендная плата натурой (ἐκφόρια; клерух, видно, сдавал свой клер в аренду) поступила в казну.

Другим видом γῆ ἐν ἀφέσει была земля в частном пользовании ἰδιόκτητος; но владельцы этой земли, ἰδιοκτήμονες, не были собственниками этой земли, которая также принадлежала царю[123]. Это была земля, предоставленная в наследственную аренду (W. 340; P. Tebt. 5, 12), или отданная на продолжительное время на льготных условиях пустопорожняя земля для ее культивации (P. Tebt. 5, 93 сл.).

Особый вид земли ἐν ἀφέσει – пожалованная земля (δωρεά). Таково было владение Аполлония, диойкета при Птолемее Филадельфе; его δωρεά в районе Филадельфии занимала 10 000 арур. Большинство зеноновских папирусов касается управления этим обширным хозяйством. Аполлоний имел, кроме того, δωρεά в Мемфисе, другую – в Палестине. В P. Lille 19(=W. 164) названа δωρεά Калликсена. В P. Tebt.860 названа δωρεά Со[сибия] – вероятно, бывшего временщиком в царствование Птолемея Филопатора. Возможно, что δωρεά представлял г. Телмесс, который Птолемей,

[123] См. В. В. С т р у в е. Право владения землями – пахотной в виноградной – в птолемеевском Египте, ЖМНП, январь 1915.

сын Лисимаха, παρέλαβεν παρὰ βασιλέως (OGIS 55). В P. Lille 47 некий Сентей назван μυριάρουρος («владелец десяти тысячи арур»). Дарственная земля, как видно из архива Зенона, находилась под надзором центрального правительства, и владелец ее права собственности на нее не имел.

Некое среднее место между царской землей и γῆ ἐν ἀφέσει занимает храмовая земля – γῆ ἱερά. Царь распоряжается γῆ ἱερά как полновластный хозяин через эпистата и архиерея. Он раздает клеры из храмовой земли (P. Tebt. 815, стр. 26); на нее распространяются все указы и распоряжения правительства. В P. Tebt. 63 дается опись клеруховой, храмовой (ἱερᾶς) и прочей земли ἐν ἀφέσει. Однако другие папирусы[124] допускают иное понимание. Надо думать, что теоретически царь распоряжался «священной» землей не в качестве царя, а в качестве божества и, следовательно, естественного представителя интересов богов. По существу же верховным собственником γῆ ἱερά, как и всей остальной земли, был царь.

Что касается городской земли, то о ней сведений нет. Александрия вряд ли имела свою сельскую территорию, хотя александрийцы могли владеть землей вне города. Ростовцев цитирует (SEHHW, стр. 1387) папирус 149–135 г. о γῆ πολιτική Птолемаиды, но никакие подробности о ней неизвестны.

Таким образом, деление земли на царскую (γῆ βασιλικῆ)

[124] См. C. P r é a u x. L'économie royale des Lagides, P., 1939, стр. 162.

и землю «в отдаче» (ἐν ἀφέσει) означает по существу лишь различные способы эксплуатации земли: вполне годная для обработки земля (ἐν ἀρετῇ) эксплуатировалась казной непосредственно; в качестве клера, δωρεά и т. д. «предоставлялась» преимущественно земля худшего качества, требующая вложения средств и труда, чтобы сделать ее доходной; такая земля называлась ὑπόλογος.

О том, как распределялась земля между различными категориями, имеется множество частных данных в подробных земельных кадастрах. Так, согласно P. Tebt. 60, 61a, в Керкеосирисе общая площадь земли в 4700 арур распределяется следующим образом: под поселением 69½ арур, ὑπόλογον Τφορον (не дающая дохода) – $169^{3}/_{16}$ ар., священная земля – $271^{7}/_{8}$ ар., клерухова – $1564^{27}/_{32}$ ар., сады – 21¼ ар., пастбища ἐκ τῆς μισθώσεως (не дающие натуральной аренды) – $175^{7}/_{8}$ ар.; «царской земли» – $2427^{19}/_{32}$ ар. Но отсутствие общего кадастра по всему Египту в целом не позволяет судить о соотношении между различными категориями земель по всей стране.

В приведенной описи, как и в многочисленных других дошедших до нас, нет единого принципа деления; здесь смешивается деление по характеру владения (царская, клерухова и т. д.), по качеству земли (ὑπόλογον ἄφορον), по способу эксплуатации (сады, пастбища). Это объясняется прежде всего тем, что кадастры составлялись для установления до-

хода с земли и только.

Основными производителями на земле Египта были «царские земледельцы», γεωργοὶ βασιλικοί, именуемые, возможно, также λαοί (RL 42; ср. UPZ 110, стр. 100–101: τοὺς πλείστους δὲ τῶν ἐν ταῖς κώμαις κατοικούντων λαῶν). Формально царские земледельцы были арендаторами; в периоды массовой сдачи в аренду участков (διαμίσθωσις) крестьяне подавали заявления с указанием своих условий (ὑποστάσεις); правительственный агент накладывал на них свою резолюцию (ὑπογραφή), и это заменяло арендный договор; стороны при этом торговались, сдача в аренду иногда принимала характер аукциона.

За обрабатываемый арендатором участок казна получала твердую ставку арендной платы натурой (пшеницей) – в среднем, в зависимости от местных условий, 4 артаб с аруры[125]; земледелец должен был доставить этот ἐκφόριον на казенный склад (θησαυρός). Но помимо этой арендной платы, земледелец должен был платить ряд налогов, обязательных также и для земли ἐν ἀφέσει. Это, во-первых, земельный налог, ἀρταβιεία, далее – отчисление храму, где отправляют культ царя, налог на охрану царских складов, сбор за измерение участков, за очистку семенного зерна, сбор на содержание аппарата оценщиков урожая и сборщиков, на фураж для воинских частей и многие другие. Не все эти сборы взимались во всех номах и ставка их, вероятно, не везде и не

[125] В W. 328 земля сдается в субаренду по 6 артаб.

всегда была одинакова. Но во всяком случае сборы и налоги должны были составлять значительную сумму.

Одним из средств закабаления арендаторов была выдача семенного зерна в качестве ссуды, за которую правительство взимало обычно 50%. Мелкие арендаторы попадали, таким образом, в зависимость от государства, так как отказаться от ссуды они не могли, даже если бы имели на то право.

В бесчисленных дошедших до нас папирусах, содержащих подробные отчеты об эксплуатации земельных участков, имеются точные сведения, которые могли интересовать казну, но нет сведений, характеризующих хозяйство земледельца с точки зрения выгод, которое оно приносило ему самому. В частности, не сообщается о размере урожая с аруры. Предположительно нормальный урожай пшеницы составлял 10–12 артаб с аруры[126]. При общей площади пахотной земли около 6 миллионов арур (не считая садов и огородов), общий нормальный урожай давал примерно 70 миллионов артаб, что при населении в 7 миллионов[127] дает 10 артаб на душу населения; 10–12 артаб считалось тогда нормальной потребностью на душу взрослого населения. Но эта средняя цифра на практике распределялась неравномерно, как это неизбежно в классово-эксплуататорском обществе. Даже при высо-

---

[126] К BGU 1217 и PSI 400 можно прибавить P. Tebt. 49, где указан урожай пшеницы с $2^1/_4$ аруры. Он составлял 20 артаб.

[127] U. W i l c k e n. Griechische Ostraka aus Aegypten und Nubien, B., 1899, I, стр. 489 сл.

кой арендной плате и больших налогах крупный землевладелец извлекал из плодородной земли значительный доход и богател, тогда как мелкий земледелец находился на грани нищеты. А классовая политика правительства, освобождавшая храмовые земли, крупных землевладельцев, владельцев δωρεαί от налогов и повинностей, перекладывала их тяжесть на трудящихся. Папирус PSI 400[128] в этом отношении весьма поучителен: некий Агафон предлагает свои услуги Зенону по организации доходного дела. Дело в том, что Петобастис имеет в своем распоряжении 265 арур земли, которую он, по-видимому, не в состоянии освоить и потому задолжал казне. Агафон предлагает взяться за обработку этой земли в пользу Зенона (т. е. его господина, Аполлония). Он гарантирует урожай в 10 артаб с аруры или 10 драхм деньгами; Зенон уплачивает казне 4 драхмы, ему остаются 6 драхм с аруры. Из 265 арур 100 остаются под паром; с них Агафон обязуется собрать 1500 копен сена по 2 мины весом или отдать наличными по 3 драхмы с аруры; кроме того, Зенон может пасти там свой скот. За все свои хлопоты он просит только 10 драхм в месяц. Понятно, он рассчитывает кое-что заработать на излишке урожая сверх 10 артаб и на использовании (может быть за взятку) богатого инвентаря δωρεά Аполлония. Как бы то ни было, предложение Агафона показывает выгодность эксплуатации большого земельного владения. Зенон должен получить 165×10×100×3=1950 драхм; расход

[128] C. P r é a u x, ук. соч., стр. 134 сл.

составит 265×4 драхмы казне и 120 драхм платы Агафону; чистый доход составит 1950–1180=770 драхм.

Крупные владельцы могли применять в своих хозяйствах труд рабов, дешевый труд поденщиков, прожиточный минимум которых был чрезвычайно низок, даже принудительный труд свободных крестьян; они имели возможность применять интенсивные формы земледелия, они легче противостояли вымогательствам и злоупотреблениям многочисленных царских чиновников[129]. Последнее обстоятельство имело немаловажное значение; крестьяне поэтому предпочитают иной раз снимать землю в субаренду от царского арендатора (например, P. Tebt. 42= W.328).

Чтобы прокормиться, надо было иметь по крайней мере по 2 аруры на душу, но таких владельцев или арендаторов, δυνατοῦντες («крепкие хозяева»), было незначительное меньшинство; даже египетские военнослужащие, получавшие земельные наделы в качестве клерухов, владели 5, 7 или 10 арурами. Крестьяне пытались иногда всем миром взять в аренду большие площади пустопорожней земли. Об этом свидетельствуют два сильно испорченных папируса, содержащих жалобы крестьян через своих старшин (πρεσβύτεροι) на номарха Дамиса[130]. Жалобы адресованы частично диойкету Аполлонию. Жалобщики – переселенцы из другого но-

[129] В δωρεά Аполлония его управляющий сам ведает полицией и заменяет управителя Филадельфии; см. Rostovzeff, A large Estate…, стр. 50.

[130] Там же, стр. 73/75.

ма, заарендовавшие из δωρεά Аполлония тысячу арур; но им не позволили поселиться в городе, и после того как они затратили труд на расчистку леса, Дамис расторгнул договор и арестовал старейшин; он отказался им заплатить за проделанную работу хотя бы как поденщикам, предпочитая, чтобы земля осталась незасеянной. Между прочим, чтобы заинтересовать Аполлония, они пишут, что хозяйство в его δωρεά ведется плохо, так как там нет знающих людей, и предлагают вызвать кого-нибудь из них и выслушать их замечания.

Крестьяне сохранили остатки общинной организации со старейшинами (πρεσβύτεροι), писарями (γραμματεῖς), служителями (ὑπηρέται). Но эта общинная организация[131], некогда служившая основой права крестьян на их владение землей и дававшая им известную прочность существования, в птолемеевском Египте потеряла свое значение. Связь с общиной была чисто формальная; родное село (κώμη) было местом, где крестьянин был приписан, где он выполнял свои повинности перед государством. Государство использовало эти общинные пережитки в своих целях, для установления коллективной ответственности крестьян за их долги государству. В тебтюнисских папирусах (13, 40, 48, 50 и др., все II в.) старейшины, вместе с номархом или одни, неусыпно наблюдают за ходом работ их односельчан, за уплатой причитающихся казне налогов и сборов. В P. Tebt. 48 комархи

[131] У W. 304, строка 8 названа δεκαταρχία Ἀπολλωνίου; очевидно, в III в. сохранялся еще древний обычай работы десятками под руководством старосты.

и πρεσβύτεροι τῶν γεωργῶν сообщают, что они, «работая днем и ночью», собрали 1500 артаб арендной платы и 80 артаб в связи с ожидающимся проездом царя. P. Tebt. 846 (140 г.) представляет выданную комарху и пресвитерам расписку на сдачу налога натурой. В P. Tebt. 50 комарх и старейшины земледельцев разбирают в первой инстанции вопрос о нарушении обычая при пользовании ирригационным каналом.

Но связь с ἰδία не означала прикрепления крестьян к земле. Крестьяне (формально во всяком случае) оставались свободными арендаторами, и меры принуждения, применявшиеся к ним ретивыми администраторами, рассматривались как служебные проступки, на которые крестьяне приносили жалобы царю. Что крестьяне пользовались свободой передвижения, показывает хотя бы приведенный выше случай с переселенцами, заарендовавшими 1000 арур на δωρεά Аполлония. Для взыскания долгов с крестьян, живущих на чужбине (ξένοι), вне своей ἰδία, существовала должность сборщика – πράκτωρ ξενικῶν. Необходимо отметить, что βασιλικὸς γεωργός могло стать и лицо, принадлежавшее к привилегированному сословию. В папирусе W. 328 (114 г.) жрец одновременно, в качестве арендатора царской земли, является «царским земледельцем» (ὄντος δὲ καὶ βασιλικοῦ γεωργοῦ) соответствующего селения. Βασιλικοὶ γεωργοὶ τῶν ἐκ Σοκνοπαίου νήσου именует себя коллегия жрецов храма Сокнопая и Исиды. Мы видели (W. 198), что эллины работают даже в батраках.

Разложение общины было ускорено в результате экономических мероприятий правительства Птолемеев, благодаря включению Египта в систему более широких экономических связей. Община распадалась не только как целое, она расслаивалась изнутри, поскольку были созданы условна для возникновения социального неравенства внутри нее. «Как крупное, так и мелкое землевладение допускают (смотря по историческим условиям, из которых они развились) весьма различные формы распределения. Но очевидно, что крупное землевладение обусловливает всегда иное распределение, чем мелкое; что крупное предполагает или создает противоположность классов – рабовладельцев и рабов, вотчинников и барщиннообязанных крестьян, капиталистов и наемных рабочих, тогда как при мелком – классовые различия между занятыми в земледельческом производстве индивидуумами отнюдь не необходимы и, напротив того, самым фактом своего существования указывают на начавшийся упадок парцеллярного хозяйства»[132]. Как мы увидим ниже, расслоение в египетском крестьянстве зашло настолько далеко, что сельская община потеряла свое историческое право на существование. Κώμη нельзя рассматривать как единое целое. Наряду с крупными владельцами 15, 24, 30, 100[133], даже 265 арур (PSI 400), в кадастрах мы находим вла-

[132] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 150.

[133] См. W. к 334.

дельцев крошечных участков, которые не могут прокормить семьи, безземельных, вынужденных наниматься в батраки и продаваемых за долги в рабство. При всей скудости источников можно все же найти указания на вражду между старейшинами, представлявшими интересы более зажиточной части села, которые находились в тесной связи с номархом и комограмматевсом, с одной стороны, и рядовыми членами общины – с другой. В P. Tebt. 48 комарх и старейшины жалуются, что, когда они с трудом собрали подати для царя, при приемке ἐκφόρια явился их односельчанин Лик с группой других, которые, размахивая мечами, разогнали сборщиков податей. Тот же, вероятно, Лик упоминается как неспокойный элемент в папирусе P. Tebt. 50.

Взаимоотношения между птолемеевским правительством и земельными арендаторами не ограничивались формальным выполнением условий аренды. Правительство регламентировало во всех деталях само сельскохозяйственное производство от подготовки к пахоте и севу до сдачи продукта в государственные закрома. «Податной устав» и инструкция эконому в P. Tebt. 703 содержат подробные сведения об этом. Ежегодно составлялось плановое расписание того, где, что и сколько сеять; эта διαγραφὴ σπόρου касалась не только «царских земледельцев», но и земли ἐν ἀφέσει[134]; даже диойкет Аполлоний получает на этот счет указания для сво-

[134] В позднейшем указе 1 18 г. (P. Tebt. 5, ст. 200–204) прямо говорится, что и γῆ ἐν ἀφέσει подчиняется общим правилам в отношении расписания посевов.

ей δωρεά (PCZ 59155); право самостоятельно решать вопрос о посеве специально оговаривается в арендных условиях (P. Tebt. 815). Правительство выдает авансом семена, и экономy поручается следить за их правильным распределением комархом через сельские власти – комархов и комогpаммaтевсов. Иногда выдаются и авансы на производство полевых работ.

После посева поля находятся под неусыпным наблюдением. Инструкция экономy предписывает ему проверить качество сева, установить, не утаил ли кто посевное зерно, не израсходовал ли по другому назначению. Самый ответственный момент – сбор урожая; здесь правительство мобилизует весь свой административный аппарат, помимо специальных инспекторов урожая (γενηματοφύλακες) и сельских старейшин, для охраны урожая и взыскания причитающихся казне сборов. Особенно подробное указание об этом дает P. Tebt. 27 (=W. 331), относящийся к 113 г. до н. э. К тому времени упадок Египта зашел далеко; центральная власть с трудом справлялась с задачей выжимания доходов с трудящегося населения. Характерно, что упоминаемый здесь Теодот совмещает функции экономa и начальника полиции (стр. 29). Диойкет Иреней предупреждает в последний раз Гермия, местного уполномоченного по доходам (ἐπὶ τῶν προσόδων), что необходимо принять срочные меры к охране урожая и взыскания натуральных платежей. Предписывается «получить от комогpаммaтевсa списки людей, которых можно при-

влечь к должности инспекторов урожая, из военнослужащих и прочих жителей места и соседних районов, отличающихся верностью и надежностью, назначить подходящих из них в сельскую инспекцию и взять от каждого из них и от полицейских в каждом селении подписку в двух экземплярах с клятвой именем царя, что они будут усердствовать в охране и не позволят никому из обрабатывающих царскую землю и землю ἐν ἀφέσει присвоить кормовые травы и другие продукты вторичной жатвы (ἐπίσπορα)». Исключение делается только для прокормления рабочего скота. За всякую изъятую земледельцем часть урожая он должен предварительно внести ее стоимость в депозит казны. Здесь важно отметить, что не только царская земля, но и земля γῆ ἐν ἀφέσει подчиняется тому же режиму. Пока не рассчитались с казной, владелец урожая не в праве им распоряжаться. Земледельцы обязаны причитающийся с них ἐκφόριον и взимаемые натурой налоги сдать в государственные закрома ситологу, причем, как уже отмечалось выше, все расходы от сбора урожая до сдачи его в θησαυρός, включая расходы на содержание правительственного аппарата, оплачиваются земледельцами в виде особых налогов и сборов.

Особо тщательно были урегулированы виды сельскохозяйственного производства, связанного с государственными монополиями. Особенно хорошо известна монополия на растительное масло, которой посвящены ст. 38–72 податного устава Птолемея Филадельфа. Монополия охватывает все

виды растительных масел, главным образом сезамового и кротонового. Монополия эта была сдана на откуп предпринимателям по каждому ному в отдельности. По каждому ному заранее определялась площадь под масличные культуры. Местные власти следили за тем, чтобы авансы семенами были израсходованы по назначению и чтобы вся предназначенная для посева площадь была действительно засеяна; за запущения номарх, топарх, эконом и контролер уплачивают каждый по 2 таланта штрафа и должны возместить откупщику убыток от недосева. Откупщик и местные власти следят за урожаем и его уборкой, весь урожай продается владельцами по установленной цене откупщику, удерживающему с платежной суммы 25% в качестве налога. Все операции – от получения семян до сдачи продукта откупщику – контролируются, и о каждой операции составляется акт с подписями и печатями. Перевозка масличных семян не допускается без письменного удостоверения, так что продать их на сторону невозможно. Производство масла сосредоточено в мастерских, куда маслоделы обязаны были сдавать весь свои инвентарь. Под самым строгим наказанием запрещалось иметь у себя на дому орудия производства масла. Когда в мастерских производство прекращалось, все орудия и инвентарь опечатывали. Исключение делалось только для храмов, которым разрешалось производить масло, но только для культовых надобностей.

Сами работники мастерских находились в ведении пра-

вительства; сдав свой инвентарь в царскую мастерскую, они поступали в полное распоряжение масляной монополии, не имея права отлучаться с своего местожительства в другой ном. Откупщик и контролер «будут распоряжаться (κυριεύσουσιν) всеми маслоделами в номе, мастерскими и оборудованием и пусть они запечатают инструменты на период бездействия. Пусть они понудят маслоделов работать ежедневно и наблюдают за ними» (RL 46, 8); для работников устанавливается норма выработки.

Формально работники монополии – люди свободные, они получают заработную плату и некоторую долю прибылей. Но они не вольны, по-видимому, отказаться от навязанного им соглашения. Их могут перебрасывать из одной мастерской в другую. Но нет данных о том, были ли обязательства рабочих наследственными или временными, считаются ли сданные ими орудия производства их собственностью или они конфискованы. Юридически они, конечно, не рабы, их правоспособность в других отношениях не ограничена. Но пока они работают на монополию, они подвергаются такому ограничению в правах, которое возможно только в условиях восточной Деспотии.

Продажа масла по всей стране была отдана на откуп мелким торговцам (κάπηλοι), получавшим масло по установленной цене и продававшим его также по твердым ценам. Ввоз масла из-за границы для продажи был запрещен, для собственного употребления – обложен запретительной пошли-

ной. Однако контрабандой масло ввозилось (P. Tebt. 38, 39), и «Податной устав») поэтому предусматривает производство обысков в поисках контрабанды (RL, 55, 17).

Не совсем ясно, в каком положении было производство льняных тканей, которыми славился Египет. По-видимому, только посев льна регулировался государством. Производство тканей находилось в руках частных лиц (P. Tebt. 5, 231 сл. запрещает продавать за недоимки ткацкие мастерские и орудия прядения и ткачества), но правительство скупало ткани по установленным ценам и потом пускало в продажу через торговцев-откупщиков[135].

В Египте существовала также монополия на соль, кожи, пеньку, папирус и некоторые другие предметы широкого потребления. Эти монополии помимо тягот, которые налагались на трудящееся население, были одним из дополнительных способов выжимания средств, поскольку они устанавливали монопольно высокие цены. Так, из папируса PCZ 59025 видно, что в 259 г. масло продавалось в Египте по 52 драхмы за метрет, тогда как на Делосе в это время розничная цена была 18 драхм.

Кроме уплаты податей и налогов трудящиеся Египта обязаны были работать безвозмездно на ирригационных сооружениях. Парижский папирус (W. 385), содержащий отчет о произведенных работах, касается 1080 людей, произвед-

[135] О текстильной монополии см. М. Хвостов. Очерки организации промышленности…, стр. 52 сл.

ших 32 400 навбиев[136] землекопных работ, т. е. по 30 навбиев на душу. Привилегированные лица, освобожденные от этой трудовой повинности, вместо этого платили налог – χωματικόν. Эти обычные, нормальные работы по содержанию в порядке ирригационной сети, как и текущий ремонт каналов на арендуемом участке земледельца, искони были привычны крестьянам. Но дело не ограничивалось этими текущими работами. В царствование Птолемея Филадельфа, когда были предприняты мелиорационные работы в большом масштабе, необходимо было найти рабочие руки для экстраординарных работ. Из документов Зенонова архива видно, что для мелиорационных работ в районе Филадельфии привлекали рабов, военнопленных, арестантов (δέσμιοι), наемных работников, а также в принудительном порядке и земледельцев, хотя и за плату.

Регламентация всех деталей производственного процесса, множественность контроля над каждым шагом земледельца, фиксируемым в документах с печатями, клятвами, свидетелями, система ответственности чиновников за поступление доходов, заставлявшая их в целях перестраховки нажимать свыше всякого предела на плательщиков, – все это неизбежно вело к злоупотреблениям властью[137], к вымогательствам, хищениям. Инструкция эконому (P. Tebt. 703, стр. 134 сл.) рекомендует взаимное благожелательное отношение

[136] Ναύβιον – мера объема, куб со стороной в 2 локтя.

[137] Перечень таких злоупотреблений см. C. Préaux, ук. соч., стр. 515 сл.

(εὔνοια) чиновников и населения. Но на практике то были враги. Уже в III в. инструкция эконому (стр. 60–63) предлагает вникнуть в положение земледельцев, разоренных тяжестью поборов. Но, понятно, рассчитывать на добрую волю чиновников было нечего. Земледельцы прибегали к другому средству самозащиты – к «забастовке»; они покидали свое место работы и уходили в храм, пользовавшийся правом убежища. Интересный случай такой ἀναχώρησις произошел в δωρεά Аполлония[138], где земледельцам благодаря этому удалось добиться лучших условий аренды.

Но середина III в. была периодом подъема хозяйства Египта. Была расширена посевная площадь благодаря крупным мелиорационным работам. Крупные земельные владения вроде δωρεά Аполлония были рассадниками более высокой сельскохозяйственной техники. В Филадельфии вводятся новые посадки фруктовых деревьев и винограда, тысячи саженцев привозятся из разных стран и акклиматизируются здесь, чтобы создать изысканные сорта вина и фруктов, на которые появился спрос не только со стороны греческих иммигрантов, но и на внешнем рынке, благодаря расширению экономических связей. Правительство покровительствовало этим новшествам, в частности, для новых плантаций налог на вино был снижен с $^1/_6$ до $^1/_{10}$. Вводятся и новые сорта пшеницы, более продуктивной. Аполлоний ввозит из

[138] PSI 502, русский перевод: АСПИ, стр. 436/7.

Малой Азии знаменитых в древности милетских овец вместе с пастухами, выводятся драгоценные овцы, которых укутывают в кожу (πρόβατα ὑποδίφθερα). Архив Зенона показывает, сколь обширны и многообразны были хозяйственные мероприятия в управляемой им δωρεά, какое громадное количество людей различного происхождения и состояния втягивалось в сферу его влияния.

Рост производства не только удовлетворял возросший спрос со стороны «эллинов», но и давал излишки для внешней торговли. Хоть окольным путем, через посредство государственного аппарата, но все же Египет занял видное место в экономике эллинистического мира в целом. Это означало рост рабовладельческих отношений. Александрия, типичный рабовладельческий город, оказывала свое влияние и на все хозяйство страны, и расширение производства, стимулируемое также политикой первых Птолемеев, было возможно только путем все большего применения труда рабов.

Историки эллинизма, преимущественно юридического направления, склонны преуменьшать роль рабства в птолемеевском Египте, за исключением Александрии. В частности, Вестерман[139] находит в Египте очень мало рабов. При отсутствии какой бы то ни было статистики этот вопрос нельзя решать при помощи случайно обнаруженных данных в папирусах. Кроме того, и терминология в документах не всегда ясна. Греки, например, словом σώματα обозначают обычно

[139] W. L. W e s t e r m a n n, Sklaverei, RE, Suppl.VI.

рабов; но в Египте это слово часто обозначало вообще «души»; в декларации Асклепиада (W. 198) перечисляются члены семьи Асклепиада, няня и 8 наемных работников, «всего 15 σώματα» («душ»). Не всегда можно с уверенностью сказать, что παῖς или παιδίσκη означает раба или рабыню; но παιδάριον почти всегда означает раба. Но важнее, чем статистика, основанная на совершенно случайных данных, материалы, свидетельствующие о наличии очень большого числа рабов водном хозяйстве. Ростовцев приводит данные папирусов о сельскохозяйственных рабах: у Керкиона работают 30 рабов, у Миса – 30, у Лаба – 15, у араба Петемениса – 30, у Оннофрия – 10; все эти лица нанимают рабов за плату; ряд других лиц применяют по 10 рабов. Военнопленные рабы, по известному свидетельству Диодора (III, 12,2), работали в рудниках. Многие из них попадали и к частным лицам. В декларации Лептина (W. 199) названо по имени не менее 16 рабов (список обрывается). Наличие такого большого количества рабов в одном хозяйстве, притом не в городе, а в селе, говорит о большом месте рабского труда в производстве.

В предыдущей главе приведены данные Зенонова архива о рабстве в сирийских владениях Египта. Они говорят о том, что торговля рабами занимала, пожалуй, первое место в операциях Зенона в Сирии. В хозяйстве Аполлония в Филадельфии рабыни работают в ткацких мастерских (PCZ 59142, 59295). О налоге на рабов (ἀνδραποδικόν) говорит специальный закон (около 265 г.), в выдержке из νόμος τελωνικός

(W. 259); налог этот был отдан на откуп. В δικαιώματα имеется специальный раздел о «рабе, ударившем свободного» (стр. 196– 202); закон устанавливал разные меры наказания для господ и рабов.

В тех же δικαιώματα имеется специальный параграф, устанавливающий, что гражданин (Александрии) не может быть рабом (стр. 219–221). Это приводит к вопросу о порабощении свободных, о кабальном рабстве в Египте. До недавнего времени единственным относящимся сюда текстом был P. Col. Invent. 480 (198–197 г.), опубликованный в 1929 г.[140] Папирус содержит выписку из «указа о рабах» (ἐκ τοῦ διαγράμματος τοῦ τῶν ἀνδραπόδων). Речь идет о налоге на сделки о купле-продаже рабов, сдаваемом на откуп и находящемся под наблюдением контролера (ἀντιγραφεύς). Устанавливаются ставки налога в зависимости от характера сделки; была ли это обычная продажа, регистрируемая у агронома, продажа с торгов, продажа за причитающиеся казне долги. Налог взимается не только в пользу казны, но и в пользу города (προπολητικόν); кроме того, взимается сбор за оглашение (κηρύκειον), канцелярский (γράφιον). Раньше, как сказано в указе, этот налог взимался как δωρεά Дикеарха. Очевидно, этот этолийский пират, бывший на службе Филиппа V Македонского, а затем Птолемея VI, получил в качестве особого пожалования доход с налога на продажу рабов. Надо полагать, этот налог составлял приличную сумму, если

[140] W. L. W e s t e r m a n n. Upon slavery in Ptolemaic Egypt. New York, 1929.

его могли пожаловать как δωρεά, а это говорит о значительных оборотах по работорговле[141]. Но наиболее интересна последняя часть папируса: «τῶν δὲ ὑποχρέων σωμάτων ὅσα ἂν ἐλεύθερα ὄντα ἑαυτὰ …. (10 букв) τὸ χρέος πράξονται τὸν δανείζοντα (5 драхм 1 обол) καὶ τὸν δανειζόμενον (5 драхм 1 обол)»; всего 10 драхм 2 обола и γράφιον с головы 1 драхма. Здесь, по толкованию издателя, ныне подтвержденному новым документом, речь идет о должниках, которые, будучи свободны, сами себя (ἑαυτά) продают в рабство, становясь рабами-должниками (ὑπόχρεα σώματα). Несмотря на сообщение Диодора (I, 79), что уже Бокхорис запретил кабальное рабство, оно, оказывается, практикуется в птолемеевском Египте, и даже в Александрии, судя по включенному в δικαιώματα постановлению. Если толкование текста этого папируса, данное у Вестермана, вызвало кое у кого сомнения, то оно было окончательно подтверждено цитированным в предыдущей главе PER Inv. № 24552, где в официальном царском указе Птолемея Филадельфа (?) указываются и источники рабства, в частности кабального: в Сирии и Финикии практиковалась продажа σώματα λαϊκὰ ἐλεύθερα – свободных людей из простонародья – и просто похищение; указ запрещает такие операции; но лица, проданные казной, оста-

[141] О системе продажи рабов (конфискованных за долги или военнопленных) говорит P. Grad. 1 (18-й г. Птолемея Филадельфа), устанавливающий порядок закупки их. Желающим предлагается записаться заблаговременно (за 3–6 месяцев) у специально назначенных для этого лиц и внести за каждого раба аванс в 20 драхм.

ются в рабстве, «если даже некоторые заявляют, что они свободные люди». Запрещая сделки с σώματα λαϊκὰ ἐλεύθερα, указ делает исключение для тех случаев, когда закон допускает взыскание не только с имущества, но и с самой личности должника ὧν ἡ πρᾶξις καθήκει καὶ ἐκ τοῦ σώματος γίνεσθαι; продажа за долги, таким образом, узаконена египетским правительством.

Об интересном демотическом папирусе II в. доложил на Оксфордском папирологическом конгрессе 1937 г. Томпсон[142]. В папирусе речь идет о самопродаже храму. Автор документа объявляет себя с детьми и детьми детей рабами бога Сохнеотинис. «Я не буду иметь права быть свободным в твоем храме на веки веков. Ты будешь меня защищать… Я буду отдавать тебе в качестве дохода от моей службы каждый месяц… пока исполнится 99 лет… 1¼ кит… и буду платить жрецам ежемесячно… Я буду выполнять твои приказания обязательно и без промедления». По-видимому, здесь перед нами случай, когда человек добровольно отдает себя в иеродулы, чтобы укрыться под сенью храма от житейских бурь и невзгод. Это бросает несколько новый свет на институт κάτοχοι – затворников храма Сараписа в Мемфисе.

При изучении рабства в Египте необходимо иметь в виду своеобразие форм рабства в различных странах древности в разные времена. Иной раз недооценка роли рабства в хозяй-

---

[142] H. Th o mp s on. Self-dedications, – Actes du congrès de papyrologie…, стр. 497–504.

стве объясняется тем, что исследователю рисуется какой-то «идеальный» шаблон раба, какой известен главным образом в Римской республике. Между тем в Египте существовали формы рабства, которых нельзя подвести под шаблон. В демотическом папирусе (Field Museum, 109/8 г.), опубликованном в 1936 г.[143], выступает «крестьянин, раб Земи» по имени Эпмахомнев. Такое сочетание «крестьянин-раб» и т. п. встречается в демотических документах часто. Автор публикации цитирует рабаинспектора канала, раба-менялу, раба-гусиного пастуха, рабарыбака, ведущих самостоятельное хозяйство; раб-гусиный пастух в 198 г. продает некоему Петею земельный участок в 30 арур. Частноправовые документы, составлявшиеся не на греческом, а на египетском языке, еще недостаточно изучены; они, надо полагать, внесут дальнейшие существенные коррективы в распространенное, идущее от Вилькена представление о незначительной роли рабства в птолемеевском Египте.

Включение Египта в систему эллинистических государств, приведшее на первых порах к расширению его экономики, отразилось и на торговле Египта. Александрия стала одним из крупнейших центров торговли, уступая разве только Родосу. Архив Зенона свидетельствует о многообразной торговой деятельности Аполлония, этого предприимчивого крупного дельца. Его агенты в Сирии закупают различные товары: от меда и орехов до рабов. В PCZ 59012 дана

[143] H. J. R e i c h. The Field Museum Papyrus, «Mizraim», II, 1936, стр. 36 сл.

сводка товаров, ввезенных для Аполлония из Сирии в Пелузий, с указанием ввозной пошлины – от 20 до 50% (вино). Слава Филадельфии как торгового и промышленного центра привлекала сюда с разных сторон людей, готовых предложить свои услуги. Так, два брата просят Зенона устроить их на работу с матерью и женой в Филадельфии; они рекомендуют себя в качестве опытных мастеров по производству льняных тканей для женщин и предлагают организовать производство большого ассортимента женского платья и обучить этому ремеслу работников; они ставят однако условием, чтобы им дали помещение (PCZ 59263). Другая группа ткачей предлагает свои услуги за поденную плату 1½ обола в день мужчине и ½ обола женщине и при условии предоставления в их распоряжение одного раба в качестве помощника (PSI 599).

Поскольку в казну поступало огромное количество пшеницы в качестве натуральной подати и аренды, а государственные монополии сосредоточивали контроль над важнейшими отраслями производства в руках государства, само государство оказывалось крупнейшим владельцем товаров. Но торговля, как крупная, так и мелкая, находилась главным образом в руках откупщиков; Птолемеи предпочитали получать в казну готовую наличность, гарантируя свои интересы установлением отпускных цен, монополией на финансовые операции меняльных столов (τράπεζαι) и обложением торговли сверх того налогом на торговый оборот (ἐγκύκλιον,

τέλος, ὠνῆς).

О торговле с Западом документы чрезвычайно скудны. Но надо полагать, что господство на Эгейском море в тот период, когда Птолемеи стояли во главе островной лиги, открыло для египетской торговли широкие перспективы. Египетские товары археологи обнаруживают в самых отдаленных уголках эллинистического мира вплоть до Северного Причерноморья[144]. Египетская керамика, художественная посуда из литого стекла с золотым орнаментом находили широкий спрос. Особенно важна была торговля хлебом, которого Египет мог вывозить до 10 миллионов артаб в год, восточными ароматическими веществами и пряностями, папирусом. Вероятно, урегулирование вопросов хлебной торговли было предметом переговоров послов боспорского царя Перисада с Птолемеем Филадельфом. По сообщению историка г. Гераклеи Понтийской (Memnon 25), Филадельф доставил Гераклее 500 артаб пшеницы и построил там на акрополе мраморный храм Гераклу. С другой стороны, Египту приходилось ввозить металлы (железо, медь, золото), дерево, лошадей, слонов.

Для ведения торговли был необходим флот – речной и морской. О размерах этого флота нет сведений. Имея в своих владениях Эгейские острова и финикийские гавани и верфи,

---

[144] См. статью Б. А. Тураева «Les objets égyptiens, trouvés dans la Russie Méridionale», RA, 1911. Ср. А. В. Шмит «Древний Восток и русский Север», «Новый Восток», № 13–14, 1926.

Птолемеи, вероятно, использовали для дальней морской торговли греческие и финикийские корабли; но и о собственном кораблестроении можно заключить из сообщений о закупке строительного леса. Во всяком случае в папирусах имеются прямые указания о существовании казенного речного флота. Наряду с этим для перевозок по Нилу использовались перевозочные средства частных лиц. Аполлоний, как сообщают папирусы Зенонова архива, имел собственную флотилию речных судов и верфи в Керке[145].

Несколько больше мы осведомлены о восточной торговле Египта. В исследовании М. М. Хвостова «История восточной торговли греко-римского Египта» (Казань, 1907) дана исчерпывающая для того времени сводка всего относящегося сюда материала. Первые Птолемеи провели ряд мероприятий по улучшению связи с Востоком и Югом. Экспедиции Филона, Сатира, Эвмела, Пифагора и другие ставили себе, наряду с научным исследованием, также экономические задачи. На Красном море возникают порты, обслуживающие торговлю с Аравией, Эфиопией и Индией. Главным из них был порт Береника, соединенный благоустроенной дорогой с нильским городом Коптом. Был восстановлен канал, соединяющий Нил с Красным морем; целая система шлюзов ограничивала доступ соленой воды из моря и поддерживала такой уровень воды в канале, что он мог пропускать большие грузовые суда. Торговля с Индией велась через посред-

[145] M. R o s t o v z e f f. A large Estate…, стр. 123.

ство арабов. Птолемеи пытались завязать и непосредственные сношения с Индией. При Птолемее I была направлена сухопутная экспедиция через Аравийскую пустыню в Вавилон. Птолемей II посылает в Индию посла к царю Ашоке и получает от него ответное посольство. Птолемей III Эвергет во время «войны Лаодики» совершил поход на Восток вплоть до Персиды, возможно, чтобы овладеть путем в Индию. Одновременно ведется исследование Красного моря и Индийского океана. Позднее, уже в I в., встречается в надписях (OGIS 186, 190) должность στρατηγὸς τῆς Ἰνδικῆς καὶ Ἐρυθρᾶς θαλάσσης; это, конечно, не значит, что Птолемеи владели Индийским океаном; по всей вероятности, под «Индийским морем» разумеется южная часть Красного моря; но само название должности свидетельствует о серьезном интересе правительства к индийской торговле. Владея также Финикией и Южной Сирией, Птолемеи могли осуществлять и караванную торговлю с арабскими племенами и через их посредство с Индией. Вывозимые с Востока пряности и благовония составляли государственную монополию; сырье поступало в Александрию, где оно отчасти перерабатывалось в соответствующий готовый продукт; часть восточных товаров перепродавалась в сыром виде.

Птолемеи провели также централизацию и унификацию денежного обращения. Была введена единая монетная система, основанная не на аттическом, а на финикийском стандарте. Находившиеся в обращении монеты не птолемеевской

чеканки подлежали обязательной перечеканке (PCZ 59021). Для внутреннего обращения в Египте была сохранена медная монета; это также было одним из средств обогащения казны, так как реальное соотношение между стоимостью меди и серебра не соответствовало номинальной стоимости медных денег.

Система организации хозяйства, основанной на принуждении, на присвоении прибавочного продукта путем установления бесчисленных тяжелых налогов и государственных монополий, обогащая казну, истощала непосредственных производителей. Тарн отмечает, что «Птолемеи развивали страну, но не улучшали условий жизни народа»; что у них «не было желания угнетать египтян», но у них не было и желания помочь им, они заботились лишь о том, чтобы они были годны к труду, «но это делает любой деловой рабовладелец». Вот почему нуждавшиеся всегда в деньгах Селевкиды, опираясь на свободное население, подняли эллинистическую культуру, тогда как Птолемеи «отдавали на откуп государство и наполняли свою казну»[146]. Тарн, как и все буржуазные историки и юристы, рассматривает государство как надклассовое учреждение и потому он видит различие между государствами Птолемеев и Селевкидов в личных взглядах и целях их правителей. В действительности оба государства были классовыми, рабовладельческими. При всем различии конкретных исторических условий, в которых развивались

[146] W. T a r n. The Hellenistic Civilization, 1927, стр. 164, 165.

эти эллинистические монархии и которые привели к различным формам организации государства и хозяйства страны, существо их было одно и то же. Возможно, что первые Птолемеи были житейски неплохие люди и руководились наилучшими намерениями[147]. Но основная задача, диктовавшаяся объективными интересами рабовладельческого класса, именно в том и заключалась, чтобы «развивать страну, но не улучшать условий жизни народа», т. е. трудящихся. Поэтому и царство Селевкидов и царство Птолемеев, хотя несколько различными путями, пришли к одному и тому же результату – новому кризису, который завершился римским завоеванием.

Разделение населения – с одной стороны, на рабов, ὑποτελεῖς, ἐπιπεπλημένοι ταῖς προσόδοις («привязанные к государственным доходам») и царских земледельцев, с другой – на крупных рабовладельцев и землевладельцев, торговцев и откупщиков, жрецов и чиновников – свидетельствует о классовом антагонизме, определяющем структуру и селевкидского и птолемеевского общества. Система откупов и монополий, установленная в Египте, всей своей тяжестью давила на трудящееся население, но не мешала, а иногда и

[147] О «благожелательности» Птолемея Филадельфа по отношению к населению хорошее представление дает P. Amh. 33: в личном письме к диойкету Аполлонию Птолемей возмущается тем, что по искам казны со стороны ответчиков выступают защитники συνήγοροι в ущерб казне. Он приказывает взыскать с защитников понесенный казной убыток в $2^1/_{10}$ раза и запретить им впредь выступать по таким делам под угрозой ареста и конфискации имущества.

содействовала обогащению всякого рода предпринимателей, нахлынувших в Египет из Азии и Европы или вышедших из среды самих египтян; общность классовых интересов сплачивала тех и других, и имя «эллин» воспринималось скорее как классовое, чем этническое понятие. И в Египте, как и в других эллинистических странах, шел процесс дальнейшего расслоения сельской общины, дальнейшее углубление классовых противоречий. Рост производительных сил, развитие рабовладельческих отношений, хотя и в специфических египетских формах, сопровождались, как мы видели, жесточайшим угнетением трудящихся. Конечно, деспотический режим давал себя чувствовать и другим слоям населения. В частности, тяжелым бременем и для средних слоев – египтян и эллинов – были военные постои. Клерухи получали не только земельный участок, но и σταθμός, квартиру; для этого реквизировали частные жилища, что вело к бесчисленным недоразумениям, спорам и ссорам. P. Petr. II, 8 (=W. 450) – жалоба некоего Фамеса, адресованная царю, – цитирует ряд указов Птолемея Филадельфа, начиная с 276/5 г. В одном из них запрещается захватывать помещения клерухов, лишившихся клера. Другой указ запрещает клеруху, получившему помещение, домогаться еще одного. Следующим указом запрещается брать ссуду под квартиру или продавать ее. Еще один указ устанавливает порядок, по которому в зданиях, предназначенных для расквартирования военнослужащих, половина должна оставаться в распоряжении

домовладельцев; вместе с тем запрещается захватывать помещение насильно. Наконец, последний указ говорит, что квартиры клерухов, у которых клер конфискован, переходят к царю; это значит, что реквизиция квартир имела не временный, а постоянный характер. Несмотря на запрещение самочинных действий, множество жалоб, сохранившихся на папирусах, говорит о частых случаях самоуправства, ожесточавших население против «эллинов» – греков и эллинизированных пришельцев из Азии и Европы. Как видно из одного папируса 242 г. (W. 449), некоторые домовладельцы в Крокодилополе, чтобы защитить себя от реквизиций, сняли крыши с домов и забаррикадировали двери, поставив перед ними алтари (надо полагать, греческим богам).

Греческое влияние сказалось и в институте литургий – обязательной, связанной с расходами общественной службы. В P. Mich. Zen. 23 некий Аристид в 257 г. пишет Зенону, что его, несмотря на молодой возраст, граждане избрали на должность по хлебоснабжению; он просит Зенона ходатайствовать перед Аполлонием об освобождении его от этой тягостной литургии. Литургии затрагивали в первую очередь имущих; но в то время они и не занимали, по-видимому, заметного места в административно-хозяйственной жизни Египта. Обогащение египетской казны[148] и рост рабо-

[148] Аппиан (prooem. 10) пишет, что Птолемей Филадельф собрал в своей казне 740 000 талантов. Эта нелепо громадная цифра показывает, какими грандиозными рисовались богатства первых Птолемеев позднейшим поколениям. По Иерониму (к Даниилу, XI, 5) Филадельф извлекал из Египта годовой доход в 14

владельческого хозяйства достигались нещадной эксплуатацией трудящихся.

Неудивительно, что уже в правление Птолемея Филадельфа намечаются разрозненные, пока единичные и не организованные, выступления против гнета[149]. Выше уже отмечалось, что угнетаемые земледельцы в δωρεά Аполлония прибегают к ἀναχώρησις, чтобы отстоять свое право на существование. О брожении среди трудящихся говорит появление в переписке Зенона термина στασιαστής (бунтовщик). Так, некий владелец мастерской сообщает, что у него работает στασιαστής, собирающийся бежать (ἀναχωρεῖν); этого бунтовщика однако заблаговременно арестовали (PSI 442). Известный, по-видимому, ὁ στασιαστὴς ὁ γεωργός упоминается в PCZ 59499. В PCZ 59484 ткач доносит на другого ткача как на στασιαστής. В демотических арендных договорах земледельцы приносят клятву, что они не уйдут «ни в храм бога, ни к алтарю царя, ни в убежище» (там же, стр. 1018). К ἀναχώρησις прибегали и рабы. Рабыня пишет Зенону, что, истощенная тяжелой работой, она все же не желает бежать (ἀναχωρῆσαι), как бежали остальные обиженные рабыни (PSI 667; ср. 602). Иной раз прибегали и к активным

---

800 талантов серебром.

[149] Имеющийся об этом папирологический материал собран в статье W. P e erm an s «Ptolemée II Philadelphe et les indigènes égyptiens», «Revue Belge de Philologie et d'histoire», XII, 1933, № 4, стр. 1006 сл. См. также Е. К а г а р о в, «Новые материалы по истории классовой борьбы в древнем мире», ИЖ, 1940, № 10, стр. 82 сл.

действиям. Так, ведающий разведением арабских овец Гермий доносит Зенону в 259 г.: «народ (ὁ λαός) напал на нас, наложил руки на пастухов, … я страдаю, подвергшись побоям» (PSI 380).

Конечно, со «смутьянами» расправлялись беспощадно. По свидетельству P. Tebt. 701 (235 г.), целое селение оказывается обезлюдевшим (ἔρημος) из-за арестов. Но репрессии не могли остановить выступлений, начавших вскоре принимать характер массового движения. Первым его проявлением была, по-видимому, seditio domestica при Птолемее III Эвергете. Об отражении брожения против власти в идеологии свидетельствует «пророчество горшечника», дошедшее до нас в греческом переводе. Это «пророчество», по-видимому, относится ко времени Птолемея III; оно имеет характер апокалипсиса, в котором открывается будущее. Здесь предсказывается гибель Александрии: «Город у моря станет местом, где рыбаки сушат свои сети, ибо Агатодаймон (добрый демон) и Хнум удалятся в Мемфис». Затем настанет «блаженное время, когда воссядет праведный царь, посланник богасолнца»[150]. А вскоре после Эвергета государство вступает в полосу хронического кризиса, который в конце концов завершился падением эллинистического Египта.

[150] CAH, VII, стр. 1 15.

* * *

Преемником Птолемея Эвергета был его сын Птолемей IV, получивший прозвание Филопатора (221–204 гг.). Управлял государством фактически временщик Сосибий, который еще при Эвергете занимал высокий пост верховного жреца царского культа и владел обширной δωρεά. Полибий (XV, 25) дает ему резко отрицательную характеристику, называя его ψευδεπίτροπος и злым гением (κακοποιός) государства. По его наущению были убиты дядя, брат и мать Птолемея. Он потворствовал дурным наклонностям молодого царя, чтобы держать его в своих руках. Под влиянием Полибия некоторые историки, в частности Бивен, изображают этот период истории Египта только как личную историю Филопатора и его приспешников. Между тем это период кризиса всей политической и хозяйственной системы, который в эти 18 лет, правда, только еще намечается, но с вполне отчетливыми контурами. Буржуазные историки видят существо изменений в Египте при Птолемее IV и его ближайших двух преемниках во взаимоотношениях между македонским правительством и «туземцами»: если первые Птолемеи осуществляли «благожелательное господство» над египтянами, то с Филопатора намечается вместо господства – союз (association). Таким образом, классовые отношения подменяются этническими, а классовая борьба в этой харак-

теристике вовсе элиминируется. Что касается «союза» рабовладельческого правительства и египетского народа, о котором говорит, например, Ростовцев, то материал, им подобранный, показывает, что то был вынужденный «союз» всадника и коня.

Важнейшим событием во внешней политике Египта этого времени была сирийская война, в которой Антиох III потерпел в 217 г. поражение при Рафии. В этой битве в войске Птолемея сражались 20 000 египетских μάχιμοι, вооруженные и обученные по македонскому образцу, и их участие дало Птолемею победу. В этом новшестве Филопатора надо видеть естественный результат всего столетнего существования эллинистического Египта. Ведь клерухи только номинально были македонцами. За сто лет они в достаточной степени сблизились и смешались с местным населением, и разница между ними и египетскими μάχιμοι, несмотря на сохранившиеся различия в их экономическом положении (μάχιμοι получали меньшие наделы), не была уже столь значительной. Что касается наемников, то вряд ли они были более надежны, чем египетские μάχιμοι, которые во всяком случае не перешли бы на сторону противника, как это не раз делали наемники.

Победа при Рафии вновь утвердила власть Птолемеев в их азиатских владениях, но имела неожиданные последствия для внутренней жизни Египта. Уже во время похода в войске Птолемея возникли какие-то волнения. В трехъязычной

надписи на Пифомской стеле, опубликованной в 1925 г. Сотта и Готье[151], представляющей декрет мемфисских жрецов в честь победителя, после обычных в таких случаях славословий и превознесения победы царя, захваченной им громадной добычи, розыска и возвращения увезенных некогда персами статуй египетских богов декрет отмечает, что «после измены, которую замыслили командующие отрядами, он заключил с Антиохом перемирие на два года и два месяца». Здесь не может идти речь об измене в бою, так как дело происходило уже после одержанной победы. По-видимому, имеется в виду первое выступление μάχιμοι, прелюдия того восстания, о котором рассказывает Полибий (V, 107). Может быть, раздача войску золотых венков на сумму 300 000 золотых, о которой сообщает тот же декрет, имела целью задобрить также μάχιμοι. Вероятно, к этому времени относится текст так называемой демотической хроники, содержащий апокалиптические оракулы с комментарием. Автор пророчествует: «человек из Гераклеополя после чужеземцев и ионийцев будет править». «Радуйся, пророк Харшефи». Комментатор поясняет: «это значит: Харшефи радуется, так как после ионийцев появится царь в Гераклеополе»[152]. В этом египетском мессианизме выражается чаяние освобождении от ига чужеземцев. При этом необходимо учесть, что «ионяне» воспринимались эксплуатируемой массой как понятие

[151] См. выше, стр. 185.

[152] Ed. M e y e r, SBAW, 1915, стр. 287 сл.

классовое – в них видели не столько завоевателей, сколько угнетателей. Но этот документ ничего не говорит об идеологии восстания μάχιμοι, ибо, хотя факт составления «хроники» на демотике говорит скорее всего о том, что она вышла не из кругов жречества, мы все же не знаем, какая была связь у повстанцев с тем идеологическим течением, которое нашло свое выражение в демотической хронике.

Подробности восстания неизвестны; оно, по-видимому, носило характер нерегулярных военных действий, вспыхивавших то тут, то там. Полибий отмечает, что внутренняя война велась с чрезвычайной жестокостью с обеих сторон, но не было регулярного сражения или осады (XIV, 12). Судя по имеющимся недостаточным данным, стихийное движение направлялось не только против птолемеевской власти, но и против храмов, о чем имеется папирусное свидетельство и прямое указание в розеттской надписи: здесь в строке 27 греческого текста говорится, что повстанцы при Филопаторе обижали храмы (τὰ ἱερὰ ἀδικήσαντας). Этим опровергается распространенная версия, по которой повстанческое движение носило характер «национального» восстания под руководством жрецов. Конечно, в этом неорганизованном движении, где руководящую роль играли μάχιμοι, участвовали, надо полагать, различные группы с различными классовыми интересами, выступавшие под разными лозунгами, в том числе религиозными и антиэллинскими. Но в основе лежали экономические причины, и жречество воспринима-

лось прежде всего как эксплуататорская организация. Надпись на храме в Эдеру, постройка которого была начата еще при Птолемее III Эвергете, сообщает, что в 16 году Птолемея Филопатора разразилось восстание и отряды повстанцев проникли в храм. Строительные работы прекратились на двадцать лет. Из этой же надписи мы узнаем, что на юге восстание началось только в 206 г., но на севере оно, по словам Полибия (V, 107), началось вскоре (ἐυθέως) после окончания сирийской войны. На юге оно приняло характер более серьезный; по-видимому, Фиваида отпала от царства Птолемеев. «Из документов мы узнаем, что в Фивах на рубеже III и II столетий появляется туземная династия, по годам царей которой Гармахиса и Анмахиса, современников Эпифана (а может быть, частью и конца царствования Филопатора), датировано значительное количество демотических контрактов, происходящих из Фив»[153]. Косвенным подтверждением этому может служить отсутствие для этого периода вообще очень обильных остраков из Фив.

О массовом характере повстанческого движения и о его длительности говорит уже упоминавшаяся инструкция эконому (P. Tebt. 703), дата которой не сохранилась, но которая скорее всего относится ко времени Филопатора, после подавления восстания на севере. Инструкция констатирует, что царские земледельцы разорены тяжестью ἐκφόρια (строка 60 сл.); что многие бросили работу и бежали (строка

[153] Б. А. Т у р а е в. История древнего Востока, т. II, стр. 216.

217); что по стране бродят беглые μάχιμοι и матросы, которых предлагается вылавливать (215 сл.); правительство озабочено вывозкой хлеба из номов в Александрию (строки 70–87); очевидно, речной транспорт расстроен, и рекомендуется принудить египтян поступать на службу во флот (215 сл.); положение в стране характеризуется как трудное (234 сл.).

Надо полагать, что именно этой экономической разрухой внутри страны объясняется пассивность правительства Филопатора в области внешней политики. Правда, престиж Египта еще был довольно высок, о чем свидетельствуют почетные декреты в честь Филопатора в ряде греческих городов; но египетское правительство не принимает активного участия в развертывающихся крупных событиях на Балканах и в Италии – оно сохраняет нейтралитет по отношению к воюющим сторонам во II Пунической и в так называемой первой македонской войне. В Эгеиде значение Птолемеев падает и Родос выдвигается как ведущий центр торговли. Оживленные дипломатические сношения с Римом, начавшиеся при Филопаторе, были скорее на пользу Риму.

Тяжелое положение внутри страны нисколько не отражалось на роскоши двора, где любимцы Филопатора, Агафокл и его сестра Агафоклея, задавали тон. В то время как, по признанию самого правительства, страна была разорена и речной транспорт составлял серьезную проблему, в Александрии строится ненужный и бесполезный, но поражающий своими невиданными размерами корабль. Для прогулок по

Нилу построен еще более грандиозный и роскошно отделанный корабль с портиками, пиршественными залами и т. д. Пышная титулатура царя из иероглифических жреческих текстов проникает и в официальные акты на греческом языке (W. 109).

О смерти Филопатора и его жены-сестры Арсинои ходили в древности легенды. Придворные якобы в течение года скрывали смерть царя и объявили о ней лишь тогда, когда им удалось отравить Арсиною. Во всяком случае только в ноябре 203 г. Сосибий и Агафокл предъявили народу урны с прахом Птолемея и Арсинои и провозгласили царем малолетнего Птолемея, получившего прозвание Эпифана (203–181 гг.). Сосибий, видимо, вскоре умер; правителем стал Агафокл. Но в 202 г. стратег Пелузия, Тлептолем, поднял восстание против временщика, на его сторону перешли македонские отряды в Александрии. Агафокл, его сестра и мать, а также другие представители придворной клики были растерзаны. Власть перешла к Тлептолему. Произошла смена лиц. Режим остался прежний. Тлептолем как регент оказался не на месте. Его сменил Аристомен, а военное командование было поручено известному этолийцу Скопасу. Внешнеполитическое положение Египта было незавидным. По-видимому, «друзья» и враги Египта хорошо знали о смутах и неурядицах в Египте и не преминули этим воспользоваться. Филипп V Македонский вытеснил Птолемеев из Фракии, завладел Самосом. Все владения Птолемеев в Малой Азии, кроме

Эфеса, были потеряны. В 200 г., после битвы при Панионе, Антиох III завладел Келесирией, за которую велась борьба в течение ста лет. Египет перестал быть великой державой; в руках Птолемеев остались только Кирена, Кипр и кое-какие владения в Греции. Египет вошел в свои территориальные границы. Но и в этих границах продолжалась гражданская война, начавшаяся при Филопаторе.

Об этой внутренней войне и связанной с ней экономической разрухе содержит косвенные сведения знаменитый розеттский камень с трехъязычной надписью, которая, как известно, помогла расшифровать египетское иероглифическое письмо. В 197 г. Птолемей V, двенадцати лет от роду, был коронован царем и фараоном Египта, а 27 марта 196 г. синод жрецов в Мемфисе вынес постановления о почестях новоявленному богу (ἐπιφανής); в декрете перечислены его подвиги и благодеяния (φιλάνθρωπα).

На первое место, естественно, выдвигаются благодеяния по отношению к жречеству. Помимо обычных щедрых даров, постройки, ремонта и украшения храмов и святилищ, Птолемей Эпифан, утвердив права храмов на поступающие к ним натуральные и денежные доходы, сохранил в силе ἀπόμοιρα (налог в размере $^1/_6$ дохода) с виноградников и садов[154]; он распорядился освободить жрецов от ежегодной яв-

[154] Декретом Птолемея Филадельфа (RL, ст. 37) ἀπόμοιρα была передана в казну, с тем, чтобы эта статья дохода шла на содержание культа Арсинои. Хотя, таким образом, жречество в конечном счете не лишилось этого дохода, но, по-

ки в Александрию (κατάπλους), не привлекать их к принудительной службе на кораблях, снизить на две трети налог на изготовляемый в храмах виссон, освободить храмы от налога в 1 артабу с аруры пахотной земли и 1 керамион вина с аруры виноградников. Последняя льгота – освобождение от некоторых налогов навсегда – представляет нечто принципиально новое и подчеркивает привилегированное положение жрецов.

Все эти благодеяния и привилегии жречеству рассматриваются обычно как попытки задобрить жречество, бывшее идейным руководителем движения против власти Птолемеев. Но мы видели, что повстанцы обращали свое оружие и против жречества, которое принадлежало, как и «эллины», к господствующему классу. В самой розеттской надписи отмечается, что повстанцы поступили нечестиво с храмами (строка 81). Между правительством и жречеством существовал скорее союз, чем вражда; царская власть искала в жречестве естественной опоры, и если, может быть, между ними иной раз возникали недоразумения, они не могли иметь серьезного значения. Даже если учесть неизбежные преувеличения в жреческих декретах, они все же, несомненно, свидетельствуют о взаимной поддержке жречества и птолемеевского правительства; обе стороны не имели серьезных ос-

---

скольку деньги поступали в казну, они могли быть обращены в случае нужды на другие надобности. Розеттский декрет, по-видимому, имеет в виду, чтобы доход от ἀπόμοιρα, оставаясь в распоряжении казны, использовался только на нужды культа богов (обожествленных царей).

нований для недовольства друг другом. Конечно, идеи освобождения от власти чужеземцев продолжали жить в Египте в различных слоях населения и могли придавать соответствующую окраску массовым движениям. Ненависть к чужеземцам проявлялась самым неожиданным образом. В демотическом переводе декрета об амнистии, изданного в 19-й год правления Эпифана, рассказывается о том, как Эпифан захватил живыми Анмахиса и его войско; интересно, что при обозначении не только нубийского, но и птолемеевского войска поставлен детерминатив «чужеземца»[155]. И все же вся совокупность данных говорит о том, что движение против птолемеевской власти носило стихийно-классовый, а не «национальный» характер. В декрете противопоставляются не египтяне и эллины, а «народ» и прочие сословия; именно так, очевидно надо понимать по общему контексту заботу о том, «чтобы ὁ λαός и все прочие жили в довольстве»[156].

В розеттской надписи рассказывается и о военных действиях против повстанцев, укрепившихся в Ликополе, в Бузиритском номе. Город был подвергнут правильной осаде. Осажденные рассчитывали, что высокий подъем воды в Ниле затопит позиции осаждающих и разрушит их осадные сооружения. Но Птолемей, не жалея средств, построил ряд

[155] ZÄS. 53, 1917, стр. 55 сл.; ср. C. P ré aux, Les révolutions égyptiennes, «Chronique d'Égypte», 1936, стр. 535–6.

[156] Таково толкование Летрона (OGIS 90, прим. 47).

плотин, чтобы преградить доступ воде. В конце концов осажденные сдались; Полибий с осуждением говорит (XXII, 7, 1), что победители жестоко обошлись со сдавшимися в плен; по сообщению розеттской надписи, они были казнены в Мемфисе.

О положении в стране в связи с восстанием можно заключить по тем φιλάνθρωπα, которые объявило правительство малолетнего Эпифана. Прежде всего «он предписал, чтобы те из μάχιμοι и других, которые умышляли зло во время смуты, сохранили свои собственные владения». Были прощены недоимки и снижены ставки некоторых податей, объявлена амнистия некоторым категориям заключенных. Надо полагать, военные действия в стране привели к запустению ряда районов, что было особенно чувствительно для правительства после потери внеегипетских земель. Необходимо было поэтому побудить население проявить усердие в обработке земли. Возможно, что для стимулирования интереса земледельцев к поднятию производства правительство встало на путь расширения прав частной собственности на землю. В демотическом папирусе 203 г. из Каира говорится о клерухе, «которому земля дана навеки»[157]. Вообще борьба против запустения земли, падения ее производительности отныне занимает внимание правителей Египта, и нота тревоги по этому поводу звучит во всех дошедших до нас официальных ак-

[157] V. M a r t i n. Histoire administrative, «Papyri und Altertumswissenschaft», M., 1934, стр. 114.

тах.

В розеттской надписи заслуживает внимания освобождение жрецов от корабельной повинности. Привлечение к ней жрецов (или, может быть, только их иеродулов или земельных арендаторов) говорит о затруднениях с речным транспортом. Если с этим сопоставить появление около этого времени нового вида службы ναυκληρομάχιμοι – военных отрядов по охране водного транспорта – и государственной военной флотилии на Ниле[158], то можно заключить, что перевозки по Нилу казенных грузов, главным образом подати и оплаты аренды зерном, были под угрозой нападения.

Повстанческое движение не ограничилось Фиваидой и Ликополем и не было ликвидировано к моменту издания мемфисского декрета 196 г. Фиваида была усмирена только в 186 г. Папирус начала II в. (P. Tebt. 919) говорит о каком-то заговоре и вожде его. Другой, тоже крайне фрагментированный папирус (P. Tebt., 920) сообщает о каком-то вооруженном нападении (ληιστήριον), при котором некоторые спаслись, другие погибли[159].

Все же, по-видимому, в стране наступило некоторое успокоение. Птолемеевское правительство стало проявлять больший интерес к внешней политике. Брак Птолемея и дочери Антиоха III Клеопатры должен был в некоторой степени обезопасить Египет от дальнейших враждебных действий

[158] SEHHW, стр. 715.

[159] Некоторые другие материалы см. SEHHW. стр. 716 сл.

Антиоха. Во время войны Антиоха с Римом Египет пытался было предложить свою помощь Риму, но тот отклонил предложение, и победа Рима ничего не принесла Птолемею. Имеются сведения, что, используя слабость царства Селевкидов после поражения при Магнесии, птолемеевское правительство замышляло вновь завладеть Келесирией. Этому помешала смерть Птолемея Эпифана.

Период правления сына и преемника Эпифана, Птолемея VI Филометора (181–145 гг.), был насыщен важными событиями как во внутренней, так и во внешнеполитической жизни Египта. Рим, который после II Пунической войны вел активную политику на Востоке, пока еще не стал на путь захватов, временно ограничиваясь только распространением своего влияния на восточные дела. Правительство Египта само шло навстречу политике Рима, делая его арбитром в династических спорах и признав фактически его протекторат.

В малолетство Птолемея VI регентство находилось в руках его матери Клеопатры, а после ее смерти – в руках евнуха Эвлея и сирийца Ленея. В 172 г. Птолемей был признан совершеннолетним; по обычаю, он женился на своей сестре Клеопатре (II), которая позднее фигурирует в официальных документах наравне с царем; это стало затем правилом. Эвлей и Леней готовили планы отвоевания Келесирии. Но Антиох IV предупредил их, совершил поход в Египет, вступил в Мемфис и возложил на себя корону египетских фараонов. Птолемей бежал, но попал в руки Антиоха.

Между тем в Александрии был совершен дворцовый переворот, и царем был провозглашен младший брат царя, также принявший имя Птолемея[160]. В конце концов было достигнуто соглашение, что оба Птолемея царствуют вместе.

В 168 г. Антиох IV совершил второй свой поход в Египет и одновременно занял Кипр. На этот раз римляне, одержав победу над македонским царем Персеем при Пидне, вмешались в сирийско-египетские отношения, заставили Антиоха уйти из Египта и очистить Кипр. Не успел Антиох уйти из Египта, как в стране вновь разразилось восстание (165/4 г.). Влиятельный в Александрии политический и военный деятель, носивший греческое имя Дионисий и египетское – Петосарапис, пытался организовать восстание против Филометора в пользу его брата; покушение было неудачно, но Петосарапису удалось бежать и возглавить широкое движение против правительства; с этим движением сомкнулось новое восстание в Фиваиде (Diod. XXXI, 15). Филометору пришлось лично повести войско в поход и осадить повстанцев в Панополе. Восстание было подавлено. Но младшему Птолемею удалось изгнать брата из Александрии. Филометор бежал в Рим. Сенат вынес решение, выгодное, конечно, для Рима – о разделе Египта: Филометор получал собственно Египет и Кипр, младший брат – Киренаику.

---

[160] Все египетские цари носили имя Птолемей; по-видимому, независимо от своего действительного личного имени, которое могло быть и иным, они как цари назывались Птолемеями.

Правительство Филометора во второй половине его правления проявляло значительную активность на юге, на границе с Нубией, и особенно в Сирии. Сначала Филометор поддержал претендента Александра Баласа и выдал за него свою дочь. Но когда Александр обнаружил враждебные намерения против Египта, Филометор вступил в Антиохию и заставил Александра бежать. Филометор мог теперь овладеть троном Селевкидов, но благоразумно отверг это предложение: Рим, конечно, не допустил бы такого усиления царства Птолемеев. Вскоре, в последнем сражении против Александра, приведшем к его полному разгрому и гибели, Филометор был смертельно ранен. После смерти царя часть его наемников перешла на службу селевкида Деметрия, часть вернулась в Египет, где престолом теперь, наконец, завладел младший Птолемей, получивший прозвание Птолемей (VII) Эвергет (II) и кличку «Фискон» («толстопузый»).

Правление Птолемея VII особенно ярко характеризует разложение центральной власти. Убив сына Клеопатры от Птолемея Филометора, Эвергет женился на ней, но вскоре взял в жены дочь Клеопатры, свою племянницу, Клеопатру III. Официальные акты писались от имени царя Птолемея, царицы-сестры – Клеопатры (II) и царицы-жены – Клеопатры (III). Жестокий террор Эвергета вызвал восстание в Александрии, и Птолемею пришлось бежать на Кипр (131 г.). Клеопатра II осталась единоличной правительницей Египта. В отместку Клеопатре Птолемей распорядился убить своего

собственного сына от нее и послал ей изрезанное в куски тело сына в качестве подарка ко дню рождения. Своих других двух сыновей он также убил. Клеопатра в свою очередь также интриговала и в Египте и в Сирии. В 124 г. она помирилась с Птолемеем, и вновь установилось тройственное царствование. Птолемея называли поэтому не Эвергетом («благодетелем»), а Какергетом («злодеем»).

Вырождение династии Птолемеев, как и Селевкидов, было одним из побочных признаков общего упадка всей системы, а не его причиной, как склонны думать некоторые буржуазные историки вроде Бивена, рассматривающие историю птолемеевского Египта как историю царей. Бивен, например, сожалеет, что Филометор не убил своего брата: «он погубил бы свою душу, но приобрел бы более спокойное обладание миром для себя, для дома Птолемеев»[161]. Ни «благородный» Филометор, которого так расхваливает Полибий, ни «злодей» Эвергет (их правление охватывает почти весь II в.) не могли остановить процесс упадка Египта, так как этот упадок был результатом ограниченности тех средств, какими располагал рабовладельческий класс для утверждения своего господства и преодоления кризиса всей системы. Эллинистические монархии добились некоторого экономического подъема, но то был расцвет кратковременный; основная причина кризиса – рабовладельческий способ производства – ведь не была устранена. К тому же в Египте тяжелый гнет

[161] E. R. B e v a n. A History of Egypt…, стр. 288.

птолемеевского режима действовал губительным образом на производительные силы страны, хищнически расточавшиеся господствующим классом.

Некоторые документы позволяют судить о тяжелом экономическом положении Египта и о мерах, какие принимало правительство для ликвидации или хотя бы ослабления разрухи. Восстание Дионисия-Петосараписа захватило разнообразные слои населения и вряд ли было «национальной» революцией. В P. Tebt. 781 руководитель Аммониона (храма Амона) жалуется, что храм был разграблен в 168 г. После ухода Антиоха из Египта храм был восстановлен, но «затем на него напали египетские мятежники» и разрушили не только служебные пристройки, но и само святилище. И в данном случае повстанцы выступают против египетского жречества. P. Amh. 30 (=W.9) представляет жалобу жреца на то, что «египетские повстанцы» сожгли сданный им на хранение акт о покупке дома его отцом, тоже жрецом. Воспользовавшись этим, продавец вновь занял уже не принадлежащий ему дом. Очевидно, повстанцы, как это не раз бывало в древности, сжигали документы о всякого рода обязательствах, не считаясь при этом с принадлежностью заинтересованных лиц к жреческому сословию.

Хотя восстание Петосараписа было подавлено в 165 г., «смута» (ταραχή) отнюдь не была ликвидирована. Из писем «затворника» храма Сараписа (UPZ 9; 14) мы узнаем, что его отец Главкий умер в октябре 164 г. во время ταραχή.

Понятно, смута привела к гибели множества людей, многие скрывались, опасаясь репрессий, ирригационные работы были запущены, земля во многих местах оставалась необработанной. Об этом говорит парижский папирус 63 (UPZ 110), содержащий копии трех писем диойкета Герода в связи с изданным царским указом о принудительной аренде пустующей земли. Уже один из предшественников Герода, Гиппал, «при подобных обстоятельствах… побудил (προτρεψαμένου) стратегов и крестьян (λαούς) взяться за аренду земли», и это привело к тому, что посев был проведен надлежащим образом. Теперь, очевидно, после такой катастрофы (ἐκ τηλικαύτης καταφθορᾶς, строка 126) положение стало хуже. Правда, правительство еще рассчитывало, что обычные царские арендаторы (τοὺς ἐξ ἔθους γεωργοῦντας), государственные служащие, начальники полиции и др. охотно, в силу своей лояльности (εὔνοια), выполняют возложенную на них обязанность (строки 155–161). Но этого оказалось мало, и был издан указ (πρόσταγμα) о принудительной аренде (ἔλκεσθαι εἰς τὴν γεωργίαν, строка 203), хотя бы по пониженной ставке (ἔλασσον κεφάλαιον, строки: 28, 34), необработанной земли (ἀγεώργητος, строка 103). При проведении в жизнь этого указа власти на местах проявили чрезмерную ретивость и явное непонимание существа указа, и Герод обрушивается на них с необычайной резкостью: «Пребывающие в Александрии гвардейцы (ἐπίλεκτοι μάχιμοι), владеющие 7 и 5 арурами и размещенные на дозор-

ных судах ναυκληρομάχιμοι, обратились к нам с прошением, указывая, что оставленные ими на местах близкие подвергаются чрезмерным притеснениям», так как некоторые экономы и другие представители власти поняли царский указ превратно. Они по глупости своей думают, что нужно принудить взяться за аренду земли и тех в городе, кто днем и ночью трудится на литургиях, и других неспособных (к этому делу) и привлечь семьи проживающих в городе… Надо быть тупицей, неспособным понимать разницу в вещах, чтобы причислить к «всем людям»[162] также служащих (ὑποτελεῖς) при рыбном, пивоваренном и прочих откупах, большинство проживающих в деревнях земледельцев (λαῶν), которые из-за нужды во всем добывают себе средства к жизни, работая поденщиками (ἐργατεύοντες), немалое количество привлекаемых на военную службу (ἐν τῶι στρατιωτικῶι φερομένων) и едва получающих необходимое питание из отпускаемых казной средств, а также некоторых μάχιμοι, вернее – большинство, которые не в состоянии обработать свои собственные клеры, но зимой занимают деньги под высокие проценты в счет арендных взносов – ведь если бы они и хотели приступить к обработке земли, им никто не доверил бы даже завезти семена на поле».

Задача властей заключается в том, чтобы не оставить ни одного клочка пригодной земли не засеянным, но не задеть при этом тех групп населения, которые работают на казну.

[162] Очевидно, так был сформулирован указ.

Парижский папирус свидетельствует о тяжелом экономическом положении не только беднейших земледельцев, но и владеющих 5 или 7 арурами земли. Принудительная аренда земли должна была, по мысли правителей, улучшить положение. Но, как видно из гневных писем диойкета, эта мера привела прежде всего к недовольству μάχιμοι, игравших теперь важную роль в государстве, так как численность их возросла и им поручались ответственные операции. Положение μάχιμοι и без того было тяжелое, так как «большинство» вынуждено было закладывать под ростовщические проценты свой будущий доход. А ведь 5 или 7 арур превышают ту среднюю норму, которой мог владеть рядовой земледелец; положение последнего было, следовательно, еще хуже.

Усиление административного нажима не могло дать серьезных результатов и вело лишь к окончательному разорению слабых хозяйств, к бегству земледельцев, к уходу в разбой. Другие пытались устроиться в войске, и Герод предупреждает, чтобы никому из тех, на кого возлагается новая повинность, не позволили вступить в войско (строка 162).

Положение осложнялось том, что дворцовые передряги и перевороты втягивали население в междоусобные войны. В 131 г. египтянин Паос, командующий войском в Фиваиде, совершает поход против мятежников (ἀποστάτας) в Гермонтис (W. 10). В 123 г. происходила настоящая война между Гермонтисом и Крокодилополем (W. 11). Это также вело к запустению земли, к уменьшению народона-

селения. Остающиеся на местах не вносят причитающихся с них платежей. P. Tebt. 6 содержит плохо сохранившуюся жалобу жрецов и ответный царский декрет (140/39 г.). Декрет адресован «стратегам, начальникам гарнизонов, командирам полицейских отрядов, главным начальникам полиции (ἀρχιφυλακίταις), эпимелетам, экономам, царским писцам и прочим должностным лицам». Эконом, бывший ранее одним из важнейших, если не важнейшие лицом в номе, занимает здесь едва ли не последнее место, первыми названы военные и полицейские власти; это говорит об усилении полицейского режима. Жрецы жалуются на то, что им мешают получать регулярно их доходы [163]; лица, арендующие землю на длительные сроки, а также привлекаемые к работе на земле насильно, без договора (βιαζομένως ἄνευ συναλλάξεως), не вносят причитающихся взносов; другие присваивают себе то, что полагается храму и даже занимают храмовые помещения, «вопреки обычаю». Декрет предписывает принять меры принуждения так, чтобы жрецы получали все полностью. Важно отметить здесь, с одной стороны, насильственное привлечение на работу без договора, а с другой – удлинение срока аренды.

Правительство пыталось прибегать не только к принудительным, но и к поощрительным мерам. Все большее коли-

[163] При этом перечисляют все статьи этих доходов – от ἱερὰ γῆ, от посвященной клерухами земли, от продажи жреческих должностей, от даров, от торговли и промыслов.

чество земли отдается клерухам, притом им предоставляется более широкое право владения участком. В одном из шести указов P. Tebt. 124 (около 118 г.) мы читаем (строка 25): μένειν δὲ ἡμῖν καὶ ἐκγόνοις κυρίως τοὺς κατεσχη[μένους] κλ[ήρους] – клеры закрепляются за клерухами и их потомками. В более позднее время, в папирусе I в., мы находим дальнейшую эволюцию: если клерух умер без завещания, участок переходит к ближайшему родственнику; таким образом, клер становится наследственным[164]. В декрете об амнистии 118 г. (P. Tebt. 5) объявляется о прощении всех недоимок с земледельцев, кроме тех, кто снимает в наследственную аренду с внесением залога (τῶν μεμισθωμένων εἰς τὸ πατρικὸν ὑπὲρ ὧν διεγγύημα ὑπάρχει). Большие участки пустошей (χέρσος ἀφορολόγητος) сдаются храмам на 20 лет на льготных условиях: первые 5 лет они пользуются землей бесплатно, следующие 5 лет они вносят уменьшенную плату (P. Tebt. 737, 136 г.).

Чтобы вернуть на землю разбегающихся земледельцев, издавались время от времени указы об амнистии; проведение этих указов в жизнь наталкивалось на затруднение со стороны местной администрации, которая отвечала, так же как и откупщики, своим личным имуществом за поступление доходов. В 163 г. Филометор издал указ об амнистии; собираясь в этом же году посетить Мемфис и опасаясь, что его будут осаждать докучливые просители в связи с злоупотреб-

[164] W. 92, стр. 385.

лением при проведении амнистии, он пишет специальное распоряжение стратегу Дионисию, чтоб все было сделано по справедливости (UPZ, III). Особенно широкие φιλάνθρωπα провозглашены и декрете 118 г. (P. Tebt. 5)[165]. Объявлена амнистия всем преступникам, кроме убийц и святотатцев. Прощены недоимки по налогам и податям и задолженность стратегов. Установлены облегченные правила взимания пошлин. Разрешено земледельцам, не урегулировавшим своих отношений с казной, сохранить свои земельные участки при условии предварительной уплаты аренды только за год. Урегулирован вопрос о военных постоях: военнослужащие, жрецы, царские земледельцы и работающие на монополии свободны от этой повинности, а если они владеют, кроме дома, где они проживают, еще другими домами, то реквизиции может подлежать не больше половины. Особенно много всевозможных льгот предоставляется жрецам. Ряд пунктов декрета посвящен борьбе со злоупотреблениями, своеволием и бесчинствами чиновников. В частности, запрещается применять репрессии к личности недоимщиков: подвергать их аресту и, особенно, продавать в рабство.

Указ 118 г. не внес улучшений в состояние хозяйства, так как амнистия не устранила причины бедствия. В том же 118 г. в Керкеосирисе из $2427^{19}/_{32}$ арур царской земли

[165] Указ дошел в виде сокращенной копии со значительными пропусками и искажениями.

было засеяно только $1139^{1}/_{4}$ ар., в том числе непригодной земли, ἄσπορος, только $83^{3}/_{4}$ ар. (P. Tebt. 60). Бегство крестьян с земли продолжалось и после указа об амнистии и φιλάνθρωπα. В 114 г. староста сообщает царскому писцу Бору, что все население Керкеосириса бросило работу и укрылось в храме в Нармути (W. 330). Ἀμιξία – всеобщий отказ от работы[166] – начинает попадаться в папирусах этого времени: «до времен ἀμιξία» сказано в P. Tebt. 72, относящемся 114/3 г.; в P. Tebt. 61 в, 31 говорится о земле ухудшившейся ἐν τῆι ἀμιξίαι. Встречаются ἀναχωρήσεις также работников монополий (P. Tebt. 790) и даже виноторговцев (P. Tebt. 724). От 107 г. дошел из Фаюма текст присяги земледельца при получении посевного зерна; земледелец клянется оставаться в деревне постоянно, не искать убежища у алтаря и покровительства у жрецов (W. 327).

Покровительство (σκέπη) сильного чиновника не раз упоминается в тебтюнисских папирусах как средство против вымогательств и притеснений со стороны властей и откупщиков. Вероятно, это покровительство покупалось за деньги всей общиной. В P. Tebt. 40 (117 г.) содержится заявление откупщика подати на пиво и селитру царскому писцу: он узнал, что жители села, все огульно, претендуют на покровительство (σκέπη) писца; откупщик тоже хочет включить-

[166] Так толкуют охот термин издатели (стр. 553): с ними согласна C. Préaux (Les révolutions…, стр. 543). Возможно, что лучше перевести «разруха», «распад связей».

ся в эту οἰκία и просит предписать эпистату села, сельскому писцу и старейшинам земледельцев, чтобы приняли и его. Просьба откупщика была уважена.

По мере того как усиливался административный нажим на трудящееся население, оно искало путей избавления от этого гнета, оказывая главным образом пассивное сопротивление; в результате количество культивируемой земли уменьшалось, система ирригации приходила в расстройство. Даже клерухам этот гнет был иной раз не под силу, и один из указов P. Tebt. 124 предусматривает случай, когда обнищавшие ἐξη[σθενηκότες] клерухи уступают свой клер. Только жрецы, которым Птолемеи предоставляли все больше привилегий, могли себя чувствовать сравнительно прочно устроенными.

Одним из средств улучшения хозяйственного положения правительство считало усиление бюрократического аппарата и его тесную связь с полицейскими учреждениями. Мы уже видели, что эконом становится в подчиненное положение по отношению к архифилакиту. Во II в. происходит разделение функций эконома между двумя чиновниками – οἰκονόμος τῶν ἀργυρικῶν, ведающим денежными доходами, и οἰκονόμος τῶν σιτικῶν, ведающим натуральными поступлениями. При этом эконом уже подчинен царскому писцу (W. 167), и район его деятельности ограничивается только μέρις, округом в пределах нома (OGIS 177, 179).

В папирусе 179 г. (P. Tebt. 874) впервые упоминается ἴδιος

λόγος – «частная казна царя». По Страбону, в эту казну во время Августа поступало имущество, подлежащее конфискации (имущество умерших без завещания и наследников, имущество, конфискуемое за долги, и т. п.). Возможно, что это учреждение существовало и раньше (до опубликования в 1938 г. второй части III тома тебтюнисских папирусов самым ранним упоминанием ἴδιος λόγος был папирус BGU 992, 162 г.). Но расширение, по-видимому, деятельности этого учреждения во II в. говорит об увеличении количества бесхозяйного имущества и о росте конфискаций.

Возможно, что усилением правительственного контроля над частными сделками надо объяснить указ «О недействительности незарегистрированных египетских (т. е. демотических) договоров». Папирус 146 г. показывает, каков был порядок этой регистрации; сохранились и записи о регистрации демотических актов начиная с 135 г.[167]

Однако все эти мероприятия правительства по усилению бюрократического аппарата и по борьбе со злоупотреблениями не достигали цели. Само правительство это признавало, неоднократно повторяя свои указы и выдавая охранные грамоты (πίστεις) отдельным лицам и храмам. Но и охранные грамоты не давали реальной гарантии. В 119 г. номарх села и царские земледельцы жалуются, что топограмматевс явился с оружием к ним в их отсутствие и вымогал деньги у их жен «вопреки πίστεις, которую мы имеем от Лисания, родствен-

[167] UPZ, I, стр. 596 сл.; 617 сл.

ника (царского) и стратега». Они просят положить конец насилиям, а то они сбегут из села (P. Tebt. 41).

После Эвергета II положение Египта продолжало ухудшаться. Немалую роль при этом сыграл окончательный развал правящей династии. Птолемей Эвергет II завещал престол своей жене Клеопатре III, предоставив ей самой взять себе в соправители одного из двух сыновей – Птолемея Латира (впоследствии Птолемей VIII Сотер II) или Птолемея (IX) Александра (I). Своему побочному сыну Птолемею Апиону он завещал в качестве самостоятельного владения Киренаику. Клеопатра ненавидела старшего сына и хотела видеть на троне младшего. Началась длительная династическая война, в которую была втянута и Сирия. Рим все более властно вмешивался в дела Египта. В 96 г. умер Птолемей Апион, завещавший Киренаику Риму. Римляне на первых порах довольствовались данью с Киренаики, но в 74 г. сделали ее римской провинцией. Когда умер Птолемей Латир (после изгнания и гибели Птолемея IX Александра I он оставался единственным правителем в Египте в течение 88–80 гг.), Сулла посадил на престол Птолемея X Александра II; в том же 80 г. александрийцы его свергли и убили, и престол занял побочный сын Сотера II – Птолемей XI (80–51 гг.), получивший прозвище «Авлет» («Флейтист»). В Риме ставился вопрос о формальной аннексии Египта; вопрос этот занимал немалое место в спорах между различными группировками в Риме, в частности в связи с аграрным законопроектом Сервилия

Рулла. В 59 г. Цезарь провел закон de rege Alexandrino, по которому Птолемей Авлет был признан царем и союзником Рима. Но уже в следующем году был присоединен к Риму Кипр. Возмущение в Александрии заставило «Флейтиста» бежать в Рим, а затем в Эфес. За взятку в 10 000 талантов проконсул Сирии Габиний взялся вновь утвердить его на троне. В 55 г. Габиний с войском вторгся в Египет и восстановил на троне Авлета. Это было первое вторжение римского войска в Египет. Кредиторы Авлета предъявили ему теперь свои претензии. Крупный римский ростовщик Рабирий Постум получил должность диойкета и стал выколачивать из египтян с лихвой свои деньги и обещанные Габинию 10 000 талантов. Почти год Рабирий властвовал в Египте, пока, наконец, Птолемей под давлением александрийцев не заключил его в тюрьму, откуда, впрочем, он вскоре бежал. Привлеченный к суду в Риме, Рабирий нашел защитника в лице Цицерона.

После смерти Птолемея Авлета в результате династической борьбы, в которой приняли участие и римляне, престол перешел к его старшей дочери Клеопатре, имя которой стало как бы символом превратностей судьбы, вынесшей эту властную женщину на вершину могущества и славы и затем повергнувшей ее во прах. В 30 г. Египет был включен в состав Римской державы и на многие века потерял свою независимость.

От I в. сохранилось сравнительно мало папирусов. Но имеющиеся данные позволяют судить о дальнейшем рас-

стройстве хозяйства и ухудшении положения трудящихся. Династические распри сказывались в бурных выступлениях не только в Александрии, но и на территории χώρα. В течение нескольких лет вторичного прихода к власти Птолемея VIII Латира происходило восстание в Фиваиде. Сохранилась серия писем крупного чиновника, вероятно, эпистратега Фиваиды – Платона к жителям Патирис и Нехтирис. Платон рекомендует им объединиться и стойко держаться, обещая скорое прибытие подкрепления. В одном из писем 88 г. (W. 12) Платон пишет: «Жрецам в Патирисе и прочим жителям привет. Брат Филоксена в доставленном мне письме пишет о прибытии величайшего бога спасителя царя в Мемфис, а Иерак принимается с бесчисленным войском за усмирение Фиваиды. Мы сочли нужным вам об этом сообщить, чтобы вы, зная это, сохранили бодрость»[168]. По сообщению Павсания (I, 9, 3), восстание длилось три года и закончилось полным разрушением города Фив. О восстании в Тинисском номе в 49 г. сообщает PSI 171 (строка 34)[169]. В документах встречаются указания на резкое падение численности населения; ὀλιγανδρία становится серьезным бедствием. В одном папирусе (BGU 1835) жрецы храма Семарпохрат жалуются стратегу Гераклеополя, что «ныне из-за истощения и малолюдства» (δι' ἀσθένειαν καὶ ὀλιγανδρίαν) дошло до то-

[168] Письмо Платона из собрания Музея изобразительных искусств в Москве принадлежит, по предварительному сообщению издателя, другому лицу.

[169] См. C. P r é a u x, Les révolutions…, стр. 544.

го, что все жители селения со всем их имуществом бежали в другие места в месяце месоре 2 года, так что мы остались совершенно одни охранять храм». В докладе стратегу от 61/60 г. сообщается, что в селении Махор поступили платежи за 78 арур, а с 120 арур владельцы сбежали (BGU 1815). В другом поселении из 140 земледельцев осталось 40 (P. Tebt. 803). Очевидно, земледельцы вымирают, уходят в разбой и бродяжничество, предпочитают наниматься в поденщики к клерухам и крупным землевладельцам.

Было бы, однако, неправильно представлять себе Египет в I в. до н. э. в состоянии полного развала и упадка. При всей беспощадности государственного аппарата, при всей жестокости эксплуатации трудящегося населения нельзя было уничтожить богатые производительные силы страны. Как уже указывалось, по сообщению Иеронима (к Даниилу XI, 5), Птолемей Филадельф извлекал из Египта 14 800 талантов серебра в год. Страбон, ссылаясь на Цицерона, пишет (XVII, 1, 13), что Птолемей Авлет получал 12 500 талантов; правда, за 200 лет стоимость денег упала, но все же это – крупная сумма. Вынужденный бежать из Александрии, Птолемей IX Александр I должен был, чтобы расплатиться с нанятыми в Сирии наемниками, обратить в деньги золотой саркофаг Александра Македонского. Но это был экстренный случай. Птолемей Авлет имел средства, чтобы дать Цезарю и Помпею взятку в 6000 талантов, а затем 10 000 талантов Габинию.

Потеря азиатских владений значительно ослабила торговые связи Египта с Востоком, труднее стало охранять торговые пути, сдерживать арабских кочевников и пиратов. Но эпиграфические и литературные данные свидетельствуют, что и последние Птолемеи сохраняли в порядке дороги к Красному морю, канал, соединяющий Нил с Красным морем, организовали далекие экспедиции[170]. Страбон (II, 3, 4) рассказывает со слов Посидония о замечательных экспедициях Эвдокса Кизикского, состоявшего при дворе Птолемея Эвергета II. Эвдокс взял на себя руководство экспедицией в Индию, куда он прибыл благополучно и привез оттуда ценные товары. Эвергет же конфисковал у него привезенные товары. Вторую экспедицию он совершил с такими же результатами уже в правление Клеопатры III и Птолемея Сотера II. Но эти экспедиции не имели дальнейших последствий. Открытие Гиппалом муссонов и способа использования их для плавания в Индию, вероятно, расширило несколько торговлю с Индией, хотя в основном она велась через посредство арабов. Но торговля с Нубией и Сомалийским берегом была полностью в руках египтян. Косвенные эпиграфические и археологические данные свидетельствуют о торговле Египта с Западом. Александрия продолжала сохранять значение крупного торгового центра, а также важнейшего центра эллинистической культуры.

Но все это видимое богатство Египта во II и I в. скрыва-

[170] См. М. М. Х в о с т о в. Восточная торговля…, стр. 338 сл.

ло неуклонное падение производительных сил. Египет имел более благоприятные предпосылки для расцвета его экономики в новом, эллинистическом мире, чем царство Селевкидов. Но здесь ограниченность тех средств, при помощи которых рабовладельческое общество пыталось выйти из кризиса, сказалась резче и грубее. Обострение классовых противоречий, когда все трудящееся население низводится до положения рабов, и хищническая эксплуатация рабочей силы неизбежно должны были привести, после некоторого подъема, снова к упадку производительных сил и, следовательно, к новому кризису всей системы. Политика планомерного истощения непосредственных производителей, которую проводили Птолемеи, лишь ускорила кризис. А сама эта политика была одним из своеобразных, наиболее уродливых проявлений рабовладельческого способа производства.

Глава VI
Македония и Греция

Рассмотрение истории царств Селевкидов и Птолемеев показало, сколь различными путями шло развитие эллинистического общества в различных странах; но при существенных различиях в конкретной политической и экономической истории этих двух крупнейших эллинистических государств в ней нетрудно усмотреть единую линию общей исторической закономерности. Временный значительный подъем производительных сил, укрепление позиции рабовладельческого класса, затем новый кризис всей системы, углубление классовых противоречий, падение производительных сил и, наконец, утрата политической независимости – таков был исторически неизбежный процесс возникновения и падения эллинистического мира.

Меньше всего от нового порядка вещей выиграли Македония и Греция. Даже то политическое единство, которое придали Балканскому полуострову Филипп и Александр, не оказалось прочным. Власть Македонии над Грецией никогда не была ни полной, ни постоянной и зависела главным образом от военных успехов македонских царей. Эта власть была в значительной мере условной. Наряду с полисами, сохранявшими (и терявшими) свою политическую самостоя-

тельность, были города и области, формально подчиненные Македонии, но управлявшиеся по своим старым законам или находившиеся во власти тиранов, ставленников Македонии[171]; даже наличие македонского гарнизона в том или ином городе не означало органического включения этого города в состав македонской монархии. Стремление к автаркии слишком прочно укоренилось у эллинов, чтобы его можно было преодолеть в короткий срок. Новые, более обширные государственные образования – Этолийский и Ахейский союзы – не сумели объединить большинства эллинских городов и не ликвидировали обособленности входивших в эти объединения полисов. Политическая раздробленность Греции и стремление городов к экономической автаркии были факторами, мешавшими Элладе развить производительные силы и занять в системе эллинистического мира место, на которое она могла рассчитывать как очаг эллинской культуры и наивысшего некогда расцвета классического рабовладельческого общества.

Что касается собственно Македонии, она не могла равняться с мощными государствами Селевкидов и Птолемеев ни по размерам территории, ни по численности населения, ни по степени экономического и культурного развития. Хотя и у македонских правителей возникали иной раз обшир-

[171] P o l y b ., II, 41, 10: «одни из них (ахейских городов. – *А. Р.*) заняты были гарнизонами Деметрия и Кассандра, а впоследствии и Антигона Гоната, другие подпали под власть тиранов; как кажется, большинство властителей были посажены эллинам Антигоном».

ные планы создания великой державы, не только в Европе, но и в Азии, у них не было реальной силы для осуществления этих планов. Македонии постоянно приходилось вести борьбу против напора варваров с севера, против Иллирии и Эпира. Эллада оказывала сопротивление македонской власти, для установления которой не было достаточных экономических стимулов. Вряд ли включение Эллады в состав македонской монархии могло бы оживить экономику греческих полисов; а экономика Македонии была еще слишком примитивна, чтобы нуждаться в экспансии вовне.

И все же нивелирующие черты эллинизма сказались и во взаимоотношениях между Македонией и Элладой. Македонская монархия утратила свои примитивные черты. Войско, которое еще при Александре сохраняло черты дружины при племенном вожде, превратилось в обычное войско того времени, в котором македонская фаланга выделялась лишь своим вооружением и тактикой. Гетэры исчезают из номенклатуры македонского двора и войска, их сменяют обычные в эллинистических монархиях «друзья», φίλοι (Polyb., V, 2, 1; V, 16, 5 и др.). Македонские цари строили новые города; из них Фессалоника стала крупным экономическим центром, сохранившим свое значение до нашего времени. Рост городской жизни означал некоторое изменение аграрных отношений, так как города получали соответствующую земельную территорию; по-видимому, при этом иногда и храмовые владения отходили к городу. В письме царя Деметрия к управи-

телю Береи (248/7 г.) указывается, что город отобрал некоторые статьи дохода святилища Геракла в свою пользу (εἰς τὰς πολιτικάς. Syll.[3] 459). Развитие городской жизни должно было вести к повышению роли рабства в хозяйстве. В культурном отношении исчезла разница между македонянами и эллинами. Языком Македонии стала κοινή; все достижения эллинской культуры были полностью усвоены в Македонии – во всяком случае высшими слоями населения. Македонян стали признавать равноправными участниками общеэллинских игр, празднеств, религиозных объединений.

Но хотя в македонянах перестали видеть варваров, отношение к ним как к чужакам не было изжито, и самый факт существования в Македонии монархической власти воспринимался свободолюбивыми эллинами как признак варварства. Впрочем, классовый интерес эксплуататорских групп общества оттеснял на задний план презрение и ненависть к господству Македонии и побуждал их вступать в союз или отдавать себя под власть Македонии для подавления классовой борьбы трудящихся.

Источники по истории Греции и Македонии до 221 г., с которого начинается связное, но не полностью сохранившееся изложение Полибия, очень скудны. Основной источник – Филарх – до нас не дошел. Эпиграфические памятники для этого периода также недостаточны, а датировка их иногда крайне затруднительна и спорна. Поэтому не только экономическая, но и политическая история Греции и Македо-

нии от конца периода диадохов до 20-х годов III в. известна только в общих чертах.

Нашествие кельтов и победа Антигона над одним из племен при Лисимахии в 277 г. дала Антигону Гонату македонский трон. Отбитые от Греции кельты частью переправились в Азию, где были постоянной угрозой для соседей, частью обосновались по обоим склонам Гема и в течение примерно семидесяти лет прочно сидели в своем царстве с резиденцией в Тиле. Антигон был бессилен изгнать кельтов из Фракии. Они терроризировали богатые города, которые откупались от них данью. Византийцы, сообщает Полибий (IV, 46, 3–4), откупались от кельтов подарками в 3–10 тысяч золотых и в конце концов вынуждены были согласиться уплачивать им регулярную дань в размере 80 талантов в год. Восстание местного фракийского населения привело впоследствии к истреблению этого кельтского племени.

Антигону не сразу удалось утвердить свою власть в Македонии и Греции. Вернувшийся из похода в Италию Пирр, царь Эпира, тоже пытавшийся создать себе крупную державу, вступил в борьбу с Антигоном, нанес ему ряд поражений и захватил почти все владения Антигона в Элладе. После неудачных походов в Италию и Сицилию Пирр пытался занять весь Пелопоннес и осадил Спарту, дав, таким образом, Антигону время вновь собраться с силами; в результате Пирру пришлось уйти от Спарты. В уличном бою в Аргосе он был убит (272 г.). Власть Антигона была восстановлена. В

греческих городах были размещены гарнизоны или поставлены тираны.

Но вскоре Антигону вновь пришлось бороться за свою власть в Элладе против объединившихся в военный союз Афин и Спарты во время Хремонидовой войны[172]. Трудно сказать, был ли инициатором этой войны спартанский царь Арей, пытавшийся расширить владения Спарты и достигший в этом направлении ряда успехов, или это были стремившиеся к независимости Афины, или же Птолемей Филадельф, желавший если не сокрушить, то хотя бы ослабить Антигона. В дошедшей до нас надписи Syll.[3] 434/5 содержится текст постановления афинского народного собрания о заключении военного союза со Спартой против Антигона (266/5 г.). В постановлении говорится, что уже и раньше оба государства объединялись для совместной борьбы с общими врагами, старавшимися поработить города. Ныне опять возникла опасность со стороны врага, стремящегося «уничтожить законы и исстари существующий у каждого полиса государственный строй» (τούς τε νόμους καὶ τὰς πατρίους ἑκάστης πολιτείας). И царь Птолемей по старой традиции печется об общей свободе эллинов. Спартанцы, союзники

[172] Главным нашим источником о Хремонидовой войне является случайный рассказ Павсания (I, 1, 1; I, 7, 3; III, 6, 4–6). Хремонидова война упоминается у Афинея (VI, 250). Знаменитый комментатор Афинея, Исаак Казаубон не мог объяснить, что это за война. Только надпись о договоре между Афинами и Спартой внесла ясность в этот вопрос. См. Ф. Ф. С о к о л о в. Аристомах Афинский, в «Трудах Ф. Ф. Соколова», СПб., 1910, стр. 209.

Птолемея, привлекли к союзу Элиду, Ахайю, Мантинею, Орхомен и ряд других городов в Аркадии и на Крите. Постановление призывает всех эллинов примкнуть к союзу с Афинами, Спартой и Птолемеем для борьбы против вероломства и насилия, а также предлагает послать гонцов в эллинские города, чтобы принять от них соответствующие клятвенные заверения. Постановление афинского народного собрания было принято по предложению Хремонида, который вместе со своим братом Главконом руководил делами полиса в качестве προστάτης.

Хремонидова война тянулась до 262 г. и была неудачной для греков. Птолемеевский наварх Патрокл не решался высадить десант и лишь патрулировал у берегов Саронического залива. Антигон занимал Коринф и тем самым не давал спартанским и афинским войскам соединиться. Арей, когда пытался форсировать Истм, потерпел поражение и сам пал в бою. Антигон осадил Афины; после долгого сопротивления город капитулировал. Антигон поставил гарнизон в Пирее и в самом городе (в Музее); он сам назначал должностных лиц[173]. Афины потеряли всякую самостоятельность. Хремонид и Главкон бежали в Египет, где заняли видные посты[174]. Аттика была опустошена. Спартанский союз распался.

---

[173] В надписи BCH XLVIII, 1924, назван Аполлодор, «назначенный царем и избранный (χειροτονηθείς)» народом.

[174] Хремонид был навархом Птолемея (Polyaen. V, 18); в надписи Syll.3 462 содержится благодарность Птолемея Эвергета Главкону. Оба они были в правительстве и совете Птолемея (Телет у Joh. Stob., XI, 8).

Антигон стал владыкой почти всей Эллады и мог повести широкую внешнюю политику. Он вступил в коалицию против Птолемея во время второй Сирийской войны; его флот одержал решительную победу над флотом Птолемея при Косе[175]. В результате Птолемеи потеряли господство на Эгейском море, хотя формально Киклады оставались под их эгидой, во всяком случае при Птолемее Эвергете.

Но если многие греческие полисы противились включению в состав македонской монархии ради сохранения своей автаркии, то одновременно наметились другие пути преодоления партикуляризма греческих городов-государств. Потребность в более широком политическом и экономическом единении вызвала появление нового типа государственных образований – лиг или федераций (κοινά).

Формально такого рода объединения не были новым явлением. Симмахии и союзы существовали в Греции и раньше. Они были двух типов: либо то был союз типа Афинского морского союза, где одному из союзных городов принадлежала гегемония над остальными членами союза, причем каждый из союзных городов сохранял свою автономию и свое гражданство; либо то был племенной союз, охватывавший территорию данного племени. Союз первого типа скрывал по существу отношения господства и подчинения. Союзы второго типа были еще примитивными организациями большей частью сельских общин с зарождающейся лишь го-

[175] См. выше, стр. 197.

родской жизнью.

Лиги или федерации III в. означают нечто принципиально новое – они объединяют различные племена и различные племенные территории, притом союзники получают общее гражданство и создают общесоюзные органы власти и управления[176]. Здесь, таким образом, перед нами попытка создать государственное объединение на более широкой базе, чем замкнутые полисы старого типа. Наиболее крупными и могущественными из них были Этолийская федерация и Ахейская лига.

Об Этолийской федерации сложились у многих историков превратные представления под влиянием Полибия, личного врага этолийцев. Полибий всячески подчеркивает грабительский характер их походов. Так, в додонском святилище Зевса этолийский стратег Доримах «предал пламени его портики, уничтожил множество священных предметов и разрушил священный дом. Таким образом, для этолян не существовало границы между миром и войной, и в мирное ли то, или военное время они в своих предприятиях нарушали общечеловеческие установления и права» (IV, 67, 3–4). Полибий приводит следующие слова Филиппа V Македонского: «Неоднократно и я и другие эллины – мы посылали к вам посольства, чтобы вы отменили закон, позволяющий

[176] История греческих союзов III в. подробно изложена в очень содержательном и интересном введении Ф. Мищенко к переводу Полибия – «Федеративная Эллада и Полибий». М., 1890.

вам громоздить добычу на добычу (λάφυρον ἀπὸ λαφύρου), но вы заявили, что скорее Этолия будет изъята из Этолии, чем этот закон» (XVIII, 4, 8). Полибий возмущается тем, что Скопас, не побоявшийся ограбить храм Артемиды в Кинефе и в других городах, был затем избран в стратеги (IV, 18, 10–11; IV, 27, 2). Под влиянием этих и подобных сообщений Полибия, которому вторит Ливий, большинство историков, начиная с Дройзена и Моммзена, характеризуют этолийцев просто как разбойничьи банды. Ф. Мищенко правильно критикует этих историков, обнаруживших непонимание характера общественных отношений в Этолии. Как справедливо указывает Ф. Мищенко[177], этолийцы сохранили много элементов военной демократии. Этолийское войско представляло вооруженный народ; военный вождь и его дружина получали, конечно, большую часть добычи, но военная добыча, во имя которой предпринимались походы, считалась – формально во всяком случае – собственностью всего народа. Наряду с жестокостью этолийцев сам же Полибий отмечает благородные черты их характера; благодарность по отношению к друзьям, презрение к предателям. В той же Кинефе, где этолийцы, по словам Полибия, проявили нечестивость и жестокость, они прежде всего уничтожили изменников, предавших им свой город (IV, 18, 7). Что касается жестокостей войн, несоблюдения неприкосновенности храмов и т. п., то таковы были вообще методы ведения войны в то время, в ко-

[177] Ук. соч., стр. CXXXV сл.

торых повинен в такой же мере и Ахейский союз, которому Полибий сочувствует.

Этолийская федерация (τὸ κοινὸν τῶν Αἰτωλῶν) первоначально известна как племенной союз (ἔθνος), не имевший еще городов; население жило в поселениях сельского типа (κῶμαι); Полибий никогда не говорит об этолийском полисе. Центр союза – Ферм представлял первоначально город-убежище, да и впоследствии был лишь соединением отдельных местечек (τόποι). Этолийцы, единственные в Греции, сумели отстоять свою свободу от македонской власти. В период диадохов они присоединили к своему союзу территорию к востоку от собственно Этолии до Фермопил, включая общегреческое святилище Дельфы. При нашествии кельтов они сумели отстоять Дельфы, что сильно подняло их престиж в глазах всех эллинов. Они стали бесспорными распорядителями дельфийского святилища и заняли руководящее место в дельфийской амфиктионии. Победа над галатами была воспринята как общеэллинское важнейшее событие. Уже в 278 г. Кос принимает постановление, в котором отмечает, что Кос разделяет ликование всей Греции по поводу чудесного избавления от грозного врага, и решает послать в Дельфы специальную благодарственную жертву Аполлону (Syll.^{3} 398). В честь этого события было учреждено по инициативе этолийцев общеэллинское празднество в Дельфах – сотерии. На призыв этолийцев откликнулись в соответствующих декретах Афины (Syll.^{3} 408), Хиос (Syll.^{3} 402) и ряд других

городов. В надписях сотерии засвидетельствованы до 218 г. Вокруг подвига этолийцев сложились легенды. В надписи 218 г. в Ламии восхваляется поэтесса Аристодама, воспевшая достойно деяния «этолийского племени и предков народа» (Syll.^{3} 532). В таком отношении эллинских городов, даже таких отдаленных, как Смирна, к спасению от кельтов сказался, надо думать, дух общеэллинского патриотизма, начинавшего сменять узкий местный патриотизм.

Однако этолийцы вызвали не только чувство благодарности за спасение, но и чувство страха перед их военной силой, сумевшей противостоять македонским завоевателям. В итифаллическом гимне на элевсинских празднествах 291 г. в честь Деметрия Полиоркета Афины прославили как новое божество победоносного царя и его возлюбленную. Гимн этот, интересный во многих отношениях, приведен у Афинея (VI, 253): «Высшие из всех богов и благодетельнейшие приближаются к этому городу. Деметра и Деметрий несут нам счастье. Она приходит, чтобы совершить у нас священные таинства Девы. И он, ясный, как прилично богу, прекрасный и улыбающийся, является вместе с ней. Какое торжественное зрелище: друзья кругом и в середине он сам. Друзья, как звезды, столпились кругом, и в середине он, как солнце. О сын светлого неба, ты, сын Посейдона и Афродиты! Другие боги или далеко или не имеют ушей; может быть, их и совсем нет, или они не смотрят на нас. Но тебя мы видим близко. Ты стоишь перед нами не каменный или дере-

вянный, но телесный и живой. Итак, мы молим тебя: сотвори нам мир, о возлюбленный, ибо ты господин его. И этого сфинкса, который уже не одни Фивы, а всю Элладу держит в ужасе, сфинкса этолийского, который, сидя на скале подобно древнему сфинксу, похищает и уносит все наши тела, – а я не могу защищаться (дело этолийцев было грабить тех, кто близко, а теперь – и тех, кто далеко), – накажи его всего лучше ты сам. Если же нет, то найди какого-нибудь Эдипа, чтобы он этого сфинкса низверг со скалы или превратил в грязь»[178].

В течение III в. Этолия превратилась в сильное объединение, территория которого занимала всю центральную Грецию, простираясь от Ионийского до Эгейского моря. Не все члены федерации вступали в нее добровольно. Так, Беотия вынуждена была вступить в Этолийскую федерацию в результате поражения, нанесенного ей этолийцами при Херонее в 245 г. (Polyb., XX, 5, 2). Одно время в состав федерации входила большая часть Фессалии, главного оплота Македонии в Греции; фессалийские области были присоединены к Этолии военной силой (Liv., XXXIX, 25). В некоторых случаях федерация вступала с городами и областями в договорные отношения[179]. В 272 г. Этолия заключила оборонитель-

[178] Перевод (с незначительными изменениями) В. Г. Васильевского, «Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка», СПб., 1869, стр. 35.

[179] См. Ф. Г. М и щ е н к о, ук. соч., стр. CXXX сл.

ный союз с Акарнанией (Syll.^{3} 421). Многим храмам и городам этолийцы предоставили асилию, обеспечивавшую их от нападений этолийцев. Такие договоры засвидетельствованы в надписях с Кеосом (Syll.^{3} 522), с Митиленой (IG, IX, 1^2, 189, 190), Лусами (там же, 135), Хиосом (Syll.^{3} 443), даже городами Азии – Магнесией на Меандре (Syll.^{3} 554), Теосом (Syll.^{3} 563), Смирной (OGIS 228) и др.[180]

Этолийская федерация была основана на симполитии – слиянии гражданств входящих в нее городов; нет уверенности, однако, что это слияние было полным; в надписи Syll.^{3} 522 говорится (строка 25) о предоставлении Кеосу права приобретать землю на территории федерации (γῆς ἔγκτησις); в договоре о симполитии и союзе с Акарнанией (Syll.^{3} 421) сторонам предоставляется γῆς ἔγκτησις и ἐπιγαμία; отсюда можно заключить, что γῆς ἔγκτησις и ἐπιγαμία должны были оговариваться особо.

Особое положение занимала Этолийская федерация в Дельфах, где она имела своих представителей, руководивших как святилищем, так и городом (ἐπιμελητὰς τοῦ τε ἱεροῦ καὶ τᾶς πόλιος Syll.^{3} 534). Этолийцы выносят решения по делам Дельф, например об отмене ателии для некоторых категорий пришлого населения (Syll.^{3} 480). У Полибия встре-

[180] О связях этолийцев с соседними странами см. С. А. Ж е б е л е в. Новые этолийские документы, ИАН, № 7, 1930, 489 сл.

чается указание и на подчиненное положение, которое мог занимать в этолийской федерации тот или иной город; Лисимахия названа μετ' Αἰτωλῶν ταττομένη (Polyb. XVIII, 3, 11). Да и трудно предположить, что все члены федерации, независимо от того, при каких условиях и на каких началах тот или иной город или область включались в нее, занимали в ней одинаковое положение; ведь и само это включение не всегда было полным[181].

Что касается собственно Этолии и органически слившихся с ней областей, то их новое государственное устройство в системе τὸ κοινὸν τῶν Αἰτωλῶν было демократическим. Высшим органом федерации было народное собрание (σύνοδος, ἐκκλησία), которое ежегодно собиралось в старом центре Этолии – Ферме, который, по-видимому, так и не получил конституции полиса. Но чрезвычайные собрания происходили и в других крупных городах, например в Навпакте. В народном собрании принимали участие формально все члены Этолийской федерации, хотя практически это вряд ли было возможно. Народное собрание имело высшую законодательную власть, право объявления войны и мира; оно же избирало высших должностных лиц. Для редактирования принятых собранием законов существовала коллегия номографов.

В промежутки между заседаниями синода, происходившими обычно два раза в год, действовал более узкий, хотя

[181] См. Ф. Г. М и щ е н к о, ук. соч., стр. CXXX сл.

довольно многочисленный совет, или синедрион, избираемый не народным собранием, а отдельными входившими в союз городами пропорционально выставляемым ими военным контингентам. Во главе совета стояли простаты или булархи.

Наконец, для повседневного руководства делами, особенно внешнеполитическими, существовала комиссия апоклетов, довольно многочисленная (во всяком случае не менее 30 человек, Polyb., XX, 1; Liv., XXXV, 45), выделенная, вероятно, из состава синедриона.

Административная власть находилась в руках избираемых народным собранием должностных лиц; высшая военная и гражданская власть принадлежала стратегу; вторым по рангу был гиппарх; далее следовали секретарь и семь казначеев. В ведении центрального правительства были только дела, касающиеся всей федерации. В своих местных делах города пользовались самоуправлением и, вступая в Этолийскую федерацию, сохраняли свою прежнюю организацию; но тирания, где она существовала, упразднялась.

Этолия не оставила нам ни своих писателей, ни историков, нашими сведениями об их общественном строе и их политической истории мы обязаны главным образом Полибию и Ливию, настроенным к ним недружелюбно. Эти сведения к тому же отрывочны и не позволяют проследить те социальные перемены, какие совершались у этолийцев в течение III–II вв. Но можно считать установленным, что наряду с

примитивными обычаями и пережитками варварства в Этолийской федерации в III в. проявилось стихийное стремление к ὁμόνοια, к «единомыслию», к ликвидации партикуляризма путем создания крупного демократического государства. Этолийская федерация в основном поддерживала и вне своих границ демократические движения и к ней тянулись демократические элементы Пелопоннеса. Она упорно боролась против власти Македонии, а позднее – Рима. Но экономически отсталая Этолия не могла поднять рабовладельческое общество, впавшее в глубокий кризис. Напротив, она сама втянулась в этот кризис; не успев развить у себя рабовладельческую экономику, она быстро восприняла все ее пороки. Резкое имущественное расслоение и острые классовые противоречия разложили Этолию раньше, чем Греция в целом могла извлечь какие-либо существенные выгоды от возникновения этой обширной федерации.

Соперником Этолийской федерации была Ахейская лига, тоже возникшая вначале на базе отсталой области Пелопоннеса – Ахайи, но со временем разросшаяся в обширное государственное объединение с территорией в 20 000 кв. км, включившее в свой состав около 60 городов, в том числе такие крупные, как Аргос, Сикион, Коринф, Мегары, Мегалополь.

Полибий, сам бывший крупным деятелем лиги, сообщает о ней много сведений; для более раннего времени Полибий использовал мемуары Арата, долгое время стоявшего во

главе лиги. По сообщению Полибия, Ахейская лига в своем новом виде (раньше она представляла племенной союз) возникла в 284 г. Начало союзу положили ахейские города: Дима, Патры, Тритея и Фары; вскоре к ним присоединился Эгий, ставший столицей лиги. Постепенно к ней присоединялись другие города Пелопоннеса, где тираны были свергнуты, либо сами сложили с себя власть. В 251 г. Арат сверг тиранию в Сикионе и присоединил город к Ахейской лиге. Уже в качестве стратега Арат затем освободил Коринф и тоже включил его в состав лиги. За Коринфом последовали Мегары; позднее к лиге примкнули Аргос, Мегалополь, Алиунт.

Патриот Ахейской лиги, Полибий рисует ее как оплот демократии и свободы; ахеяне, пишет он (II, 40), «распространяли господствовавшие у них равенство и свободу и непрестанно воевали с людьми, которые поработили свое отечество сами ли или с помощью царей»; они «никогда и ни в чем не стремились воспользоваться выгодами побед собственно для себя, а награду за свою ревность на пользу союзников полагали в свободе отдельных государств и в объединении всех пелопоннесцев». Благородным ахеянам Полибий противопоставляет этолян, которые «по врожденной нечестности и алчности» с завистью взирали на успехи Ахейской лиги (II, 45, 1). Полибий не сумел подняться при характеристике обеих федераций над узко групповой точкой зрения. В дальнейшем изложении Полибий сам подробно рассказыва-

ет, как Арат и Ахейская лига в целом предали свободу Эллады и призвали македонского царя Антигона на помощь против Спарты, ставшей тогда центром притяжения демократических и революционных сил.

Организация Ахейской лиги недостаточно известна, так как Полибий не дает систематического описания ее, а применяемая им терминология только запутывает вопрос; в частности, нельзя установить, обозначает ли βουλή у Полибия общенародное собрание ахеян или выборный совет. Как в Ахейском, так и в Этолийском союзе верховным органом было общее собрание. Такое собрание Ахейской лиги происходило два раза в год в Эгии. Оно решало вопросы внешней политики и вообще общесоюзные дела и избирало должностных лиц. Но для членов этого собрания (σύνοδος) был установлен возрастной ценз, а для членов σύγκλητος (совета) также денежный ценз. Во главе союза стояла коллегия дамиургов с двумя, а с 245 г. одним стратегом; далее следовали гиппарх, наварх и секретарь.

В Ахейской лиге не было и не могло быть даже той степени единства, какая была в Этолийской федерации. Членами союза состояли крупные высоко развитые полисы, которые, конечно, не только не отказались от своей внутренней автономии, но пытались и внутри лиги вести самостоятельную политику. Введение единой системы монет, мер и веса, существование общесоюзного суда придавали Ахейской лиге внешнее единство, но единство политических и экономиче-

ских интересов не было создано. Народное собрание фактически не могло представлять весь народ, являться издалека в Эгий могли только немногие, более состоятельные люди. Голосование происходило не по участникам собрания, а по городам, причем каждый город, независимо от того, каким числом людей он был представлен, имел один голос. Этим создавалась почва для образования некой олигархии, диктовавшей свою волю народу. Полибий отмечает (X, 22, 6 сл.), что в избрании стратега решающее значение имели всадники. Слабость народного собрания усиливала власть стратега. Арат в течение 245–213 гг. шестнадцать раз занимал должность стратега, (вторично быть избранным на этот пост разрешалось только через год), но, по утверждению Полибия (II, 43, 7), он «непрерывно оставался во главе ахейского народа», сохраняя свое влияние и в перерывы между двумя избраниями. Стратег фактически превращался в единоличного правителя.

Этолийский и Ахейский союзы были вызваны к жизни потребностью в единении. Но они не были и не могли быть внутренне едины. Ядро Этолийского союза составляли отсталые племена, где государство только начинало складываться; в Ахейский союз вошли города и области, где рабовладельческое государство существовало издавна, успело пережить свой расцвет и вступило в полосу кризиса; они сохранили внутри союза свои старые конституции, притом разные: демократические и олигархические. Хотя оба сою-

за охватили значительную территорию центральной и южной Греции, они все же не имели достаточно ресурсов, чтобы можно было на их основе создать прочную экономику. К тому же сначала борьба с Македонией, а затем с Римом истощала силы страны.

Источники подчеркивают жестокость войн между греками в III в. Тяжелым бедствием было пиратство, с которым успешная борьба была невозможна, ибо пиратство было естественным порождением социально-экономических отношений того времени[182]. Многие города и храмы добивались асилии, но с ней мало считались.

О жестокости, с какой велась война, можно судить по судьбе Мантинеи. Этот город, неоднократно и ранее подвергавшийся разграблению, в 223 г. был взят Антигоном Досоном, союзником Ахейской лиги. По распоряжению Антигона наиболее активные граждане были перебиты, все прочее население поголовно отдано в рабство. Само имя города было уничтожено; переданный для нового заселения ахейцам город получил имя Антигонии.

Полибий (II, 6, 2) полемизирует с Филархом, утверждающим, что лакедемоняне увезли из Мегалополя добычу стоимостью в шесть тысяч талантов; он указывает, что Мегалополь, как и другие города Пелопоннеса, был совершенно разорен и больше 300 талантов из него нельзя было выжать.

---

[182] О пиратстве см. Я. А. Л е н ц м а н. К вопросу об источниках эллинистического пиратства, ВДИ, № 4, 1946, стр. 219 сл.

Возможно, что Полибий не учитывает стоимости рабов, в которых обращали побежденных; по словам Плутарха (Cleom. 18, 7), этолийцы увели из Лаконии 50 000 рабов. Во всяком случае, ряд случайных данных помимо этого говорит об обеднении Греции. Афинский декрет в честь Эвриклида (после 229 г.) перечисляет его заслуги перед городом, выразившиеся в щедрых пожертвованиях на насущные нужды города: «а так как земля в течение войн оставалась заброшенной и незасеянной, он добился того, что она стала обрабатываться и засеваться, доставив средства» (Syll.^{3} 497). В афинской надписи 231 г. (Syll.^{3} 491) говорится о сборе средств на спасение и охрану города, причем начальник македонского гарнизона в Афинах Диоген жертвует 200 драхм (около 80 рублей). Делос восхваляет сидонского даря Филокла, представителя Птолемея в Островной лиге, что он помог храму Аполлона взыскать долги с островитян (Syll.^{3} 390). Бедность масс населения не раз отмечается в литературных источниках.

Причину бедственного положения видели в почти не прекращавшихся войнах, спасения же ожидали от мира. Полибий пишет: «… все мы молим у богов мира и из жажды его готовы на все уступки… один только мир почитается у людей несомненным благом» (IV, 74, 3). В приведенном выше гимне Деметрию Полиоркету народ обращается к царю: «Мы молили тебя: сотвори нам мир, о возлюбленный». В

папирусном отрывке из новоаттической комедии выражается пожелание, чтобы владыка Зевс даровал мир и прекратил вражду[183]. Но военные действия приносили разорение только массе народа; крупные рабовладельцы и правящие верхи общества извлекали из них для себя выгоду и богатели. Полибий приводит немало сведений о разбогатевших представителях этолийских верхов. Громадная военная добыча обогащала не только военачальников, но и торговцев; десятки тысяч рабов, поступавших на рынок, оживляли работорговлю и давали рабовладельцам дешевую рабочую силу. Вероятно, некоторые виды производства, особенно предметов роскоши, расширились благодаря усилившемуся спросу со стороны эллинистических областей Востока. Косские шелковые прозрачные, золотом тканые платья (Coa vestis), фасосское вино, паросский мрамор, коринфские художественные изделия находили, надо думать, хороший сбыт. Однако внутренний рынок был истощен, и это должно было отразиться прежде всего на благосостоянии мелких производителей.

Обнищание масс и концентрация земельной собственности в руках немногих обостряли классовую борьбу, о которой сохранились в источниках кое-какие сведения, правда, искаженные вследствие враждебного отношения авторов к борьбе народных масс. Следуя им, буржуазные историки квалифицируют выступления масс как бандитские, а их во-

[183] SEHHW, стр. 193.

ждей – как головорезов и жестоких тиранов. В Кассандрии тиран Аполлодор конфисковал и роздал бедноте имущество богатых людей и оказал упорное сопротивление Антигону Гонату, когда тот после победы над кельтами приступил к покорению Македонии и Греции (Diod., XXII, 5; Polyaen., VI, 7). Тиран Элиды Аристотим изгнал или казнил представителей местной знати (Iust., XXVI, 1) и тем навлек на себя обвинение в необычайной жестокости и во всевозможных преступлениях, о чем со всякими прикрасами рассказывает Плутарх (de mul. virt., 251 сл., Микка и Мегисто). При помощи этолийцев изгнанники свергли и убили Аристотима (269 г.), а в Дельфах вынесен почетный декрет о тираноубийце Килоне (Syll.^{3} 423; ср. Paus., V, 5, 1; VI, 14, 11). В Беотии правительство вынуждено было в течение 25 лет не производить судебные взыскания долгов (Polyb., XX, 6, 1), чтобы таким путем облегчить положение должников.

Возникшие в III в. социальные утопии в известной мере отражали чаяния народа, нашедшие свое выражение в борьбе под старыми лозунгами χρεῶν ἀποκοπή и γῆς ἀναδασμός – кассация долгов и передел земли. Плутарх отмечает (Cleom. 17, 5), что в ахейских городах во время Клеоменовой войны «вспыхнули восстания – народ надеялся на раздел земель и уничтожение долгов». В присяге итанийцев на Крите (Syll.^{3} 526) граждане дают клятву, что не будут совершать «ни раздела земли, ни домов, ни участков под постройками, ни кассации долгов». О Кинефе в Аркадии По-

либий (IV, 17, 3) вкратце сообщает, что граждане этого города «с древних пор обуреваемы были непрестанными жестокими распрями, в которых многие были умерщвлены или изгнаны, сверх того имущество расхищалось, производились все новые переделы земли, пока, наконец, не восторжествовали и не завладели городом сторонники ахеян».

Особенно хорошо мы осведомлены о движении за социальную реформу в Спарте благодаря плутарховым биографиям Агиса и Клеомена. Белох со свойственной ему склонностью к парадоксам утверждает, что кассация долгов была лозунгом не бедноты, а крупных землевладельцев, так как беднота, по мнению Белоха, не может иметь долгов: бедняк не пользуется кредитом, и ему в долг не дают. Белох поэтому считает вопреки не вызывающим сомнения показаниям источников, что борьба в Спарте велась между крупными землевладельцами и «капиталистами» [184]. По Плутарху, борьба за реформу в Спарте началась в результате распада того общественного строя, который был зафиксирован в так называемой «ликурговой» конституции. Вторжение денег в натуральное хозяйство Спарты положило конец равенству спартиатов, основанному, в частности, на неотчуждаемости не подлежащих дроблению клеров. Эфор Эпитадей узаконил практику свободного распоряжения земельными наделами. «Вскоре, – пишет Плутарх, – богатство сосредоточи-

[184] «Griechische Geschichte», IV, 1, стр. 326. См. G. K a z a r o w «Zur Geschichte der Sozialen Revolution in Sparta», «Klio», VII, 1907, стр. 45 сл.

лось в руках немногих, вследствие чего государство обеднело… Спартиатов оставалось не более семисот человек, и из них, быть может, только сто имело землю и наделы, остальные были неимущей презираемой чернью».

Молодой Агис, занявший в 245 г. царский престол, решил произвести реформу, – вероятно, для того в первую очередь, чтобы поднять боеспособность спартиатов; но возможно, что им действительно руководили идеальные побуждения. Как бы то ни было, Агис решил провести радикальную реформу общественного строя. В 243 г. он через эфора Лисандра внес на рассмотрение герусии ретру, в которой предлагалось провести кассацию долгов и передел земли, так чтобы получилось 19 500 участков, и наделить ими спартиатов и периэков. Агис предложил первым отдать в государственный фонд свое имущество, заключавшееся в большом количестве земли, которая оценивалась в 600 талантов деньгами. Народ, сообщает Плутарх, присоединился к партии Агиса, но богачи обратились ко второму царю Леониду, который возглавил оппозицию предложению Агиса. Была и скрытая оппозиция, которой руководил дядя Агиса, крупный землевладелец Агесилай. Агесилай, имевший много долгов, был за отмену долговых обязательств, но против передела земли. Чтобы провести реформу, необходимо было принять решительные меры. Леонид был изгнан, эфоры смещены и назначены новые, в том числе Агесилай. Проект Агиса был принят, долговые обязательства были сожжены.

Но когда дело дошло до раздела земли, Агесилай и его группа под всякими предлогами тормозили дело. Это дискредитировало реформу в глазах народа. Воспользовавшись тем, что Агис отправился в поход, оппозиция вернула из изгнания Леонида и отменила законы Агиса. Молодой царь по возвращении из похода вынужден был искать убежища в храме; но его оттуда выманили хитростью. Эфоры осудили его на казнь, и он был повешен вместе с матерью и бабкой (241 г.).

Неудача, постигшая реформу Агиса, не сняла с повестки дня необходимости реформы. Ее провел более решительно сын царя Леонида, царь Клеомен (235–222 гг.).

Ближайшие десять – двенадцать лет после гибели Агиса были ознаменованы рядом важных событий в жизни Македонии и Эллады. В 239 г. умер в глубокой старости Антигон Гонат; ему наследовал его сын Деметрий (239–229 гг.). Он попытался вновь покорить Грецию и затеял так называемую Деметриеву войну. Для борьбы с ним Этолийская и Ахейская федерации заключили между собой союз. Необходимость отразить напор варваров с севера не позволила Деметрию развить свои первоначальные успехи в Беотии. Ахейский союз в эти годы быстро рос и укреплялся. В 235 г. присоединяется к союзу Мегалополь в Аркадии; его тиран Лидиад сам сложил с себя власть и уже в следующем году был избран в стратеги Ахейской лиги. В 229 г. к лиге были присоединены Аргос, Трезена, Гермиона, в 228 г. – Эгина.

У Македонии не осталось владений в Пелопоннесе.

В 229 г. умер царь Деметрий, оставив малолетнего сына Филиппа; регентство получил его двоюродный брат Антигон Досон. В этой обстановке начальник македонского гарнизона в Афинах Диоген, очевидно, не видел возможности удержать за собой город и за плату (150 талантов) вывел свой гарнизон из города (229 г.). Арат, неоднократно пытавшийся «освободить» Афины и включить их в Ахейский союз, пожертвовал не то 20, не то 25 талантов для уплаты Диогену, чтобы отметить свое участие в этом событии. Но Афины не вступили в Ахейский союз и сохранили независимое положение в возгоревшихся вскоре войнах. Благодарность Афин Диогену была чрезмерна: ему учредили культ (жрец Διογένους εὐεργέτου засвидетельствован в надписи IG, III, 299), в его честь было учреждено празднество Διογένια. Солдаты Диогена получили венки, и на это пожертвовал необходимые деньги тот же Эвриклид, в честь которого издан упомянутый выше декрет Syll.^{3} 497.

Однако позиция Македонии отнюдь не была существенным образом ослаблена. Антигон Досон разбил угрожавших Македонии с севера дарданов и заключил мирный договор с Этолией. После этого он почувствовал себя достаточно прочно, чтобы объявить себя царем; но Филиппа он усыновил и так легализовал свою узурпацию.

Незадолго до этого в Эпире произошел переворот, в результате которого была упразднена царская власть. Эпир

стал республикой и вступил в тесные отношения с Этолийским и Ахейским союзами.

Только Спарта оставалась в стороне от общего движения. Здесь после расправы с Агисом наступила реакция. Царь Леонид вел праздный и роскошный образ жизни. Об Агисе и погибших с ним «небезопасно было даже вспоминать» (P lut ., Cleom. 2). Между тем социальный переворот в Спарте уже назрел. В силу особых исторических условий он сильно запоздал. По сути дела речь шла о необходимости упразднения архаических форм социальной жизни, которые могли сохраняться в период существования замкнутых полисов, но потеряли всякую почву под собой в период кризиса полиса. Перевороты, которые произошли в молодой еще Аттике в VI в., начиная с Солона, вывели Афины на путь демократии, экономического и культурного расцвета. Спарта вступила на этот путь уже одряхлевшая, когда лозунги γῆς ἀναδασμός и χρεῶν ἀποκοπή уже были недостаточны для того, чтобы вывести ее из тупика; нужны были коренные преобразования; но в Спарте с ее архаической «ликурговой» конституцией и примитивной экономикой, с ее полицейским режимом и культурной отсталостью не было предпосылок для успеха такой ломки, если бы она и могла произойти. Даже радикальные преобразования, предпринятые Клеоменом, были облечены в реакционную форму возврата к «законодательству Ликурга». К тому же ни Ахейский союз, последний оплот рабовладельческого класса в Греции, ни Македония, ни вы-

рисовывавшееся на Западе Римское рабовладельческое государство не могли спокойно взирать на зарождение элементов социального переворота в Спарте.

По словам Плутарха, спартанский царь Клеомен, сын Леонида, женатый на вдове Агиса, уже в юности носился с мыслью об осуществлении радикальных реформ в Спарте, столь трагически кончившихся для Агиса. Известное влияние на Клеомена оказал философ-стоик, борисфенит Сфер[185]. Плутарх высказывает предположение, что Клеомен для успеха своих начинаний считал нужным произвести свои преобразования во время военных действий, когда в его руках будет военная сила. Клеомен поэтому затеял войну с Ахейским союзом. Но эта война навязывалась обеим сторонам всем ходом событий. Ахейский союз стал господствующей силой в Пелопоннесе, и Арат стремился объединить под гегемонией союза весь Пелопоннес, в том числе Спарту. Этим в первую очередь объясняется охлаждение отношений между Этолийской федерацией и Ахейской лигой, хотя союз между ними официально не был расторгнут. Враждебные действия между Спартой и ахейцами вначале носили характер демонстраций, но затем на союзном совете ахейцев было решено объявить Спарте войну (228 г.). Так началась «Клеоменова война» (Polyb., II, 46, 6). При горе Ликее в Арка-

[185] Диоген Лаэртский (VII, 37, 177) называет его Βοσποριανός; так или иначе, был ли Сфер из Ольвии или Пантикапея, он во всяком случае выходец из Северного Причерноморья.

дии ахейское войско было разбито Клеоменом; но Арату удалось захватить Мантинею, что поставило под угрозу Орхомен и другие города Аркадии. Это дало повод эфорам отозвать Клеомена, реформаторские планы которого внушали тревогу спартанской олигархии. Чтобы усилить свою позицию, Клеомен, царствовавший все время один, призвал из изгнания брата Агиса, Архидама; но «убийцы Агиса» убили Архидама (P lut ., Cleom. 5). Все же Клеомен сумел за деньги добиться согласия эфоров на возобновление военных действий. При Левктрах (226 г.) Клеомен одержал крупную победу над ахейцами. Теперь Клеомен счел своевременным заняться внутренними делами Спарты; оставив спартанские войска в Аркадии, он с отрядом наемников внезапно явился в Спарту; его солдаты убили четырех эфоров; пятый спасся благодаря тому, что его сочли убитым. Восемьдесят наиболее рьяных противников реформы были изгнаны. Клеомен приступил к осуществлению намеченных реформ. Был произведен передел земли. Количество спартиатов было увеличено до 4000 путем дарования гражданства «лучшим из периэков». Одновременно он изменил тип вооружения гоплитов. «Клеомен, – пишет Полибий (II, 47,3), – упразднил исконное государственное устройство и закономерную царскую власть обратил в тиранию». Действуя, однако, под флагом «восстановления ликургова законодательства», Клеомен сделал своего брата Эвклида своим соправителем, так что формально было по-старому два царя. Бы-

ла создана коллегия патрономов по типу обычных греческих магистратур. С. А. Жебелев высказал предположение, что Клеомен упразднил фактически также герусию. Но оставаясь в рамках «ликургова законодательства», он не мог просто ликвидировать герусию, которая, в отличие от эфората, была старинным «ликурговым» учреждением. Коллегия ежегодно сменяемых патрономов вместе с геронтами должна была по видимости сохранить старую герусию. В этом смысле надо понимать сообщение Павсания (II, 9, 1), что Клеомен «сокрушив силу герусии, поставил на словах вместо нее патрономов»[186]. Клеомен восстановил и старое спартанское воспитание, простоту быта и сисситии.

Реформы Клеомена в Спарте нашли сочувственный отклик в других областях Пелопоннеса и вызвали тревогу среди руководителей Ахейского союза. Мантинейцы первые призвали к себе Клеомена, прогнали и частью перебили ахейский гарнизон. Клеомен вступил в Ахайю и нанес при Гекатомбее жестокое поражение ахейскому войску под командованием стратега Гипербата (226 г.). Ахейцы вынуждены были вступить с Клеоменом в мирные переговоры. Предварительное соглашение состоялось на том, что Ахейский союз и Спарта объединяются под гегемонией Клеомена. Но ахейцы, и в частности Арат, не склонны были мириться с таким положением. Речь шла уже не только о политической ге-

[186] С. А. Ж е б е л е в. Ἀχαϊκά, в области древностей провинции Ахайи, СПб., 1903, стр. 245 сл.

гемонии, но о классовых интересах рабовладельцев, и здесь широковещательные фразы о свободе эллинов были забыты. «Арату не нравились ни спартанская похлебка, ни трибоны, ни главным образом то, за что более всего обвиняют Клеомена, – уничтожение богатства и облегчение страданий бедноты. Он бросил себя вместе с Ахайей под ноги македонян, с их диадемами и порфирами и согласился исполнять приказания сатрапов» (Plut., Cleom., 16). Арат не допустил Клеомена на общее собрание ахеян в Аргосе, «опасаясь, что Клеомен всего добьется, когда вступит в сношения с массой» (там же, 17). Мирный договор был сорван. Арат пошел на поклон к Антигону Досону и сам пригласил его вмешаться в дела Пелопоннеса. Среди ахейцев, пишет Плутарх, начались волнения. «В городах вспыхнули восстания; народ надеялся на раздел земель и отмену долгов» (там же, 17). «Арат был в смятении, видя, что весь Пелопоннес сотрясается и революционеры поднимают города» (τὰς πόλεις ἐξανισταμένας ὑπο τῶν νεωτεριζόντων; Plut., Arat. 39). Даже в Сикионе и Коринфе оказались многие, явно сговорившиеся с Клеоменом (там же, 40). В Кинефе произвели передел земли (Polyb., II, 17). Клеомен сумел взять Аргос, затем Трезену, Эпидавр и Гермиону. На его сторону перешел Коринф.

Но наступление Антигона поставило Клеомена в трудное положение. Правда, Птолемей Эвергет, ранее поддерживавший Ахейскую лигу, теперь, когда лига вступила в союз с Антигоном, перестал ее поддерживать и согласился оказать

помощь Клеомену, но только деньгами; при этом он потребовал и получил от него в заложники его мать и детей. Бороться против Антигона Клеомену было трудно. К тому же он не оправдал надежд народных масс на радикальные преобразования. В Аргосе против Клеомена было поднято восстание; руководителю восстания «не стоило труда склонить на свою сторону народ, недовольный тем, что вопреки надеждам он не уничтожил долгов» (P lut., Cleom. 20). Аргос был взят, и Аристомах, ставший ранее на сторону Клеомена, подвергся мучительной казни, о которой с негодованием рассказывал Филарх (Polyb., II, 59). Постепенно Клеомен вынужден был отказаться от всех владений вне Лаконии. В решающем сражении при Селласии (221 г.) Клеомен потерпел поражение от Антигона и бежал в Египет. Здесь он строил планы возвращения в Спарту при содействии египетского царя. Но двор Птолемея Филопатора не склонен был оказать ему реальную помощь. При неудачной попытке поднять в Александрии восстание против Птолемея Клеомен и его сподвижники были вынуждены покончить самоубийством. Его мать и дети были убиты. Но радикальные идеи, пропагандируемые Клеоменом, не заглохли в Спарте; здесь в течение нескольких десятилетий не прекращались народные движения, принявшие более радикальный характер, чем реформы Клеомена.

После битвы при Селласии Антигон беспрепятственно вступил в Спарту, в течение столетий не видевшую врага в

пределах города. Реформы Клеомена были отменены; эфорат был восстановлен, но должность царей оставалась вакантной; изгнанники были возвращены. В Спарте был оставлен гарнизон. Лаконика была включена в новый Эллинский союз, куда вошла и Ахайя, под гегемонией македонского царя. Новая лига не была панэллинской, так как в нее не вошли Афины, Этолия, а также тяготевшие к ней области Пелопоннеса, Элида и Мессения. Вскоре Антигон, посетив немейские игры, где ему были возданы пышные почести, отправился на борьбу с северными варварами. Вскоре он умер, оставив македонский престол семнадцатилетнему Филиппу V.

Этолия, не принимавшая участия в Клеоменовой войне и не вошедшая в Эллинский союз, успела несколько укрепить свои позиции; в частности, благодаря использованию флота острова Кефаллении она получила хорошую базу на Ионийском море, а связи с Критом и некоторыми островами Эгейского моря обеспечили этолийцам возможность совершать пиратские рейды на суше и на море. В этом деле особенно отличились Доримах и Скопас, которые совершали набеги на свой риск и страх; но естественно, что пострадавшие возлагали вину на Этолийскую федерацию. Нападение Доримаха на Мессену заставило мессенцев обратиться за помощью к Ахейской лиге. По требованию ахейцев этолийцы отступили из Мессены, но направились через ахейскую территорию, а когда Арат попытался помешать их проходу через Аркадию

и Истм, они нанесли ему жестокое поражение. Вскоре Доримах и Скопас вновь предприняли поход в Аркадию, сожгли и разграбили Кинефу. Наконец, после избрания Скопаса на пост стратега Этолийского союза Филипп объявил Этолии войну (220 г.); началась так называемая Союзническая война.

Полибий, основной источник о Союзнической войне, не дает прямых данных об ее причинах и характере. Можно, однако, принять с достаточной степенью достоверности, что обе враждующие стороны разделяла не «зависть» этолийцев и политическое соперничество, а более глубокие причины. Этолия оставалась, после установления власти Македонии в большей части Эллады, единственной демократической страной, и, следовательно, борьба против Македонии и олигархического Ахейского союза была в какой-то степени борьбой за демократию. Характерно, что Мессена, защита которой от набегов этолийцев послужила поводом к войне, хотя и включилась в Ахейскую лигу, но своих войск для ведения войны не выставила; очевидно, этому противилась демократическая партия, которая уже после Союзнической войны, в 215 г., расправилась с олигархами и произвела раздел земли (Polyb., VII, 10 сл.). Еще отчетливее классовая подоплека Союзнической войны проявилась в Спарте. Здесь вернувшаяся к власти под воздействием Антигона Досона олигархия сохраняла верность Филиппу. Но в Спарте была значительная группа молодежи, сохранившая традиции

Клеомена. В 219 г. они произвели переворот; эфоры, а также некоторые геронты были убиты, противники этолийцев были изгнаны, а с этолийцами был заключен союз. Организаторы переворота действовали так, по словам Полибия, «из-за Клеомена и расположения к нему; они непрестанно питали надежду и поджидали, что Клеомен возвратится в Спарту здравым и невредимым» (IV, 35, 6). Мы не знаем, какова была социальная программа молодежи, совершившей политический переворот, следуя заветам Клеомена. По-видимому, их пока удовлетворяло освобождение из-под власти Македонии и восстановление царской власти. Гораздо дальше пошел другой радикальный деятель Спарты – Хилон. По сообщению Полибия (IV, 81), он вздумал произвести переворот, свергнуть царя Ликурга и занять его место. «При этом он рассчитывал, что, вступив на тот же путь, по которому шел Клеомен, и пробудив в народе надежду на получение клеров и на раздел имущества, он скоро привлечет толпу на свою сторону». «Но Хилон понимал, что сильнейшей помехой ему будут Ликург и те эфоры, которые поставили его царем». Поэтому эфоры были перебиты; все же Ликургу удалось бежать. Однако Хилон продолжал начатое дело. Он «устремился на площадь, избивая врагов, ободрял сторонников и друзей, а прочих старался привлечь к себе обещаниями, о которых мы только что говорили». Дело Хилона не удалось, ему пришлось бежать в Ахайю (219 г.).

Союзническая война велась не особенно энергично. Фи-

липп сумел, используя вопреки ожиданиям этолийцев флот, появиться неожиданно в Этолии, разграбить и сжечь центр Этолийской федерации – Ферм. Он с необычайной быстротой продвинулся в Лаконию и Элиду, сильно разорив эти области. Но серьезных тактических успехов Филипп не имел. Обе стороны, по-видимому, начали тяготиться войной, которая не сулила существенных успехов. С другой стороны, начавшаяся II Пуническая война настойчиво привлекала к себе внимание македонского правительства. Известие о поражении Римлян при Тразименском озере должно было возбудить надежды у одних и тревогу у других. При этих условиях Филипп и этолийцы приняли мирное посредничество хиосцев, родян, византийцев и царя Птолемея. Очевидно, Союзническая война, в которую был втянут и Крит, наносила ущерб экономическим интересам торговых городов Греции и Египта. В Навпакте был заключен мир (217 г.) на условии сохранения status quo. Полибий передает речь представителя Этолии, Агелая, во время мирных переговоров в Навпакте. Агелай призывал эллинов к согласию и единству, особенно ввиду грозных событий на Западе. «Теперь для всякого ясно, кто хоть немного разумеет в государственных делах, что восторжествуют ли карфагеняне над римлянами или римляне над карфагенянами, победитель ни в каком случае не удовольствуется властью над италийцами и сицилийцами, что он простpет свои замыслы и поведет свои войска далеко за пределы, в которых подобало бы ему держаться». Агелай

призывал Филиппа отложить споры до лучших времен. «Если царь допустит только, чтобы поднимающиеся теперь тучи с запада надвинулись на Элладу, то следует сильно опасаться, как бы у всех нас не была отнята свобода мириться и воевать и вообще устраивать для себя взаимные развлечения – отнята до такой степени, что мы будем вымаливать у богов как милости, чтобы нам вольно было воевать и мириться друг с другом, когда хотим, и вообще решать по-своему наши домашние распри» (Polyb., V, 104).

Если эта речь Агелая не создана Полибием ретроспективно, трудно сказать, кого разумел Агелай под «тучами с запада» – карфагенян или римлян. Римляне тогда терпели поражения; с другой стороны, они со времен так называемых Иллирийских войн стали внедряться на Балканы. Во всяком случае в дальнейшем Рим, а не Карфаген повел захватническую политику на Востоке.

Первое проникновение римлян на Балканы относится к 229 г. Поскольку иллирийские пираты составляли угрозу морским сообщениям на Адриатике, римляне совершили экспедицию в Иллирию со значительным войском под командованием обоих консулов. Отчасти благодаря содействию иллирийца Деметрия, династа острова Фароса, римляне овладели Керкирой и рядом городов на побережье и принудили иллирийцев заключить договор, по которому они обязались не плавать южнее острова Иссы. В связи с этим римляне вступили в сношения с Этолийским и Ахейским

союзами и послали посольства в Афины и Коринф. Однако в 219 г. Деметрий Фаросский, получивший влияние в Иллирии и сблизившийся с Македонией, нарушил соглашение, что привело ко второй экспедиции римлян. Деметрий был разбит и бежал к Филиппу Македонскому, который сделал его своим советником.

Другой иллирийский вождь, Скердилаид, оказал Филиппу помощь в его борьбе с этолийцами. Но вскоре Скердилаид переменил фронт и выступил против Филиппа. К тому времени Союзническая война кончилась, и Филипп без труда захватил в Иллирии ряд областей, что приблизило владения Македонии к районам Иллирии, находившимся под протекторатом Рима. Таким образом, внедрение Рима на Балканы неизбежно должно было натолкнуться на сопротивление Македонии.

Пока что Рим был занят борьбой с Ганнибалом, а поражение римлян при Каннах позволило Филиппу устремить свои взоры на Запад. В 215 г. Филипп через своего посла, афинянина Ксенофана, заключил с Ганнибалом наступательный и оборонительный союз. Текст торжественного клятвенного договора сохранен Полибием (VII, 9). Стороны обязуются взаимно охранять друг друга: «Мы не должны злоумышлять друг на друга, прибегать к козням друг против друга; со всей ревностью и благожеланием, без хитрости и злого умысла мы, македоняне, должны быть врагами для врагов карфагенян, исключая царей, города и гавани, с которыми со-

единяет нас клятвенная дружба. И мы, карфагеняне, должны быть врагами для врагов царя Филиппа, исключая царей, города и народы, с коими соединяет нас клятвенная дружба. И вы будете нашими союзниками в войне, которую мы ведем с римлянами, доколе боги не даруют нам и вам победы. Вы же, карфагеняне, должны помогать нам, македонянам, поскольку будет нужда в том, и так, как мы сообща признаем». Мир и дружбу с римлянами после победы каждая сторона может заключать только сообща с другой договаривающейся стороной. Договор предусматривает, что римляне будут лишены своих владений в Иллирии, и Деметрию Фаросскому будут возвращены все его подданные, находящиеся в пределах римского государства. Таким образом, в случае победы Ганнибала, которая тогда представлялась неминуемой, Филипп не притязал на какие-либо приобретения в Италии, а лишь домогался освобождения Балкан от римлян.

Филипп выступает в договоре от имени «македонян и прочих эллинов, находящихся в союзе с ним», т. е. от имени Эллинского союза. Однако Филипп далеко не мог быть уверен в прочности этого союза и в единстве интересов его членов. Да и планы и намерения самого Филиппа не ясны для нас. Полибий сообщает, что, получив во время немейских игр известие о поражении римлян при Тразименском озере, Филипп, по совету Деметрия Фаросского, замыслил переправиться в Италию, что должно было быть «первым шагом к завоеванию всего мира» (V, 101). Для этого он по-

спешил заключить Навпактский мир с Этолией. Однако из дальнейших действий Филиппа не видно, чтоб у него были серьезные намерения в отношении Италии. Не имея флота, Филипп и не мог предпринять экспедицию в Италию. Правда, в 216 г. он соорудил «флот» из сотни легких судов и предпринял на них поход в Иллирию, но, получив известие о выходе римской эскадры из Лилибея (впоследствии выяснилось, что римляне выслали в Ионийское море всего десять кораблей), он поспешно вернулся в Кефаллению (Polyb., V, 109–110). Но и после заключения союза с Ганнибалом Филипп ничего против Рима в Италии не предпринимал и даже во время начавшейся затем войны с Римом не отвлек сколько-нибудь значительных сил Рима с италийского театра военных действий в Македонию.

Необходимо иметь в виду, что римляне тогда еще представлялись грекам варварами, и если Полибий видит в предполагаемом походе Филиппа против Рима первый шаг к мировому господству, то это объясняется тем, что Полибий переносил в прошлое некоторые представления с в о е г о времени. Во время Филиппа «мировое господство» еще мыслилось только в рамках державы Александра Македонского. Если у Филиппа были мечты о создании мировой державы, то его помыслы должны были обратиться прежде всего к Малой Азии, к царству Селевкидов, к Эгеиде и материковой Греции. Конечно, Филипп должен был считаться с возраставшей мощью Рима; этим, надо полагать, объясняется его

договор с Ганнибалом; но основная цель договора для Филиппа – обеспечить безопасность Македонии с запада, вытеснить римлян из Иллирии, не дать им возможности завоевать какие бы то ни было позиции на Балканах.

Эллада лишь номинально подчинялась Филиппу. Полибий рассказывает (VII, 11, 3), что Деметрий Фаросский советовал Филиппу, если он хочет овладеть Пелопоннесом, схватить быка за рога, «разумея под рогами Итому и Акрокоринф, а под быком Пелопоннес». Но Итома, крепость Мессены, Филиппу не давалась. При одной из попыток взять Мессену погиб Деметрий Фаросский, Филипп только разорил Мессенскую область, чем восстановил против себя не только мессенцев, но и Ахейскую лигу. Вообще, противоречия внутри эллинских государств и острая классовая борьба делали невозможным единство Эллады. Антигон Досон пытался установить насильно такое единство, но оно оказалось непрочным.

В Спарте, как мы видели, продолжалось социальное движение, и с этим был связан переход Спарты в антимакедонский лагерь. В 210 г. во главе Спарты стоял «тиран» Маханид; он упорно вел войну против Ахейского союза, пока не погиб в бою под Мантинеей в 203 г. (Polyb., X, 41, 2; XI, 10–18; Syll.^{3} 551).

Этолия отнюдь не была удовлетворена Навпактским договором. Военная партия во главе с Доримахом и Скопасом не оставляла плана войны против македонского господства.

Даже Ахейская лига и ее олигархия не внушали доверия Филиппу, который, по словам Полибия, отравил Арата (213 г.).

Используя военную ситуацию в Италии, Филипп стал вытеснять римлян из Иллирии; только Аполлония и Диррахий, под защитой римского флота, оказались ему не под силу. Тогда римский военачальник в Иллирии Марк Валерий Левин вступил в переговоры с Этолией и в 212 г. заключил с ней военный союз. Условия договора показывают, что римляне тогда не стремились к территориальным приобретениям в Элладе – это было бы нереально; пока что их целью было сохранение своих позиций в Иллирии и грабеж. Поэтому было условлено, что все завоеванные в предстоящей войне против Филиппа города до Керкиры переходят к этолийцам – «земля, крыши, стены» (Liv. XXVI, 24), вся же добыча (движимое имущество и рабы) становится достоянием римлян. Римляне со свойственной им методичной жестокостью и беспощадностью дотла разоряли, в силу этого договора, захваченные эллинские территории, уводили в рабство поголовно все население (Polyb., IX, 39, 3).

Союз Этолии с Римом вызвал протесты в Греции. В речи перед лакедемонянами представитель Акарнании Ликиск призывал их к совместной борьбе против римлян: «Нынешняя война, – говорил он, – угрожает эллинам порабощением иноплеменниками, коих вы думали накликать только на Филиппа, и не видите, что призвали их против вас самих и всей Эллады. Этолийцы поступают теперь точно так же, как те на-

роды, которые в военное время вводят в свои города гарнизоны, превосходящие собственные их войска, и тем рассчитывают упрочить свое положение, но потом, лишь только избавятся от страха врагов, предают себя во власть друзей. Ибо в желании одолеть Филиппа и сокрушить македонян этоляне, сами того не понимая, накликали на себя с Запада такую тучу, которая на первых порах, быть может, затемнит одних македонян, но потом угрожает тяжкими бедами всем эллинам» (Polyb., IX, 37, 7–10).

Но ни этолийцы, ни лакедемоняне не отдавали себе тогда отчета о размерах опасности, грозящей с Запада. Элида, Мессена, Спарта в разное время примкнули к Этолии и ее союзнику – римлянам в войне, которая известна под названием Первой македонской войны (подразумевается римско-македонская), хотя роль римлян как воюющей стороны была в ней незначительна. В основном это была война Этолийского союза против Македонии и ее греческих союзников. На стороне этолийско-римской коалиции в войну вступил царь Пергама Аттал, пытавшийся тоже выкроить себе державу за счет Эгеиды и Греции. Соединенный флот Рима и Пергама представлял грозную силу, способную блокировать Грецию вместе с Македонией и с Востока и с Запада, поскольку Филипп не имел достаточного военного флота. С другой стороны, Прусий, царь соседней с Пергамом Вифинии, взял сторону Филиппа.

Филипп в этой войне проявил огромную энергию. Обес-

печив удачными операциями свой тыл от северных варварских племен, он сумел повести действия на суше довольно успешно, хотя на море он был бессилен. Карфагенский флот ему не оказал реальной помощи. Римляне захватили остров Эгину, который они продали Атталу за 30 талантов; предварительно по своему обыкновению они дочиста ограбили остров. Этолийцы также имели некоторые успехи, но не прочные. Жестокость «варваров» римлян, уводивших в рабство население разоренных ими городов, не могла сделать войну этолийцев популярной в глазах греков. Несмотря на совместные действия мощного флота Аттала и римлян, военные действия во внутренних областях Греции развивались в общем в пользу Филиппа и его союзников; Филипп при этом успевал отвлекаться от основного театра военных действий для отражения очередного нашествия дарданов с Севера.

К 208 г. стратег Ахейского союза Филопемен нанес поражение спартанскому «тирану» Маханиду при Мантинее. Это сражение, подробно описанное Полибием (XI, 11–18), представляет значительный интерес для истории военного дела. Зато Прусий напал на Пергам, и Атталу, попавшему под удар Филиппа в Локриде, пришлось спешно ретироваться в Азию. После этого римляне фактически не принимали участия в войне. Филипп сумел перейти в наступление и вновь взять и разорить этолийскую столицу Ферм. Этолийцы убедились, что их дело проиграно, и в 206 г. заключили сепаратный мир с Филиппом – от имени своего и своих гре-

ческих союзников – на приемлемых при создавшейся ситуации условиях.

Но римляне усмотрели в этом мире измену со стороны Этолии; они рассчитывали, очевидно, что этолийцы будут воевать, захватывать, хотя бы на время, эллинские города и отдавать их на поток и разграбление римлянам. В 205 г. римский полководец Публий Семпроний Тудитан прибыл с 35 военными кораблями и значительным войском в Диррахий, рассчитывая толкнуть этолийцев на возобновление военных действий. Поскольку это не удалось, Семпроний пошел на посредничество эпиротов и в 205 г. заключил с Филиппом мир в Фенике в Эпире.

Условия мира были благоприятны для Филиппа. Но последствия его оказались для Македонии и Греции роковыми. Эта война в Греции, в которой впервые участвовали римляне, была для них предварительным опытом для решительного наступления на Восток, когда окончательная победа над Карфагеном развязала им руки. Упрочившийся в течение этой войны союз Рима с Пергамом оказался роковым и для Пергама.

Закончившаяся в Греции война, которую некоторые историки справедливо называют Второй Союзнической, не внесла изменений в расстановку социальных сил. Война и принесенное ею разорение только обострили социальные противоречия. В Спарте социальное брожение перешло в настоящее восстание. После гибели Маханида к власти пришел Набис,

происходивший из царского рода. Полибий в своей ненависти к революции рисует его как жестокого тирана, грабителя и убийцу. Но «преступление» Набиса состояло в том, что он пытался не без успеха довести до конца и осуществить на практике радикальные идеи, выдвинутые еще Клеоменом. Опираясь, в отличие от Агиса и Клеомена, на народные массы, Набис сумел провести ряд социальных мероприятий, внушивших тревогу рабовладельческому классу[187]. Он сформировал преданное ему войско, чтобы, как выражается Полибий (XIII, 6, 2), «упрочить жестокую тиранию на долгие времена». Набис частью истребил, частью изгнал «граждан, выдававшихся больше богатством, нежели славным происхождением», конфисковал и раздал их имущество. Он освобождал илотов и наделял их землей, расширив тем спартанское гражданство, и укрепил спартанское войско, включив в него илотов и периэков. Свои радикальные мероприятия он распространил и на Аргос, где и до того была напряженная ситуация. Возможно, что нападение его на Мессену (Polyb., XVI, 13) также было вызвано желанием поддержать революционно настроенные массы. Вместе с тем Набис боролся за независимость Спарты; его смерть (в 192 г.) означала конец не только спартанского народного движения, но и спартанской независимости.

В Этолии к власти опять пришли Доримах и Скопас. Разо-

---

[187] См. D i o d. XXVII, 1; Paus. IV, 29, 10; VII, 8, 4; P l u t., Philop. 12, 13; Syll.3 584 .

рение Этолии и обнищание населения (Diod., XXIX, 33) выдвинули необходимость социальных реформ. Назначенные законодателями (νομογράφοι) Доримах и Скопас, по сообщению Полибия (XIII, 1, 2), «приняли полномочия и написали законы». По-видимому, эти законы должны были улучшить положение масс за счет экспроприации имущих, судя по тому, что против законодательства выступил один из богатейших людей того времени, Александр Исский. Скопасу пришлось покинуть Этолию. Он направился в Египет, где его, в ожидании неминуемой войны с Антиохом III, приняли на службу в войске, назначив ему громадное жалованье – 10 мин в день.

Ожесточенную классовую борьбу можно отметить для этого времени и в Беотии (к этому мы еще вернемся) и в городах малоазиатского побережья. Полибий, со свойственной ему ненавистью к революционным деятелям, описывает реформы Молпагора, ставшего во главе массового движения в Киосе (XV, 21): «Заискивая у толпы, он возбуждал ее подозрения против людей достаточных, из коих одних погубил, других вынудил покинуть родину, имущество же их присваивал государству и раздавал народу. Такими средствами он быстро приобрел себе значение единодержавного владыки».

Социальные противоречия не только внутри отдельных государств, но и между демократией и олигархией различных государств и государственных объединений осложнялись международной обстановкой. Начавшийся в конце III в.

упадок Египта оживил надежды двух остальных крупных эллинистических монархий на расширение своей территории за счет Египта. Антиох III после своих грандиозных походов на Восток явно стремился к реваншу за поражение при Рафии. Влияние Египта в Эгеиде, упавшее со времени поражения, нанесенного египетскому флоту Антигоном при Косе, фактически перешло к Родосу. Обладая сильным флотом, этот крупнейший торговый город имел возможность хоть в какой-то степени обуздывать пиратов, чтобы обезопасить морскую торговлю. Родос, таким образом, стал естественным покровителем Островной лиги. Египет уже не обладал достаточными средствами для сохранения своих позиций во Фракии, непосредственно прилегавшей к Македонии.

Раздел заморских владений Египта между Сирией и Македонией казался неизбежным; между Антиохом и Филиппом был заключен в 203 или 202 г. тайный договор о разделе внеегипетских владений Птолемеев (Polyb., III, 2, 8; XV, 20–22). Но обе стороны не доверяли друг другу; соперничество и опасения чрезмерного усиления мощи «союзника» побудили Филиппа начать завоевания в Азии и Эгеиде городов, принадлежавших и не принадлежавших Птолемеям. Захватив Лисимахию, Халкедон, Перинф, Киос (для своего союзника, царя Вифинии), Филипп поставил под угрозу снабжение, в частности Афин, боспорским хлебом. Это вызвало тревогу в Афинах, назначивших своего руководителя (προστάτης) Кефисодора чрезвычайным уполномоченным

по снабжению хлебом (ταμίας τῶν σιτωνικῶν), о чем стало известно из недавно опубликованного декрета в его честь[188].

Афины до сих пор, после восстановления независимости в 229 г., не принимали участия в войнах. Полибий упрекает афинян, что они, избавившись от страха перед македонцами, «с того времени воображали, что независимость их прочно обеспечена. Руководимые Эвриклидом и Микионом, они не принимали участия ни в каких движениях прочих эллинов. Разделяя настроения и желания своих руководителей, они простирались в прах перед всеми царями, наипаче перед Птолемеем, допускали всякого рода постановления и общественные восхваления и по легкомыслию своих вождей мало заботились о соблюдении достоинства» (V, 106, 6–8). В надписи в честь стратега Деменэта от 211 г. (Syll.^{3} 547) афиняне восхваляют его за то, что во время Союзнической войны он «многократно отправлялся послом к Этолийскому союзу, равно как к царю Филиппу, чтобы со стороны обоих сохранялась народу дружба и мир и чтобы город, не обижаемый ни одним из них, пришел к исконному преуспеянию» (εὐδαιμονίαν).

На этот раз, однако, соблюдение нейтралитета было для Афин делом нелегким. Зависимость Афин от привозного хлеба сделала положение города угрожающим, когда Филипп стал захватывать подступы к проливам. Павсаний (I, 36, 5–6) описывает памятник, поставленный Кефисодору на

[188] «Hesperia», V, 3, 1936.

Священной дороге в Элевсин, «памятник Кефисодора, предстоятеля народа, злейшего врага Филиппа, сына Деметрия. Кефисодор побудил стать союзниками Афин царей: Аттала мисийца и Птолемея египтянина, из автономных народов – этолийцев, из островитян – Родос и Крит». Кефисодор отправился также и в Рим просить помощи против Филиппа[189].

Но и без призыва со стороны греков Рим теперь становился важнейшим фактором международных отношений на Востоке. Если агрессивные тенденции Рима в то время еще не могли привести к немедленному захвату территорий на Востоке, то во всяком случае его интерес состоял в том, чтобы не допустить усиления крупнейших эллинистических государств и поддерживать раздробленность Эллады.

Завоевания Филиппа в районе Боспора внушили серьезную тревогу Родосу, и когда Филипп стал захватывать области Карии, принадлежавшие Родосу, конфликт из скрытого стал явным.

Филипп с присущей ему энергией и стремительностью повел операции на суше и на море и одержал ряд побед не только на суше, но и над соединенным флотом Пергама и Родоса. Однако после ряда завоеваний в Карии он попал в ловушку в Баргилии, где его флот оказался блокированным. Ему пришлось зазимовать в Баргилии и «вести, что называется, волчью жизнь» (Polyb., XVI, 24, 4), без провианта и в тревоге

---

[189] С. А. Ж е б е л е в. Из истории Афин, 229–31 гг. до н. э., СПб., 1899, стр. 81 сл., 119 сл.

за Македонию. Все же весной 200 г. Филипп сумел прорвать блокаду и вернуться в Македонию.

Тем временем в Риме готовились к войне, хотя никаких легальных оснований для этого не было. Сенат предъявил Филиппу ультиматум, ссылаясь на обиды, чинимые союзнику Рима – Пергаму, и направил на Восток посольство, посетившее ряд греческих городов; в Пирее оно встретилось с Атталом, которому афиняне устроили чрезвычайно торжественный прием; одну филу назвали в его честь Атталидой. На народном собрании было зачитано обращение Аттала с призывом к войне против Филиппа, и афиняне постановили выступить на стороне Аттала. Затем посольство посетило Филиппа, осаждавшего Абидос, и формально объявило ему войну. Сульпиций Гальба высадился в Иллирии с двумя легионами, и началась вторая македонская война.

В течение первых двух лет военных действий римляне не имели существенных успехов в Македонии. Будучи совершенно изолированным, так как греческие государства, в частности Ахейский союз, не решались выступать против Рима, которому благодаря союзу с Пергамом и Родосом принадлежало господство на море, Филипп упорно защищался и даже переходил в наступление. Присоединение сначала Этолии (199 г.), а затем и Ахейского союза (198 г.) к римлянам поставило Филиппа в весьма тяжелое положение. Все же он сумел отстоять Коринф и взять Аргос. Но тяжесть положения заставила Филиппа повести переговоры о мире.

Свидание между Филиппом и римским главнокомандующим Титом Квинкцием Фламинином состоялось осенью 198 г. в Никее (в Локриде). Переговоры подробно изложены Полибием (XVIII, 1–10). Филипп держался с большим достоинством и тактом, несмотря на тяжелые и обидные условия, выдвинутые Фламинином и особенно представителями Пергама, Родоса, Ахейского союза и Этолии. В конце концов соглашение не состоялось, но решено было представить условия мира, выдвинутые сторонами, на решение сената. Тот решил продолжать войну, поручив ведение ее Фламинину на правах проконсула.

В июне 197 г. при Киноскефалах (Карадаг) в Фессалии произошло решающее сражение. В неудобной для македонской фаланги позиции Филипп рассеял левый фланг под командованием Фламинина; но на правом фланге римляне, поддержанные этолийской конницей и слонами, имели решительный успех; сражение было Филиппом проиграно. Он отступил в Македонию, где ему пришлось опять отражать набег дарданов, и начал мирные переговоры, закончившиеся заключением мира на условиях, поставленных Фламинином в Никее: Филипп должен был отказаться от всех владений вне Македонии и до утверждения условий мира сенатом внести 200 талантов и дать в заложники своего младшего сына.

Но греческие союзники Рима обманулись в своих ожиданиях. Эвакуируемые Филиппом территории, на которые претендовали этолийцы, ахейцы и др., Фламинин не собирался

им отдать. Они были завоеваны римским оружием, и только Рим мог ими распоряжаться.

Вскоре прибыли уполномоченные сената, привезшие принятые сенатом условия мира. «Важнейшими статьями этого решения были следующие: всем вообще эллинам, как азиатским, так и европейским, быть свободными и пользоваться собственными законами; тех же эллинов, которые до сих пор были подвластны Филиппу, а равно занятые его гарнизонами города Филипп обязан передать римлянам перед истмийскими играми. Эврому, Педасам, Баргилии, городу иасян должен предоставить свободу, равно как Абидосу, Фасосу, Мирине, Перинфу, и вывести из них свои гарнизоны. Что касается освобождения иасян, то Тит должен был согласно сенатскому определению написать о том Прусию. В тот же срок Филипп обязывался возвратить римлянам всех военнопленных и перебежчиков, а также выдать им все палубные корабли за исключением пяти кораблей и одного шестнадцатипалубника. Он должен был, наконец, уплатить тысячу талантов, из коих пятьсот тотчас, а другие по частям в течение десяти лет» (Polyb., XVIII, 44).

О добыче, захваченной Фламинином в Греции, некоторое представление может дать описание его триумфа, данное Ливием (XXXIV, 52, 4–11). Триумфальное шествие длилось три дня. В первый день проносили оружие, знамена и бронзовые и мраморные статуи. Во второй день несли золото и серебро в изделиях, слитках и монетах: серебра – 18 270 фун-

тов, много серебряных сосудов, из коих некоторые высокой художественной ценности, много художественной бронзовой посуды и 10 серебряных щитов; наконец 84 000 серебряных тетрадрахм, соответствующие 252 000 римским денариям, золота пронесли 3714 фунтов, кроме того, щит целиком из золота и 14 514 золотых монет «филиппиков» (вес монеты – $^1/_{40}$ фунта). На третий день пронесли 114 золотых венков – «дары» греческих городов. Каждый солдат получил по 250 ассов, центурионы – по 500, всадники – по 750.

Но, вероятно, гораздо большую стоимость имела добыча, награбленная солдатами. Кроме того, совершенно не поддается исчислению ущерб, нанесенный постоями войск, а также разрушением городов при захвате их римскими войсками. Неизвестно также, какое количество людей было уведено в рабство. Такова была цена, которую греки заплатили за первый опыт вмешательства Рима в дела Греции.

Сенатское постановление вызвало смятение в Греции – все видели, что «совершается не освобождение эллинов, а лишь смена господ» (Polyb., XVIII, 45, 6). Римляне, однако, оказались хитрее, чем думали. Они не видели пока расчета создавать собственную администрацию в Элладе, рискуя при этом восстанием, которым мог бы воспользоваться Филипп и особенно Антиох III, ставший владыкой Азии, подступивший к Фракии и угрожавший римскому господству на Балканах. Римляне поэтому сочли благоразумным, утвердив фактически свою власть над Грецией, предоставить ей формаль-

но свободу в тех пределах, в каких это угодно будет Риму.

На истмийском празднестве было провозглашено: «Римский сенат и полководец с консульской властью (στρατηγὸς ὕπατος) Тит Квинкций, победив в войне Филиппа и македонян, даруют свободу коринфянам, фокидянам, локрам, эвбейцам, ахеянам фтиотским, магнетам, фессалийцам, перребам, предоставляя им не содержать у себя гарнизонов, не платить дани и жить по собственным законам» (Polyb. XVIII, 45, 5). Эта прокламация вызвала у присутствующих, по словам Полибия, взрыв энтузиазма. Но провозглашенная Фламинином «свобода» означала подчинение Греции Риму.

Немедленно после истмийского празднества сенатская комиссия при Фламинине приступила к наведению порядка в Греции; комиссия перекраивала греческие области, совершенно не считаясь ни с желанием народа, ни с историческими правами. Примером того, как понимали римляне свободу эллинов, может служить Фессалия. Фламинин реорганизовал Фессалийскую лигу по ахейскому образцу и ввел в фессалийских городах тимократическую конституцию. Так понимали римляне право «жить по собственным законам» (Liv. XXXIV, 51). Вообще Рим опирался на элементы «порядка», на тех, «кому скорее выгодно было, чтобы все было тихо и спокойно» (там же).

Во время македонской войны Фламинин терпел Набиса. Теперь он потребовал от эллинов, чтобы они объявили войну Набису, отказавшемуся «освободить» Аргос. Кроме это-

лийцев, все прочие приняли участие в этой войне (195 г.). Набис упорно защищался, но, лишившись своих морских городов, вынужден был вступить в переговоры. Вопреки желанию эллинов и в первую очередь Ахейской лиги, Фламинин заключил с ним мир. Набис сдал римлянам свои приморские города, Арголиду, а также владения на Крите, и должен был уплатить 500 талантов контрибуции.

Господствующий класс в своих классовых интересах поддерживал римлян, способных подавить движения масс, но народ видел в римлянах прежде всего союзника и покровителя угнетателей. Поэтому, несмотря на внушаемый римлянами страх, массы возлагали надежды на Антиоха. Ливий прямо пишет, что масса, «жаждавшая переворота, целиком была на стороне Антиоха». В своей пропаганде Антиох учитывал эти настроения. В своем выступлении перед этолийским собранием представитель Антиоха, Менипп, призывал к союзу с Антиохом против римлян, обещая восстановить прежнюю честь Греции; «Свобода ведь состоит в том, чтобы основываться на собственных силах, а не зависеть от чужого суждения» (Liv., XXXV, 32). В Беотии Фламинин, чтобы расположить к себе народ, настроенный враждебно к Риму, разрешил военнопленным беотийцам вернуться. Народ в связи с этим демонстративно выразил свою благодарность не ему, а Филиппу. «Друзья римлян», противопоставлявшие себя народу, пришли в смущение, так как они, «заглядывая в будущее, страшились за свою участь… Они хорошо сознавали

опасность своего положения в Беотии, когда римляне покинут Элладу, а Филипп останется бок-обок с Беотией и всегда будет оказывать поддержку их политическим противникам». Они поэтому обратились к Фламинину, «указывая на то, что народ уже теперь возбужден против них и на неблагодарность черни»; они просили устранить вождя народной партии Брахилла. Фламинин не захотел лично участвовать в этом деле, но поддержал их предложение: Брахилла втихомолку убили (Polyb., XVIII, 43).

Антиох имел сторонников в Эпире, в Элиде, в Фокиде (Polyb., XX, 2–3; 7–11; XXI, 6, 2–6). Но, по-видимому, он переоценил силу сопротивления эллинов Риму. Набис был предательски убит (192 г.) после безуспешной попытки стратега Ахейской лиги Филопемена сокрушить его. Только Этолия ринулась в борьбу на стороне Антиоха. Что касается Филиппа, он не счел, очевидно, выгодным для себя усиливать своего давнишнего соперника Антиоха и вновь вступать в опасный конфликт с Римом.

В результате Антиох, вступивший в Элладу с незначительными силами в расчете на помощь греков, потерпел поражение при Фермопилах и отступил в Азию. Здесь, в битве при Магнесии на Сипиле Антиох потерпел решающее поражение (189 г.), приведшее к Апамейскому миру (188 г.)[190].

В Элладе совместные действия римлян и выступившего на их стороне Филиппа поставили этолийцев в безвыходное

[190] См. выше, стр. 138.

положение. Вместе с тем успехи Филиппа отнюдь не были приятны Риму. С Этолией было заключено перемирие (190 г.); наконец, уже после Магнесии, Этолия капитулировала (189 г.) и признала над собой власть Рима. Ее территория была значительно урезана. Она дала Риму заложников и обязалась уплатить контрибуцию в 500 талантов: 200 немедленно, 300 в рассрочку на шесть лет. Господству Этолии в Дельфах, продолжавшемуся около ста лет, пришел конец. Ряд дельфийских надписей (Syll.^{3} 607–615) содержит постановления сената и римских магистратов о предоставлении Дельфам и их храму асилии, свободы от податей, автономии и свободы; сенат предоставил Дельфам право выселять (ἐξοικίζειν) всех, кого пожелают, и позволять поселиться у них тем, кто им будет угоден (Syll.^{3} 611); этот указ направлен в первую очередь против этолийцев. Была восстановлена дельфийская амфиктиония на старых основаниях.

О том, что представляла собой римская свобода в это время, немало материала приводит Полибий. В Беотии, где «людей беспокойных и злонамеренных было больше, нежели благонамеренных», уже Фламинин потребовал возвращения изгнанников, и сенат послал беотянам письменное распоряжение об этом; те попытались под благовидным предлогом уклониться от исполнения распоряжения сената; тогда полицейская задача восстановления «порядка» в Беотии была возложена на ахейцев; Филопемен «дозволил всякому желающему идти за добычей на беотян». Ахейцы уводили у

беотян стада и только вмешательство Мегар положило конец этому методу «умиротворения» (XXII, 4, 17).

Насильственное включение Филопеменом Спарты в Ахейскую лигу служило предметом разбирательства в Риме (Polyb., XXII, 6; 10). Ликвидация Филопеменом всех реформ Набиса повергла Спарту в такой хаос, что даже возвращенные ахеянами спартанские изгнанники вынуждены были жаловаться в сенат на то, что в результате действий Филопемена спартанцы стали бессильны и утратили свободу, «потому что они не только подчиняются союзным решениям ахеян, но и в частной жизни обязаны повиноваться предержащим властям союза». Сенат (185 г.) назначил комиссию для расследования дела (Polyb., XXII, 15–16).

Через три года сенат снова разбирает дела Ахейской лиги, ее взаимоотношения с Лакедемоном и Мессеной. Вопрос о лакедемонских изгнанниках (на этот раз изгнанниками были представители неугодных ахеянам элементов) снова был поставлен в сенате в 180 г. Представитель Ахейского союза Калликрат, сторонник сильной римской власти, выступил с речью против пославшей его лиги, указывая сенату, что «в наше время во всех народных государствах есть две партии, из которых одна учит, что необходимо подчиняться идущим от Рима указаниям и почитать превыше законов, договоров и всего подобного волю римлян. Другая партия выдвигает вперед законы, клятвы, договоры и убеждает народ не нарушать их без крайней нужды. Это последнее мнение, преоб-

ладающее в народе, гораздо больше отвечает чувствам ахеян; вот почему позор и поношение в народных массах выпадает на долю сторонников римлян, а отношение противоположное составляет удел врагов ваших». Калликрат поэтому рекомендовал сенату твердую политику по отношению к ахеянам (Polyb., XXIV, 10–11).

«Свобода», провозглашенная Фламинином, означала опеку и верховенство Рима. В письме к Гераклее (у Латма) Гней Манлий Вульсон в 188 г. неплохо формулирует отношения между Римом и «свободным» греческим полисом: «так как вы перешли εἰς τὴν ἡμετέρα[μ πίστιμ] (очевидно, перевод латинского in nostram fidem), мы предоставляем вам свободу, как и всем прочим городам, которые передали нам попечение (ἐπιτροπήν) … мы принимаем также от вас выражение почета (φιλάνθρωπα) и преданности (τὰς πίστεις)» (Syll.^{3} 618).

Хотя римляне и на этот раз не сделали никаких прямых территориальных приобретений в Греции, они иногда конфисковали землю и другую недвижимость, которую они распределили по-своему. В письме к городу Хиретии (в Перребии) Фламинин (196–194 гг.) «великодушно» возвращает городу «принадлежащие римской казне оставшиеся еще земельные владения и дома» (Syll.^{3} 593). Остается только поражаться странному заявлению М. Олло, что «римляне, может быть, совершили ошибку, слишком строго настаивая на

принципе свободы»[191]. Политику раздробления и угнетения Греции Олло рассматривает как некоторое чрезмерное увлечение римлян греческим идеалом свободы!

Македония, сохранившая свой суверенитет, также была фактически подвластна Риму, и когда в 179 г. Филипп умер и престол перешел к Персею, македонская делегация прибыла в Рим, чтобы получить от сената признание нового царя (Liv., XLI, 24, 6).

Некоторые авторы, античные и современные, полагают, что Филипп после поражения Антиоха готовился к новой войне против Рима. Может быть, потеря Антиохом владений в Малой Азии внушила Филиппу надежду на возможность создания могущественной Македонии в счет прежних малоазиатских владений Антиоха. Во всяком случае Филипп пытался завладеть, насколько это позволяли условия договора с Римом, некоторыми стратегическими пунктами в Греции и Фракии и принял ряд мер к улучшению экономического положения Македонии. Он значительно укрепил финансы своего царства. «Чтобы восстановить прежнее многолюдство, которое было утрачено из-за военных поражений, он не только выращивал новое поколение, поощряя рождение и воспитание детей, но и переселил большое множество фракийцев в Македонию» (Liv., XXXIX, 24). Своему сыну и наследнику Персею он оставил царство достаточно укрепившимся, чтобы Персей мог вести великодержавную политику.

---

[191] CAH, VIII, 245.

Но этого не мог позволить Рим. Сенат стал предъявлять Персею всякого рода обвинения и, подготовив предварительно общественное мнение греческих государств, где народ был против римлян, а знать – за римский «порядок», объявили Персею войну (третья македонская война, 171–168 гг.). Персей одержал ряд успехов, к нему примкнули Иллирия и Эпир. Положение его казалось совершенно прочным. Нов единственном генеральном сражении при Пидне (22 июня 168 г.) его войско потерпело поражение, и участь Македонии была решена. Персей сдался в плен, шел за триумфальной колесницей победителя, Луция Эмилия Павла, и погиб в тюрьме. Небывалый разгром был устроен в Эпире. Полибий, по Страбону (VII, 7, 3), сообщает, что Павел разорил в Эпире семьдесят городов и продал в рабство 150 000 человек.

На этот раз римляне положили конец существованию Македонского государства. Сенатская комиссия под руководством действовавших в Греции полководцев – Л. Эмилия Павла и Л. Аниция Галла – «прежде всего объявила свободу македонян и иллирийцев», т. е. упразднила македонское царство. Страна была разделена на четыре части с центрами в Амфиполе, Фессалонике, Пелле, Пелагонии. Между этими округами была установлена искусственная преграда: жители каждого из четырех округов не имели ни ius connubii (право браков), ни ius commercii (право приобретать недвижимость) в других трех. Золотые россыпи, приносившие государству

громадный доход (ingens vectigal), запрещено было разрабатывать; но Павел разрешил добывать железо и медь. Был запрещен ввоз соли (Liv., XLV, 17–18; 29, 1–4). Кроме того, запрещено было рубить и вывозить лес, который шел на постройку судов. Такая же расправа произведена в Иллирии.

В Греции произведено исправление границ в зависимости от заслуг того или иного государства перед Римом; противники Рима подверглись наказаниям. В Этолии по наущению Ликиска и Терсиппа римские солдаты перебили 550 членов этолийского совета, и эта операция была одобрена Римом (Liv., XLV, 28, 6–7). Лиц, заподозренных в сочувствии Персею, отправляли на суд в Рим. По сообщению Павсания (VII, 10, 7 сл.), более тысячи ахейцев было отправлено в Рим, в том числе историк Полибий. Несмотря на неоднократные ходатайства ахеян, только в 151 г. оставшимся в живых (около 300 человек) было разрешено вернуться на родину.

Господство римлян в Македонии и Греции, отвечавшее экономическим интересам богатых слоев населения, встречало скрытую оппозицию со стороны масс народа, так как римская военная сила делала безнадежными попытки социальных реформ. В Спарте революционные традиции сохранялись. Около 180 г. к власти здесь пришел «известный Херон, за год до того ходивший послом в Рим, человек умный и ловкий, но молодой, низкого происхождения и невысокого воспитания». «Он-то прежде всего завладел землей, которую тираны (под тиранами Полибий понимает прежде всего

Набиса) предоставили в городе сестрам, женам, матерям и детям изгнанников и собственной властью роздал поля беднейшим гражданам зря и неравномерно; затем он распоряжался общественными деньгами, как своими собственными, расточал государственные доходы, не сообразуясь ни с законами страны, ни с народными постановлениями, ни с предписаниями властей» (Polyb., XXIV, 7, 1–4). Конечно, власти Ахейского союза быстро приняли меры и арестовали Херона.

Недовольство масс населения в Македонии позволило появившемуся здесь Лже-Филиппу (он выдавал себя за сына царя Персея) быстро овладеть страной и нанести несколько поражений римским отрядам. Против него римляне направили большое войско под командованием Квинта Цецилия Метелла. В 148 г. Лже-Филипп (Андриск) был разбит, взят в плен и после триумфа Метелла казнен в Риме. Македония окончательно потеряла свою автономию и была превращена в римскую провинцию; прежнее деление на четыре области было упразднено, под начало правителя новой провинции были отданы также Иллирия и Эпир.

Но и во всей Элладе после поражения Персея наступили, по словам Полибия (XXX, 6, 2), смуты и перемены. Ахейский союз, охвативший теперь весь Пелопоннес, также раздирался внутренними противоречиями. После казни Филопемена, попавшего в плен к мессенянам (183 г.), наряду со стратегами вроде Калликрата, поддерживавшего целиком

римскую политику, руководство лигой иной раз оказывалось в руках людей, не склонных мириться с полной потерей независимости. По-видимому, и засилье олигархии было подорвано. В свое время Эвмен, царь Пергама, предложил Ахейской лиге 120 талантов в качестве фонда, проценты с которого шли бы на содержание участников союзных собраний. Поскольку это могло бы дать возможность и беднейшим гражданам участвовать в управлении лигой, ее руководители категорически отвергли предложение Эвмена (Polyb., XXII, 10–11). Но тогда руководители Ахейской лиги чувствовали себя уверенно. Теперь, когда римляне уже не нуждались в полицейских услугах лиги и собирались урезать ее владения – отнять Спарту, Аргос, Коринф, Орхомен, – лига вступила в открытый конфликт с Римом и стала искать опоры в массах.

Стратег Критолай выступил на собрании лиги с обвинениями против римлян. «Рядом с этим он запретил властям взыскивать что-либо с должников, приказал не принимать тех, кого приводили бы для заключения под стражу за долги, отсрочить до окончания войны разбор жалоб по недоимкам» (Polyb., XXXVIII, 9, 10). Когда представители сената появились в собрании, их не пожелали слушать. «Дело в том, – поясняет Полибий (XXXVIII, 10, 6), – что никогда не собирались на вече в таком количестве ремесленники и простолюдины». При сочувствии и пассивной поддержке некоторых других эллинских государств ахеяне начали войну с Римом (146 г.). Критолай погиб в одном из боев. Сменив-

ший его Дией имел было небольшой успех, но в сражении с консулом Луцием Муммием потерпел поражение, и судьба Ахайи была решена, вместе с тем решилась и судьба всей Эллады.

Все союзы, сочувствовавшие Ахейскому союзу, были распущены (Эвбейский, Беотийский, Фокидский и Локридский). По распоряжению из Рима, Коринф был сожжен дотла, а все имущество было вывезено и распродано римлянами. Полибий отмечает варварство римских солдат. Он собственными глазами видел, как солдаты играли в кости на брошенных наземь картинах великих мастеров (XXXIX, 13).

О дальнейшей истории Эллады до Августа источники крайне скудны. Поэтому до сих пор остается не вполне ясным, каково было положение и место ее в системе Римской республики, каковы были формы и методы управления ею. Единственный дошедший до нас связный рассказ Павсания вызывает справедливые сомнения: «Во всех городах, – пишет Павсаний (VII, 16, 9–10), – которые воевали против Рима, Муммий срыл стены и отнял оружие, еще до того как римляне прислали нему советников. Когда же прибыли те, кто должен был с ним совещаться, он там упразднил демократии и установил цензовую (ἀπὸ τιμημάτων) власть. И подать была наложена на Элладу, а денежным людям было запрещено приобретать землю за пределами своей территории. Племенные союзы все – ахеян, фокейцев, беотян, или где-либо в другом месте в Элладе – были одинаково упразднены.

Но через немного лет римляне сжалились над Элладой и вернули всем народам их древние союзы и разрешили приобретать недвижимость вне своих территорий. Они также сложили штраф с тех, на кого наложил его Муммий, а именно, на беотян он наложил сто талантов в пользу Гераклеи и Эвбеи, на ахеян двести в пользу лакедемонян; и вот эллины получили прощение этих штрафов от римлян, а правителя посылали (в Элладу) еще до моего времени».

Относительно характера власти Рима в Греции до сих пор остается в силе результат исследования С. А. Жебелева, который на основании анализа литературных и эпиграфических материалов пришел к такому заключению: «После 146 г. те территории, которые, вслед за ахейской войной, составили непосредственные владения римлян в Греции, присоединены были к провинции Македонии и находились в непосредственном подчинении ее правителя»; «во вторую половину II в. до н. э. отдельной провинции Ахайи (понимая под ней всю Грецию) не было. Но вместе с тем ясно видно, что в спорных делах, отличавшихся известной сложностью, … греки обращались за решением их к правителю Македонии, а если это не приводило к мирному концу, то в разбор дела вмешивался сенат»[192].

Не менее скудны наши сведения об экономическом положении Греции в конце III и в первой половине II в., до окончательного крушения независимости Македонии и Эл-

[192] С. А. Ж е б е л е в. Ἀχαϊκά…, стр. 39, 52.

лады. Мы имеем в литературных источниках некоторые описания и общие характеристики отдельных греческих областей в начале и в конце интересующего нас периода. Около начала II в. Гераклид Критик дал в сатирическом плане описание Греции, отрывки которого сохранились (GGM, I, 97 сл.). Об Афинах Гераклид пишет, что большинство домов бедны, красивых очень мало, и чужестранец с первого взгляда может даже усомниться, действительно ли перед ним знаменитый город Афины; вскоре он, однако, в этом убедится, когда увидит знаменитые храмы, гимнасии и т. д. Но чужестранцы, интересующиеся тем, что им нравится, забывают про рабство (λήθην τῆς δουλείας ἐργάζεται). Прекрасные зрелища и развлечения доступны всем, и это заглушает голод и позволяет забыть об еде. Если чужестранец привез с собой провизию, он может провести здесь время приятно. Богатым посетителям докучают бегающие по городу в поисках заработка осведомители.

В несколько ином роде описывает Гераклид Фивы. Он отмечает, что споры фивяне решают не законным порядком, а кулачной расправой, «перенося в правосудие навыки, приобретенные атлетами в гимнических играх. Поэтому судебные процессы у них затянулись по крайней мере лет на тридцать. Напомнивший в народе о чем-либо подобном, но немедленно не удравший из Беотии и оставшийся в городе самое короткое время, подвергается насильственной смерти от руки тех, кто не хочет, чтобы судебное дело разбиралось. Убий-

ства у них совершаются по любому поводу».

Насмешливое описание Фив у Гераклида основано на действительном положении вещей в Беотии. Полибий пишет (XX, 4, 1), что «уже с давнего времени беотяне находились в состоянии упадка в противоположность более далекому прошлому, когда государство их процветало и славилось». «Государство беотян было окончательно расстроено, и у них в течение чуть не двадцати пяти лет не было постановлено ни одного приговора ни по частным жалобам, ни по государственным делам». Выше мы видели, что приостановка судебных разбирательств, как и раздача беднякам жалованья из казны (Polyb., XX, 6, 1–2), была выражением общего экономического расстройства Беотии и острой классовой борьбы, которую древние источники обычно искажают. К сожалению, Полибий в своем желании дискредитировать демократию в Беотии, выражается весьма резко, но неопределенно о некоторых интересных явлениях общественной жизни того времени в Беотии: «Люди бездетные, умирая, не оставляли имущества своего в наследство родственникам, как было у них в обыкновении раньше, а обращали (διετίθεντο) на пиры и попойки и делали его общей собственностью друзей; а из тех, кто имел детей, многие отделяли большую часть своего имущества для застольных сотовариществ» (συσσιτίοις). Возможно, завещание имущества (при отсутствии прямых наследников) «в общую собственность друзей» и организация сисситий говорят о каких-то мерах улучшения положе-

ния бедноты. Сюда же относится и сообщение Полибия, что «иные из союзных стратегов выдавали беднякам даже из государственной казны жалованье» (μισθοί, XX, 6, 2).

Городам Беотии приходится прибегать к займам на тяжелых условиях (Акрэфия, SEG, III, 356, 359); город Ороп обещает наградить особыми почестями лицо, которое согласится ссудить городу на год один талант из 10%; но нашелся только один такой охотник (Syll.^{3} 544).

Только ненавистью к демократии можно объяснить тот вывод, к которому приходит автор исследования о Беотии в III в. Фейель[193]. Оказывается, что все бедствия Беотии объясняются… демагогией! «Начиная примерно с 220 г., демагогическое управление распылило общественные ресурсы и быстро разорило как частных граждан, так и города; упорствуя в своей демагогии, главари беотян стали тогда прибегать к печальным приемам, как займы под высокие проценты, уловки, имеющие целью воспрепятствовать функционированию суда, увеличение числа празднеств, обращение к щедрости богачей и иностранных государей». Очевидно, по мнению Фейеля, «роскошная» жизнь бедноты, получавшей пособия от казны и добившейся отсрочки в уплате долгов, была причиной всех бедствий. Между тем сам Фейель приводит материал, показывающий концентрацию богатств в руках немногих, обогащение богачей и разорение бедняков – явление, наблюдающееся в то время во всей Греции

[193] M. F e y e l. Polybe et l'histoire de Béotie, P., 1942, стр. 282.

и неизбежно сопутствующее упадку классово-эксплуататорского общества. Именно потому господствующие слои рабовладельческого класса приветствовали римскую агрессию, что понимал и Полибий.

Другие литературные данные, касающиеся экономического положения Греции, относятся к периоду после 146 г. Об ахеянах Диодор пишет (XXXII, 26, 2–3): «Они собственными глазами видели, как убивали их родных и друзей, бесчестили женщин, они видели порабощение родины, грабежи и повальное издевательское обращение в рабство; окончательно утратив независимость и свободу, они из величайшего благополучия перешли к крайним бедствиям». Диодор возлагает вину на стратегов и их демагогию – они проводили кассацию долгов и опирались на множество неимущих должников (ἀπόρων χρεωφειλετῶν).

Полибий пишет (XXXVII, 9,5): «В наше время всю Элладу постигло бесплодие женщин и вообще убыль населения (συλλήβδην ὀλιγανθρωπία), так что города обезлюдели и нет урожаев». Для своего времени Страбон указывает (VII, 7, 8–9), что «ныне многие места остаются пустынными, а заселенные представляют села и лежат в развалинах».

Упадок Греции носил общий характер; об этом свидетельствует судьба Афин. Афины меньше всего были затронуты военными действиями, если не считать опустошительного вторжения Филиппа в Аттику в 200 г. С Римом Афины все время сохраняли лояльные отношения и выступали в сена-

те в качестве посредника и ходатая о мире с Этолией. Для войны с Персеем афиняне предоставили римлянам войско, флот и 100 000 модиев пшеницы, хотя Афины сами нуждались всегда в хлебе (Liv., XLIII, 6, 2–3). Поэтому после победы над Персеем римляне подарили Афинам Делос, Лемнос и территорию полностью разрушенного римлянами Галиарта. И все же состояние афинских финансов было настолько тяжелым, что в 156 г. афиняне решились на чисто пиратский набег: они напали на пограничный с Беотией город Ороп и дочиста его ограбили. Павсаний по этому поводу пишет (VII, 11, 4), что они «разграбили Ороп скорее по необходимости, чем добровольно, ибо афиняне дошли до крайней бедности», разоренные македонской войной. Поступок Афин вызвал возмущение. Оропцы пожаловались в Рим, сенат поручил разбор дела городу Сикиону, который присудил афинян к штрафу в 500 талантов в пользу Оропа. Афиняне, впрочем, добились от Рима снижения штрафа до 100 талантов, да и тех, по-видимому, не уплатили[194].

Декрет из Краннона в Фессалии (BCH LIX, 1935, стр. 39) говорит о том, что из-за войн город влез в долги, которыми истощаются уже много времени (ἐπειδεὶ ἁ πόλις ἐν δανείοις πλεόνεσσι ὑπάρχει διὲ τὸς πεστάντας αὐτᾶ πολέμος, καὶ χρόνος εἴδε πλέονας ἕλκονται τὰ δάνεια).

При неустойчивости экономики случайный неурожай мог стать бедствием. В надписи 175/4 г. восхваляется патриоти-

[194] См. В. В. Л а т ы ш е в. К истории города Оропа, ЖМНП, 1885, ноябрь.

ческий поступок купца, который закупил 1500 метретов масла, чтобы отвезти его в Понт, продать там и привезти хлеб, но, узнав по пути, что в Аттике неурожай на оливки, он отказался от своей спекуляции и распродал свое масло в Аттике (Syll.^{3} 640).

Обеднение Греции и неустойчивость существования вели к падению рождаемости и уменьшению народонаселения, о чем свидетельствует приведенное выше сообщение Полибия. Оно подтверждается и эпиграфическими данными. Тарн[195] подобрал данные о греках, получивших между 228 и 200 гг. милетское гражданство. Для 79 из них сообщаются подробные данные о составе семьи: у них в общей сложности 118 сыновей и 28 дочерей. Низкий процент дочерей объясняется тем, что в трудные времена предпочитают вырастить сына, будущего добытчика, а дочь подбросить. Посидипп, писатель III в., в одной из своих комедий (Hermaphr., frg. 11) формулирует даже как бы правило: «сына выращивает всякий, даже если он беден, дочь же подбрасывает даже богатый». Из числа около 600 семей, о которых имеются сведения в дельфийских надписях II в., только 1% имеет двух дочерей. Конечно, в общем количество сыновей и дочерей уравнивалось с течением времени; но уменьшение численности населения в целом не подлежит сомнению.

Относительно более высокий уровень жизни, достигнутый в первый период эллинизма, сохранялся в среде бога-

[195] Hellenistic civilization, стр. 86 сл.

тых людей, но масса населения разорялась и беднела. Некоторое представление об уровне жизни городского населения дают дошедшие до нас подробные отчеты иеропеев, руководителей делосского храма Аполлона, от конца IV в. до примерно 170 г. Эти отчеты содержат весьма точные материалы, из года в год, о ценах на различные товары и предметы широкого потребления и о размере оплаты различного рода труда – от поденщика до архитектора. Можно проследить по этим отчетам колебания цен и уровня жизни трудящихся. Составленные Ф. Гейхельгеймом[196] таблицы не позволяют делать обобщения, касающиеся всего эллинистического мира. Несмотря на некоторое единство экономики, было бы неосторожно усматривать прямую связь между колебаниями цен на Делосе, в Египте и в Уруке. Но поскольку Делос занимал центральную позицию в Элладе, можно данные, касающиеся Делоса, во всяком случае использовать и для близлежащих греческих областей.

На основе несколько уточненных данных Гейхельгейма Ларсен[197] исчисляет расходный бюджет семьи из мужа, жены и двух малолетних детей в начале II в. до н. э. в 433 драхмы в год; при этом он исходит из годовой нормы потребления пшеницы для мужчины $7^1/_2$ медимнов по 10 драхм, для жен-

---

[196] F. H e i c h e l h e i m. Wirtschaftliche Schwankungen in der Zeit von Alexander bis Augustus, Jena, 1930.

[197] J. A. O. L a r s e n. Roman Greece в IV томе T. F r a n k «Aneconomic survey of ancient Rome», Baltimore, 1938.

щины– $5^1/_2$ медимнов; кроме пшеницы, стоимость других видов пищи (ὀψώνιον) принята Ларсеном для мужчины 55 драхм, для женщины – 43 драхмы; наконец, мужчине и женщине ассигнуется по 25 драхм на одежду. Расход на ребенка (не грудного) принимается в размере половины расхода на взрослого мужчину. Никакие другие расходы, кроме хлеба, ὀψώνιον и одежды, в этом бюджете не предусматриваются, хотя, конечно, должны были быть расходы на жилье, культовые потребности и т. д. Жалованье храмового служителя (надзиратель, писец, герольд и др.) в это время колеблется от 60 до 130 драхм в год. Очевидно, такой служащий должен был иметь посторонние заработки, чтобы прокормить и содержать даже только себя, ибо стоимость содержания взрослого мужчины составляла тогда 155 драхм; жена должна была изыскивать другие средства для себя, а детей прокормить было нечем.

Конечно, все эти выкладки слишком абстрактны, жизнь вносила в бюджет бедняка какие-то практические коррективы, благодаря которым население, хотя и на более низком уровне, кое-как поддерживало свое существование. Во всяком случае заслуживает внимания, что согласно элевсинской надписи 329/8 г. (IG II^2, 1672) на содержание раба тратилось 3 обола в день, или 180 драхм в год – больше, чем получал жалованья храмовый служитель во II в.

Хозяйственный упадок многих городов Греции античные и современные авторы объясняли внешними причинами –

военными неурядицами. Мы видели, какую громадную добычу вывез из Греции Фламинин. По исчислениям Ларсена (ук. соч., стр. 323), добыча, вывезенная из Греции римскими полководцами от Фламинина до Эмилия Павла и Аниция, и наложенные на греческие города контрибуции составляют в общей сложности громадную цифру в 81 830 336 денариев. А ведь в эту цифру входит только добыча, зарегистрированная в источниках, и притом только римская, не считая добычи римских союзников в Греции и громадных разрушений, причиненных войнами. Да и мирное пребывание римлян в Греции обходилось населению недешево. В надписи 117 г. политархи г. Лета в Македонии выражают особую благодарность М. Аннию за то, что он не мучил городов расходами на содержание войска (ὀψωνίοις, Syll.[3] 700).

В часто цитируемом письме к г. Ларисе (Syll.[3] 543) Филипп V пишет, что, как ему доложили, «и ваш город из-за войн нуждается во многих жителях»; он поэтому предлагает даровать право гражданства проживающим в городе фессалийцам и вообще эллинам; «это будет полезно и мне и городу и земля будет лучше обрабатываться». Так как граждане Ларисы, хотя беспрекословно исполнили распоряжения Филиппа, кое-кого все же исключили из списка, Филипп направил к ним резкое послание, указывая на необходимость предписанных им мер для того, «чтобы город был крепок, а земля не пустела бы позорно, как теперь»; он ссылается на пример римлян, которые дают гражданские права вольноот-

пущенникам и потому «не только возвеличили свое отечество, но и выслали колонии почти в 70 мест»[198].

Во время македонских войн римляне конфисковали земли противников. Мелкие участки они, по-видимому, вернули городам для нового распределения (Syll.^{3} 593); но большие земельные владения, – например македонских царей, остались в руках Рима. Цицерон пишет о полях в Македонии, которые раньше принадлежали Филиппу или Персею, а теперь сданы цензорами и приносят вернейший доход (certissimum vectigal, de lege agr. 2, 51).

Пиратство было не только вольным промыслом, но использовалось воюющими сторонами как один из методов ведения войны. Об этом имеется множество эпиграфических свидетельств. Против пиратства прежде всего принимались оборонительные меры (например Кос во время «критской войны» 204–201 гг., Syll.^{3} 569), но и делались попытки урегулировать применение пиратских приемов. Так, делосский декрет Syll.^{3} 582 (200–197 гг.) восхваляет Эпикрата между прочим за издание распоряжения, чтобы «пиратствующие против врагов отправлялись из собственных гаваней и чтобы никто не использовал для этого гавани на Делосе». Даже Афины не были гарантированы от пиратских нападений.

---

[198] М. Фейель путем довольно остроумной, хотя не вполне убедительной интерпретации давно известной фрагментарной надписи IG VII, 2433 пытается установить, что аналогичный способ расширения гражданства Филипп применил и к Фивам, переселив туда преимущественно македонян (ук. соч., стр. 285 сл.).

Афинский декрет (Syll.[3] 535) хвалит Эвмарида за то, что, когда Букрис, совершив набег на страну, увел в рабство на Крит многих граждан и не-граждан, Эвмарид дал щедрый взнос на выкуп пленных[199].

Конечно, войны, военные грабежи и пиратство наносили бедной ресурсами стране тяжелые потери, иной раз невозместимые. Но только этим объяснить положение Греции от последней четверти III в. и до утраты ею независимости было бы неправильно. Войны и пиратство существовали в Греции и раньше. Главное же – то, что войны и их характер сами были производными от общего кризиса, который переживала Эллада и который бросил верхи рабовладельческого класса в объятия завоевателя-Рима.

Прежде всего необходимо иметь в виду, что отнюдь не все слои общества в одинаковой степени были затронуты кризисом, и не все области Эллады перешивали упадок. Те из них, которые сумели использовать созданное эллинизмом относительное единство экономики, гораздо дольше сохраняли состояние благополучия и даже процветания. Это относится главным образом к островам Эгейского моря и прежде всего к Родосу.

---

[199] Мнение Ростовцева (SEHHW, стр. 608/9) о существовании таврских пиратов в Крыму основано на неверном толковании дельфийской надписи Syll.3 604 (192 г.), где выражается благодарность Херсонесу между прочим за то, что дельфийские послы ἦν λελυτρωμένοι ὑπ' αὐτῶν. Комментатор надписи в Sylloge убедительно доказал, что здесь λελυτρωμένοι не означает выкупа из плена, а возмещение расходов послов в Херсонесе.

Родос уже до периода эллинизма благодаря своему удачному местоположению стал крупным торговым центром. Он стойко противостоял военному искусству Деметрия Полиоркета, показав при этом высокий уровень военной техники. О значении, какое придавали Родосу другие эллинистические государства, свидетельствует помощь, оказанная ими Родосу после землетрясения 223 г. Гиерон и Гелон сицилийские, Антигон Досон, Птолемей Эвергет, Прусий Вифинский, Митридат, азиатские династы, поспешили на помощь щедрую и скорую. «Что касается городов, помогавших им по мере возможности, то трудно было бы даже перечислить их», – пишет Полибий. Для характеристики масштабов восстановительных работ на Родосе и степени заинтересованности в них эллинистических государств достаточно назвать пожертвования Птолемея. Он «обещал им триста талантов серебра и миллион артаб хлеба, строительного леса на десять пятипалубных и на столько же трехпалубных судов…, тысячу талантов медной монеты, три тысячи талантов пакли, три тысячи парусов, на восстановление Колосса три тысячи талантов меди, сто мастеров и триста пятьдесят рабочих и на содержание их отпускал ежегодно 14 талантов; сверх того на состязания и жертвы двенадцать тысяч артаб хлеба, а равно двадцать тысяч артаб на содержание десяти трирем» (Polyb., V, 88). С своей стороны Родос через несколько лет оказал существенную помощь Синопе, когда против нее начал войну Митридат III (Polyb., IV, 56). Эта помощь была оказа-

на по соображениям отнюдь не филантропическим, а торговым. Торговля Родоса проникала во все углы эллинистического мира. Поэтому, когда около того же времени византийцы ввели пошлины на товары, идущие из Понта, Родос объявил им войну и добился отмены этих пошлин (Polyb., IV, 47 сл.).

О размерах торговых оборотов Родоса можно судить по тому, что, как заявили послы его в Риме, «в прежнее время», т. е. до установления римлянами беспошлинного ввоза и вывоза товаров на Делосе в 167 г., сумма сборов в гавани Родоса доходила до миллиона драхм; так как сбор взимался в размере 2% стоимости товаров, то оборот доходил до 50 миллионов драхм. Родос владел значительными территориями на прилежащем берегу Малой Азии, приносившими республике немалый доход. Так, Кавн и Стратоникея доставляли Родосу ежегодно 120 талантов (Polyb. XXXI, 7, 6 сл.).

После битвы при Косе, когда морское могущество птолемеевского Египта было сломлено, Родос стал фактическим руководителем Островной лиги. Он вел упорную борьбу с пиратами, налаживая порядок на морских путях.

В договоре о военном союзе между Родосом и Гиерапитной на Крите оговорено, что если критяне займутся λᾳστήρια, морским разбоем, и Родос выступит против них, Гиерапитна должна помогать Родосу всеми силами на море и на суше (Syll.^{3} 581). Этот же договор предусматривает, что если Гиерапитна наймет наемников в Азии, Родос будет со-

действовать безопасности их переезда.

Во время «Критской войны» 204–201 гг. родосцы по пути из Эгины домой подчинили своему покровительству все острова, кроме Пароса, Андроса и Китна, занятых македонскими гарнизонами (Liv., XXXI, 15, 8).

Полибий указывает, что, по общему мнению, родяне – искуснейший в морском деле народ (XVI, 14, 4). Неудивительно, что именно Родос разработал некий морской кодекс, действовавший еще в период империи; ему посвящена в Дигестах (XIV, 2) специальная глава de lege Rhodia de iactu; здесь же (§ 8) приводится упомянутый нами анекдот об императоре Антонине, который по поводу одного морского конфликта ответил, что он владыка мира, но на море господствует родосский закон.

Родосская торговля, особенно вином, проникала во все концы эллинистического мира, о чем свидетельствуют, в частности, многочисленные родосские амфорные ручки, находимые повсюду. С другой стороны, в Родос прибывали купцы из отдаленных мест. В одном фрагменте надписи начала I в. до н. э., когда торговое значение Родоса упало, содержится список крупных взносов нескольких лиц, по-видимому, на общее предприятие, из них два родосца, один боспорец, один амастриец, один кизикенец. «Этот документ… лишний свидетель близких связей Родоса с Северным Черноморьем вообще и с Боспором Киммерийским – в частности. Связи эти хорошо известны из монументальных надпи-

сей нашего Юга…, относящихся к III в., наконец, по шести с лишком тысячам ручек родосских винных амфор, найденных в городах Северного Причерноморья и относящихся целиком к эллинистической эпохе»[200]. О связях с Северным Причерноморьем свидетельствуют надписи IOSPE I^2 30 (Ольвия), 340 (Херсонес), II, 35 (Пантикапей).

Родос был, по описанию древних, одним из крупнейших, красивейших и наиболее благоустроенных городов. Страбон указывает (XIV, 2, 5), что вряд ли другой город мог бы с ним сравниться. В нем процветали искусства, науки, философия (выходцем из Родоса был Панэтий). Управление в Родосе было олигархическое; Страбон хвалит «хороший государственный строй» (εὐνομία) родян, «так как, хотя правление у них и не демократическое, они все же стараются содержать массы бедняков. Народ пользуется хлебными раздачами, и люди состоятельные, следуя отцовскому обычаю, поддерживают нуждающихся». Вероятно, эти подачки народу – результат не мудрой политики родосских купцов и ростовщиков, а борьбы народа против богатой олигархии[201]. Масса пришлого населения Родоса (а может быть, и коренное население острова до его колонизации), парэки и катэки, хотя играли видную роль в экономике, не имели гражданских прав,

---

[200] Б. Н. Гр ак о в. Материалы по истории Скифии в греческих надписях, ВДИ, № 3, 1939, стр. 287, № 59 и комментарий.

[201] См. К. М. К о л о б о в а. Из истории классовой борьбы на Родосе. ВДИ, № 2, 1938. стр. 80 сл.

очень ревниво охраняемых родосцами. О многочисленности рабского населения Родоса свидетельствует большое количество эпитафий рабов, имевших свои культовые объединения и входивших также в объединения свободных[202].

Таким образом, Родос больше других полисов Эллады извлек пользу из новой формы существования рабовладельческого общества. Он развил рабство и основанное на нем производство, развернул обширные торговые и денежно-ростовщические связи со всей тогдашней ойкуменой, стал одним из крупнейших центров распространения эллинистической культуры.

Родос, несмотря на то, что он владел территорией Карии и фактически держал под своим влиянием Островную лигу, не создал и не мог создать крупной державы; благоприятные исторические условия лишь помогли ему использовать объединение, хотя слабое и раздираемое противоречиями, эллинистического мира. Когда это объединение начало распадаться, Родос взял ориентацию на Рим и вступил с ним в союзные отношения. Однако после победы над Персеем римляне резко изменили свое отношение к Родосу, который, может быть, казался им слишком сильным и независимым. Объявление Делоса свободным портом не только лишило Родос значительной части его громадных таможенных сборов, но и «отняло у нашего народа свободу решать подобающим образом как вопрос о гавани, так и все прочие дела» (Polyb., XXXI,

[202] SEHHW, стр. 691.

7, 10). По-видимому, римляне лишили Родос господства на море; в результате пиратство, которое раньше в значительной степени было ослаблено благодаря Родосу, теперь вновь развилось, и римляне вплоть до Помпея не могли с ним справиться.

Все же успехи, достигнутые Родосом в III–II вв., были настолько прочны, что даже упадок экономического могущества и его разорение в 42 г. до н. э. Кассием не могли его окончательно сломить, и еще в период империи Дион Хрисостом в своем Ῥοδιακὸς λόγος расточает восторженные похвалы Родосу, как величественному центру культуры и средоточию эллинства.

В гораздо меньшей степени, чем Родос, в эллинистический период преуспевал остров Делос. Получив в 315/4 г. независимость и став центром находившейся под властью Птолемеев Островной лиги, занимая благоприятное положение между Малой Азией и Аттикой, обладая пользующимся почитанием у всех эллинов святилищем Аполлона, имея за собой традиции священного центра Афинского союза, этот крошечный островок имел шансы вытеснить Афины из морской торговли и занять их место. Многочисленные и весьма содержательные делосские надписи, дошедшие до нас[203], не подтверждают этого априорного положения.

Конечно, Делос отразил новый порядок вещей – образова-

[203] Обзор изданий их см. Н. Н. З а л е с с к и й. Делосские надписи ВДИ, № 3, 1946, стр. 133 сл.

ние крупных эллинистических монархий и проникновение эллинистической культуры на далекие окраины Средиземноморья; это выразилось в том, что эллинская святыня на Делосе получает дары от Птолемеев, азиатских царей и династов, даже от нумидийского царя Масиниссы. Но торговля Делоса в период независимости (314–167 гг.) вряд ли приняла такие грандиозные размеры, какие рисуются воображению некоторых буржуазных историков[204]. Достаточно указать, что в надписи IG XI, 2, 287A, строки 5…8–10, 250 г. доходы Делоса от πεντηκοστή – двухпроцентного сбора с ввоза и вывоза товаров – указаны 18 800 драхм; если к этой цифре, включающей и пятипроцентный налог с откупщиков (ἐπώνιον), взимавших эти сборы, прибавить прибыль откупщиков, можно считать общую сумму взысканных сборов около 20 500 драхм, что соответствует обороту в 1 миллион драхм – в пятьдесят раз меньше оборота Родоса.

Да и после превращения Делоса в свободный порт его обороты далеко не поглотили торговли Родоса; если Родос жаловался Риму, что освобождение купцов, прибывающих в Делос, от ввозных и вывозных пошлин отразилось губительным образом на доходах Родоса, то при этом родосцы ссылаются и на невозможность «решать подобающим образом как вопрос о гавани, так и все прочие дела». В частности, родосская торговля стала страдать от пиратов, поскольку военные

[204] См. Я. А. Л е н ц м а н. О хлебной торговле Делоса в III–II вв. до н. э., ВДИ, № 2, 1946, стр. 89 сл.

действия родосцев были ограничены римлянами, тогда как Делос был, наоборот, местом сбыта пиратской добычи и особенно рабов. Во всяком случае в период независимости делосская торговля и ростовщичество находились в некоторой зависимости от Родоса и его дельцов. Ростовцев (SEHHW, стр. 692) указывает, в частности, что из найденных на Делосе амфорных ручек 95% происходят из Родоса и зависимого от него Книда.

И все же обширные связи, не только культурные, но и деловые, Делоса с середины II в. не подлежат сомнению; об этом свидетельствуют не только посвятительные надписи в честь различных царей и династов, но и эпиграфические данные о существовании на Делосе целых колоний ναύκληροι и ἐγδοχεῖς из Лаодикеи (Берита) в Финикии (IG XI, 4, 1114; надпись беритских посейдониастов, IDD, 1520) и из Тира.

После 166 г. Делос изменил состав населения. После передачи острова Афинам туда были высланы афинские клерухи, а большинство делосцев (но не все!) было выселено; они поселились в Ахайе, где получили права гражданства. Тогда делосцы потребовали возмещения убытков, нанесенных им афинянами. Вообще овладение Делосом доставило афинянам не только выгоды, но и неприятности. Полибий пишет, что, «получая Лемнос и Делос, афиняне, как гласит поговорка, брали волка за уши, ибо последовавшие затем осложнения с делосцами причинили им много забот» (XXX, 21, 8–

9).

Делос становится местопребыванием пестрого населения – афинян, пришлых с Востока и из Италии предпринимателей, не считая обычных пилигримов, лиц, приезжавших для участия в религиозных празднествах и церемониях и занимавших немалое место в экономике этого маленького полиса. Во второй половине II в. декреты выносятся от имени κατοικοῦντες Ἀθηναῖοι и παρεπιδημοῦντες (временно пребывающих) из различных других народностей, среди которых все бóльшую роль играют италики. Появление на Делосе купцов не только из Финикии и Палестины, но и из Аравии, позволяет говорить о том, что и торговля Италии с Востоком шла через Делос.

Но больше всего Делос славился как рынок рабов[205]. Страбон (XIV, 5, 2) говорит, что Делос был способен принять и отгрузить десятки тысяч рабов в день; это, конечно, не значит, что Делос действительно продавал миллионы рабов в год, – слова Страбона обозначают только, что Делос был крупнейшим рынком по снабжению преимущественно восточными рабами в первую очередь Италии, где расцвет рабовладельческого хозяйства вызвал большой спрос на рабов. Страбон свидетельствует о том, что торговля на Делосе была оживленная, операции совершались быстро, и он приводит сложившуюся на Делосе поговорку: «Купец, причаливай, выгружай, все продано».

---

[205] Я. А. Л е н ц м а н. Рынок рабов на Делосе, ВДИ, № 1, 1950. *Ред.*

При пестром составе населения Делоса, где коренное население было большей частью изгнано, а афиняне не удержали преобладающего значения, Делос перестал быть полисом, а был скорее международным рынком и общеэллинским святилищем.

Но преуспеяние Делоса коснулось, конечно, богатых собственников, купцов, ростовщиков, ἐγδοχεῖς, ναύκληροι, ἔμποροι, τραπεζῖται. Масса народа, которая не участвовала в торгово-ростовщических операциях, не только ничего не выигрывала от развития торговли Делоса, но, скорее, вынуждена была снизить свой жизненный уровень вследствие развития рабства на Делосе. Развитие рабства вело, как всегда, к усилению эксплуатации рабов, что вызвало с их стороны сопротивление. Орозий (V, 9, 5) отмечает на Делосе около 130 г. движение рабов, «гордившихся своим недавним восстанием»; это движение было подавлено благодаря предупреждению его некоторыми гражданами.

Преуспеяние делосских рабовладельцев не могло быть длительным и устойчивым. Римляне, бывшие хозяевами положения в Греции, вовсе не были заинтересованы в том, чтобы сохранить надолго привилегированное положение Делоса. Разрушение Коринфа показывает, что римские дельцы не нуждались в посредничестве греческого торгового города и ориентировались уже на италийские порты. Мы не знаем, когда была отменена привилегия Делоса. Но независимо от сохранения положения свободного порта захирение Делоса

было неизбежно по мере того, как римские дельцы овладевали восточной торговлей и завязывали непосредственные связи с Востоком, а восточные торговцы прочно оседали в Италии. По-видимому, и в период преуспеяния Делоса его жители рассматривали его как временное местожительство; поэтому, хотя там было, несомненно, много богачей, они не создали на острове памятников художественной архитектуры.

Афины, вступившие в конце III в. в союз с Римом, мало извлекли пользы из этого союза. Мы видели, как Полибий оценил сомнительный дар римлян, отдавших Афинам Делос и Лемнос. Афины как полис мало от этого выиграли, так как ввозных и вывозных пошлин они не взимали; вряд ли афинских клерухов на крошечной территории Делоса могло быть достаточное число, чтобы облегчить продовольственное снабжение Афин. Правда, афинская посредническая торговля нашла на Делосе благоприятные условия для своей деятельности. Но товарное производство в Афинах не могло возродиться. При слабом развитии общественного разделения труда в античности установление элементов экономического единства приводит к тому, что производство, основанное на рабском труде и потому не специализированное, легко усваивается странами-потребителями, стремящимися, как это неизбежно при натуральном в основе производстве, к экономической автаркии. В частности, археологические данные показывают, что производство грече-

ской художественной керамики в период эллинизма становится самостоятельной отраслью хозяйства в странах, ввозивших ранее керамические изделия из Греции. Кроме того, в системе эллинистических монархий Греция, в частности Афины, не занимали прежнего центрального места. Экономический упадок Греции, начавшийся в IV в., мог при этих условиях разрешиться здесь, как мы видели, лишь на короткое время.

Понятно, было бы неправильно представлять себе новый упадок Афин с середины III в. во всех отношениях беспросветным. Афины еще играли известную роль в экономике Греции и в международных экономических связях. Даже в 96 г. Дельфийская амфиктиония принимает постановление о том, чтобы «все эллины принимали аттическую тетрадрахму за четыре драхмы серебром»; за нарушение этого постановления устанавливается наказание – для раба бичевание, для свободного – штраф в 200 драхм. Иеромнемонам постановление предлагает взять копию решения к себе домой, а также разослать его всем эллинам, даже не состоящим в амфиктонии (Syll.^{3} 729). О значительных торговых операциях Афин свидетельствует также надпись 112/1 г. о товариществе ναύκληροι и ἔμποροι, объединенном в культе Ζεὺς Ξένιος (Syll.^{3} 706).

Афины сохраняли дружественные отношения с Египтом,

Пергамом, Селевкидами и другими восточными царями[206]. Но эти связи были скорее культурные, чем деловые. Правда, портик, построенный в Афинах Атталом II (сохранились его остатки и надпись), был предназначен не только для украшения города, но и для торговых помещений. Но вообще щедроты восточных монархов, так же как и участие их в греческих играх, обучение в греческих школах, означали известную дань великому прошлому Афин, желание приобщиться к славе классической культуры Эллады. Эта слава стала в значительной степени источником существования для Афин; они жили за счет щедрот царей и богачей и довольно часто прибегали к сборам добровольных пожертвований (ἐπιδόσεις) иногда довольно мелких, по 5–10 драхм.

Благополучно продолжали существовать отдельные города, которые способны были сами себя прокормить или имели старое налаженное производство. Таков был, например, Самос с его производством керамики и шелковых тканей. До нас дошел декрет Самоса, представляющий закон об организации снабжения хлебом (Syll.[3] 976); здесь установлен для заведующего хлебоснабжением (ἐπὶ τοῦ σίτου) высокий ценз в 3 таланта, для ситонов – 2 таланта; это говорит о наличии значительного числа богатых граждан. Надписи из Мессены (см. SEHHW, стр. 750 сл.) показывают, что общая стоимость имущества граждан этого небольшого города составила 1256

[206] Об экономическом положении Афин во II в. см. С. А. Жебелев. Из истории Афин 229–31 гг. до Р. Х., Спб, 1898, стр. 191 сл., 215 сл.

талантов, город имел возможность выставить по требованию Рима в конце II в.

солдат и рабов-матросов и уплатить контрибуцию в размере 8 оболов с мины стоимости имущества граждан. Но неизвестно, как богатство Мессены распределялось среди граждан. Имеющиеся данные позволяют утверждать, что в Мессене, как и во всей Греции, происходил процесс концентрации богатств в руках немногих за счет обеднения основной массы населения. Уже не говоря о таких крезах, как упоминавшийся Александр Исский, обладавший состоянием в 200 талантов, в литературе и надписях не раз упоминаются люди чрезвычайно богатые, вроде Протогена, благодетеля Ольвии (IOSPE I^2, 32), Феокла, которого почтили одновременно восемнадцать городов, главным образом малоазийских (там же, 40), Акорниона в Дионисиополе (Syll.^{3} 762), Пифона, знатного мужа в Абдере, который организовал охрану главной части города посредством 200 собственных рабов и вольноотпущенников (Diod., XXX, 6) и др. Но кучке богачей противостояла масса народа. Интересно, что в эгинской надписи II в. (OGIS 329) прямо противопоставляются δημοτικώτατοι и εὐπορώτατοι – люди из народа и богачи.

Рост социальных противоречий внутри господствующего класса, естественно, вызывал возмущение масс, которое иной раз прорывалось в восстаниях, несмотря на полицейский гнет римского владычества. Случайно сохранившаяся надпись 139 (?) г. из Димы в Ахайе содержит обращение про-

консула Квинта Фабия Максима. Партия «порядка», – синедры во главе с Киланионом – донесла ему о событиях, которые проконсул характеризует как «худшее восстание и мятеж». Народ во главе с Сосом сжег государственный архив и уничтожил государственные акты (δημόσια γράμματα); Сос издал новые законы, противоположные той конституции, которую дали ахейцам римляне. Расследовав дело, Фабий казнил Соса как виновного в «ниспровержении данного римлянами государственного строя», кара постигла и других участников восстания (Syll.^{3} 684).

Глубокое недовольство масс прорвалось гораздо позднее в антиримском демократическом движении в Афинах (во время Митридатовой войны в 88 г.). В последней схватке эллинистического мира с Римом Афины во главе с «тиранами» Афинионом и Аристионом[207] примкнули к Митридату, рассчитывая при его помощи восстановить демократию и провести социальные реформы. Афины долго сопротивлялись Сулле. Взяв их, Сулла жестоко расправился с демократией. Пирей был почти полностью уничтожен. Афины после этого уже никогда не оправились.

В Греции во II в. до н. э. рабовладельческий способ производства изживал себя. Многочисленные сравнительно манумиссии в Дельфах (с 201 г. в течение столетия в надписях засвидетельствовано 900 актов отпуска рабов, большое ко-

[207] Вопрос о тождестве этих двух лиц является предметом споров, и вряд ли его удастся разрешить, пока не будут найдены дополнительные источники.

личество таких надписей найдено в храме Асклепия в Бутте возле Навпакта и в самом Навпакте) свидетельствуют не только об увеличении численности рабов, но и о том, что рабство становилось невыгодным. С другой стороны, рост численности рабов и усиление эксплуатации вызывали их восстания. Выше уже упоминалось восстание рабов на Делосе. Во время первого сицилийского восстания рабов восстали рабы на Лаврийских рудниках в Аттике; это восстание было подавлено стратегом Гераклитом (Oros. V, 9, 5); по словам Диодора (XXXIV, 2, 19), в восстании участвовало 1000 рабов. Посидоний (у Афинея (VI, 272 e-f)) сообщает о более серьезном восстании рабов в Аттике во время второго сицилийского восстания. На этот раз восставшие перебили стражу в рудниках, захватили Суний и в течение долгого времени разоряли Аттику.

Общие закономерности эллинизма сказались в Греции в своеобразной форме в силу конкретных исторических условий. И здесь проявилась тенденция к политическому единству под эгидой Македонии или путем создания нового типа государственного объединения – союзных государств. Но экономически и социально отсталая Македония не могла стать базой для образования мощного рабовладельческого государства, достаточно сильного, чтобы придать новую силу рабовладельческому классу и расширить экономику общества. Македония пыталась овладеть богатыми производительными силами Малой Азии, островов Эгейского моря, да-

же, может быть, Египта (его азиатских владений). Но здесь она натолкнулась на сопротивление более мощных эллинистических государств. Еще менее могла стать связующим единством для балканских государств Этолия. А Ахейский союз не простирал своих планов дальше Пелопоннеса. К тому же автаркия и свобода греческого полиса слишком глубоко пустили корни в Элладе, чтобы можно было эти идеи преодолеть на практике. Поэтому кратковременный подъем хозяйства в Элладе совершался в сущности на старой экономической базе. Отдельные успехи Родоса, Делоса или Афин не могли изменить общее положение. Революционный выход из положения оказался невозможен, попытки в этом направлении были подавлены. Понятно, что господствующий класс шел навстречу новой силе, которой предстояло начать весь процесс сначала на новой ступени. Рим должен был укрепить позицию рабовладельцев Греции. Следуя Полибию, Ливий констатирует: «Всем было известно, что в государствах знатные и все вообще благонамеренные люди стоят за союз с римлянами и довольны настоящим положением, а толпа и те, дела которых не соответствовали их желаниям, хотят всеобщего переворота» (XXXV, 34, 3).

Глава VII
Эллинистическая культура

Характер и значение эллинизма как нового этапа в истории античного рабовладельческого общества особенно четко отразились в эллинистической культуре, что дало повод некоторым историкам видеть в эллинизме только явление культурно-историческое. Если политическое и экономическое единство, которое стремились создать Александр и его преемники, оказалось непрочным и неглубоким, то выросшая на почве эллинизма культура вышла даже за рамки эллинистического мира; будучи унаследована Римской империей, Византией и народами Передней Азии, она оказала значительное влияние на культуру нового времени.

Сама организация культурной жизни общества получила широкий размах, невозможный раньше в маленьких отгороженных друг от друга полисах. В период эллинизма литература и наука получают свой богатый, на широкую ногу поставленный, центр в Александрийском музее. Библиотека этого Музея в Брухейоне имела до 700 тысяч свитков. Здесь не только собирали, но и изучали литературу. Здесь возникла филологическая наука, унаследованная последующими поколениями. Филологическое исследование, систематизация и комментирование греческой литературы – худо-

жественной и научной – велись в Александрии систематически. Крупнейшие ученые стояли во главе библиотеки и руководили научной работой: Деметрий Фалерский, Эратосфен, Зенодот, Аристофан, Аристарх, Аполлоний Родосский, Каллимах. Со II в. с Александрийским музеем соперничала Пергамская библиотека. Значительной библиотекой владел Персей македонский; Лукулл присвоил библиотеку царей Понта. Из слов Полибия (XII, 27) можно заключить, что библиотеки существовали во всех значительных городах.

Греческие игры и празднества, греческие гимнасии, школы, театр получают широкое распространение в странах Востока и становятся важным фактором не только эллинизации Востока, но и ориентализации Запада. Громадное значение имело при этом возникновение общегреческого языка (на базе аттического диалекта), постепенно вытеснившего из литературного языка местные диалекты; этот общегреческий язык, которого не могли подавить аттицисты, стремившиеся возродить и сохранить в литературе классические формы аттического наречия, стал языком образованных слоев общества не только в Греции, но и в странах Востока, и не только в эпоху эллинизма, но и во времена Римской империи, когда общегреческий язык (κοινή) распространяется и на Западе. На нем написаны перевод еврейской библии и вся раннехристианская литература, обращавшаяся к народным массам Римской империи, а через литературу многие термины и образы проникли во все европейские языки. Общность

языка была одним из весьма действенных способов «смешения жизней, быта и нравов».

Вместе с греческим языком к народам Востока проникают и греческие литературные жанры. В эллинистический период написана вошедшая в Ветхий завет эротическая «Песнь песней» (в ней встречается греческое слово apirjon=φορεῖον, носилки). Но особенно много произведений эллинистического типа написано евреями на греческом языке. У Евсевия (Praep. ev. IX, 20; 24; 27) сохранилось три отрывка из написанной на греческом языке гекзаметрами эпической поэмы «О Иерусалиме» Филона, жившего во II в. до н. э. Поэму о Сихеме около того же времени написал Феодот (Eu s ., Praep. ev. IX, 22). О еврейском авторе трагедий Иезекииле (ὁ Ἐξεκίηλος ὁ τῶν Ἰουδαικῶν τραγῳδιῶν ποιητής) сообщают Климент Александрийский и Евсевий; последний (Praep. ev. IX, 29) приводит отрывки из его трагедии Ἔξαγωγή («Исход»). Большое количество иудейских эсхатологических пророчеств включено в «Сивиллины оракулы» (книги III–V считаются в основном еврейскими); обширная греко-еврейская апокалиптическая литература, частично вошедшая в христианский канон Ветхого завета, сыграла, надо полагать, немалую роль в разработке эсхатологических и мессианистских мотивов не только у евреев, но и у других народов эллинистического мира. Армянский царь Артавазд писал трагедии. Творения Манефона и Бероса на греческом языке впервые ознакомили греческий мир с ис-

торией Египта и Вавилона. Многочисленные не дошедшие до нас историки, которых цитирует Иосиф Флавий («Против Апиона»), несомненно, содействовали взаимному ознакомлению народов Востока и Запада. Наконец, как известно, греческая литература эллинистического периода послужила исходным пунктом для создания римской литературы.

Но содержание эллинистической художественной литературы существенным образом изменилось. Наряду со старыми литературными жанрами, которые имели своих представителей и в эллинистический период, преимущественно в самой Греции появляются новые жанры, соответствовавшие изменившимся общественным настроениям и художественным вкусам.

Идеология античности классического периода тысячами нитей была связана – особенно в демократических городах – с общественной жизнью полиса. Кризис полиса, возникновение монархий, фактически упразднивших общественную жизнь в крупнейших центрах эллинистического мира, лишили греческую литературу взрастившей ее почвы. Действенная, полнокровная, насыщенная политическим содержанием комедия Аристофана уступила место более изящной, но менее содержательной бытовой комедии. Страстное политическое красноречие естественно заглохло за отсутствием применения и сменилось напыщенным «азианским» красноречием и надуманными энкомиями, славословиями в честь тех или иных царей и их приближенных. Обществен-

ные мотивы, дающие тон и направление греческой художественной литературе классического времени, все больше вытесняются мотивами личными, индивидуальными, грандиозное, величественное – будничным, мелким, глубокое проникновение в жизнь общества и общественного человека – поверхностными, хотя и точными наблюдениями и описаниями. Так возникают новые типы литературных произведений – эпиграммы, идиллии, жанровые сценки, небольшие элегии, любовная лирика.

Чем менее содержательна становилась поэзия, тем более изысканной, изощренной, причудливой становилась ее форма. Александрийская поэзия (названная так условно, ибо она созидалась не только в Александрии) дала наиболее совершенные образцы формального мастерства, вылощенности, тщательности отделки, за которой чувствуется не столько поэтическое вдохновение, сколько ученость; эта салонная поэзия рассчитана на узкий круг читателей, способных оценить кропотливую работу, произведенную ученым-поэтом, его изыскания в области мифологии, фольклора, древней поэзии, греческого языка. В этом отношении характерны сами названия некоторых поэтических произведений того времени – «Феномены» Арата (изящное стихотворное изложение астрономических и метеорологических знаний) или Αἴτια («Причины») Каллимаха.

Не только возникают новые жанры – эпиграмма, идиллия, мим, любовная элегия, но и старые жанры, продолжающи-

еся в эллинистический период, меняют свой характер. Театральные представления становятся более пышными, зрелищно занимательными, но исчезает глубокое идейное содержание трагедий классического периода. Эпос Аполлония Родосского «Аргонавтика», сухой и скорее похожий на ученый трактат, становится живым и ярким только в обрисовке любовной страсти Медеи. Этот двойственный характер эпоса Аполлония типичен для эллинистической литературы вообще: традиции классической эпохи не имеют почвы под собой и создают мертвые, рассудочные произведения; яркой и сочной александрийская поэзия становится только тогда, когда она переходит к изображению интимных, хотя и неглубоких переживаний среднего человека, его житейских утех и невзгод, любовных эпизодов. Реализм этих зарисовок, как это видно по «Мимиямбам» Герода, неглубок, он не проникает в существо изображаемого предмета, явления, чувства; это – изящные, порой остроумные, меткие, но поверхностные поэтические безделушки.

Искусство Греции классического периода было порождением нормального и неповторимого детства человеческого общества. Эллинистическая литература и не могла быть поэтому прямым продолжением классической литературы; поскольку она пыталась стать таким продолжением, она оказалась безжизненной и была справедливо забыта.

Эллинистическая литература могла дать и дала новые поэтические произведения и целые жанры, интересные в сво-

ем роде. Формальное мастерство и безыдейность, изящество и отсутствие общественной направленности, интерес к природе, к отдельному человеку и равнодушие к общечеловеческим задачам и философским проблемам – таковы специфические черты эллинистической художественной литературы, отражающие новый этап в истории античного рабовладельческого общества.

Комедии Менандра обладают рядом достоинств, благодаря которым они завоевали прочное место в греческом и римском театре и оказали влияние на драматургию нового времени. Но они – не продолжение классической комедии, а новое явление в литературе и драматическом искусстве. Это комедии нравов, написанные живо, остроумно, занимательно; но сюжеты их банальны, действующие лица ничем не выделяются из среды рядовых, более или менее состоятельных горожан, к уровню которых приспособляется и мораль пьесы, преподносимая часто в привлекательной и подчас хорошо отточенной форме.

Подавляющее большинство произведений эллинистической художественной литературы не дошло до нас. Ее знают главным образом по незначительным фрагментам и по римским подражаниям и переработкам. Поэтому приходится делать оговорки и не отваживаться на слишком категорические утверждения при оценке творчества отдельных писателей. Но общий характер этой литературы в целом свидетельствует о том, что в ее достоинствах и пороках отразились

общие закономерности исторического развития эллинистических стран.

Те же закономерности сказались, хотя и не столь отчетливо, и в греческом изобразительном искусстве эллинистического периода. Ряд изменений в нем был вызван непосредственно политическими условиями и социальными отношениями. Установление монархий имело последствием появление нового типа зданий, – царских дворцов, неизвестных ранее грекам. Политика основания и постройки новых городов, в том числе столиц, получила свое прямое выражение в эллинистическом градостроительстве, в планировке городов и их архитектурном оформлении. Строительство рыночных площадей, торговых рядов, портиков, сложных архитектурных ансамблей придавало новый облик эллинистическим городам. Создание таких грандиозных по тому времени сооружений, как Фаросский маяк, Родосский колосс, громадный корабль «Сиракузия», означало разрешение сложных и трудных технических задач и вместе с тем свидетельствовало о размахе строительства, который был невозможен в рамках обычного полиса классической эпохи.

Рост богатств отдельных лиц создавал условия для роскошного украшения частных жилищ; появляется стремление к декоративности, пышности. Прежние ордеры – дорический и ионийский – теряют свое конструктивное значение; вместе с тем все больше места в архитектуре начинает занимать коринфский ордер. Появляется перистильный дом,

внутренность его украшается живописью и мозаикой, принимающими все более декоративный характер.

В области пластики в первое время эллинистическое искусство является прямым продолжением классического. Но уже с середины III в. дают себя знать новые задачи и требования, выдвигаемые изменившимися общественными условиями жизни. В классический период искусство было по своему характеру общественным служением. В эллинистическое время оно перестает отражать интересы, чувства, вкусы гражданина полиса и обращается ко всей «ойкумене»; вместе с тем оно теряет свой прежний демократический (в античном значении этого понятия) характер. Тематику искусства диктуют интересы и вкусы царского двора, богатых рабовладельцев и царских сановников. Величавое спокойствие пластического классического искусства сменяется патетически приподнятыми настроениями, изощренностью и мастерством в передаче индивидуального личного.

В общей характеристике эллинистического пластического искусства можно установить ряд таких черт, которые типичны и для эллинистической литературы. Чем была в художественной литературе александрийская поэзия, тем была в искусстве пергамская школа. Знаменитые фигуры галатских воинов, фриз монументального пергамского алтаря с их изумительным совершенством формы и глубиной передачи пафоса борьбы свидетельствуют не только о высоком мастерстве, но и об искусственности, нарочитости, можно сказать,

учености выдающихся творцов произведений искусства III–II вв.; в этом отношении они близки к Каллимаху. Искусство рассчитано на знатока, способного понять и оценить тонкое мастерство формы, правильно истолковать воплощенные в художественной форме образы. Поэтому в пергамской и в родственных ей александрийской, родосской и других школах, особенно к концу эллинистического периода, символика сочетается с почти анатомическим натурализмом. Таковы скульптурная группа «Лаокоон» или ватиканская фигура реки Нила.

Интерес к личному, к переживаниям отдельного человека, утратившего прочную связь с коллективом, сказывается, как и в литературе, в появлении и быстром развитии жанрового искусства, портретной скульптуры и живописи. Мимиямбы Герода и идиллии Феокрита находят свое соответствие в изобразительном искусстве. Эротические и бытовые сценки, мифологические юморески при всей остроте наблюдательности, грациозности исполнения служат лишь развлекательным и декоративным целям.

Мифология занимает по-прежнему много места в искусстве. Но и боги изменили свою природу, и отношение к ним стало иным. Старые боги в условиях кризиса полиса потеряли свое значение, и художники, создавая образы богов, стремятся разрешить не религиозную, а художественную и психологическую задачи. Эллинистические боги не рассчитаны на религиозное благоговение зрителя, в них сказывается ско-

рее стремление передать совершенство человеческого тела и выражение человеческих чувств и страстей.

Не только литература и искусство изменили свое содержание и создали новые формы; резкие изменения произошли в чисто идеологической сфере – в философии и религии.

Образование эллинистических монархий означало не только упадок старого уклада жизни, но и возникновение нового. Появляются обширные рынки, устанавливаются далекие связи и взаимоотношения не только с эллинами, но и с «варварами», специализируется ремесло, совершенствуется техника. Но углубление классовых противоречий, обострение классовой борьбы создавало атмосферу неуверенности и в среде господствующего класса. Ничто не могло заменить утраченную политическую свободу и автаркию того времени, когда каждый человек (конечно, свободный) сознавал себя прежде всего гражданином, когда «политическое государство, как политическое государство, является действительно единственным содержанием жизни и воления граждан» [208]. Бывший гражданин греческого полиса отныне и политически и экономически предоставлен самому себе; его судьба зависит от внешних сил, над которыми он не властен: от прихоти «тирана», от стихии рынка, от политики, которая творится без его участия и даже ведома. Неудивительно, что в этих условиях философ стремится замкнуться в себе, ре-

[208] К. Маркс. Критика философии государственного права Гегеля. К. М ар к с и Ф. Э нг ел ь с. Соч., т. I, стр. 557.

шать прежде всего вопросы личные – вопросы морали, цели и смысла жизни, все больше отходит от общефилософских проблем, чтобы дать себе и своим последователям утешение, моральную поддержку, внутреннюю устойчивость взамен утраченной твердой опоры в полисе.

Этим изменением направленности философских учений отчасти объясняется пренебрежение к натурфилософии со стороны большинства послеаристотелевских философов. Естественнонаучная база благодаря обогащенному опыту расширилась, но естественные науки стали самостоятельной отраслью, которая не пыталась делать философские обобщения и в которой, с другой стороны, философы не видели больше живительного источника для своих теоретических построений. Гениальные догадки и научные открытия глохли, забывались и даже встречали враждебный отпор. По поводу гениальной астрономической теории Аристарха Самосского, предвосхитившей коперникову систему мира, знаменитый философ-стоик Клеант, по словам Плутарха (de facie in luna VI, 3), заявлял, что его следует притянуть к суду, за то что он пытается «сдвинуть с места очаг вселенной, утверждая, что небо неподвижно, а земля движется по эллипсу, вращаясь вместе с тем вокруг своей оси». Принцип парового двигателя был дан в зародыше в героновом фонтане, но дальше занимательной игрушки изобретатель не пошел; ни производство того времени, ни философия не имели нужды в расширении научного кругозора. Изобретение солнеч-

ных часов Анаксимандром некогда рассматривалось им самим и позднейшими философами как существенная составная часть его философских изысканий; между тем огромные естественнонаучные достижения ближайшего преемника Аристотеля, Теофраста, не были освоены философией, даже его собственной. Для Аристотеля наука неотделима от философии, целью его поразительных по масштабу и объему исследований были философские обобщения. Созданные под его руководством 158 трактатов о государственном устройстве отдельных греческих полисов (и к ним «варварские установления» в четырех книгах) послужили лишь материалом для его «Политики». Чтобы создать свою «Поэтику», Аристотель собрал и систематизировал протоколы музических состязаний, списки победителей на пифийских играх и многое другое. Но уже Теофраст, неутомимый исследователь и ученый, всецело преданный науке, выдвигает для философа идеал с о з ер ц ат е л ь н о й жизни; «разумение» (наука), говорит он, «относится к мудрости, как преданные рабы к своим господам; эти делают все, что требуется в доме, чтобы господа имели досуг для своих дел свободных людей; разумение приводит в порядок практику, чтобы мудрость имела досуг для созерцания наиболее возвышенного».

Общий подъем экономики в первый период эллинизма отразился и на философских концепциях. Материалистическая философия, по существу наиболее жизненная, достигла в начальный период эллинизма блестящего расцвета в уче-

нии Эпикура, вдохновившем впоследствии гениальную поэму Лукреция. Вообще материалистическая философия прокладывала себе путь вопреки всем идеалистическим искажениям действительности и богословской этической направленности эллинистическо-римской философии. Материалистическая физика вошла в систему философии стоиков, и даже в платоновской школе появляются элементы материализма. Но материализм вне эпикурейской школы носил временный подсобный утилитарный характер, не поднимаясь до характера философской системы; даже в эпикурейской школе он с течением времени был подчинен задаче достижения моральных целей, устройства безмятежной жизни индивидуума.

Традиции классической эпохи продолжались и в эллинистический период, но лишь формально. Академия Платона и Ликей (перипатос) Аристотеля продолжали существовать, но держались они главным образом на великих именах своих основателей, а также благодаря тому, что эти школы имели материальную базу: помещения, библиотеки, денежные средства. Афины продолжали считаться центром философской мысли; еще в римский период философ считал своим долгом посетить Афины и послушать афинских мудрецов. Но философское творчество в Афинах все более иссякало; здесь занимались главным образом комментированием великих философов классической эпохи.

Постепенно первое место занимает новая философская

школа стоиков, которая, выдвинув вначале ряд интересных и плодотворных идей, все больше стала уделять внимания вопросам морали и богословия. В конце концов уже в римский период многочисленные философские течения сливаются в школе неоплатоников; «философия этих последних есть не что иное, как фантастическое сочетание стоического, эпикурейского и скептического учения с содержанием философии Платона и Аристотеля»[209]. Неоплатоновская философия уже непосредственно примыкает к христианству и сливается с его богословием.

Само занятие философией все больше превращается в промысел. Более видные философы подвизаются при дворах властителей: стоик Персей – у Антигона; боспорец, тоже стоик, Сфер – у спартанского царя Клеомена, скептик Гекатей – у Птолемея Лага; академик Панарет получал 12 талантов в год от Птолемея Эвергета; Гераклид улаживал дипломатические дела Птолемея Филометора; Кратер занимал видное место при пергамском дворе. Также и в Риме философ Метродор был воспитателем детей Эмилия Павла; Тиберий Гракх держал при себе философа стоика Блоссия; Панэтий был близок к Сципиону; Диодор был в близких отношениях с Цицероном, Антиох – с Лукуллом, Филодем – с Пизоном и т. д. Это свидетельствует о возросшей роли философии в общественной и частной жизни. Но ее содержание становится иным, чем раньше; возникают новые школы, приходят в

[209] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Немецкая идеология. Соч., т. IV, стр. 122.

упадок старые.

Ближайшие преемники Платона по руководству основанной им Академией: его племянник Спевсипп (347–339 гг.), Ксенократ (339–314 гг.), Полемон (314–276 гг.), Кратет (270 г.) – представляют так называемую «Древнюю академию». Примыкая формально к Платону, его ближайшие ученики и преемники развивали не стройную идеалистическую систему, представленную в диалогах Платона периода его расцвета, а преимущественно пифагорейские элементы и мистические фантазии его старческих произведений («Тимей», «Законы»); элементы диалектики Платона оставались в пренебрежении. С другой стороны, представители Академии должны были вносить существенные коррективы в последовательный идеализм Платона. Спевсипп отводит больше места, чем Платон, роли чувственных элементов в процессе познания; он отвергает платоновское учение о тождестве «единого», «блага» и разума и, по выражению Аристотеля, «расширяет сущности», придает известное значение материальному субстрату идей. В период эллинизма Академия все больше отдаляется от Платона, особенно под воздействием аристотелевой критики Платона. «Когда о д и н идеалист, – пишет Ленин, – критикует основы идеализма д р у г о г о идеалиста, от этого всегда выигрывает материализм»[210]. Понятно, академики не могли стать материалистами, и на расшатанном фундаменте платоновского идеализ-

[210] В. И. Л е н и н. Философские тетради, М., 1947, стр. 264.

ма нельзя было построить положительную систему. Академики пытались склеить мировоззрение из элементов учений других школ. Про Аркесилая, который считается основателем Средней или Новой академии, стоик Аристон, пародируя стих Гомера (Il. VI 181), сказал, что он «спереди Платон, сзади Пиррон, посредине Диодор» (S e xt ., Pyrrh. I, 234). Изверившись в философской системе основоположника школы, но не приемля и материализма, Новая академия в лице Аркесилая и особенно Карнеада обратилась к скептицизму, возведя его в систему.

Так же мало продолжали дело своего учителя перипатетики. Они вообще занимались больше специальными дисциплинами, чем философией. Ближайший преемник Аристотеля, Теофраст, один из величайших естествоиспытателей древности, был основоположником научной ботаники; Аристоксен был специалистом в области теории музыки; Стратон получил в древности прозвание физика. Изучение специальных, преимущественно естественнонаучных дисциплин отвлекало перипатетиков от чисто философских проблем, они занимались в лучшем случае комментированием произведений Аристотеля; но со временем и этот долг по отношению к основоположнику школы был забыт, и сами произведения Аристотеля стали редкостью.

Занятие естественными науками, особенно в тех широких масштабах, в каких оно велось еще при жизни Аристотеля, порождало у первых перипатетиков материалистиче-

ские идеи и методы исследования. Так, Дикеарх (около 320 г.) утверждал, что «нет вообще никакого духа, а это – пустое и бессодержательное слово для обозначения животных и живых существ; ни в человеке, ни в звере нет духа или души; вся та сила, благодаря которой мы действуем и чувствуем, разлита равномерно повсюду во всех живых телах и неотделима от тела» (C i c ., Tusc. I, 21). Глубже и в более общем виде эту мысль развивает «Физик» Стратон (глава школы с 287 г.). По Стратону, «вся божественная сила заключается в природе, которая содержит причины возникновения, роста и уменьшения, но лишена всякого чувства и формы» (C i c ., de deor. nat,. I, 35). Для космогонии Стратон не прибегал к вмешательству богов: «все, что есть или происходит, произошло или происходит благодаря естественным силам тяжести и движения» (C i c ., Acad. II, 38). Сама мысль есть движение; «мыслящий находится в постоянном движении, как и видящий, слышащий, обоняющий, ибо мышление – деятельность разума (διανοίας), как ви́дение – зрения»; «очевидно, причин движения (мысли) очень много, так как, с одной стороны, душа сама по себе движется в процессе мышления, а с другой стороны, она получает толчок к движению со стороны чувств» (S i mp l ., Phys. fr. 225^{n}).

Своими достижениями в специальных областях знания перипатетики Теофраст, Дикеарх, Аристоксен и другие обязаны еще личному гению Аристотеля, который наметил планы их работ, организовал научное исследование. Такие про-

изведения, как «Жизнь Эллады» (история культуры) Дикеарха, его же «Описание земли»; исторические труды Теофраста, вполне достойного ученика Аристотеля («Законодательства» в 24 книгах, «Учения физиков» – история естествознания), не только были инспирированы Аристотелем, но в значительной мере им направлены и подготовлены. После смерти Аристотеля размах исследовательской работы резко уменьшается и великолепные традиции школы забываются. После Стратона перипатетики не только не дают уже ничего нового, но не в состоянии даже сохранить аристотелево наследие. «Ученик его (Стратона) Ликон, хоть и обильный речами, но сути дела более скуден. Гармоничен и изящен Аристон; но в нем не было того величия, которое требуется от крупного философа; он писал, правда, много и со вкусом, но речь его, не знаю почему, не внушает уважения. Обойду молчанием многих, в том числе ученого и приятного человека Иеронима, но я уже затрудняюсь назвать его перипатетиком. Критолай пытался подражать древним и он действительно близок к ним по солидности и обилию писаний, но и он не остается на почве традиционных положений. Его слушатель Диодор присоединяет к добродетели (в качестве высшего блага) еще свободу от страдания. Он тоже «свой», но, расходясь (с Аристотелем) в вопросе о высшем благе, он собственно не может быть назван перипатетиком». Так характеризует Цицерон (de fin. V, 13) перипатетиков после Стратона. С течением времени они вовсе отходят от философских

проблем, отдавая свое внимание главным образом историко-литературным вопросам, филологии, грамматике. Со II в. до н. э. самый термин «перипатетик» обозначал скорее литературоведа и биографа, чем философа. Заслугой позднейших перипатетиков перед философией является научная систематизация, критическое издание и комментирование сочинений Аристотеля и Теофраста. Работа эта, начатая Андроником в I в. до н. э., продолжалась в течение последующих столетий.

Старые афинские школы, таким образом, в период эллинизма пришли в упадок. Большой успех выпал на долю двух новых школ, возникших в начальный период эллинизма – эпикурейской и стоической.

Личность Эпикура и его учение произвели на его последователей громадное впечатление. Он представлялся им едва ли не божеством. После одной из его речей ближайший ученик его Колот бросился перед ним на колени, чем вызвал ироническое замечание Эпикура: «Теперь приходится мне в свою очередь воздать тебе поклонение и божеские почести». Лукреций говорит об Эпикуре с восторгом и благоговением:

О украшение Греции! Ты, что из мрака впервые
Светоч познанья извлек, объясняя нам радости жизни!
Вслед за тобой я иду и шаги свои сообразую
С теми следами, что раньше стопы твои напечатлели.
Не состязаться с тобой я хочу, но тебе с восхищеньем
Следовать только дерзаю. Возможно ли ласточке спорить

С лебедем? Можно ль дрожащему телом козлу состязаться
С силою той, что являет в ристалищах конь быстроногий?
Ты – наш отец, открывающий тайны вещей, ты – ученье
Преподаешь нам отечески. В славных твоих сочинениях
Черпаем все мы, подобные пчелам, что лучшие соки
Пьют из цветов. Все мы жаждем твоих золотых изречений.
Да! Золотых и достойных бессмертья всегда и вовеки
……
(De rerum natura, III, 1–13).
Может ли чей-нибудь стих, исходящий из мощного сердца,
Славить достойно его за величие дел и открытий?
Кто обладает искусством речей, чтобы в песне хвалебной
Выразить всю совокупность заслуг того мужа, чей разум
Столько задач разрешил и оставил нам столько сокровищ?
Нет, полагаю, никто из рожденных со смертной плотью
Ибо, судя по значенью великому добытых знаний,
Надо назвать его богом, да! богом, блистательный Меммий!
Он изобрел нам впервые тот способ ведения жизни,
Что называется мудростью. Он с несравненным искусством
Жизнь нашу вывел из стольких тревог, из мрака густого,
Дав ей покой и ее к лучезарному выставив свету (V, 1–12).
……

.....

Тот, кто все это сумел победить и из нашего духа
Вытеснить вон не оружьем, а словом, не стоит ли, чтобы
Люди его наравне с божеством почитали бессмертным?
(V, 50–52).

В конце II в. в захолустье, в Эноанде, эпикуреец Диоген вырезал на колоннаде своего дома творения своего учителя (и свои собственные) на благо своих сограждан как «средство (φάρμακα) спасения». День рождения Эпикура – 10 гамелион торжественно справлялся в эпикурейских ассоциациях; а в 20-е числа каждого месяца устраивалось торжественное заседание в честь Эпикура и его любимого ученика Метродора.

Эпикур, афинянин по происхождению, родился в 342/1 г. Детство он провел на острове Самосе. В 323 г. прибыл в Афины, но не мог здесь обосноваться. Одно время был школьным учителем. Еще в детстве Эпикур обнаружил интерес к философии. Когда же он ознакомился с сочинениями Демокрита, он окончательно сделал философию своим жизненным призванием. Сначала он преподавал философию в Лампсаке и Митилене, но с 307/6 г. он окончательно переселяется в Афины. Здесь неподалеку от Академии он приобрел сад, где и вел свои занятия с учениками. Отсюда и его школа в древности получила название «сад» (κῆπος). Эпикурейская школа была организована на демократических началах; женщины и рабы пользовались здесь равноправием.

Руководящие места занимали подруга Эпикура Леонтион и раб Мис.

Уже при жизни Эпикур подвергался всевозможным нападкам и клевете; он обвинялся в высокомерии, в разврате, в эгоизме, во всех смертных грехах. Однако источники единодушно свидетельствуют о безупречном образе жизни Эпикура, его умеренности, преданности друзьям, любви к философии, целиком заполнявшей его жизнь. Цицерон, его противник, не раз повторяющий клеветнические вымыслы об Эпикуре, пишет, однако: «Кто станет отрицать, что он был прекрасным человеком, обходительным и гуманным?» (de fin. II, 80). Биографы подчеркивают скромность и деликатность Эпикура. Он не хотел, чтобы ученики вносили свои вклады в общую кассу, как этого требовал Пифагор: «Это означало бы недоверие друг к другу, а недоверие несовместимо с дружбой». Он сам пишет, что вполне может довольствоваться водой и простым хлебом. На старости он страдал мучительной болезнью (камни в мочевом пузыре), но переносил свои страдания с философским спокойствием. Перед самой смертью он пишет Идоменею: «В этот счастливый и вместе с тем последний час моей жизни я пишу тебе. Болезнь пузыря и желудка идет своим чередом и не ослабевает; но вопреки всему этому радуется моя душа при воспоминании о бывших между нами беседах. В соответствии с твоей, еще с юности, преданностью мне и философии позаботься о детях

Метродора»[211].

Эпикур умер 72 лет от роду в 272 г. В своем завещании Эпикур все заботы уделил сохранению школы и интересам друзой и учеников. Это завещание – лучшее доказательство бескорыстия философа.

Эпикур написал около 300 сочинений, из которых Диоген Лаэртский называет более 40 лучших. Ненависть к безбожнику Эпикуру уничтожила его произведения, от которых сохранились лишь отрывки в виде цитат. Но Диоген Лаэртский в биографии Эпикура приводит три обширных письма его: к Геродоту, Пифоклу и Менекею, в которых дается суммарный очерк его учения, и так называемые «Главные мнения» (Κύριαι δόξαι) – краткие сентенции, характеризующие основы эпикуреизма, главным образом его этики. Раскопки в Геркулануме, засыпанном лавой при извержении Везувия в 79 г., дали значительное количество полуобуглившихся папирусов, содержащих некоторые сочинения Эпикура и его последователей. В 1933 г. Иенсен сумел извлечь из этих папирусов и восстановить еще одно письмо Эпикура. Кроме того, в одной ватиканской рукописи обнаружены эпикурейские сентенции[212]. Лучшим источником для понимания Эпикура является поэма римского эпикурейца Лукре-

---

[211] E p i c u r u s, ed. C. Bailey, Oxf., 1926, стр. 126 сл.

[212] Текст писем и фрагментов Эпикура и русский перевод их, выполненный С. И. Соболевским, см. в издании: Л у к р е ц и й. О природе вещей, т. II, 1947, стр. 518.

ция.

Эпикур определяет философию как «деятельность, созидающую путем рассуждения и аргументации блаженную жизнь» (S e x t., adv. math. XII, 69). Философию он делил на три раздела: канонику (учение о познании и критерии истины), физику и этику, физике Эпикур придавал служебное значение. В письме к Пифоклу он пишет: «Прежде всего не следует думать, что целью познания небесных явлений… служит что-либо иное, как не безмятежность и прочная уверенность». «Если бы нас не тревожили подозрения насчет небесных явлений и смерти, мы бы не нуждались в естественных науках». «Нельзя было бы рассеять страхи по поводу самого важного, если бы не распознать природы вселенной, а подозревать разные вещи в соответствии с мифологией. Таким образом, без естествознания невозможно получить не омраченные радости». Такое отношение к естествознанию не помешало Эпикуру построить рациональную систему физики, в которой встречаются гениальные гипотезы и догадки.

Основной вопрос философии – об отношении мышления к бытию – Эпикур разрешает материалистически: материальный мир объективно существует вне человека и независимо от его сознания. Нет никаких сил, стоящих вне материального мира или над ним. Из ничего ничто не возникает: ничто и не исчезает. Материя, следовательно, вечна. Примыкая к Демокриту, Эпикур учит, что материальный мир состо-

ит из атомов и пустоты. Атомы, последние неделимые частицы вещества, находятся в постоянном движении, быстром, как мысль: «любое воспринимаемое расстояние они проходят в непостижимо малое время». Мало того, в неподвижном теле его атомы непрерывно движутся, причем моменты этого движения постижимы только теоретически. Душа тоже материальна, иначе она «не могла бы действовать и испытать действие». Материя и движение неотделимы.

Но в пустоте тела все двигаются с одинаковой скоростью (это было доказано лишь Галилеем почти через 2000 лет); следовательно, для того чтобы атомы могли сталкиваться и образовать тела, необходимо, чтобы атомы отклонялись от прямолинейного движения и двигались по кривым. Это принципиально важное отличие атомизма Эпикура от атомизма Демокрита. Таким образом, Эпикур не только поднимает материализм Демокрита на высшую ступень, но вместе с тем устраняет фатализм Демокрита, создавая базу для научного детерминизма.

Атомы различаются по форме, размеру (но в известных пределах) и весу. Благодаря их сочетаниям создается все разнообразие видимого мира. При этом получается не механическое соединение, а возникают новые качества. И здесь Эпикур на тысячелетия опередил свое время. Эпикур различает постоянные к ач е с тв а и случайные с о с т оя н ия . Один и тот же признак предмета может быть с одной точки зрения качеством, а с другой – случайным состоянием. Рабское со-

стояние – случайный признак человека, но постоянное качество раба. «Очертание, цвет, величина, тяжесть и вообще все, что утверждается как качества тела, присущие всем или только видимым и познаваемым при помощи чувственного восприятия их, не следует считать самостоятельными сущностями (этого нельзя ведь и помыслить). Нельзя также думать, что они вовсе не существуют, ни что они представляют нечто другое, бестелесное, привходящее в тело, ни что они – части тела; напротив, в целом все тело получает свою постоянную природу от всех качеств вместе взятых, и не от простого соединения их… Повторяю, от их совокупности тело получает свою постоянную природу. Качества могут восприниматься и различаться по-своему, но покуда вместе с ними продолжает существовать и не оторвалось от них само тело, получившее предикат тела как совокупность качеств»[213]. (ep. ad Herod. 68–69).

Эпикур утверждает единство и бесконечность материального мира. А поскольку вселенная бесконечна, нет оснований предполагать, что наш земной мир – единственный; существует бесконечное множество миров. Тем самым устраняется телеология – вера в божественный промысел, в разумную целесообразность, установленную богами для блага человека.

---

[213] Т. е. можно обращать внимание отдельно на форму тела, изучать различные цвета и т. д., но лишь поскольку существует конкретное тело, имеющее форму, цвет и т. д.

Эпикура упрекали в том, что его конкретные физические воззрения (о форме и размерах земли и планет, о метеорологических явлениях и т. п.) не стояли на уровне науки того времени. Но Эпикур не ставил себе задачи исследовать природу. Ему важно установить факт естественной закономерности процессов, протекающих в природе. «И если даже мы обнаружим несколько причин обращений, восходов, заходов, затмений и т. п., как это оказалось при наших исследованиях подробностей, то не следует на этом основании думать, что исследование их не достигло точности, необходимой для спокойствия духа и счастья» (ep. ad Her. 79–80).

Наивно, но материалистически Эпикур определяет душу: душа материальна, она – «тело из тонких частиц, распределенное по всему организму, очень близкое к дуновению, содержащему некоторую примесь тепла… есть еще часть гораздо более тонкая, чем дуновение и тепло, и благодаря этому душа более способна чувствовать в согласии с остальным организмом». Состоя из наиболее тонких и быстрых атомов, душа быстро реагирует на внешние воздействия и на состояние тела, с которым она слитна. С распадом организма «душа рассеивается, не обладает уже той же силой и не движется, так что она не обладает и чувствительностью» (Herod. I, 63 сл.). Учение Эпикура о душе Ленин характеризует, как «гениальные догадки и у к а з а н и я пути н а у к е , а не поповщине»[214].

[214] В. И. Л е н и н. Философские тетради, М., 1947, стр. 274.

Процесс познавания рисуется у Эпикура следующим образом. От предметов отделяются тончайшие образы их («идолы»); с быстротой мысли они проникают в органы чувств и производят таким образом чувственное восприятие, обладающее непосредственной очевидностью (ἐνάργεια). Чувственное восприятие – основной источник познания. На их основе возникает общее представление – πρόληψις. Пролепсис – это «воспоминание о том, что часто являлось извне, например: «это – человек»; как только произносится слово «человек», одновременно благодаря пролепсису на основании ранее полученных восприятий мыслится его образ. Мы бы не могли искать предмет нашего исследования, если бы мы раньше его не знали. Например: «стоящее вдали – лошадь или бык»? (чтобы ответить), надо благодаря пролепсису знать внешность лошади и быка». Общее представление и понятие необходимы для познавания действительности, но они не «врожденные идеи», как нелепо трактует Эпикура Цицерон; напротив, «все мысли произошли из ощущений путем совпадения, аналогии, подобия и сопоставления; кое-что прибавляет от себя и рассуждение». «Мы все должны сообразовать с ощущениями и, в частности, с непосредственным восприятием разумом или другим критерием, а также с действующими внутри нас страстями, чтобы иметь чем руководствоваться при суждении как о наличном, так и о недоступном непосредственному восприятию». Показания органов чувств не могут быть лож-

ны; ошибки проистекают от неправильного суждения, неправильных ассоциаций. «Ошибка не возникла бы, если бы в нас не происходило еще некоторого рода движения, соприкасающегося хотя с воспринятыми образами, но отличного от них; из-за него, если оно не получает подтверждения или опровергается, возникает ошибка; но если оно подтверждается и не встречает противоречия, оно истинно». Таким образом, общие понятия происходят в конечном счете из чувственного восприятия и являются более или менее правильными отражениями объективной действительности; они могут явиться источником ошибки, но без них мышление, если бы оно было возможно, было бы неадекватно действительности.

Большое место в философии Эпикура занимает этика; ведь цель философии – достигнуть счастливой жизни. Идеал, к которому должен стремиться философ, – атараксия, безмятежность, особенно свобода от страхов перед грозными стихиями и смертью. Но атараксия отнюдь не означает чувственных наслаждений, как утверждают злобствующие враги материализма от времен Эпикура до наших дней. «Нельзя жить приятно, не живя разумно, прекрасно и справедливо, и нельзя жить разумно, прекрасно и справедливо, не живя приятно». Не всякое наслаждение само по себе хорошо. «Ни одно наслаждение само по себе не зло; но средства, при помощи которых достигаются некоторые наслаждения, несут с собой тяготы, превышающие наслаждение».

«Справедливый больше всего свободен от тревог, а несправедливый полон всяческой тревоги». Эпикур проповедует умеренность. «Ничто недостаточно для того, кто не довольствуется малым». «Когда мы говорим, что цель – наслаждение, мы имеем в виду не наслаждения распутников, не чувственные наслаждения, как думают некоторые невежды, или противники, или плохо понимающие, а свободу от телесных страданий и душевных тревог. Приятную жизнь создают не пьянство и разгульные пирушки, не семейные радости, не вкушение рыб и других роскошных яств, а трезвый ум, исследующий разумно, что выбирать и чего избегать, отбрасывающий (ложные) мнения, от которых душу охватывает смятение». «Естественное богатство ограничено – вместе с тем легко достижимо; а богатство, созданное пустым воображением, простирается до бесконечности». Особенно ценит Эпикур дружбу. Она – «величайшее приобретение мудрости». «Мы получаем выгоды не столько от пользы, доставляемой друзьями, сколько от уверенности в пользе от них».

Большое значение Эпикур придает свободе от страха смерти. «Смерть никакого отношения к нам не имеет: ведь распавшееся бесчувственно, а бесчувственное уже нас не касается». «В жизни нет ничего страшного для того, кто верно понял, что нет ничего страшного в том, чтобы не жить. Поэтому пустое говорят те, кто утверждает, что боятся смерти не потому, что она мучительна, когда она настанет, а потому, что мысль о будущей смерти мучительна. Не может при-

чинять страдание ожидание того, что не причиняет страданий, когда оно уже есть. Итак, самое ужасное из зол не имеет к нам отношения, так как пока мы существуем, смерти нет; когда настанет смерть, тогда нас нет».

В условиях политической прострации Греции Эпикур рекомендует для достижения атараксии держаться вдали от политики. Судя по письму, опубликованному Иенсеном, Эпикур видел, как друзья его, вступив на политическое поприще, отходят от правильной жизни. «Надо освободить себя от оков суетных дел и политики». «Живи незаметно», – гласит одна из сентенций Эпикура.

Эпикур поддерживает идею общественного договора как основы организации общества, выдвинутую еще некоторыми софистами. В отличие от общепринятого в его время представления о бывшем некогда золотом веке Эпикур правильно представляет путь развития человечества от дикости и варварства к культурной жизни. Эти идеи впоследствии с гениальной интуицией развил в прекрасных стихах Лукреций.

Громадное значение для всего последующего времени имел атеизм Эпикура, с необходимостью вытекающий из его материалистического мировоззрения. Правда, Эпикур не отрицает существования богов, иначе он не может объяснить существование у людей представления о богах. Он считает источником веры страх, но допускает, что где-то во внемировых пространствах существуют боги, не имеющие никако-

го отношения к миру; они не вмешиваются и не могут вмешиваться ни в дела людские, ни в процессы природы, где все совершается в силу внутренних естественных закономерностей. В сущности боги Эпикура – это «классические боги греческого искусства», по выражению Маркса. В мире Эпикура нет места для религии; напротив, устранение религиозного страха – задача философа как необходимое условие для безмятежной жизни: «Наибольшее смятение в человеческих душах происходит от того, что они считают (небесные тела) блаженными и бессмертными и вместе с тем обладают несовместимыми с этим желаниями и действиями, что они вечно ждут или воображают себе что-то страшное, как оно рисуется в мифах». Значение атеизма Эпикура особенно подчеркивает его пламенный последователь Лукреций:

Жизнь человека постыдно у всех на глазах пресмыкалась
Здесь, на земле, удрученная бременем вероученья,
Что из владений небесных главу простирало и сверху
Взор угрожающий свой непрестанно бросало на смертных.
Первый из смертных, кто взоры поднять к нему прямо решился,
Родом из Греции был; он ему воспротивился первый.
И ни святыня бессмертных, ни молньи, ни грома раскаты
С неба его удержать не могли, но с тем большей отвагой
Силы души он своей напрягал, чтобы ранее прочих
Крепкий замок сокрушить у затворенной двери природы.

Так животворная сила рассудка стяжала победу
И далеко унеслась из границ пламенеющих мира,
И в бесконечность вселенной проник он рассудком и духом.
Победоносно принес нам познанье тот грек о возможном
И невозможном в природе, а также о силах предельных
В каждом предмете, о целях конечных, что ставит рассудок
Так, что религии все суеверья у нас под ногами
Вновь очутились, а мы той победой вознесены к небу. (De rer. nat., I, 62–79).

Эпикур, писал Маркс, «был подлинным, радикальным просветителем древности, открыто нападал на античную религию, и от него же шел атеизм римлян, поскольку он у них существовал. Поэтому Лукреций и прославлял его как героя, впервые низвергнувшего богов и поправшего религию, поэтому же у всех отцов церкви, от Плутарха до Лютера, Эпикур слывет безбожным философом par excellence»[215].

Эпикурейская школа была наиболее передовой и в течение нескольких столетий имела ревностных сторонников, сохранявших и развивавших учение основателя школы. Кроме ближайшего ученика Эпикура – Метродора, умершего еще при жизни учителя, известностью пользовался другой его ученик Колот, против которого Плутарх написал специальное сочинение. В I в. до н. э. Филодем собрал у себя в

[215] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Немецкая идеология. Соч., т. IV, стр. 121.

Геркулануме богатую эпикурейскую библиотеку и приобрел для школы многих последователей в Риме. Победа христианства нанесла школе тяжелый удар. Только в XVII в. Гассенди вновь извлек из забвения Эпикура и ввел в научный обиход атомистическую теорию.

Школа стоиков получила свое название от «пестрого портика» (Στοὰ Ποικίλη), разрисованного Полигнотом, где происходили беседы и занятия философов этой школы в Афинах. Основателем школы был Зенон из г. Кития на Кипре. Цицерон называет его финикийцем (Poenulus). Вообще среди стоиков много выходцев с Востока и позднее – из Рима. В молодости Зенон занимался морской торговлей. Поселившись в Афинах и отдавшись всецело философским занятиям, он 58 лет стоял во главе основанной им школы и умер в 264 г. до н. э. в глубокой старости, прожив более 90 лет. Зенон пользовался большим уважением у современников; афиняне почтили его золотым венком и бронзовой статуей. Очень благосклонно относился к нему правитель Македонии Антигон Гонат. Ученик и земляк Зенона Персей по его рекомендации был воспитателем сына Антигона и занимал солидную должность. Другими видными учениками Зенона были карфагенянин Герилл и боспорец Сфер.

Преемником Зенона по руководству школой был Клеант. В Афины он прибыл с 4 драхмами и нанимался на ночные работы в садах, чтобы иметь возможность днем заниматься философией. Для разработки и развития учения он сделал

мало, хотя писал много; в частности, сохранился его гимн Зевсу. По-видимому, рвения к философии у него было больше, чем таланта.

Как бы вторым основателем школы считался Хрисипп (280– 207 гг.), ученик Клеанта. Цицерон говорил о нем как об «устое портика стои», а в древности сложилась поговорка: «если бы не было Хрисиппа, не было бы Стой». Как писатель, Хрисипп был необыкновенно плодовит, он написал более 705 произведений, но писал он в высшей степени небрежно и неряшливо. Свои сочинения он заполнял множеством обширных цитат. Рассказывают, что в одном сочинении он выписал чуть ли не всю «Медею» Эврипида, и когда человека, державшего это сочинение, спросили, что у него в руке, он ответил: «Медея Хрисиппа».

Произведения древних стоиков до I в. н. э. большей частью погибли уже в древности; многочисленные поклонники стоической школы из среды полуинтеллигенции довольствовались ходячими сентенциями, полученными из третьих рук, собранными в хрестоматии или передаваемыми устно. Учение стоиков известно поэтому лишь по изложениям и толкованиям позднейших философов и доксографов, часто уже не имевших в своем распоряжении оригиналов. Таким образом, восстановить систему философии стоиков первого ее периода чрезвычайно трудно; в частности, нет источников для восстановления картины р а з в и т и я философских идей стоицизма.

Несомненно, стоики создавали свое учение из элементов философии Платона, Аристотеля, киников, даже Гераклита и ионийских натурфилософов. Мозаичный характер учения позволял его проповедникам вносить существенные изменения в провозглашенные их предшественниками и единомышленниками принципы. Отсюда множество противоречий, в которых упрекали стоиков уже в древности.

По словам Аэция (Dox. 273), стоики «говорили, что мудрость (σοφία) – познание божественного и человеческого, а философия представляет собой упражнение в пригодном для этого искусстве. Ценна же единственно и превыше всего добродетель. Наиболее общих добродетелей три: физическая, этическая и логическая. Соответственно этому они делят философию на физику, этику и логику». Характеризуя значение отдельных философских дисциплин, стоики «уподобляют философию животному, приравнивая логику костям и жилам, этику – мясистым частям, физику – душе. Или же яйцу: скорлупа – логика, то что за ней – этика, самая внутренняя часть – физика» и т. д. Но основная цель философии – добродетель. Сенека так и определяет философию, как «изучение добродетели, притом посредством самой добродетели». Даже физика подчинена этой общей цели. Впрочем, и в этом вопросе, как и в других, у стоиков не было единства. Так, Хрисипп присоединяет к физике еще теологию. Аристон даже вовсе отвергал физику и логику, говоря, что «первая выше нас, вторая не имеет для нас значения».

С другой стороны, Герилл считал высшим благом не только добродетель, но и знание. Можно думать, что по мере угасания традиции классической эпохи стоики все больше стали подчинять свое учение задачам морали, и в римский период стоицизм окончательно превращается в религиозно-этическую доктрину.

Физика стоиков построена на материалистической основе, но стоики мало занимались естественными науками. Хрисипп рекомендует «в вопросах, требующих опыта и знания истории, воздержаться от суждения, если не имеешь сказать что-нибудь лучшее и достоверное». В отличие от перипатетиков, серьезно разрабатывавших естественные науки, материалистическая физика стоиков не была самостоятельной, но исходила из предшествующих материалистических учений, многое, в частности, усвоив от Гераклита. Отсутствие солидной естественно-научной базы и подчинение физики этическим проблемам привело к непоследовательности и противоречивости физических воззрений стоиков.

Единственной реальной сущностью стоики признают телесное, так как только оно обладает способностью действовать и испытывать действие. Но в мире вещей стоики различают два принципа: бескачественную, инертную материю и пронизывающую ее творческую силу, которую стоики именуют по-разному – логос, разум, бог, Зевс, рок. Но творческое начало существует не отдельно от материи, а в ней самой, проницая ее всю; бескачественная инертная материя

благодаря ее слитности с творческим началом динамична; материя «вся и насквозь превратима, изменчива, переменчива, текуча». Бог у стоиков отожествляется с природой и определяется как «искусный огонь, шествующий по пути для творения мира, включающий в себе все семенные разумы, по которым все возникает в соответствии с роком» (A ë tiu s , Dox. 305). Как поясняет Цицерон (de deor. nat. II, 57), «Зенон считал, что основное свойство искусства – творить и созидать; то, что в произведениях наших искусств творит рука, то гораздо искуснее творит природа, т. е. то, что я назвал искусным огнем».

Не признавая деятельной самое материю, вводя принцип творческого разума (λόγος σπερματικός, «семенной логос»), но не признавая вместе с тем реального существования духовной сущности, стоики приписывают телесное существование и «духу», «богу», «разуму», чтобы устранить дуализм косной материи и творческого разума, бога и т. д.; тем самым различие между материей и духом уничтожается; остается только д е я т е л ь н а я материя. Но такого вывода стоики не сделали; это создало множество трудностей и противоречий в их учении и оставило широко открытые двери для различных богословских теорий, все больше вытеснявших материалистическую основу физики стоиков.

Из отожествления природы и бога, материи и разума, из признания реальности только за телесным стоики делали логические выводы. Зенон, по словам Цицерона, «полагал, что

природа ничего не может произвести бестелесного, все, что творит или творится, не может не быть телом». И стоики объявляют телесными отвлеченные понятия! «Ты спрашиваешь, – пишет Сенека (ep. 106, 3), – является ли благо телом. Благо творит, ибо приносит пользу; а то, что творит, есть тело. Благо приводит в движение дух, каким-то образом формирует и сдерживает его, а это присуще телу. Все, что является благом для тела, тем самым само есть тело; а также благо души, ведь и она – тело. Я думаю, ты не станешь сомневаться в телесности аффектов – как гнев, любовь, печаль. Если сомневаешься, посмотри, разве они не изменяют у нас черты лица, сморщивают лоб, растягивают лицо, вызывают румянец, прогоняют кровь? Что же, думаешь ли ты, что столь явные отметины запечатлеваются на теле чем-либо иным, кроме тела? А если аффекты – тела, то и болезни духа – жадность, жестокость, закоренелые пороки…» Плутарх смеется над стоиками: «они считают живыми существами не только добродетели и пороки, не только аффекты – гнев, зависть, огорчения, злорадство – не только восприятия, воображение, незнание, не только искусство сапожника или медника, – они даже различные деятельности тела считают телами и живыми существами, – хождение, пляску, наставления, разговоры, брань».

Если свойства тел сами представляют собой нечто телесное, то тело представляется стопкам как смесь. При этом они различают простые механические соединения, более тесное

смешение (μῖξις), при котором составные части сохраняют свою сущность, например душа и тело, огонь и железо, смесь (κρᾶσις), в которой уже нельзя выделить каждый из ингредиентов (смешение жидкостей), наконец, слияние (σύγχυσις), когда в результате смешения ингредиенты приобретают новые качества. Стоики подчеркивают, что при полном смешении малого с большим первое пронизывает все (κρᾶσις δι' ὅλων).

Весь мир в целом, вместе с пронизывающим его творческим («семенным») логосом, также представляет неразрывное единство. Мир в целом, по представлениям стоиков, – замкнутый шар (самая совершенная форма тела). Он одушевлен, одарен разумом, ибо материя, как указывалось, способна действовать и воспринимать действие только благодаря активной силе, логосу, богу и т. д. За пределами мира простирается пустота, в самом мире пустоты нет. Этот мир возникает из огня, развивается и неизбежно должен погибнуть в огне, чтобы возродиться вновь. Здесь действует неотвратимая внутренняя закономерность, именуемая роком. Рок, по Зенону, – «движущая сила материи». Это – логос (разум) мира, «согласно которому возникшее возникло, возникающее возникает, долженствующее возникнуть возникнет». С обычной непоследовательностью стоики в роке видят не только закономерность, но и целесообразность, не только причинные связи, но и провидение. Мир прекрасен и совершенен. По Хрисиппу, «космос сам себе довлеет, он имеет в

себе все, в чем нуждается, он питается и растет сам из себя, в то время как отдельные части его переходят одна в другую». Гибель и возрождение мира стоики представляли себе как вечный круговорот, где все протекает совершенно одинаково. В новом мире, который возродится из пламени после гибели нынешнего, вновь родится Сократ, опять он женится на сварливой Ксантиппе, а Анит и Мелет снова обвинят его.

Такое представление неизбежно ведет к фатализму, к бездействию, к апатии; между тем в своей этике стоики призывали к активности, к действию. Поэтому, в частности, Хрисипп пытался ввести принцип случайности: необходимо лишь вечное и неизменное; «происшедшее в соответствии с велением рока не обязательно произошло в силу необходимости, ибо могло произойти и нечто противоположное».

Точно так же из соображений пропаганды стоикам приходилось идти против своих принципов в вопросе бессмертия души. Поскольку душа материальна, она должна распасться вместе с гибелью тела. Сенека писал, что, по мнению стоиков, «душа человека, раздавленного большой тяжестью, не может сохраниться и тотчас рассеивается». Но уже Клеант считал, что души мудрецов доживут до гибели мира, а в позднейшее время вера в бессмертие души стала одним из устоев учения стоиков.

В теории познания, как и в физике, стоики исходили из материалистических положений, хотя не сумели развить их последовательно и без внутренних противоречий. «Когда че-

ловек рождается, у него руководящая часть души (т. е. разум) как бы бумага, приспособленная для записи; на нее он заносит каждое отдельное понятие. Первый способ записи – через ощущение; ощущая что-либо, например белое, мы сохраняем об этом воспоминание, а когда накапливается много сходных воспоминаний, мы говорим, что у нас есть опыт… Из понятий некоторые возникают естественно, указанным способом, безыскусственно, некоторые – уже в результате изучения и внимания» (Dox. 400), путем сопоставлений, сравнений, противопоставлений и т. п. С другой стороны, ощущение и представление – результат взаимодействия объекта и души; представление – отпечаток в душе, означающий изменение ее, так как множество отпечатков откладываются одни над другими. Представление стоики называли фантазией. «Фантазия – это состояние, возникающее в душе и обнаруживающее само себя и вызвавший его объект. Например, когда при помощи зрения мы созерцаем белое, то это есть возникшее благодаря зрению состояние души, а благодаря этому состоянию мы имеем возможность сказать, что есть нечто белое, вызывающее у нас движение. То же относится и к осязанию и к обонянию. А слово «фантазия» произошло от слова «φῶς» (свет), ибо как свет обнаруживает и сам себя и все окружающее, так фантазия обнаруживает и себя и свой источник» (Dox. 401). Только то ощущение и представление истинно, которое как бы навязывается как необходимое, которое получает подтверждение и согласие со

стороны субъекта, одобряется его «схватывающей фантазией», его каталептическим представлением. Таким образом, достоверность познаваемого зависит в известной мере от познающего субъекта. Поэтому стоики придают большое значение общему мнению: «то, что многим или большинству представляется каталептическим» – достоверно. Зенон следующим образом пояснял различную степень достоверности восприятий и представлений: «Показав ладонь с растопыренными пальцами, он сказал: это – представление (фантазия). Затем, сдвинув несколько пальцы, пояснил: это согласие (субъекта с восприятием). Затем он сжал руку в кулак и назвал это каталепсис. Наконец, он левой рукой крепко сжал кулак и сказал, что таково знание, которым владеет только мудрец».

Стоики, по-видимому, впервые ввели в обращение термин «логика». Логику они делили на риторику – искусство речи и диалектику – искусство правильно рассуждать и спорить. Логос по-гречески означает «речь» и «мысль». Стоики в своей логике играют на этом двойном значении слова, часто подменяя мысль словом. В слове они различают звук независимо от его значения (например, слова на незнакомом языке), значение слова и соответствующий ему объект.

Мы уже видели, как стоики разрежают вопросы теории познания. Что касается формальной логики стоиков, то они оказались не в силах не только развить, но и правильно усвоить то, что было достигнуто Аристотелем. Главное внимание

они уделяли значению слов, и логика у них превратилась в грамматику; в этой области они выдвинули ряд крупных мастеров, и принципы стоической грамматики господствовали в языкознании до XIX в. Стоиков можно считать творцами синтаксиса. Стоики полагали, что значения слов определяются φύσει, т. е. что они соответствуют обозначаемым объектам; на этой почве они создали фантастическую этимологию, где происхождению значения слов даются самые нелепые объяснения вроде того, что canis (собака) произошло от того, что собака н е поет (canit) и т. п. При отсутствии сравнительного языкознания этимология на научной базе невозможна, и Платон детски беспомощен в «Кратиле», беспомощны были и софисты. Но стоики довели «этимологию» до абсурда, делая из нее далеко идущие выводы, особенно в аллегорических толкованиях религиозных представлений и мифов.

Наибольшей популярностью пользовалась этика стоиков, ставшая со временем центральным пунктом их учения, оттеснившим на второй план остальные разделы философии. Цель жизни и высшее ее достижение – жить «согласованно», т. е., как разъясняют Клеант и Хрисипп, в согласии с природой, сообразно с разумом. Наслаждение не может быть целью жизни, оно лишь случайный побочный продукт правильной жизни, а иногда вступает с ней в противоречие. Мудрец о р г а н и з у е т свою жизнь таким образом, чтобы следовать естественному стремлению к добру и отвращению

от зла, преодолевать неразумные внутренние побуждения и внешние силы, мешающие жить согласно природе. Такая разумная жизнь, «созвучие души с самой собой во всей жизни» – это добродетель, идеал мудреца. Главных добродетелей четыре: разумение, благоразумие, мужество, справедливость. Все они означают знание: благоразумие означает знание того, чего следует добиваться, чего избегать, мужество – знание того, что страшно, что нестрашно и что безразлично, и т. д. При помощи в о л и и благодаря з н а н и ю мудрец оказывается выше житейских бурь и страстей.

Истинные блага, по учению стоиков, абсолютны, нет переходных ступеней и нюансов. Есть добродетели и пороки; все остальное – безразлично (ἀδιάφορα). Порок, как и добродетель, нельзя измерять; не бывает крупных и мелких пороков; человек одинаково захлебывается независимо от того, погрузился ли он на волос от поверхности воды или ушел на дно. Только добродетель полезна, это ее неизменное свойство; как огню свойственно жечь, а не охлаждаться, так благу свойственно приносить пользу, а не вред. А безразличное – адиафора – не полезно и не вредно, или может быть и полезным и вредным, или им можно воспользоваться хорошо и дурно; таковы жизнь, здоровье, удовольствие, красота, сила, богатство, слава, благородное происхождение и их противоположности – смерть, болезнь, страдание, позор, слабость, бедность, бесславие, низкое происхождение. Все это мешает разумной жизни согласно природе и должно быть преодоле-

но.

Добродетельной жизни мешают страсти – неразумные, извращенные «возмущения» души, идущие против природы, но их легко одолеть, так как они результат неправильного суждения и мнения; вожделение – преувеличенное представление об ожидаемом наслаждении, страх – преувеличенное представление о грозящей опасности. Мудрец, обладающий правильным знанием и твердой волей, бесстрастен. Конечно, и мудрец чувствует боль и даже стонет, так же как нельзя не мигнуть и не зажмуриться при взгляде на солнце или не чихнуть, когда что-либо попало в нос; но боль и другие физические страдания или наслаждения не определяют поведения мудреца. В конце концов, пожертвовав одной из безразличных вещей – жизнью, можно избавиться от страдания.

Мудрец рисуется у стоиков совершенством; только он свободен, только он обладает волей, только он знает, как жить, только он добродетелен. Все, что делает мудрец, правильно, даже если он делает то, что кажется постыдным, неприличным, незаконным; только мудрец может быть истинным пророком, поэтом, оратором, диалектиком, критиком. Эти так называемые «парадоксы стоиков» навлекали на них иной раз насмешки, так как образ жизни их, конечно, не мог совпадать с этим идеалом. Плутарх написал даже специальное сочинение «О противоречиях стоиков». Проповедуя идеал совершенства, не знающего компромиссов, стоики могли най-

ти почитателей, но не последователей, да и сами проповедники в своей личной жизни не следовали своим нормам морали. Пришлось сделать уступки и признать наряду с абсолютными добродетелями также «надлежащие», т. е. нечто приближающееся лишь к добродетели, идущее на пути к ней; таким образом, «безразличное» может получить некоторую положительную оценку; любовь к отечеству, дружба, преданность родным относятся к категории «надлежащего» или «подходящего». Между добродетельным мудрецом и порочным глупцом устанавливается, следовательно, промежуточная категория людей – «продвигающихся», живущих «подходяще» или «надлежаще», но не достигших мудрости.

Руководители школы: Зенон, Клеант, Хрисипп стояли вдали от политики, но не рекомендовали безразличия к общественной жизни. Напротив, поскольку они считали, что общество возникло не на основе договора, а естественно, «по природе», они считали необходимой активную политическую жизнь, «согласно природе», и учили в случае надобности переносить и страдания и смерть за отечество. В соответствии со своей теорией единства мира и мирового разума стоики отвергали сословные этнические различия и проповедовали космополитизм. Зенон рисовал себе идеал общества, организованного не по отдельным городам и селениям со своими отдельными законами, но так, чтобы все люди считались одним народом, согражданами, чтобы у всех был один строй жизни, один порядок. Эти идеи стоиков были

подготовлены общественными условиями жизни. Они явились результатом разложения полиса. Гражданин древнегреческого полиса чувствовал себя органически связанным с городом. Но город в эллинистическую эпоху потерял прежнее значение, не могли удовлетворить и эллинистические монархии. Оставалось обратиться к «ойкумене», мечтать о слиянии всех людей в один народ. Учение стоиков о равенстве людей по природе оказало влияние на христианство.

Еще более противоречива, чем мораль стоиков, их религия. В этом вопросе практика стоиков, их пропаганда, совершенно не соответствовали их физике. Поскольку в теории бог стоиков – это творческая сила, разум, пронизывающий материю и сам представляющий нечто материальное, то здесь, казалось бы, нет места ни для богов, ни для божественного промысла, ни для культа. Но вопреки пантеистической сущности своего учения о мире и его внутренних закономерностях, стоики путем хитроумной спекуляции и тончайших софизмов нашли возможным философски «обосновать» и веру в богов и демонов, и оракулы, и культ. Уже Зенон, наряду с определением бога как естественного закона, побуждающего идти по прямому пути, приписывает особую божественную силу звездам, временам года и в этом смысле толкует гесиодовскую «Теогонию». Все то, в чем с особой силой проявляется божественный разум, само может быть признано божеством. Персей, ученик Зенона, считал, что обожествлены изобретатели культурных благ и сами полез-

ные вещи. «Что может быть нелепее, – смеется Цицерон, – чем наделять божественными почестями грязные и безобразные вещи или людей, уже уничтоженных смертью?» Хрисипп расширил круг богов, причисляя к ним огонь, эфир, воду, землю, воздух, солнце, луну и планеты, а также людей, удостоившихся бессмертия. Существование богов стоики доказывали теми же аргументами, что и все богословы: во-первых, утверждали они, все люди верят в богов; значит, они существуют; во-вторых, мир прекрасен и целесообразен; следовательно, его должно было сотворить существо, которое гораздо лучше человека; а лучше человека, венца мироздания, может быть только бог. Человек строит прекрасное здание не для мышей, а для себя; следовательно, и мир создан для соответствующего его величию хозяина – бога. Стоики, правда, отвергали человекоподобие богов, но не видели ничего дурного в том, что народ представляет себе богов человекоподобными; в конце концов человек ближе всего к божеству.

Чтобы приблизить свое богословие к ходячим религиозным воззрениям, стоики усиленно применяли к толкованию имен богов свои привычные этимологии, объясняя, что Рея – это земля, ибо по ней течет (по-гречески ῥεῖ) вода, что Гера – воздух (по-гречески ἀήρ), Зевс – жизнь (по-гречески ζῆν – жить), и т. д. Таким путем они рассчитывали сохранить лицо философов и вместе с тем апробировать общепринятую веру в богов. Во второй книге о богах Хрисипп «пытается

приспособить побасенки Мусея, Орфея, Гесиода и Гомера к тому, что он сказал в первой книге о бессмертных богах. Так что даже древнейшие поэты, сами того не подозревая, оказываются стоиками». Так Цицерон смеется над Хрисиппом, но публика принимала все это всерьез.

Понятно, что проповедуя религию, стоики должны были сделать отсюда и дальнейшие выводы. Раз существуют боги, то существует и божественный промысел, направляющий всех к определенной цели. Хрисипп утверждал, что павлин существует ради красивого хвоста, комары для того, чтобы будить нас, мыши – чтобы мы учились аккуратно прятать провизию, и т. п.

Но, как известно, вера в провидение всегда приводит богословов к мучительному вопросу – как совместить с божественным провидением существование зла? Почему существуют войны, эпидемии, стихийные бедствия? На это Хрисипп отвечает: государства при избытке населения высылают колонию или затевают войну: так же боги устраивают иной раз кровопускание, чтобы избавить мир от избытка людей; в большом хозяйстве не без убытков. Наконец, и бедствия совершаются по законам природы, и с мировой точки зрения они могут быть полезны.

Следующим шагом после признания провидения было признание достоверности оракулов, гадания и вещих снов. Хрисипп собрал бесчисленное множество оракулов, в частности оракулами Аполлона он заполнил целый том. Конеч-

но, и здесь стоики изворачивались, пытаясь доказать «закономерность» прорицания и гаданий; но они могли таким образом обмануть неискушенного обывателя, а не философа или вообще образованного человека.

Вульгаризируя свою философию, стоики приобрели популярность. В вульгаризированной форме стоицизм получил широкое распространение и в виде идей о бессмертии души и воздаянии, об аскетической морали, о провидении был воспринят религиями эллинистическо-римского периода, особенно наиболее массовой религией – христианством.

Философия стоиков типична для периода упадка древнегреческого общества не только тем, что она выдвинула на первый план проблему совершенства индивидуума и постепенно отошла от великих задач философии классического периода, но и тем, к а к она решала поставленную проблему. В то время как классическая философия на очень скромной научной базе, значительно расширенной лишь Аристотелем, сумела дать ряд стройных философских систем, оплодотворивших философскую мысль последующих тысячелетий, стоики, имея богатое наследие прошлого и располагая значительными естественно-научными достижениями своего времени, в конце концов опустились до фидеизма, до веры в богов, в оракулы и сновидения, применяя для своего оправдания самую ухищренную софистику. В этике стоиков звучит еще отголосок прежнего идеала καλοκἀγαθία – идеала совершенного прекрасного мужа, который и на ат-

летических состязаниях, и в народном собрании, и на войне, и в театре являет образец мужественного, сильного, уверенного в себе гражданина. Но исчезли условия, в которых была возможна – хотя бы теоретически – реализация этого идеала. Поэтому мораль стоиков импонировала, но не могла стать нормой поведения даже для самих теоретиков и руководителей школы. В поисках популярности стоики все больше приноравливались к религиозным предрассудкам масс; от этого их философия потеряла свое лицо, не став, однако, массовой; даже в вульгаризированной форме философия не могла в то время стать массовой идеологией, и стоицизм не мог противостоять тому массовому движению, которое нашло свое выражение в христианстве.

Одним из выражений упадка античной философии был скептицизм, или пирронизм (по имени наиболее выдающегося представителя этого направления – Пиррона, жившего приблизительно в 360–270 гг.). И в предшествующей философии ставился вопрос о достоверности познания, но критика способности суждения имела целью поиски и нахождение критерия истины. Скептики отрицали самую возможность существования критерия истины; не сумев не только разрешить, но и поставить вопрос о соотношении между относительной и абсолютной истиной, они принципиально отказывались вообще от суждения и занимались лишь критикой. Ближайший ученик Пиррона Тимон Флиунтский, в отличие от ничего не писавшего учителя, составил много па-

родий в прозе и в стихах на виднейших древних философов.

Пиррон ничего не считал ни прекрасным, ни дурным, ни справедливым, ни несправедливым; все условно, люди поступают так или иначе только в силу обычая или закона; ни о чем нельзя утверждать, что оно скорее то, чем это. Скептики говорили: «Мы ничего не определяем». Они доходили до сомнения в самом скептицизме: само положение, что «ничто не может быть с большим правом признано существующим, чем не существующим», в свою очередь не может быть с большим правом принято, чем отвергнуто. Спорить с таким скептицизмом бесполезно, да он и не добивается истины; его цель – наилучшим образом устроить свою жизнь. Тимон говорил: кто стремится к блаженству, должен обратить внимание на три пункта: во-первых, что представляют собой вещи; во-вторых, как надо нам к ним относиться; в-третьих, каков результат нашего отношения к вещам. На первый вопрос Тимон вместе с Пирроном отвечает, что все безразлично, что ни чувства, ни разум не дают ни истины, ни обмана. Поэтому надо в о з -дер жи в ать ся от суждения. Конечно, говорили скептики, «мы знаем, что теперь день, что мы живем и многое другое; но в то время как догматики уверенно утверждают на основании рассуждения, мы воздерживаемся, считая все неясным; мы знаем только наши ощущения, мы признаем, что видим и мыслим, но не знаем, как мы видим и как мыслим… Я не утверждаю, что мед сладок, но признаю, что он мне кажется сладким». Кто сумел стать на

позицию ἐποχή, воздержания от суждения, тот достигает тем самым атараксии, безмятежности; ведь раз нет ни дурного, ни хорошего, ни красивого, ни бездарного и т. д., то нет и основания для тревоги. Правда, кой-какие неприятности навязываются и скептику – ведь он испытывает холод, голод и т. п. Но эти неприятности он воспринимает слабее; в то время как не-философ, кроме боли, страдает еще от сознания, что боль это несчастье, у философа этого сознания нет, и страдает он меньше. Таким образом, скептик видит идеал в атараксии по отношению к иллюзорному миру и в ослаблении навязываемых ему аффектов. Скептики, – читаем мы в «Немецкой идеологии», – сводили «теоретическое отношение людей к вещам… к *видимости*, а на практике все оставили по-старому, сообразуясь с этой видимостью точно так же, как другие сообразуются с действительностью; они только переменили название»[216].

Близки к доктрине скептиков были представители так называемой Средней или Новой академии. Средняя академия представлена одним Аркесилаем, но он по существу зачинатель Новой академии.

Аркесилай (глава Академии приблизительно с 276 до 241 г.), говорят, до такой степени считал недопустимыми категорические суждения, что ничего не писал, а вел лишь устные беседы; обладая необычайным даром слова, он старался не столько доказать свое мнение, сколько опровергнуть мнение

[216] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. IV, стр. 121.

противника. Особенно ополчилась Новая академия против стоиков; опровержение стоиков составляло главное содержание ее философской деятельности, и Карнеад, виднейший представитель Академии (приблизительно 215–124 гг.), перефразируя известное изречение о Хрисиппе, говорил о себе: «Если бы не было Хрисиппа, не было бы меня». Академики выступали против догматизма стоиков и их критика была убедительна; но они потеряли чутье к диалектике и потому не сумели построить положительное мировоззрение; догматике и метафизике следовало противопоставить диалектику, но академики могли предъявить лишь бесплодный скепсис.

Аркесилай указывал, что «каталептическое суждение», в котором стоики видели критерий истины, само нуждается в подтверждении. Стоики различают знание (истину) и мнение (ложное); истина познается путем каталептического суждения; но ведь все зависит от того, у к о г о это суждение появилось: если у мудреца, оно – знание; если у глупца, оно – мнение; таким образом, каталептическое суждение само требует критерия, которого не найти. Поэтому ничего не следует утверждать – ведь ничего нельзя знать, все субъективно, чувство очевидности не гарантирует достоверности воспринимаемого. Аркесилай все же находит возможным в практической жизни руководствоваться в е р о я т н ы м (εὔλογον) для правильной жизни и для достижения счастья.

Карнеад выступал не только против стоического, но и всякого критерия истины; ни разум, ни чувство, ни воображе-

ние не могут служить опорой при установлении истины; каждому положению, которое кажется истинным, можно противопоставить противоречащее ему другое, которое тоже кажется истинным. И разум, и понятия, и «каталептические» суждения в конечном счете связаны с ощущением, ложность и субъективность которого очевидны. Поэтому Карнеад рекомендует воздержание от суждения. Однако он не отрицает, как пирронисты, самую возможность истины и признает различные степени достоверности, категорию более или менее вероятного. Представление об истинности того или иного придает ему известную степень достоверности. Далее, связь, «сцепление» явлений, если они представляются нам согласованными, вытекающими одно из другого, дает нам еще большую степень вероятности. Наконец, суждения, сверх того еще проверенные, обладают достаточной вероятностью, которой можно пользоваться для создания блаженной жизни.

Скептическая Академия не была столь беспринципна, как пирронисты, у нее были известные традиции. Но критика бесплодна и догматична, если она не преследует положительных задач. А критика, которой занимались академики, исходила к тому же из субъективных представлений, из фактического отрицания не только объективной истины, но и объективного мира. При всем этом скептицизм Академии сыграл известную роль в расшатывании устоев догматической философии. Особенную ценность представляет критика религии в произведениях Карнеада. Несмотря на ее чи-

сто рассудочный рационалистический характер, она метко бьет по всякому религиозному мировоззрению, она опровергает идею целесообразности миропорядка, показывает внутреннюю противоречивость и нелепость представлений о бесконечности, вечности, благости, мудрости бога, отвергает мысль о творце вселенной.

В греческой философии эллинистического периода сказалось разложение классического типа рабовладельческого общества, что особенно ясно видно в дальнейших судьбах ее в период римской истории.

Те же причины, которые определили характер и содержание эллинистической философии, в еще большей степени повлияли на греческую религию. В религии классического периода нашла свою санкцию и наиболее общее отражение сама организация рабовладельческого общества. Греческая религия была крепко связана с полисом; все политические акты сопровождались обязательными для всех обрядами, вместе с тем религия греков сохранила еще прочные воспоминания о старых родовых связях. После реформы Клисфена в Афинах еще долгое время продолжали существовать родовые культы и родоплеменная организация культов. При проверке (докимасии) кандидата в архонты, по сообщению Аристотеля (Ath. pol. 55, 3), ему задавали вопрос «есть ли у него о т ч и й Аполлон и Зевс – защитник ограды, и где эти святыни». Правда, у греков был общий пантеон и общая мифология, поддерживаемая и закрепленная гомеровским эпо-

сом. Но каждый полис имел своего местного главного бога, считавшегося по преимуществу покровителем данного полиса; многочисленные эпитеты таких богов, как Зевс, Афина, Аполлон, скрывали по существу разных богов, объединяемых лишь общим именем. И мифы о богах складывались в разных городах по-разному; мифографы тщетно пытались согласовать мифы о богах и создать единую стройную систему мифологии. Кроме богов, которые (во всяком случае по имени) были общими у греков, каждый полис почитал местных полубогов – героев, считавшихся учредителями полиса (οἰκιστής, κτίστης), насадителями местной культуры, защитниками и покровителями.

Сам культ в античных религиях носил по преимуществу публичный характер. Особенно ясно это видно на примере Рима, где жрецы были магистратами, а гражданские магистраты в силу своей должности выполняли жреческие функции; даже домашний культ у римлян был строго регламентирован и тесно связан с принадлежностью верующего к гражданской общине. И в Греции общеэллинские святыни были связаны с племенными традициями и политическими учреждениями. Дельфийский оракул или Делосский храм Аполлона были институтами не в меньшей мере политическими, чем культовыми. Даже интимные элевсинские мистерии были прежде всего афинскими.

Религиозность древних греков классического периода при этих условиях имела свои специфические особенности. Она

в очень малой степени была направлена на внутренний мир человека. Формальное благочестие было скорее религиозным выражением политической благонадежности. Рабовладельческое государство давало рабовладельцу известную устойчивость – хотя лишь в узких рамках полиса – против гнетущих общественных сил. Это нашло свое отражение и в религии. Боги оставались, как и в период варварства, по преимуществу олицетворениями стихий природы и лишь во вторую очередь «представителями исторических сил». Греки классического периода не знали того духовного гнета, какой мы видим, например, в феодальной Европе. Религия не была господствующей формой идеологии. Процесс против Протагора и осуждение Сократа имели политическую подкладку. Рационалистическое объяснение и толкование мифов, критика религиозных учений и даже явный атеизм не встречали серьезного противодействия. Жизнерадостность и гармоничность, чарующие нас в греческом искусстве, гораздо более типичны для гражданина демократического полиса, чем питающие религию страх, угнетенность, беспомощность.

Все это коренным образом должно было измениться в результате упадка греческих полисов. «Все религии древности были первобытными племенными, а позднее национальными религиями, которые возникли из общественных и политических условий каждого народа и тесно срослись с ними. Раз была разрушена эта их основа, сломаны унасле-

дованные общественные формы, стародавнее политическое устройство и национальная независимость, то, разумеется, рушилась и связанная с ними религия»[217]. Но завоевание Греции Филиппом и Александром, разрушив старый жизненный уклад, не привело вместе с тем и не могло привести к образованию единого греческого народа; оно лишь привело к тому, что мелкие общественные коллективы лишились устойчивости, жизненной силы, перестали давать гражданам экономическую, политическую и идеологическую опору. В сфере религии это выразилось в значительных сдвигах как в представлениях о богах, так и особенно в религиозных настроениях, переживаниях, чувствах.

Уже в классический период истории Греции политеизм вызывал протесты со стороны выдающихся мыслителей; они отвергали если не богов вообще, то во всяком случае антропоморфных богов и выдвигали идеи монотеизма. Но эти идеи были уделом небольшого круга философов и поэтов и практически оставляли в неприкосновенности традиционную религию, коренившуюся в самом строе общества. Созданная Александром мировая держава, хотя и распавшаяся вскоре, прорвала рамки ограниченного религиозного мышления греков. Эллины столкнулись и отчасти слились с народами другой, подчас довольно высокой культуры. Деление людей на эллинов и варваров оказалось несостоятель-

[217] Ф. Энгельс. Бруно Бауэр и раннее христианство. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 607.

ным. Новые идеи все больше разлагают пришедшую в упадок гражданственность. В области религиозной намечается реакция против узости, ограниченности старых богов, получает широкое распространение представление о едином всемогущем боге, владыке неба и земли. Стоики своими аллегорическими толкованиями мифологических образов содействуют распространению в массах этого представления, притом сами стоики позаботились о вульгаризации своих философских идей, чтобы открыть им доступ в широкие круги.

Одновременно с ростом новых идей идет разрушение старых. Старые боги все больше дискредитируются; чтобы сохраниться, они должны подвергнуться освежающей, омолаживающей прививке восточных культов. Прежний упорядоченный мир богов с точным распределением функций, с раз навсегда установленной формальной обрядностью уже не соответствует тому хаосу случайностей, которые теперь господствуют над человеком в его обыденной жизни. Неудивительно, что «судьба» – Тихе, Фортуна приобретает характер всемогущего божества. Позднее Плиний красочно рисует роль, приписываемую слепой судьбе: «Во всем мире, во всех местах и во все часы все голоса призывают и называют одну Фортуну, ее одну обвиняют, только ее тянут к ответу, только о ней думают, ее одну хвалят, ее одну винят, ее ругают и чтут; она превратна, многие ее считают даже слепой, она непоседлива, непостоянна, неверна, изменчива, покровительствует недостойным. На ее счет относят все убытки и

прибыли, и в счетной книге смертных она занимает обе страницы. Мы до такой степени подчинены судьбе, что она сама считается божеством» (NH, II, 22). Тихе имела свой культ и свои храмы (Τυχαῖον).

Новое положение вещей требовало новых и иных богов. Отчасти таких богов греки нашли на Востоке. Народы Востока, которых греки третировали как варваров, предстали теперь перед ними как народы с высокой материальной и духовной культурой, имевшей тысячелетнюю давность, и с религиями, способными дать ответ на запросы, выдвинутые новой обстановкой. Поэтому восточному влиянию подверглась больше всего эллинистическая религия.

На Востоке по преимуществу были созданы, в частности, формы перехода к монотеизму. Здесь существовала уже монотеистическая иудейская религия. Роль иудаизма в эллинистических религиях обычно недооценивается, а она была, несомненно, велика. Иудейский монотеизм утвердился и окреп в диаспоре, в местах поселения иудеев вне Палестины. Благодаря смешению и общению с чужаками, иудеи диаспоры, находясь вдали от своего культового центра в Иерусалиме, неизбежно стали пренебрегать многими обрядами, а в своих воззрениях на своего бога Ягве преодолели представление о нем как об исключительно еврейском боге, стали видеть в нем единого бога вселенной. В греческом переводе библии, сделанном в середине III в. до н. э., даже отсутствует собственное имя Ягве, замененное всюду безличным

«господь» (Κύριος). Самый факт перевода библии для богослужебных потребностей синагоги на греческий язык свидетельствует об эллинизации иудаизма, и это облегчило пропаганду иудейского монотеизма.

Что эта пропаганда имела успех, видно хотя бы из того, что в начале н. э. количество иудеев составляло около 4–4½ миллионов, тогда как в Палестине их было вряд ли больше 700 000. Численность иудеев нельзя объяснить только естественным приростом; в какой-то мере мы здесь имеем прирост в результате прозелитизма, присоединения к иудаизму людей иной веры. Дион Кассий (XXXVII, 17) прямо указывает, что прозвание «иудеи» прилагается «и к другим людям, которые придерживаются их обычаев, хотя и принадлежат к другой народности». Иосиф Флавий не раз пишет о том же; многие из эллинов «охотно приняли наше вероучение»; в Антиохии иудеи, «привлекая к своей вере множество эллинов, сделали и этих последних до известной степени составной частью своей общины» (Bell. Iud. VII, 3, 3).

Однако та обрядность, которой придерживались иудеи в диаспоре – обрезание, пищевые запреты, правила ритуальной чистоты – препятствовала переходу эллинов в иудейскую веру. Многие примыкали к ней идейно, не переходя в нее формально; их называли σεβόμενοι, «богобоязненные». Только христианство, окончательно отказавшись от иудейской обрядности, утвердило господство иудейского Ягве в качестве бога-отца. Но идейное влияние иудейской религии

на выработку монотеистических воззрений эллинистического периода не подлежит сомнению.

Стремление прорвать ограниченность устаревших племенных религий и создать новую религию, более соответствующую обширным экономическим, политическим и культурным связям, в частности взаимопроникновению культур Запада и Востока, выразилось в перенесении атрибутов многих богов на одного какого-либо бога, часто восточного. Таким путем вообще возникал монотеизм.

Перенесение атрибутов многих богов на одного «всебога» (πάνθεος) принимало различные формы. В изобразительном искусстве оно выражается в изображении, например, Афродиты в головном уборе Исиды, или Зевса с рогами египетского Амона, или в изображении на монете каппадокийского царя Фарнака (начало II в. до н. э.) бога Мена с атрибутами и символами многих богов. В области мифотворчества мы видим, наряду с нелепыми этимологиями и аллегорическими толкованиями стоиков, всевозможные спекуляции, основанные на именах богов. Особенно в этом отношении заманчиво было имя лесного бога Пана, так как по-гречески означает «всё». Уже в гомеровском гимне говорится: «Паном прозывали его, ибо душу он всем услаждает». Позднее пытались превратить Пана в бога вселенной.

Но Пан играл в культе слишком незначительную роль, чтобы его можно было сделать «всебогом». Другое дело – великие боги, авторитет которых был укреплен многовеко-

вой традицией. В орфических гимнах встречалась формула: «един Зевс, един Аид, един Гелиос, един Дионис». Эти боги имели больше шансов стать единственными. Все верховные боги Востока отожествлялись с Зевсом, даже иудейский Ягве. Гелиос получил эпитет «всезиждителя». Асклепия греки видели во всех богах-целителях, которых они находили у народов Востока.

Но наибольший успех выпал на долю богини Исиды. Она «многоименная», «мириадоименная», ей молятся: «сниди ко мне, богиня богов». На храме Исиды в Саисе было начертано: «Я – все, что создано, все, что есть и что будет». Многочисленные гимны в стихах и в прозе увековечивались в надписях, на статуях и алтарях. Один такой гимн найден недавно на Андросе. В опубликованной в 1927 г. надписи некоего Деметрия из Магнесии на Меандре мы имеем полностью текст прославления Исиды, списанный, по словам Деметрия, со стелы в Мемфисе[218].

«Я – Исида, владычица всякой земли; воспитана Гермесом и вместе с Гермесом изобрела письмо священное (иероглифическое) и демотическое письмо, чтобы не писали всего одними и теми же знаками. Я положила людям закон, и что я положила, никто не может изменить. Я – старшая дочь Кроноса. Я – жена и сестра царя Осириса. Я та, кто изобрел для людей земледелие. Я – мать царя Гора. Я та, кто у жен прозвана божеством. Я та, кто восходит в созвездии Пса.

[218] REG, 42, 1929, стр. 138 сл.

Мне построен город Бубастис. Я отделила землю от неба. Я указала пути звездам. Я установила движение солнца и луны. Я изобрела морское дело. Я утвердила силу справедливости. Я свела жену с мужем. Я установила, чтобы женщина рождала на свет дитя на 10-й месяц. Я положила, чтобы родители любили детей. Я установила наказание для родителей, не знающих любви. Вместе с братом Осирисом я положила конец людоедству. Я указала людям таинства. Я научила почитать статуи богов. Я соорудила священные храмы богов. Я сокрушила власть тиранов. Я сделала необходимым, чтобы мужья любили жен. Я сделала справедливость ценнее золота и серебра. Я установила, чтобы истина считалась прекрасной. Я изобрела брачные контракты. Я установила языки для эллинов и варваров. Благодаря мне различают по природе прекрасное и постыдное. Благодаря мне нет ничего страшнее клятвы. Несправедливо строящего козни другим я отдала во власть обижаемым. Я налагаю кару на поступающих несправедливо. Я законоположила милосердие к просителям. Я защищаю справедливо обороняющегося. У меня справедливость торжествует. Я владычица рек, ветров, моря. Никто не прославляется без моего решения. Я распоряжаюсь молнией. Я распоряжаюсь войной. Я укрощаю и вздымаю волны моря. Я нахожусь в лучах солнца. Я сопровождаю солнце при его движении. Все, что я решу, свершается. Мне все подобает. Я освобождаю узников. Я владычица мореплавания. Я делаю судоходное несудоходным, когда мне угодно.

Я создала ограды городов. Я – та, которую называют законодательницей. Я вывела острова на свет из бездны. Я распоряжаюсь дождем. Я побеждаю судьбу. Судьба послушна мне. Радуйся Египет, взрастивший меня».

Мы видим, какое разнообразие функций присвоено Исиде. Эллины находили в ней свою Селену, Деметру, Афродиту, Геру, Ио и других; она и владычица моря и госпожа преисподней, великая целительница и подательница плодородия. Как царица небесная, властительница неба и земли она пользовалась почитанием на протяжении всего культурного мира античности. Многочисленные памятники культа Исиды археологи находят от Сирии до Бельгии, от Нубии до Балтийского моря. Еще в VI в. н. э., после окончательного подавления язычества, существовал храм Исиды. Христианство сумело вытеснить Исиду лишь тем, что перенесло ее функции на деву Марию, переименовало ее храмы в честь христианских святых и стало списывать иконы богоматери с изображений Исиды с младенцем Гором. Исида была искони почитаемая великая богиня Египта, что должно было облегчить расширение ее функций и распространение ее культа.

Иной характер имело новое божество, возникшее на египетской основе по инициативе египетского царя Птолемея Сотера; это – Сарапис (в римскую эпоху его называли Серапис). Учреждение культа Сараписа было продуманным политическим актом, которым Птолемей I хотел объединить в одном культе египтян и эллинов, завоевавших Египет, и

распространить влияние свое за пределы Египта. Создание культа Сераписа было окружено легендами, сохраненными у Тацита (Hist. IV, 83) и Плутарха (de Is. et Os. 361f).

Устанавливая новый культ, Птолемей привлек в качестве советников и экспертов гелиопольского жреца Манефона и элевсинца из рода Евмолпидов Тимофея. Речь шла об организации культа Сераписа таким образом, чтобы он привлекал и египтян и эллинов.

В мемфисском храме Осириса существовал культ Аписа, ставшего после своей смерти Осирисом; этот Осирис-Апис, или Осорапис, был богом подземного царства, богом-целителем, подателем плодородия и всяких благ; в вещих снах он давал предсказания; он даровал спасение верующим. Греки могли узнать в нем ряд своих богов – Плутона, Зевса, Диониса, Асклепия, Гелиоса, Посейдона. И вот под именем Сераписа это божество Осорапис было объявлено верховным богом Египта. Для египтян в этом не было ничего нового; ведь и раньше бог главного города был верховным богом, как, например, фиванский Амон.

Сарапису был сооружен в греческом стиле храм в Александрии. В новом храме была установлена статуя бога, работы афинского скульптора Бриаксея. Она ничем не напоминала египетских богов со звериными головами и звериными атрибутами. По дошедшим до нас многочисленным копиям, Сарапис Бриаксея был выдающимся произведением эллинского искусства. Мужественно красивый, с светлым взором

и властными чертами, он должен был импонировать эллинам. У ног Сараписа – Цербер, символ власти бога над душами умерших, на голове у него калатос (мерка для плодов), символизирующий его роль как бога плодородия. Во главе культа стоял жрец грек, храмом заведывал неокор, тоже грек. Многочисленный штат пэанистов составлял гимны новому богу, а специалисты ареталоги восхваляли в стихах и в прозе деяния его. Пэаны в честь Сараписа написаны были между прочим философом Деметрием Фалерским.

Птолемей принимал меры к внедрению культа Сараписа в Египте и вне Египта. Официальная присяга давалась от имени «Сараписа, Исиды и прочих всех богов и богинь». Исида была парой Сараписа, поскольку она была женой и сестрой Осириса, тожественного с Сараписом. Вместе с Исидой Сарапис представлялся как владыка вселенной, дарующий власть земным царям; «да даст он тебе вместе с Исидой победу и власть над всей вселенной», читаем мы в одной надписи.

Первое сообщение о культе Сараписа вне Египта мы имеем уже от 308–306 гг. Это – надпись в Галикарнасе (OGIS 16): «На благо Птолемея, спасителя и бога, воздвигла этот храм Сарапису и Исиде Арсиноя под руководством храмоздателя Херемона». Птолемей добился сооружения храма Сарапису в Афинах. Агафокл, женясь на падчерице Птолемея, ввел культ Сараписа в Сицилии.

На Делосе найдена интересная надпись, свидетельствую-

щая о том, как был занесен культ Сараписа туда еще в начале III в. (UPZI, стр. 84). Автор надписи, Аполлоний, унаследовал от отца Деметрия небольшое святилище Сараписа. Деметрий в свою очередь получил это святилище в наследство от своего отца, который привез из Мемфиса статую бога. Но вот Сарапис в сновидении приказал Аполлонию приобрести для святилища собственное здание вместо наемного помещения, в котором оно находилось. Аполлоний воздвиг Сарапису храм возле рынка и был за это привлечен к суду. Но чудесное вмешательство Сараписа привело к посрамлению судей и торжеству Аполлония. Далее следует изложение той же истории в 65 гекзаметрах, написанное специалистом ареталогом Мацистой. Надпись составлена около 200 г. до н. э. Но так как отец Аполлония умер 61 г. от роду, а дед – 97, то можно считать, что основание святилища Сараписа на Делосе относится к первой половине III в.

На Кипре, по сообщению Макробия (Sat. I, 20, 17), царь Никокреонт учредил культ Сараписа еще в 312 г.

Вообще Сарапис быстро завоевывал все более обширный круг почитателей во всем эллинистическом мире и долго потом держался против самого сильного конкурента – христианства. Отожествленный с Зевсом, Сарапис имел много шансов стать тем единым богом, которого требовали условия того времени. «Един Зевс Сарапис» – эта формула в Римской империи имела широкое распространение.

В храме Сараписа в Мемфисе, как видно из дошедшей до

нас группы папирусов III в. (UPZI, 25 сл., 77 сл.), а позднее в других храмах, существовала организация κάτοχοι, вызвавшая у современных исследователей длительный спор. Как показали исследования Вилькена (UPZI), то были лица, поступавшие по указанию бога (в сновидении) в качестве послушников в храм Сараписа; связанные обетом, они не могли покинуть ограды храма, пока не получат от Сараписа и его жрецов соответствующего указания. Некоторые из этих «задержанных» пребывали в храме десятки лет; хотя они не оставляли своих мирских работ и сносились лично и путем переписки с родными и близкими, но считались «задержанными» Сараписом, выполняя роль низших священнослужителей и всякого рода послушания, налагаемые храмовыми жрецами. Институт κάτοχοι интересен тем, что он является зачатком монастырского жития и, главное, свидетельствует об интимности отношения верующего к своему богу, чего античная религия классического периода, как правило, не знала.

Тенденция к объединению культов выражалась в изменении представления и о незначительных божествах. Так, Немезида в надписях из Смирны называется «великой богиней», «величайшей царицей вселенной». Все больше выдвигаются чисто отвлеченные божества, благие и злые – Мор, Гордыня, Добродетель, Здоровье, Бесстыдство; в орфическом гимне встречается даже богиня Природа (Φύσις).

Перенесение атрибутов многих богов на одного бога не

означало забвения старых богов; они сливались, сращивались, теряя свою индивидуальность, но не сходя вовсе со сцены. Такое слияние культов, синкретизм[219], типично для эллинистического периода. Бесчисленные надписи и изображения свидетельствуют о самых причудливых сочетаниях разнородных культов. В надписи коммагенского царя Антиоха I (OGIS 383) мы находим, например, «небесные троны Зевса Оромазда» и сочетания: Аполлон–Митра–Гелиос–Гермес и Артагн–Геракл–Арес. Весьма часто мы встречаем богов, имеющих общий храм (σύνναοι – «сохрамные») или алтарь– «соалтарные»). Так, например, в надписи 136 г. до н. э. (OGIS 13), мы читаем: «во имя царя Птолемея и царицы Клеопатры, сестры его, богов благодетелей, богу величайшему Гермесу, он же Паонтнуфис, и сохрамным богам». Спасшийся от какой-то опасности делает посвящение на Делосе Сарапису, Изиде, Анубису и Аполлону – θεοῖς συννάοις (Syll.^{3} 130).

Однако ни синкретизм, ни попытки выделить из сонма богов единого бога путем перенесения на него атрибутов других богов не привели к созданию единой религии. Монархия Александра Македонского и возникшие после ее крупные государства разрушили старый жизненный уклад, но не создали ни единого народа, ни единой «мировой» экономики, ни единой культуры. Старые формы продолжали существо-

[219] Плутарх объясняет слово «синкретизм» как обозначение союза враждующих между собой критян в борьбе против общего врага.

вать наряду с новыми, обособленность и ограниченность этнических, политических и культурных единств не была преодолена. И потребность в одной религии и возможности для ее создания путем полного слияния эллинских и восточных культов не были достаточны для уничтожения сложившихся веками религий. Только в Римской империи, представлявшей конечный этап государственных объединений античности и доведшей нивелирование всего населения тогдашнего мира до крайних возможных пределов, стала возможной единая мировая религия как дополнение к мировой империи. Этой религией было христианство, которое было в значительной мере подготовлено в эллинистический период.

Эллинистическую религию характеризуют не только нового типа боги, но и новое отношение к ним. Верующий ждет от богов не только материальных благ, но и духовного освобождения, нравственного возрождения. Интересна в этом отношении надпись некоего Дионисия из Филадельфии в Лидии конца II в. до н. э. (Syll.^{3} 985). Надпись посвящена богине Агдистис. Это – одна из разновидностей многоименной великой матери богов и людей, Кибелы. Фригийская Великая мать Кибела без труда слилась с эллинской, которой был воздвигнут храм (Ἰητρῶον) в Афинах. Культ Великой матери (Кибелы, Реи, Ма, Magna Mater) широко был распространен в тогдашнем цивилизованном мире – на Западе и на Востоке.

Благочестивый почитатель Агдистис сообщает в своей

надписи, что получил в сновидении указание расширить святилище богини, установив там алтари 12 богов – Зевса Милостивого, Гестии и других спасителей, Плутона, Ареты (добродетели), Гигиеи (здоровья), Счастливой доли (Ἀγαθὴ τύχη), Агатодемона (доброго гения), Мнемы (памяти), Харит (граций), Ники. Этот перечень сам по себе характерен: здесь и старые боги, и отвлеченные божества, и боги-спасители, притом все они σύνναοι (сохрамники). Главное же, что здесь мы имеем новое представление об отношениях между богами и верующими. Дионисий рассказывает, что Зевс в сновидении дал ему заповеди, обязательные для мужчин и женщин, для свободных и рабов. Вступающие в храм должны дать торжественное заверение, что они нравственно исправились, что они впредь не будут совершать преступлений, не будут сообщниками преступников, что будут строго держаться правил нравственного поведения. Кто будет соблюдать эти заповеди, того возлюбят боги. Здесь, таким образом, участие в культе связывается с моральными обязательствами, а наградой за благочестие оказывается не материальное благо, а любовь богов, близость к ним.

Растерявшийся в хаосе событий, над которыми он больше не властен, страдающий от обострившейся классовой борьбы, войн и разорения, эллин искал прибежища в общении с божеством, чтобы в религиозном экстазе, в торжественном ритуале таинств найти отдохновение от житейских бурь, утешение в сознании, что лишившись опоры на земле, он может

обрести нерушимое блаженство в ином мире, на лоне божества.

Старинные греческие мистерии приобретают все больше сторонников. Однако они не могли удовлетворить всех жаждущих спасения. Элевсинские Мистерии Деметры были прочно связаны с Элевсином; кто хотел стать их участником, должен был прибыть туда для посвящения. Мистерии Диониса не были связаны с определенным местом и потому получили большее распространение. В частности, сохранился указ Птолемея Филопатора, регулирующий дионисиевы мистерии в Египте, а Ливий (XXXIX, 18–19) подробно рассказывает о громком процессе в Риме в 186 г. до н. э. в связи с вакханалиями. Но и дионисиевы мистерии были для греков давно привычным религиозным установлением, связанным с уже отошедшими в прошлое условиями жизни. Гораздо более привлекательными и импонирующими были восточные мистерии Исиды, Кибелы, Митры и др., которые воздействовали на посвященных своими пышными церемониями, таинственными обрядами, длительными искусами, аскетическими упражнениями, правилами ритуальной чистоты, разнообразием степеней посвящения, теми духовными благами, которые сулило божество. Содержание этих мистерий известно главным образом по позднейшим источникам.

Римский писатель первой половины II в. н. э. Апулей, посвятившийся в мистерии Исиды, сохранил нам подробный рассказ об этом знаменательном событии. Герой рома-

на Апулея в крайней нужде взывает к Исиде: «…как бы ты ни именовалась, каким бы обрядом, под каким бы ликом ни надлежало чтить тебя – в последних невзгодах ныне приди ко мне на помощь, судьбу шатающуюся поддержи, прекрати жестокие беды, пошли мне отдохновение и покой». Исида является ему: «Вот предстаю я тебе, твоими тронутая мольбами, родительница вещей природных, госпожа всех элементов, предвечное, довременное порождение, верховная среди божеств, владычица душ усопших, первая среди небожителей, единый образ всех богов и богинь, мановению которой подвластны свод лазурный неба, моря целительное дуновение, оплаканное безмолвие преисподней. Единая сущность моя под многообразными видами, различными обрядами, под разными именами чтится вселенной. Там фригийские перворожденные зовут меня Пессинунтской матерью богов, тут аттические прирожденные насельцы Минервой кекропической, здесь приморские кипряне Венерой Пафийской, критские стрелки Дианой Диктинской, троязычные сицилийцы Стигийской Прозерпиной, элевсинцы Церерой, древней богиней, одни Юноной, другие Беллоной, те Гекатой, эти Ремнузией… Предстаю я, твоим бедам сострадая, предстаю я милостивая и скоропомощная. Прекрати плач и жалобы, отбрось тоску, по моему соизволению начинается для тебя день спасения».

Далее описывается процессия Исиды. Впереди идут ряженые. За ними женщины, блистая чистыми покровами, радуя

глаз разнообразными уборами, украшенные весенними венками. Они разбрасывают цветы, окропляют улицы благовонными маслами. Большая толпа с факелами, свечами, фонарями сопровождает шествие, прославляя в гимнах великую богиню под звуки свирелей и флейт. Затем появляются посвященные в таинства Исиды, одетые в сверкающие льняные одежды белого цвета, а за ними высшие служители таинств; каждый из них несет какой-нибудь священный предмет; наконец, появляется шествие самих богов, драгоценные статуи которых несут самые близкие к богине жрецы. Процессия направляется к морю, где совершается обряд очищения, и в море пускают посвященную Исиде драгоценную барку.

Перед посвящением в таинства Исиды Апулей проходит ряд искусов под наблюдением жреца. Настал, наконец, желанный день. Жрец облачил посвящаемого в плащ из небеленого полотна и ввел его в святая святых.

Сущность самого таинства держалась в тайне. Апулей пишет довольно туманно: «Достиг я предела в смерти, переступил порог Прозерпины и снова вернулся, пройдя все стихии, в полночь видел я солнце в сияющем блеске, предстоял богам подземным и вблизи поклонился им».

Надо думать, что таинство заключалось в том, что посвящаемый как бы умирал и вновь возвращался для новой жизни. Прошедший посвящение называет себя «вновь родившимся в вечность» (in aeternum renatus).

В процессии Исиды несли драгоценный сосуд, скрывав-

ший «глубочайшим молчанием неизреченную сущность высокой веры». В элевсинских мистериях также фигурирует священный ларец. Сохранилась священная формула, которую произносил посвящаемый: «Я постился, выпил кикеон, взял из ларца, совершив действие, положил в коробку, из коробки в ларец». Сохранились многочисленные изображения ларца и коробки, но что именно в них хранилось и какое действие совершал посвящаемый, – не совсем ясно. На гробнице на Священном острове на Тибре изображена вакхическая сцена. Здесь изображен Вакх, у его ног ларец с надписью mysterion. Эти ларцы, коробки, урны, прообразы христианской дарохранительницы, заключали, вероятно, предметы, применение которых символизировало новое рождение посвящаемого и его близкое единение с божеством. Иногда это единение представлялось в виде причащения плоти и крови божества, иногда в виде полового сближения.

Одним из самых торжественных моментов культа Исиды был праздник страстей Осириса. Согласно древнеегипетскому мифу, Осирис был умерщвлен злым богом Сетом, а его тело – изрезано в куски. Безутешная Исида оплакивала своего брата-супруга, затем разыскала его останки и вновь его оживила. Этот миф, некогда воспринимавшийся как ежегодное умирание и воскресение растительной жизни, теперь инсценировался в виде мистерии, дарующей посвященным бессмертие. Выставлялась плащаница Осириса, женщины ее оплакивали. Затем начинались поиски тела умершего бога;

его конечно «находили», и тогда толпа верующих с радостными возгласами: «Мы нашли, возрадуемся» в бурном восторге предавались веселью в храмах и на улицах.

Смысл воспроизведения «страстей» Осириса указан еще в древнеегипетских заупокойных текстах. «Как верно то, что жил Осирис, так и он (покойник) будет жить. Как Осирис не умер, так и он не умрет. Как Осирис не погиб, так и он не погибнет». Участие в таинстве Исиды и Осириса должно было дать верующим бессмертие. Это же воззрение мы находим и в I посл. к коринфянам: «если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша».

Аналогию таинствам Исиды и Осириса дает культ уже упоминавшейся Великой матери, фригийской Кибелы. Культ этот носил экстатический характер. В колеснице, запряженной львами, богиня в реве бури мчалась по земле, горестно оплакивая смерть своего возлюбленного Аттиса. Толпы народа в бешеном беге носились по горам и лесам под звуки оглушающей музыки, флейт, барабанов, кастаньет. В экстазе они наносили себе кровавые раны, многие оскопляли себя. Позднее оргии Кибелы приняли более спокойный характер. В день весеннего равноденствия 23 марта в храме выставляли ствол пинии, завернутый в пелены, как покойник. Назначался строгий пост, все предавались печали. «В некую ночь, – сообщает поздний римский автор, – кладут на ложе навзничь изображение и группами поочередно оплакивают его. Затем, когда все насытятся притворным плачем,

вносят свет: тогда жрец помазывает всех, кто плакал, а совершив помазание, жрец медленным шепотом произносит: воспряньте, мисты, бог спасен и вам спасенье будет от трудов». После этого начинаются радостные клики и ликование.

Понятно, эти мистерии и подобные им не получили всеобщего распространения. Сама идея бессмертия души и загробного блаженства не пустила глубоких корней; «древние были слишком стихийно материалистичны, чтобы не ценить земную жизнь бесконечно выше царства теней; у греков загробная жизнь считалась скорее несчастьем»[220]. В греческих надгробных надписях часто выражается сомнение в загробной жизни. В надписи Пирра, сына Агафокла, в Фессалии (III в.) мы читаем (IG IX, 2429): «если бы было возможно, чтобы хорошие люди возвращались, ты явился бы на свет, покинув подземные залы Персефоны». Часто надгробные надписи начинаются так: «е с л и есть что-либо (после смерти)» (CIG 6442), «е с л и под землей есть награда праведникам» (Kaibel 48; 61); «е с л и у умерших есть какое-то чувство» (там же 700); «е с л и есть какое-либо сознание во владениях Тартара или Леты» (там же 722); «е с л и благочестивый род живет после окончания жизни» (Anthol. VII, 673). Трафаретны стали формулы: «Меня не было, я стал, меня не будет; меня это не тревожит: такова жизнь» (Kaibel 1117 и др.); «Играй, наслаждайся, живи; придется тебе уме-

[220] Ф. Энгельс. К истории раннего христианства. К. Маркс и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 423.

реть» (там же 439 и др.).

Но стихийный материализм греков выветривался в житейских бурях, порождавших беспомощность, бессилие и отчаяние в наступлении лучших времен в этой жизни. Жажда загробного блаженства и вера в бессмертие души к концу эллинистического периода стали всеобщими. Этому содействовали пропаганда стоиков, более близкое знакомство с восточными религиями, персидской и иудейской эсхатологией.

Одним из плодов сочетания эллинизма с восточными религиями был расцвет астрологии. В древности астрология неотделима от астрономии; но ее религиозный характер сказывается в том, что планеты рассматриваются как боги, как существа сверхъестественные, способные действовать по своему соизволению. Поэтому они требуют культа; им молятся, им приносят жертвы. Венера ведь не просто планета, а и богиня любви. Марс совершает свой путь по небу согласно установленному порядку круговращения светил; но он вместе с тем бог войны. Планеты и отвлеченные эоны (века), годы, часы – такие же божества, как и само солнце, за видимостью которого и закономерностью движения скрывается величайшее божество. Если астрологи пытались как-то обосновать свои теории и базирующиеся на них предсказания, то в массе астрология была верой в чудодейственную сверхъестественную силу небесных светил; от них ждали не только указания будущей судьбы, но устранения этой судь-

бы. Они тоже каким-то образом участвовали в очищении души для достижения бессмертия. Поднимаясь к небу, душа постепенно оставляет на своем пути через планеты налипшую на нее нечисть и становится, таким образом, богоподобной (ἰσόθεος). Неведомый стихотворец видит даже в самом познании звездного мира путь к бессмертию (Anthol. IX, 577): «Я знаю, что я смертен и недолговечен. Но когда я исследую умом извилистые пути светил, я уже не касаюсь ногами земли, но насыщаюсь богопитающей амброзией у самого Зевса». С течением времени астрология приобрела более прочные позиции и заняла центральное место в богословских спекуляциях гностиков.

Греческая религия, не имевшая своего богословия, была основана на предании, зафиксированном в поэмах Гомера и Гесиода, в многочисленных памятниках искусства. В поэмах Гомера греки видели не только поэтические мифы, но и историю, точно так же как впоследствии миллионы людей видели в библейской мифологии историю мироздания и человечества. Пока был прочен общественный строй греческих полисов, критика предания в трудах философов не могла пошатнуть устоев веры, зиждившихся на предании. В эллинистический период мифология перестает удовлетворять верующего. Ее время прошло. Поэтому критика религии в произведениях скептиков Новой академии и пирроновой школы подтачивала лишившуюся почвы старую веру, чему содействовали и аллегорические толкования мифов стоиками. В

III в. появляется рационалистическая теория Эвгемера, толкующего богов как обожествленных людей и сводящего мифы о богах к земной биографии. В качестве источника веры и религиозных исканий выдвигается теперь не предание, а личное откровение.

И здесь верующие находят опору в восточных религиях. В результате очищений и аскетических искусов, в оргиастических обрядах, в состоянии экстаза верующий получает видения, вещания, обретает дар пророчества, сливается с божеством, непосредственно открывающим ему путь спасения. Если верующий сам не удостоился откровения, это значит, что он еще не достиг необходимого совершенства; но он может его достигнуть. Во всяком случае он знает, что его собратья, достигшие высших степеней посвящения, получили и получают откровения и сообщают их своим единоверцам. Так в эллинистической религии появляется богословское понятие откровения, занявшее в последующих религиозных воззрениях центральное место.

Странным и трудно объяснимым на взгляд позднейших поколений представляется культ царствующих особ, появляющийся в эллинистических государствах. Но с точки зрения даже эллина, не говоря уже об эллинизированных восточных народах, в этом не было ничего из ряда вон выходящего. Что в выдающемся человеке обитает некий божественный гений, представлялось грекам чем-то почти само собой разумеющимся. Платону его последователи воздавали божеские по-

чести, и это никого не смущало. И если Александр Македонский без труда добился божественного поклонения еще при жизни, то это было лишь выражением преклонения перед гением этого завоевателя. Конечно, притязания Александра многим представлялись чрезмерными и смешными. Плутарх передает анекдот, что, когда спартанский царь Дамид получил предписание установить культ Александра, он сказал: «Позволим Александру, раз он хочет этого, быть богом». Диоген Лаэртский рассказывает о кинике Диогене (VI, 63), что когда было постановлено признать Александра Дионисом, Диоген воскликнул: «сделайте и меня Сараписом». Да и сам Александр, вероятно, видел комическую сторону своего обожествления, о чем в древности ходили всякие анекдоты. Но политически это был продуманный акт, который должен был не только утвердить авторитет Александра как преемника персидского царя царей, но и объединить в едином культе все многообразное население его огромной державы.

На Востоке культ царей уходил корнями в глубокую древность, когда деспот был воплощением общины, и его обоготворение означало обоготворение самой общины. В рассматриваемый период к старой традиции присоединились новые причины, порождавшие веру в божественность царей. Переходом к этой вере была жажда прихода «спасителя», который при помощи божественной силы принесет людям спасение. Именно «спаситель» – «сотер» – был главным эпитетом обожествленного царя. В отчаянии люди возлагали надежды

на божьего посланника, который и сам обладал божественной силой. Эти надежды на чудесную помощь от божьего помазанника (mešiach по-арамейски, χριστός по-гречески) все больше утверждались в иудейской религии; мессианизм принимал здесь самые разнообразные формы в зависимости от социальной среды и от конкретных исторических условий. Еврейская апокалиптическая литература (главным образом на греческом языке) дошла до нас в сравнительно большом количестве; о чисто греческой сведения весьма скудны, и трудно сказать, в какой мере еврейское влияние отразилось в мессианских, сотериологических чаяниях народных масс в эллинистических странах. Но во всяком случае эти идеи окрашивают крупнейшие социальные движения масс: сицилийские восстания рабов, восстание Аристоника. Философские политические идеи в массах могли получить в условиях того времени религиозное преломление. Что же касается собственных политических идей, выдвигавшихся массами в процессе их классовой борьбы, о них наши источники молчат. Но жажда прихода спасителя и небесного мстителя, несомненно, была сильна в народе. В апокалиптической литературе такой спаситель рисуется как существо неземное и не наделенное реальными чертами конкретного человека. А в жизни экзальтированные подданные готовы были видеть в любом монархе того именно небесного спасителя, который положит конец всем бедам.

Именно потому культа удостоился не только Александр,

но и его преемники, ничем особенным не поразившие воображения своих современников. Птолемей I и его жена были обожествлены Птолемеем II, а последний был обожествлен уже при жизни, как и последующие египетские цари. Основатель сирийского царства Селевк был обожествлен Антиохом под именем Зевса Победителя (Никатор), а сам Антиох – под именем Аполлона Спасителя. Антиох I уже при жизни требовал себе божеских почестей. Как мы видели из текста гимна в его честь, мотивировка дана очень простая: «другие боги или далеко или не имеют ушей; может быть, их и совсем нет или они не смотрят на нас. Но тебя мы видим близко. Ты стоишь перед нами не каменный или деревянный, но телесный и живой». Деметрий Полиоркет возведен в ранг богов в 302 г. Описываемый Плутархом торжественный церемониал погребения Деметрия показывает, что это было принято всерьез. Даже македонский военачальник, фрурарх Диоген, как мы видели, удостоился героизации в 229 г. в Афинах. Культ Лисимаха еще при жизни засвидетельствован в надписи (Syll.^{3} 138). В 1937 г. в Пергаме раскопано святилище царя; храм, посвященный культу царя, еще ранее найден в Приене, а в Милете Евмену II был посвящен придел в храме Афины. В надписях упоминаются культовые объединения почитателей обожествленных царей: басилиасты, атталисты, евпатористы (Митридата Евпатора; OGIS 130, 325, 326, 367) и др. На Кипре семитские надписи датируются годами службы жреца царского культа. На острове Аморгосе

надпись 279 г. (Syll.^{3} 390) посвящена «всем островитянам», «впервые почтившим спасителя Птолемея богоравными почестями».

Все это говорит не только о раболепии и угодничестве. Культ царей отвечал, хотя и в уродливой форме, потребности времени и потому держался вопреки скепсису мыслящих людей. А когда позднее, в Римской империи, условия оказались еще более благоприятными, культ императоров получил столь широкое распространение, что императоры серьезно думали превратить его в ту единую религию, которая требовалась в империи.

Новые явления в эллинистической религии не означали исчезновения старой религии классического периода. Религия очень консервативна и не сразу сдает свои позиции. Перемена совершилась незаметно, исподволь. Дельфийский оракул продолжал существовать, но его слава померкла и клиентура упала. Панафинейские торжества совершались с прежней пышностью, но в лишенных былого значения Афинах этот праздник, демонстрировавший мощь свободного афинского полиса, потерял свое обаяние и лишь напоминал о прежнем величии. Наряду со старыми общегреческими празднествами учреждались и новые, не только в честь новоявленных богов – обожествленных царей, но и в честь старых богов, например Артемиды Левкофриены в Магнесии на Меандре. В этих общеэллинистических, старых и новых, празднествах отражалась идея единства эллинистиче-

ского мира. Но вместе с тем их учреждение преследовало и чисто практические цели – получение даров, а обычно и асилии со стороны царей, привлечение паломников.

Старые боги не исчезли, но они изменили свой облик, стали «представителями общественных сил». Изменилось и отношение к ним. Даже такие боги, как Зевс, Афродита, Гермес, пользовались почетом главным образом постольку, поскольку в них видели некую ипостась других, более могущественных богов. Только Асклепий, почитавшийся как бог врачебного искусства, завоевал более прочные позиции.

Религия в эллинистический период становится впервые предметом изучения. Мы уже упомянули о попытке Эвгемера объяснить происхождение религии и мифологии. Ученик Аристотеля, Эвдем (вероятно, по инициативе своего учителя), написал сочинение в шести книгах «История божественного». Аполлодор написал две книги «о богах». Стоик Корнут написал даже учебную книгу, в которой довел до крайности стоический метод аллегорического толкования мифов о богах. Самый факт появления такой литературы говорит о том, что старая вера пошатнулась, что старые боги потеряли свой непреложный авторитет.

Эллинистический период характеризуется религиозными поисками. Новые боги должны были больше говорить сердцу верующего, дать ему утешение, опору в сознании возможности спасения если не на земле, то в ином мире. Этих богов пытались найти в восточных культах, в синкретических бо-

жествах, даже в культе царей.

Встреча эллинской религии с восточными произвела изменения и в религиях Востока, которые оказались, однако, более устойчивыми и консервативными, так как изменения условий общественной жизни на Востоке в результате создания эллинистических монархий не затронули достаточно глубоко условия жизни масс народов. Но процесс синкретизма происходил и на Востоке. Исида, Сарапис, Сабасий, Великая матерь, Кибела, Ма и другие восточные боги постепенно приобретают функции вселенских богов; греческие элементы проникают в их культ, несколько сглаживая чисто восточные черты его. Это было неизбежно особенно при слиянии культа эллинского и восточного бога. Если, например, Аттал II из уважения к своей матери Стратонике вводит у себя в Пергаме культ Сабасия совместно с Афиной Никефорой (OGIS 332, IV), то очевидно, что культ Сабасия должен был здесь приспособиться к чисто эллинскому культу Афины. Одним из значительных по своим последствиям результатов слияния эллинской культуры с восточной было оформление иудейского монотеизма, который был «исторически последним продуктом позднейшей греческой вульгарной философии и нашедший свое воплощение в иудейском, исключительно национальном боге Ягве»[221].

Но эллинизм не привел к полному слиянию эллинства с

[221] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 323.

Востоком, не ликвидировал разрозненности, обособленности племен и народов. Единая религия поэтому не могла быть создана. Старое отмирало, новое не было прочным и глубоким. В религиозном отношении эллинистический период – период исканий, нащупывания новых форм религии и религиозного сознания.

Заключение

Эллинистическая культура надолго пережила эллинистические государства и вызвала у историков иллюзию, будто в созданных эллинизмом культурных ценностях и заключается его подлинная сущность. Мы, однако, видели, что эллинизм означал серьезные изменения в экономической, политической и социальной жизни рабовладельческих обществ Восточного Средиземноморья, и эти изменения послужили основой для создания и распространения эллинистической культуры.

Чрезвычайно разнообразны были судьбы державы Александра и возникших из нее эллинистических государств. Различны были их материальные ресурсы, состав и численность населения, прошлая история, культурные традиции; по-разному протекала в них в течение трех столетий их политическая история, классовая борьба, экономическое развитие, социальные столкновения, культурное творчество. Но при всех этих различиях можно видеть ряд закономерностей в политической, экономической и духовной жизни стран эллинистического мира; в хаосе случайностей, какой представляет по видимости история эллинизма, отчетливо выступают основные общие черты, позволяющие видеть в эллинизме закономерный, исторически необходимый этап в истории античного рабовладельческого общества.

Эллинизм не был простым механическим «смешением» Востока и Запада, как это представлял себе Плутарх. Произошли качественные изменения во всех областях общественной жизни. Хотя Александру и диадохам не удалось создать прочное единое государство, которое охватило бы все Восточное Средиземноморье, но был создан новый тип экономического и политического объединения, до того времени неизвестный. Греческий полис с его экономической автаркией и политической независимостью, восточные деспотии, покоившиеся на косной сельской общине, тормозившей рост рабовладельческих отношений, сходят со сцены как ведущие формы общества. Возникают новые государства, не являющиеся ни полисами, ни деспотиями, выходящие за рамки экономической ограниченности, пытающиеся расширить производство и укрепить позиции рабовладельческого класса путем расширения сферы применения рабского труда, путем ограничения общинного уклада и общинного землевладения, путем прямого вмешательства в организацию хозяйственной жизни. В этом – объективный смысл и значение походов Александра Македонского, войн диадохов и внешней и внутренней политики эллинистических монархий .

Конечно, эта тенденция к созданию единства экономики всего эллинистического мира встречала противодействие в силу исторических условий и проявлялась различным образом и в различной степени в разных странах. В Греции, классической стране полиса, автаркия не могла быть преодоле-

на; хотя и здесь возникли такие крупные союзы, как Эголинский и Ахейский, но и внутри них не было достигнуто ни экономическое, ни политическое единство. Однако тенденция к единству проявилась и здесь. Что касается Македонии, то хотя ее правители пытались более или менее успешно создать крупную державу, но ее отсталая экономика не могла послужить базой для создания прочного – не только политически, но и экономически – объединения.

С другой стороны в Египте, где общинный уклад был еще прочен и не было частной земельной собственности, рост рабовладельческих отношений античного типа был замедлен и принял, как мы видели, своеобразные формы.

Но дело было не только в своеобразии предшествующего исторического развития. Основная причина слабости эллинистических государств, которые после сравнительно кратковременного периода подъема вновь пришли к кризису, заключалась в том, что производственная основа осталась прежняя – рабовладельческая. Буржуазные историки не могут найти объективные причины падения эллинистических государств потому, что они мыслят античное общество в терминах и категориях общества капиталистического. Они поэтому ищут причины краха эллинистических государств в нравственном вырождении их правителей, в злокозненности или, наоборот, в провиденциальной роли Рима, в упадке «духа» эллинов или в другой мистической чепухе. Между тем античные общества гибнут в силу внутреннего противоре-

чия рабовладельческого способа производства.

Рабство ограничивает размеры и темп роста производства, которое остается по существу натуральным; общественное разделение труда существует лишь в зачаточной форме. Поэтому и торговля в древности носит по преимуществу посреднический характер, и рост ее лишь в редких случаях сопровождается развитием промышленности (в Коринфе, в некоторых городах Малой Азии). При этих условиях создание действительного экономического единства, которое стимулировало бы расширение производства, было невозможно; для этого требовалось устранение рабовладельческого способа производства, т. е. коренной социальный переворот, на который не был способен эллинизм. Экономические результаты новой формы организации рабовладельческого общества сказались в сфере торговли, но остались в силе коренные пороки этого общества в сфере производства.

Некоторый успех наблюдается только на Востоке, для которого период эллинизма означал переход от восточного к античному, более высокому типу рабовладельческого общества; вовлечение больших масс населения в городскую жизнь, присоединение значительных земельных территорий к старым и новым городам, привитие греческих культурных навыков народам Востока, привлечение их к ограниченной хотя, но все же новой для Востока общественной жизни греческого типа, главное же – усиление роли и значения трудового рабства в производстве (особенно ясно это обнаружи-

лось в Пергамском царстве) – все это подняло экономику городов Азии, которые поэтому сохранили свою силу и значение не только в период Римской империи, но и в Византийском государстве.

Изменились на Востоке земельные отношения. В царстве Селевкидов, как мы видели, ряд объективных причин, а также политика правительства ведут к упадку общинного уклада, к росту значения античной формы земельных отношений. В Египте, несмотря на консервативную политику его правителей, также происходит процесс разложения, классового расслоения общины, органы которой становятся орудием угнетения трудящихся; вместе с тем, хотя в Египте полисы не создавались, возникают элементы античной земельной собственности на землях клерухов.

При изучении эллинизма не следует упускать из виду основной факт, что эллинистические государства были государствами рабовладельческими. Буржуазные историки, пропагандируя в партийных интересах буржуазии идею внеклассового или надклассового государства, рассматривают и эллинистические государства как организации власти, не связанные с господством того или иного класса. Поэтому политику эллинистических правителей они изображают как проявление способностей, наклонностей, тех или иных личных стремлений царей и их советников. Особенно прочно установился в буржуазной историографии взгляд на эллинистический Египет как на некое механическое, насильственное,

искусственное соединение, власть македонских завоевателей над населением и территорией Египта. Это сказывается даже в самых названиях: «Птолемеевский Египет», «Египет Птолемеев», «История Лагидов» и т. п. Неправильная характеристика государства ведет к неправильному пониманию социальной борьбы в эллинистическом Египте: классовая борьба подменяется «национальной оппозицией», «туземной реакцией» и т. п. Это уводит от научного исследования в дебри реакционной буржуазной идеологии.

Основная функция всех эллинистических государств, как известно, состояла в том, что они «являлись диктатурой эксплуатирующего меньшинства над эксплуатируемым большинством»[222]. Но эллинизм был, как мы видели, периодом роста и углубления классовых противоречий, усиления эксплуатации трудящихся, начала массовых движений рабов. В Греции, в Сирии и Малой Азии, в Египте с конца III в. не прекращается классовая борьба трудящихся; она велась иной раз под религиозными лозунгами, или же выдвигались требования о возвращении самостоятельности порабощенному народу; в конце концов восстания трудящихся были подавлены; но они подтачивали рабовладельческий строй общества. Государство перестало выполнять свою главную функцию, оно не в состоянии было обеспечить прочные позиции господствующему классу рабовладельцев. В этом – главная причина падения эллинистических монархий. В

[222] И. В. С т а л и н. Об основах ленинизма. Соч., т. VI, стр. 114.

Греции рабовладельцы из Ахейского союза сами отдали себя под власть Македонии, а затем Рима; под воздействием начинавшегося движения рабов в Пергаме под водительством Аристоника, последний из династии Атталидов завещал свое царство Риму, как позднее Никомед III – Вифинию; во время последней схватки эллинистического мира с Римом в Митридатовых войнах крупные рабовладельцы в городах Азии взяли сторону Рима, а Египет был фактически завоеван Римом задолго до Цезаря и Августа.

Рабовладельческая формация в Восточном Средиземноморье в IV в. была на ущербе. Поэтому переворот, произведенный Александром Македонским и диадохами, мог лишь на время оживить угасающую общественно-экономическую формацию, создав новые формы экономической и политической жизни в рамках того же рабовладельческого общества. Но уже во второй половине III в. во всем эллинистическом мире обнаруживаются черты нового кризиса, который получил разрешение в римском завоевании.

Эллинизм как новый этап в истории рабовладельческого общества получил отчетливое выражение в области культуры – в литературе и искусстве, в философии и религии.

Историческое значение эллинизма и его культуры в том главным образом и состоит, что в этот период человек отрывается еще более «от пуповины естественно-родовых связей», что происходит (хотя и далеко не завершается) процесс преодоления этнической, религиозной, общинной, по-

лисной замкнутости, изолированности и все отчетливее вырисовывается классовая поляризация общества, усиливается и обостряется классовая борьба.

В литературе ведутся споры по вопросу о том, кому принадлежит первенство в выдвижении идеи «единомыслия» (ὁμόνοια) – Александру Македонскому или философам, преимущественно стоикам[223]. Во всяком случае Александр стремился к смешению и объединению различных этнических групп. Но пренебрежение к классическому полису, как родине гражданина, мы находим уже у киников. «На вопрос, откуда он, – Диоген сказал – я гражданин мира». Диоген высмеивал такие понятия, как «древность рода», «слава» и т. п., и говорил, что единственный правильный общественный строй (ὀρθὴν πολιτείαν) – в космосе. Это было одно из следствий разложения греческих городов-государств, одно из своеобразных явлений упадка рабовладельческого общества.

Вопрос о создании идеального государства занимал многих мыслителей. Эти идеи находим мы у стоиков. Не дошедшая до нас «полития» Зенона, судя по отрывочным замечаниям Диогена Лаэртского, строилась скорее всего по образцу идеализированного «ликургова законодательства». Зенон проповедовал общность жен (VII, 33), отвергал рабство (VII, 1). Но Плутарх указывает (de fort. Alex. 329A), что «миро-

[223] См. Н. А. Машкин. Эсхатология и мессианизм в последний период Римской республики. ИАН СИФ, т. III, № 5, 1946, стр. 442 сл.

вое государство» Зенона – это как бы сновидение или образ философского общественного устройства (ὄναρ ἢ εἴδωλον εὐνομίας φιλοσόφου). Школа в целом (да практически и сам Зенон) не приняла радикальных идей Зенона.

Стоики, начиная с Зенона, делили людей на σπουδαῖοι и φαῦλοι, на людей, достигших мудрости и добродетели, и людей, коснеющих в пороке. Это – не социальное деление и предполагает, следовательно, равенство людей в прочих отношениях. Но социальное положение человека, например, состояние рабства, с точки зрения стоиков безразлично, оно относится к ἀδιάφορα. Таким образом, по сути дела стоики п р и н и м а л и существующий общественный строй, призывали бороться с собственными нравственными пороками, а не против неравенства и эксплуатации. Посидоний (у Афинея VI, 263) прямо оправдывает рабство, полагая, что несмышленые рабы отдают единственное, на что они способны, – свой физический труд – за заботы господина о них. Равенство людей существует не в земной, а в космической сфере. «Подобно тому как πόλις употребляется в двояком смысле, – как местожительство людей и как организация (σύστημα) их жителей (ἐνοικούντων) с гражданами, так и космос – как бы полис, состоящий из богов и людей, причем богам принадлежит руководство, а люди подчинены» (SVF, II, 528). Ту же мысль развивали впоследствии Сенека (de otio sap. 31) и Марк Аврелий. Эта мораль, очевидно, вполне удовлетворяет и крупного богача-сановника и

императора. Conditio nascendi остается в силе, хотя человек является гражданином некоего «высшего града» (πόλεως τῆς ἀνωτάτης, M. Aurel. III, 11). Эти социальные принципы стоической философии, перекликающиеся с социальными принципами христианства, вполне устраивают эксплуататорские классы, и неудивительно, что буржуазные философы и публицисты превозносят стоическую мораль, которой, впрочем, сами не следуют. Эта мораль отвлекает эксплуатируемых от борьбы с эксплуататорами.

Двойственная мораль стоиков отразилась и в их политических взглядах; она подробно разобрана в трактате Плутарха de stoicorum repugnantiis. С одной стороны, Хрисипп рекомендует деятельное участие в политической жизни, но с другой – Хрисипп, Клеант, Диоген, Зенон, Антипатр не занимались политикой, а проводили время праздно, занимаясь философскими рассуждениями (1033 E). А поскольку стоики занимались политикой, они вступали в противоречие со своими философскими принципами. «Законы Клисфена, Ликурга, Солона они считают законами, а ведь они называют их порочными и неразумными» (1033 I). В своем сочинении περὶ βίων Хрисипп говорит, что «мудрец охотно принимает царскую власть, извлекая из нее выгоду; а если он сам не может царствовать, он будет жить с царем, совершать походы с царем – с таким, каким был скиф Иданфирс или Левкон Понтийский». Хрисипп «устанавливает три способа обогащения, более всего подходящие для мудреца: от

царской власти, от друзей, от занятия софиста» (1043 C–F). Неудивительно, что, если верить Диогену Лаэртскому (VII, 6), Сфер, идейно руководивший царем-реформатором Клеоменом, жил затем при дворе Птолемея Филопатора, убийцы Клеомена.

Идеи реального равенства были связаны не с философской догмой стоической школы, а с политическими взглядами отдельных философов, их классовыми симпатиями. По-видимому, Зенон действительно придерживался радикальных взглядов; несомненно, стоик Блоссий, друг Тиберия Гракха, оказавшийся после гибели Тиберия в лагере Аристоника, был идеологом социального переворота. Но это не дает основания идеализировать ш к о л у стоиков.

Революционные идеи и теории, надо полагать, возникали в процессе классовой борьбы трудящихся. Такое массовое движение рабов и угнетенных, какое представляло собой движение под водительством Аристоника (133–129 гг.), не могло не иметь какой-то программы общественного переустройства. К сожалению, античные авторы не интересовались идеологией угнетенных масс и особенно рабов. Поэтому источники не сохранили нам отчетливых данных об идеях и лозунгах социальных движений эллинистического периода.

Но из Страбона (XIV, 1, 38) мы знаем, что Аристоник мечтал построить «государство солнца», основанное на свободе и равенстве. Здесь, несомненно, сказалось влияние уто-

пического романа Ямбула, рисовавшего «город солнца», где нет неравенства и эксплуатации, где все занимаются попеременно умственным и физическим трудом.

В. П. Волгин отмечает существенное различие между утопиями эллинистической эпохи и утопиями прежнего времени: «в утопиях» Ямбула и Эвгемера «мы видим сдвиг мысли от вопросов организации потребления к вопросам организации производства»[224]. Это свидетельствует о большей зрелости социальных идей, их большей близости к практическим задачам переустройства общества. Недаром Аристоник пытался осуществить «город солнца» Ямбула. Необходимо отметить и другую важную характерную черту утопий этого времени: в отличие от утопий Платона, стремившегося изобразить тип идеального р а б о в л а д е л ь ч е с к о г о государства, утопии Ямбула и Эвгемера строят государство б е з р а б с т в а. Сама возможность возникновения таких идей говорит о кризисе рабовладельческого общества.

Эллинистическая культура отразила этот кризис и сама содействовала дальнейшему разложению рабовладельческой общественно-экономической формации, распаду старых общественных связей, распылению общества, росту индивидуализма. В этом отношении она оказалась пригодной и для последующих эпох, чем объясняется ее действенность и жизнеспособность.

Эллинистическая культура распространилась и сохрани-

[224] В. П. Волгин. История социалистических идей, ч. I, М.–Л., 1928, стр. 53–54.

лась даже там, где ее социально-экономическая и политическая база оказалась слабой и недолговечной. Она проникла в Среднюю Азию и Индию. В далеком Северном Причерноморье, в Ольвии, Херсонесе, в Боспорском царстве эллинистическая культура достигла высокого развития. Отсюда вышли знаменитые философы Бион и Сфер, историки Сириск и Посидоний Ольвиополит, географ Дионисий Ольвийский, поэт Исилл.

Конечно, не везде и не всегда эллинистическая культура пускала прочные корни, ее распространение и развитие были неравномерны. Город Дура-Эвропос лишь короткое время оставался в македонском владении и вошел в состав Парфянского царства, а затем Римской империи; но здесь эллинистическое влияние оказалось весьма устойчивым. Скульптурная группа богов-покровителей Дуры и Пальмиры представляет синкретическое божество: Зевс Олимпийский-Баалшамим, именуемый в арамейской надписи «Гад Дуры»; слева от него помещается жрец с семитским именем, справа – увенчивающий бога Селевк Никатор; дата установки группы – 470 г. эры Селевкидов (=168/9 г. н. э.). Через 450 лет после смерти Селевка его культ сохраняется у семитского населения Дуры. С другой стороны, в цитированных ранее клинописных текстах из Урука мы видим, что эллинистический налет на местную культуру быстро стирается: потомок Экур-Закира, принявший греческое имя Basia (=Πασίας), дает своему сыну снова вавилонское имя Ану-убалит; сын Ану-

бел-шуну носит имя Никарх, но его сын и внук опять принимают вавилонские имена. Эта неравномерность в степени устойчивости эллинистических влияний – частный случай проявления общей закономерности истории эллинизма: изменения в экономической, политической и духовной жизни не были и не могли быть прочными и глубокими, поскольку разрешение кризиса рабовладельческого общества на его эллинистическом этапе могло быть только кратковременным и привело к новому кризису. Поэтому и в области культуры многое было намечено, но не доведено до конца.

Изучение истории эллинизма не только вскрывает закономерность исторического процесса развития античного рабовладельческого общества. Оно позволяет сделать и более общий вывод: когда социально-экономическая формация находится на стадии упадка и разложения, попытки господствующего класса упрочить свою власть путем введения новых форм экономического и политического господства обречены на провал.

Приложения

Список сокращений

АСПИ – Античный способ производства в источниках

БДИ – «Вестник древней истории»

ВИ – «Вопросы истории»

ГМИИ – Государственный музей изящных искусств им. А. С. Пушкина

ДАН – Доклады Академии Наук СССР»

ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения»

ИАН СИФ – Известия Академии Наук СССР», Серия истории и философии

ИЖ – «Исторический журнал»

УЗ – Ученые записки»

AJA – American Journal of Archaeology

AJPh – American Journal of Philology

AM – Athenische Mitteilungen

Anthol. – Anthologia Palatina, ed. H. Stadtmüller, 1–111, 1894–1906

APAW – Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften

BCH – Bulletin de correspondance hellénique

BGU – Berliner griechische Urkunden

CAH – Cambridge Ancient History

CIG – A. Boeckh Corpus inscriptionum Graecarum, 1828–1877

CR – Classical Review

CRAI – Comptes Rendus de lòAcadémie des Inscriptions et Belles Lettres»

Dura Pg . – Dura Pergament

GGM – Geographi Graeci Minores

IDD – Inscriptions de Délos

IG – Inscriptiones Graecae

IGRR – Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes

IOSPE – Inscriptiones Orae Septentrionalis Ponti Euxini

JEA – Journal of Egyptian Archaeology

JRS – Journal of Roman studies

Kaibel – G. Kaibel – «Epigrammata Graeca ex lapidibus conlecta», 1878

NH – Plinius Naturalis historia

OG1S – W. Dittenberger Orientis Graeci Inscriptiones Selecta

P. Amh. – B. P. Grenfell and A. S. Hunt,–The Amherst Papyri I–II, 1900–1901

PCZ. – C. C. Edgar Zenon Papyri (Catalogue général des antiq uités égyptiennes du Musée de Caire, I–IV, 1925–1931)

Per. Inv. – Papyrus Erzherzogi Raineri – см. Atti dei IV Congresso Inter nazionale di Papirologia, 1935

P. Grad. – G. Plauman «Griechische Papyri der Sammlung Gradewitz

P. Gurob – Greek Papyri from Gurob, ed. J. G. Smyly, 1921.

P. Hall. – Halle Papyri – Dikaiomata: Auszüge aus alexandrinischen Gesetzen und Verordnungen in einem Papyrus des philologischen Seminars der Universität Halle, 1913

P. Lille – Papyrus grecs publiés sous la direction de P. Jouguet (Institut papyrologique de l'Université de Zille), 1907–28

P. Mich. Zen. – C. C. Edgar, Zenon Papyri in the University of Michigan Collection, 1931

P. Par. – W. Brunet de Presle «Notices et extraits des papyrus grecs du musée de Louvre et de la Bibliothèque impériale», 1865

P. Petr. – J. B. Mahaffy and J. G. Smyly «The Flinders Petrie Papyri», I–III, 1891–1905

PSI – Papyri greci et latini «Publicazione della Società italiana per la ricerca del Papiri»

P. Tebt. – B. P. Grenfell – A. S. Hunt – Goodspeed – J. G. Smyly etc. «The Tebtunis Papyri», I–III, 2, 1902–1938

RA – «Revue Archéologique»

RC – Bradford Welles «Royal Correspondence of the hellenistic Period», 1934

RE – Pauly – Wissowa – Kroll «Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft»

REA – «Revue des études anciennes»

REG – «Revue des études grecques»

RPh – «Revue de philologie, d'histoire et de la littérature

ancienne»

SB – Preisigke und Bilabel «Sammelbuch griechischer Urkunden aus Aegypten»

SBAW – «Sitzungsberichte der Bayerischcn Akademie der Wissenschaften»

SEG – «Supplementum epigraphicum Graecum» adjuvantibus P. R o u s s e l, A. S a l a č, N. T o d, E. Z i e b a r t h

SEHHW – M. Rostovtzeff «The social and economic history of Hellenistic World», I–III, 1941

SGDI – H. Collitz und F. Bechtel Sammlung der griechischen Dialektinschriften I–IV, 1884–1915

Simpl. Phys. – Simplicius, in Aristotelis Physica commentaria, ed. H. D i e l s , 1882–95

SVF – H. v. Arnim Stoicorum veterum fragmenta, I–III

Syll – W. Dittenberger Sylloge Inscriptionum Graecarum

Symb, Osl. – Symbolae Osloenses

UPZ – U. Wilcken «Urkunden der Ptolemäerzeit», 1922 сл.

ZAss – Zeitschrift der Assyriologie»

ZδS – Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde

ZSSt – Zeitschrift der Savignystiftung für Rechtsgeschichte, Romanistische Abteilung

W – U. Wilcken, Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, Bd. I – «Chrestomathie»